Kerstin Gier

Smaragdgrün

Liebe geht durch alle Zeiten

Arena

Annotation

Сердце Гвендолин разбито: признание Гидеона в любви — фарс, разыгранный на потеху графу Сен-Жермену. Кажется, что у пары путешественников во времени нет никакого будущего. Но тут случается нечто непостижимое, и мир Гвендолин снова переворачивается с ног на голову. Молодые люди пускаются в отчаянное путешествие в прошлое. Балы, преследования — вот что ожидает героиню. Но важнее всего остается вопрос можно ли излечить ее разбитое сердце?

- Керстин Гир
  - Пролог
  - ~~~
  - Глава первая
  - ~~~
  - Глава вторая
  - ~~~
  - Глава третья
  - ~~~
  - Глава четвертая
  - ~~~
  - Глава пятая
  - ~~~
  - Глава шестая
  - ~~~
  - Глава седьмая
  - ~~~
  - Глава восьмая
  - ~~~
  - Глава девятая
  - ~~~
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - ~~~
  - Глава двенадцатая
  - Глава тринадцатая
  - ~~~

- Глава четырнадцатая
- ~~~
- Глава пятнадцатая
- ~~~
- Эпилог
- Благодарности
- Список главных действующих лиц

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31

- 32
- 33
- 34
- 35
- 36
- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54

Керстин Гир
Таймлесс
Изумрудная книга

Всем девочкам с марципановыми сердцами в этом мире.

И я имею в виду действительно всех девочек. Потому что, на самом деле, чувства одинаковы, вне зависимости от того, сколько вам лет — 14 или 41.

Hope is the thing with feathers
That perches in the soul
And sings the tune without words
And never stops at all.

Emily Dickinson[1]

Пролог

Белгравия, Лондон, 3 июля 1912 года

— Останется уродливый шрам, — сказал врач, не поднимая головы.

Пол криво улыбнулся.

— В любом случае, это лучше, чем ампутация, которую предсказывала миссис *Супер-трусиха*.

— Очень смешно! — накинулась на него Люси. — Я не супер-трусиха, а ты… мистер *Легкомысленный-Дурак!* И давай без шуток. Ты сам хорошо знаешь, как легко занести инфекцию в такую рану, и потом радоваться, что остался живым в те времена: никаких антибиотиков вообще, а все врачи — невежественные неумехи.

— О, большое спасибо, — сказал врач, нанося коричневую мазь на только что зашитую рану.

Мазь жгла ужасно, и Пол с большим трудом сдерживался, чтобы не скривиться. Он от всей души надеялся, что не оставил пятен на нарядных шезлонгах леди Тилни.

— Это не ваша вина. — Пол заметил, что Люси изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал дружелюбно, даже попыталась улыбнуться. Улыбка получилась гневной, но она хоть постаралась. — Я убеждена, что вы делаете всё, что можете, — сказала она.

— Доктор Харрисон — лучший врач, — заверила леди Тилни.

— И единственный… — пробормотал Пол.

Внезапно он почувствовал страшную усталость. Наверное, в той сладковатой микстуре, которой его напоил доктор, было снотворное.

— В первую очередь самый молчаливый, — добавил доктор Харрисон. Руку Пола украшала белоснежная повязка. — И, честно говоря, не могу себе представить, что резаные или колотые раны через восемьдесят лет будут иначе обрабатывать, чем я сейчас.

Люси сделала вдох, и Пол догадывался, что за этим последует. Из подобранных наверх волос выбилась прядь, и она с воинственным выражением на лице убрала ее за ухо.

— Ну, в общих чертах, может быть, и нет, но если бактерии… это такие одноклеточные организмы, которые…

— Прекрати, Люси! — прервал ее Пол. — Доктор Харрисон прекрасно осведомлен о бактериях!

В ране еще чувствовалось ужасное жжение, но Пол был так утомлен, что ему хотелось лишь закрыть глаза и немного подремать.

Его возражение только раздразнило Люси еще больше. И хотя ее глаза гневно сверкали, в них пряталось беспокойство, и — еще хуже — страх; он точно это знал. Ради нее он должен был скрыть свое плохое самочувствие и собственное отчаяние. Так что он продолжил:

— Сейчас же не средние века, а двадцатый век, столетие новаторских открытий и быстрого развития. Первая ЭКГ — уже вчерашний снег, уже несколько лет известен возбудитель сифилиса и уже найдено средство для его лечения.

— О, кто-то хорошо учился на уроках мистерии. — Сейчас Люси выглядела так, будто могла в любой момент взорваться. — Хорошо тебе!

— А в прошлом году Нобелевскую премию по химии получила эта Мария Кюри, — внес свою лепту доктор Харрисон.

— И что она еще открыла? Атомную бомбу?

— Иногда ты бываешь совершенно неграмотной. Мария Кюри открыла радио…

— Ах, закрой рот! — Люси скрестила руки на груди и яростно уставилась на Пола. Осуждающий взгляд леди Тилни она не замечала. — Засунь свои лекции сам знаешь куда! Ты! Мог! Умереть! Можешь мне объяснить, как я могла бы предотвратить катастрофу без тебя? — В этом месте у нее дрогнул голос. — Или как я могла бы вообще жить без тебя?

— Я виноват, принцесса. — Она даже не знала, *насколько* он был виноват.

— Пфф! — выдохнула Люси. — И не надо принимать вид побитой собаки.

— Абсолютно излишне рассуждать о том, что могло бы случиться, — сказала леди Тилни, качая головой, помогая доктору Харрисону сложить инструменты обратно в саквояж. — Все кончилось хорошо. Не было бы счастья, да несчастье помогло.

— Только потому, что могло быть еще хуже, нельзя утверждать, что все закончилось хорошо, — закричала Люси. — Ничего не закончилось хорошо. Абсолютно ничего! — Ее глаза наполнились слезами, и у Пола при виде их почти разорвалось сердце. — Мы здесь три месяца, но ничего не достигли из того, что запланировали. Наоборот: мы все ухудшили! Наконец-то у нас были в руках эти чертовы документы, а Пол их просто отдал!

— Может быть, я поступил несколько поспешно. — Пол опустил голову на подушку. — Но в тот момент я был уверен, что поступаю

правильно. — И всё потому, что именно в тот момент, он чувствовал себя как никогда близко к смерти. Нужна была самая малость, чтобы шпага Аластера доделала свое дело. Но это Люси ни в коем случае не должна знать. — Если бы Гидеон был на нашей стороне, у нас появился бы какой-то шанс. Как только он прочтет документы, он поймет, в чем тут дело. — *Надеюсь, поймет.*

— Но мы сами точно не знаем, что в этих документах написано. Может быть, они зашифрованы или… ах, ты *вообще* не знаешь, что именно ты дал Гидеону, — сказала Люси. — Лорд Аластер мог тебе подсунуть что угодно: старые счета, любовные письма, пустые листы…

Эта мысль пришла Полу в голову уже давно, но что случилось, то случилось.

— Иногда нужно просто немного полагаться на правильный ход вещей, — пробормотал он, и ему захотелось, чтобы он сам мог в это поверить.

Но больше, чем мысль о том, что Гидеон мог получить бесполезные листки бумаги, его мучило представление, что парень может сразу отправиться к графу Сен-Жермену, со всеми полученными документами. Это означало бы, что они потеряли единственный имеющийся у них козырь. Но Гидеон сказал, что любит Гвендолин, и то, как он это сказал, было… убедительно.

— Он мне обещал, — хотел сказать Пол, но из его рта послышался неразличимый шепот.

Кроме того, это все равно было бы ложью. Он так и не услышал ответ Гидеона.

— Это была дурацкая идея — сотрудничать с Флорентийским Альянсом, — услышал он голос Люси.

Его глаза закрылись. Что бы ни дал ему доктор Харрисон, зелье действовало очень быстро.

— Да, я знаю, я знаю, — продолжала Люси. — Это была *моя* дурацкая идея. Лучше бы мы взяли дело в свои руки.

— Но вы не убийцы, дитя мое, — сказала леди Тилни.

— Какая разница с точки зрения морали, убивает ли человек сам или дает кому-то задание убить? — Люси тяжело вздохнула, и хотя леди Тилни энергично возражала («Девочка, что ты такое говоришь?! Вы не давали никакого задания убить, вы только передали некоторую информацию!»), голос ее звучал теперь безутешно: — Мы действительно всё сделали неправильно, что только можно было сделать неправильно. За три месяца мы растратили кучу времени и денег леди Маргрет и втянули в дело

слишком много людей.

— Это деньги лорда Тилни, — поправила ее леди Тилни. — Ты бы сильно удивилась, узнав, на что он обычно тратит свои деньги. Бега и танцовщицы — это еще самое безобидное. Ту малую толику, которую я выкраиваю для нашего дела, он вообще не замечает. А если и замечает, то он в достаточной степени джентльмен, чтобы не проронить ни слова по этому поводу.

— А я лично пожалел бы, если бы меня не втянули в это дело, — заверил доктор Харрисон и ухмыльнулся. — Я как раз начинал считать жизнь слишком скучной. В конце концов, не каждый день можно встретить путешественников во времени из будущего, которые всё знают лучше. И между нами: стиль руководства господ де Вилльеров и Пинкертон-Смит вынуждают к тайному мятежу.

— Совершенно верно, — сказала леди Тилни. — Этот самовлюбленный Джонатан угрожал своей жене запереть ее дома, если она и дальше будет симпатизировать суфражисткам. — Она изобразила брюзгливый мужской голос: — *А дальше что? Выборное право для собак?*

— Ну, не зря же вы пригрозили ему пощечиной за эти слова, — сказал доктор Харрисон. — Наконец-то чаепитие, где я не скучал!

— Нет-нет, все было не так. Я только сказала, что не могу гарантировать, что в следующий момент сделает моя правая рука, если он и дальше будет выдавать безоговорочные высказывания такого рода.

— Если он и дальше будет выдавать слабоумные высказывания такого рода — так звучали ваши слова, — поправил ее доктор Харрисон. — Я запомнил так точно, потому что был весьма впечатлен.

Леди Тилни рассмеялась и протянула врачу руку.

— Я провожу вас к двери, доктор Харрисон.

Пол попытался открыть глаза и сесть, чтобы поблагодарить врача. Но ему не удалось ни то, ни другое.

— Ббше… сссбо, — пролепетал он из последних сил.

— Что было намешано в вашем зелье, черт побери? — крикнула Люси вслед доктору.

Он обернулся в дверях.

— Всего пару капель настойки морфия. Абсолютно безобидно!

Возмущенный крик Люси Пол уже не услышал.

~~~

Хроники Хранителей

30 марта 1916 года
Пароль дня: «Potius sero quam numquam» (Libius)

Поскольку согласно данным наших источников в тайной полиции Лондон в следующие дни снова ожидают налеты немецкой военно-морской эскадры, мы решили объявить первую степень безопасности. Хронограф на неопределенное время будет помещен в архив и леди Тилни, мой брат Джонатан и я будем там же элапсировать, ограничив дневную необходимость тремя часами. Путешествия в 19-й век в этот период не должны доставить проблем; ночью редко кто оставался в этом помещении и в Хрониках нет упоминаний о каком-либо визите из будущего, из чего можно предположить, что наше присутствие никогда не было замечено. Как можно было ожидать, леди Тилни воспротивилась необходимости менять свои обычные привычки и, по ее словам, не могла «найти никакой логики» в нашей аргументации, но в конце концов должна была подчиниться решению Великого мастера. Военное время требует особых мероприятий.

Элапсация сегодня после обеда в 1851 год прошла на удивление мирно, возможно, в связи с тем, что моя заботливая супруга завернула нам с собой свой неповторимый пирог к чаю, а мы избегали таких тем как выборное право для женщин, памятуя о горячих дебатах в других случаях.

Леди Тилни сожалела, что мы не сумели посетить Всемирную выставку в Гайд-Парке, но поскольку мы разделяли ее сожаление по этому поводу, наш разговор не перерос в скандал. Предложив с завтрашнего дня проводить время элапсации за игрой в покер, леди Тилни снова продемонстрировала свою эксцентричность.

Погода сегодня: легкий моросящий дождь при весенней температуре 16° Цельсия.

Отчет: Тимоти де Вилльер, Внутренний круг
~~~

Глава первая

Острие меча было направлено точно мне в сердце, и глаза моего убийцы были двумя черными дырами, грозящими поглотить все находящееся вблизи. Я знала, что мне не убежать. Неуклюже я сделала пару шагов назад. Мужчина преследовал меня.

— Я смету с лица Земли то, что неугодно Богу! Земля пропитается твоей кровью!

У меня на языке было минимум два метких возражения (земля пропитается? — алё! у нас тут кафель на полу!), но паника не позволила мне произнести ни слова. Да и мужчина не выглядел так, будто мог оценить мой юмор в этой ситуации. Или он просто не ценил юмор.

Я нетвердо ступила еще на шаг назад и уперлась спиной в стену. Мой противник громко засмеялся. Ну ладно, он ценил юмор, но немного другой.

— Сейчас ты умрешь, демон! — закричал он и без промедления вонзил меч в мою грудь.

С громким криком я вскочила. Я была мокрой от пота, и у меня болело сердце, как будто кто-то его действительно проткнул мечом. Какой отвратительный сон. Но если честно — неужели я действительно должна быть удивлена?

Переживания вчерашнего дня (и дней до него) не располагали к тому, чтобы уютно пригреться под одеялом и спать сном праведника. Скорее было так, что в мою голову заползали нежелательные мысли и вились там, как разрастающиеся плотоядные растения.

Гидеон только делал вид. Он не любит меня.

«Наверное, ему вообще ничего не надо делать — девичьи сердца и так слетятся к нему!» — я так и слышала мягкий, глубокий голос графа Сен-Жермена, повторяющий эти слова снова и снова. — *«Ничего нет, что было бы более предсказуемо, чем реакция влюбленной женщины»*.

М-да, а как реагирует влюбленная женщина, если ей становится известно, что ей лгали и ею манипулировали? Правильно: она часами висит на телефоне с лучшей подругой, а потом сидит — сна ни в одном глазу — в темноте и спрашивает себя, какого черта она поддалась чарам этого типа, рыдая при этом от тоски… Действительно, легко предсказуемо.

Светящиеся цифры будильника показывали 3:10; это означало, что я задремала и проспала больше двух часов. Кто-то — мама? — зашел и укрыл меня, потому что мне помнилось, что я сидела на кровати с

поджатыми коленками и слушала слишком быстро бухающее в груди сердце. Странно вообще-то, что разбитое сердце может еще биться.

— У меня такое чувство, что мое сердце собрано из красных острых осколков, которые изнутри режут меня, и я истекаю кровью, — так я попыталась описать состояние своего сердца Лесли (окей, звучит как минимум так же пафосно, как речь хрипящего мужика из моего сна, но иногда правда может быть… китчем).

А Лесли сочувствующе ответила:

— Я знаю, как ты себя чувствуешь. Когда Макс сказал, что между нами все кончено, я сначала думала, что умру от горя. А точнее — от множественных отказов внутренних органов. Потому что во всех этих присказках есть частичка правды: любовь достает до печенки, сжимает желудок, разбивает сердце, раздирает грудь и… и… действует на нервы… Но, во-первых, это проходит, во-вторых, положение не так безнадежно, как тебе кажется, и в-третьих, твое сердце — не из стекла.

— Из камня, а не из стекла, — поправила я ее сквозь всхлипывания. — Мое сердце — драгоценный камень, который Гидеон разбил на тысячи кусочков, точно как в видении бабушки Мэдди.

— Звучит красиво, но — нет! В действительности сердца сделаны из другого материала. Можешь мне поверить. — Лесли откашлялась и торжественным тоном, будто открывая мне самую большую тайну в истории человечества, сказала: — Они сделаны из намного более прочного, небьющегося и способного постоянно принимать новую форму материала. Изготовлены по секретному рецепту. — Еще откашливание, чтобы усилить напряженность. Я непроизвольно затаила дыхание. — Как *марципан!* — провозгласила Лесли.

— Марципан? — на какой-то короткий момент я перестала всхлипывать и ухмыльнулась.

— Да, марципан! — повторила Лесли абсолютно серьезно. — Хорошего качества, где много миндаля.

Еще немного, и я бы захихикала. Но потом вспомнила, что я самая несчастная девочка во всем мире, и сказала, тяжело вздохнув:

— Ну если из марципана, то Гидеон *откусил* кусок моего сердца! И обгрыз весь шоколад вокруг! Если бы ты видела, как он смотрел, когда…

Прежде чем я начала рассказывать опять все сначала, Лесли подчеркнуто вздохнула.

— Гвенни, мне не хочется тебя расстраивать, но я скажу: твои жалобы никому не помогают. Ты должна перестать ныть!

— Но я же не специально, — заверила ее я. — Оно само ноется.

Только что я была самая счастливая девочка во всем мире, и тут он мне говорит, что…

— Окей, Гидеон вел себя как мерзавец, — быстро перебила меня Лесли. — Даже если невозможно понять, зачем ему это. Я имею в виду: ку-ку? с чего бы это влюбленными девушками легче управлять? Я бы сказала — как раз наоборот. Влюбленные девушки, как заведенный часовой механизм у бомбы. Никто не может угадать, что они сделают в следующий момент. Боюсь, что Гидеон и его друг-шовинист граф, совершили колоссальную ошибку.

— Я ведь думала, он правда меня любит. То, что он только притворялся, это так…

Подло? Жестоко? Не было слова, которое могло бы в полной мере описать мои чувства.

— Ах, дорогая. В других обстоятельствах я бы утешала тебя в твоем горе неделями. Но сейчас ты не можешь себе этого позволить. Твоя энергия нужна для других вещей. Например, для выживания. — Лесли звучала непривычно строго. — Так что, будь добра, возьми себя в руки!

— Ксемериус говорил то же самое. Перед тем как удрал и оставил меня одну.

— Маленький невидимый монстр прав! Мы должны сохранить сейчас ясную голову и собрать в кучу все известные факты. Фу, что это такое? Подожди, я должна открыть окно. Берти устроил очередную «газовую атаку»… Плохой пес! Так, где я остановилась? Да, точно, мы должны выяснить, что спрятал твой дедушка в вашем доме. — Голос Лесли несколько повысился. — Рафаэль оказался довольно полезным, можно сказать. Может, он и не так уж глуп, как можно было подумать.

— Как *ты* думаешь, ты имеешь в виду.

Рафаэль был младший брат Гидеона, он с недавнего времени ходил в нашу школу. Он сообразил, что в коде, который мне оставил дедушка, указаны географические координаты. Эти координаты указывали точно на наш дом.

— Мне было бы очень интересно узнать, насколько Рафаэль осведомлен о тайнах Хранителей и путешествиях во времени Гидеона.

— Возможно больше, чем можно предположить, — сказала Лесли. — Во всяком случае он не поверил моей версии, что, якобы, мистические игры в Лондоне сейчас очень популярны. Но он был достаточно умен, чтобы не задавать вопросов. — Тут она сделала небольшую паузу. — У него очень красивые глаза.

— Согласна.

У него действительно были красивые глаза, что напомнило мне, что у Гидеона были точно такие же. Зеленые, обрамленные густыми ресницами.

— Не то чтобы меня это сильно впечатлило, просто констатация факта…

«Я влюбился в тебя». Гидеон сказал это очень серьезно и смотрел при этом мне прямо в глаза. А я смотрела в его глаза и верила каждому его слову! У меня снова полились слезы, и я едва слышала, что говорила Лесли.

— …но я надеюсь, что это длинное письмо или что-то типа дневника, в котором твой дедушка объясняет всё, о чем молчат остальные, и много другое. Тогда нам не придется больше идти наощупь, и мы сумеем разработать настоящий план…

Такие глаза следует запретить. Или нужно издать закон о том, что юноши с такими красивыми глазами могут ходить по улицам только в солнцезащитных очках. Кроме случаев, если у них в виде возмещения оттопыренные уши или что-нибудь в этом роде…

— Гвенни? Ты что, опять рыдаешь? — Сейчас Лесли звучала точно, как миссис Каунтер, наша учительница географии, когда кто-нибудь ей говорит, что забыл домашнее задание дома. — Дорогая, это неправильно! Ты должна перестать снова и снова проворачивать кинжал в своей груди. Нам нужна…

— …ясная голова! Ты права.

Хотя мне это стоило огромных усилий, я постаралась выбросить из головы воспоминания о глазах Гидеона и вложить немного убежденности в голос. Лесли это заслужила. В конечном счете, это именно она поддерживала меня много дней, причем абсолютно безоговорочно.

Перед тем как она повесила трубку, я обязательно должна была сказать, как я рада, что она есть у меня. (Даже если я при этом снова начала плакать, на этот раз растрогавшись.)

— А я как рада! — заверила меня Лесли. — Как скучна была бы моя жизнь без тебя!

Наш разговор закончился незадолго до полуночи, и я действительно несколько минут чувствовала себя лучше, но сейчас, в десять минут четвертого, мне снова хотелось ей позвонить, чтобы поговорить обо всем с самого начала.

По своей природе я вовсе не была склонна к нытью, просто это был первый раз в моей жизни, когда у меня были любовные переживания. Я имею в виду, настоящие любовные переживания. Тот вариант, когда по-настоящему больно. Всё остальное стало далеким фоном. Даже выживание

стало второстепенным делом. Положа руку на сердце: мысль о смерти в настоящий момент не была так уж неприятна. В конце концов, я не была бы первой, умершей от разбитого сердца, у меня было бы отличное общество: Русалочка, Джульетта, Покахонтас, Дама с камелиями, мадам Баттерфляй — и я, Гвендолин Шеферд. Положительным моментом было то, что кинжал мне не понадобится, потому что так скверно, как я себя чувствовала, означало, что я давно заболела чахоткой, — и умереть можно будет намного живописней. Бледная и красивая, как Белоснежка, я буду лежать на своей кровати, разбросав волосы по подушке. А Гидеон будет стоять рядом на коленях и горько сожалеть о том, что сделал, когда я тихо прошепчу свои последние слова…

Но до этого мне срочно нужно в туалет! Мятный чай с сахаром и лимоном считался в нашей семье лекарством от всех переживаний, и я выпила целый чайник чая. Мама, конечно, заметила, что я плохо себя чувствую, как только увидела меня в дверях. Большого умения для этого не требовалось, потому что от долгого плача я выглядела как кролик-альбинос. Она бы мне не поверила, если бы я рассказала, что по дороге домой из штаб-квартиры Хранителей я в лимузине резала лук, как предложил Ксемериус в виде отговорки.

— Что они сделали тебе, эти проклятые Хранители? Что случилось? — спросила она, умудрившись при этом выглядеть одновременно и сочувствующе и очень яростно. — Я убью Фалька, если…

— Никто мне ничего не сделал, мам, — поспешила я успокоить ее. — И ничего не случилось.

— Так она тебе и поверила! Почему ты не сказала про лук? Ты никогда не слушаешь меня! — Ксемериус топнул лапами.

Он был маленьким каменным демоном-горгульей с большими ушами, крыльями летучей мыши, длинным чешуйчатым хвостом дракона и двумя маленькими рожками на кошачьей голове. К сожалению, он был не таким милым, как его внешность, и, тоже к сожалению, никто, кроме меня, не мог слышать его нахальных замечаний и, соответственно, дать отпор. Тот факт, что я могла видеть демонов-горгулий и других призраков и с детства с ними разговаривала, было только одной из многих странностей, с которыми я должна была жить.

Другие были еще более необычными, я сама узнала о них всего пару недель назад, а именно, что я принадлежу к — тайному! — Кругу двенадцати путешественников во времени и ежедневно должна прыгать куда-нибудь в прошлое. Вообще-то, это проклятие, пардон, этот дар — возможность путешествовать во времени — должен был достаться моей

кузине Шарлотте, которая намного лучше подходила для него, но в действительности выяснилось, что неудачницей оказалась я. Что, честно говоря, должно было быть само собой разумеющимся, так как я постоянно вытягивала «черную метку», ну, в переносном смысле, конечно. Когда мы в классе разыгрывали, кто кому дарит на Рождество подарки, я вытянула бумажку с именем учительницы (и что, по-вашему, можно подарить учительнице?), если у меня были билеты на концерт, я накануне обычно заболевала (на выбор — в каникулы), а если я хотела особенно хорошо выглядеть, у меня на лбу выскакивал прыщ величиной с третий глаз.

Может быть, на первый взгляд путешествия во времени и нельзя сравнивать с прыщами, и может даже быть, что они выглядят чем-то вызывающим зависть и предполагают веселье, но это не так. Они скорее утомительны, действуют на нервы и опасны. И, чтобы не забыть: если бы мне не достался этот дар, я бы никогда не встретила Гидеона, что означает, что мое сердце — из марципана или нет — было бы еще целым. Этот придурок был одним из двенадцати путешественников во времени. Один из немногих, которые еще жили. Других можно встретить только в прошлом.

— Ты плакала, — сразу распознала мама.

— Видишь? — закричал Ксемериус. — Теперь она выжмет тебя, как лимон, и ни на секунду не спустит с тебя глаз, а значит, мы не сможем отправиться сегодня ночью искать клад.

Я скорчила ему гримасу, чтобы он понял, что мне сегодня ночью совершенно точно не до клада. Ну, как это делают с невидимыми друзьями, если не хотят, чтобы другие считали тебя сумасшедшим, потому что ты разговариваешь с воздухом.

— Скажи, ты попробовала баллончик со слезоточивым газом и случайно попала себе в глаза, — прокаркал воздух.

Но я была слишком уставшей, чтобы лгать. Я посмотрела на маму заплаканными глазами и решила сказать правду. Я храбро сделала первый шаг.

— Мне… это… я плохо себя чувствую, потому что… ну… девичьи переживания, знаешь?

— Ах, золотко…

— Я поговорю с Лесли, и мне тут же станет лучше.

К огромному удивлению Ксемериуса, и моему тоже, этого объяснения оказалось достаточно. Мама заварила мне чай, поставила на прикроватную тумбочку чайник и мою любимую чашку с кружочками, погладила по голове и оставила в покое. Даже обычных указаний на время («Гвен! Уже позже десяти, ты разговариваешь больше сорока минут! Вы же завтра

увидитесь в школе!») не было. Иногда она была в самом деле самой лучшей мамой в мире.

Со вздохом я перекинула ноги через край кровати и поплелась в сторону ванной комнаты. Вдруг холодное дуновение коснулось меня.

— Ксемериус? Это ты? — спросила я негромко, нащупывая выключатель.

— Смотря по обстоятельствам. — Ксемериус раскачивался, вися вниз головой на люстре в коридоре, и щурился от яркого света. — Только если ты не превратишься снова в комнатный фонтан! — Он передразнил меня высоким и плачущим голосом, к сожалению, очень похоже: — *И тогда он сказал, я понятия не имею, о чем ты говоришь, и я тогда сказала, да или нет, и он тогда сказал, да, но, пожалуйста, не плачь…* — Он театрально вздохнул. — Девочки — самый утомительный вариант людей из всех существующих. Сразу после финансовых работников на пенсии, продавщиц в чулочных отделах и председателей садово-огородных товариществ.

— Ничего не могу гарантировать. — Я шептала, чтобы не разбудить остальных членов моей семьи. — Лучше всего будет, если мы вовсе не будем говорить о ты-сам-знаешь-ком, потому что иначе… ну… комнатный фонтан может снова заработать.

— Я все равно не могу уже слышать его имя. Не хочешь заняться чем-то полезным? Например, поискать сокровище?

Вероятно, самым полезным было бы поспать, но у меня, к сожалению, сна не было ни в одном глазу.

— Если хочешь, можем начать искать. Но сначала я должна избавиться от чая.

— Э-э-э?

Я показала на дверь в ванную комнату.

— А, вот оно что, — сказал Ксемериус. — Я жду тебя здесь.

В зеркале в ванной комнате я выглядела лучше, чем можно было ожидать. Ни малейшего следа чахотки. Веки немного отекли, как будто я нанесла слишком много розовых теней.

— Где ты был все это время, Ксемериус? — спросила я, вернувшись в коридор. — Случайно не у…?

— У кого? — Мордочка Ксемериуса приняла возмущенное выражение. — Не спрашиваешь ли ты меня о том, кого нельзя называть?

— Хмм… да. — Я бы так хотела знать, чем занимался Гидеон вечером. И что с его раненной рукой? И говорил ли он с кем-нибудь обо мне? Что-то типа: *«Это ужасное недоразумение. Конечно, я люблю Гвендолин. Я*

никогда не притворялся».

— Не-е-е-ет, на эту удочку ты меня не поймаешь. — Ксемериус расправил крылья и спланировал на пол. Сидя на полу, он был чуть выше моего колена. — Я вообще не уходил. Я основательно осматривался в доме. Если кто-то и может найти сокровище, то только я. Хотя бы потому, что никто из вас не может проходить сквозь стены. Или перерыть содержимое ящиков в комоде твоей бабушки и не попасться на этом.

— Ну, какие-то преимущества должны же быть, если ты невидим, — сказала я и удержалась от замечания, что Ксемериус ничего перерыть не может, потому что его лапы не в состоянии открыть никакой ящик. Ни один из призраков, с которыми я до сих пор была знакома, не мог двигать предметы. Большинство из них не было в состоянии создать даже легкое холодное дуновение. — Но ты знаешь, что мы ищем не сокровище, а только подсказку от дедушки, которая нам должна помочь в дальнейшем развитии ситуации?

— В доме полно барахла, которое могло бы быть сокровищем. Не говоря уже о всевозможных тайниках, — продолжал Ксемериус невозмутимо. — На втором этаже стены сделаны двойными, между ними есть проходы, которые однозначно не были построены для толстозадых, уж очень они узкие.

— Правда? — До сих пор я ничего не знала об этих проходах. — И как туда можно попасть?

— В большинстве комнат двери просто заклеены обоями, но до сих пор есть вход через шкаф твоей бабушки Мэдди и еще один за тяжеленным буфетом в столовой. И в библиотеке, там классический вариант — вход спрятан за вращающейся полкой. Из библиотеки, кстати, есть проход на лестницу к комнатам мистера Бернхарда и еще один — наверх на третий этаж.

— Что объясняет, почему мистер Бернхард вечно появляется как будто ниоткуда, — пробормотала я.

— Но это еще не все: в большой каминной трубе на стене дома № 83 есть лестница, по которой можно забраться на крышу. Из кухни в нее нельзя залезть, там камин замуровали, но в шкафу в конце коридора на втором этаже есть откидная крышка, которая достаточно велика для Деда Мороза. Или для вашего жуткого дворецкого.

— Или для трубочиста.

— А уж подвал! — Ксемериус сделал вид, что не услышал меня. — Знают ли ваши соседи, что существует тайная дверь к ним в дом? И что под вашим подвалом есть еще один подвал? Правда, тот, кто там будет что-то

искать, не должен бояться пауков.

— Тогда давай искать в другом месте, — быстро сказала я, забыв что надо говорить шепотом.

— Было бы проще, если бы мы знали, *что* мы ищем. — Ксемериус почесал задней лапой подбородок. — В принципе это может быть что угодно: чучело крокодила во флигеле, бутылка скотча за книгами в библиотеке, пачка писем в секретном отделении секретера бабушки Мэдди, коробка, заделанная в пустую полость в стене…

— Коробка в стене? — перебила я его.

И что такое «флигель»?

Ксемериус кивнул.

— О, мне кажется, ты разбудила своего брата.

Я резко обернулась. Мой двенадцатилетний брат Ник стоял в дверях своей комнаты и двумя руками пытался пригладить свои растрепанные рыжие волосы.

— А с кем это ты говоришь, Гвенни?

— Сейчас середина ночи, — прошептала я. — Иди спать, Ник.

Ник нерешительно посмотрел на меня, и я буквально видела, что с каждой секундой он все больше и больше просыпался.

— Что там с коробкой в стене?

— Я… я хотела поискать, но я думаю, что будет лучше подождать, пока станет светло.

— Глупости! — сказал Ксемериус. — Я вижу в темноте, как… ну скажем, как сова. Кроме того, не очень удобно обыскивать дом, когда все не спят. Разве что ты хочешь, чтобы еще больше людей в этом поучаствовало.

— У меня есть фонарик, — сказал Ник. — А что в этой коробке?

— Я точно не знаю. — Я коротко задумалась. — Может быть, что-то от дедушки.

— О, — сказал Ник заинтересованно. — И где приблизительно спрятана эта коробка?

Я вопросительно посмотрела на Ксемериуса.

— Я видел ее со стороны потайного хода за толстым мужиком с бакенбардами на коне, — сказал Ксемериус. — Но кто прячет тайны… э-э-э… сокровища в скучном сундуке? Крокодил звучит более многообещающе. Кто знает, чем его набили? Я за то, чтобы вспороть ему живот.

Поскольку с крокодилом мы уже были знакомы, я была против.

— Мы сначала посмотрим в коробке. Полость в стене — звучит довольно неплохо.

— Ску-у-у-у-учно! — завопил Ксемериус. — Скорее всего, какой-то твой предок прятал там трубочный табак от своей старухи. Или… — Очевидно, ему пришла на ум мысль, которая его позабавила, потому что он внезапно ухмыльнулся. — …Или отдельные части тела невоспитанной служанки!

— Коробка стоит в секретном проходе за портретом прапрапрадедушки Хью, — объяснила я Нику. — Но…

— Я только возьму фонарик! — Он тут же развернулся.

Я вздохнула.

— Что ты опять вздыхаешь? — Ксемериус закатил глаза. — Его присутствие вовсе не помешает. — Он расправил крылья. — Я сделаю кружок и проверю, спят ли глубоко и крепко остальные. Мы же не хотим, чтобы твоя остроносая тетка застала нас в тот момент, когда мы найдем бриллианты.

— Какие бриллианты?

— Думай позитивно! — Ксемериус поднялся в воздух. — А чего бы тебе хотелось? Останки невоспитанной служанки? Все зависит от ожиданий. Встречаемся перед толстым мужиком на кобыле.

— Ты с призраком разговаривала? — Ник снова был рядом, выключил свет в коридоре и вместо него включил свой фонарик.

Я кивнула. Ник никогда не сомневался, что я могу видеть призраков, скорее наоборот. Уже в четыре года (мне было восемь) он защищал меня изо всех сил, если кто-то не верил мне. Тетя Гленда, например. Мы каждый раз ссорились, когда она шла с нами в Harrods,[2] где я разговаривала с симпатичным швейцаром в униформе — мистером Гриззли. Поскольку мистер Гриззли уже пятьдесят лет как умер, никто, конечно, не мог проявить должного понимания, когда я останавливалась и начинала рассказывать о Виндзорах (мистер Гриззли был горячим поклонником королевы), о слишком дождливом июне (погода была второй любимой темой мистера Гриззли). Многие смеялись, некоторые называли детскую фантазию «божественной» (что они обычно подчеркивали еще тем, что взъерошивали мне волосы), некоторые просто качали головой, но никто не раздражался так, как тетя Гленда. Ей было неловко, она пыталась меня оттащить и ругалась, когда я упиралась ногами, говорила, чтобы я брала пример с Шарлотты (которая, кстати, уже тогда была само совершенство — у нее даже заколка для волос никогда не слетала), и — что было самым бессовестным — грозила лишить меня десерта. Но хотя она всегда приводила в действие свои угрозы (а я любила десерт в любом виде, даже сливовое пюре), я просто не могла пройти мимо мистера Гриззли. Каждый

раз Ник пытался мне помочь, умоляя тетю Гленду отпустить меня, ведь у бедного мистера Гриззли нет больше никого, с кем бы он мог поболтать, и каждый раз тетя Гленда обезоруживала его, говоря сладким голосом: «Ах, малыш, когда ты наконец поймешь, что твоя сестра просто хочет быть в центре внимания? Нет никаких призраков! Или ты видишь здесь кого-нибудь из них?» Ник каждый раз вынужден был печально покачать головой, а тетя Гленда при этом победно улыбалась.

В день, когда она решила никогда больше не брать нас с собой в Harrods, Ник внезапно изменил свою тактику. Крохотный, пухлощекий (ах, он был таким хорошеньким, когда был маленьким, и при этом восхитительно шепелявил!), он встал перед тетей Глендой и закричал: «А знаешь, что мне сейчас сказал мистер Гриззли, тетя Гленда? Он сказал, что ты — злая распочарованная ведьма!» Конечно, мистер Гриззли ничего подобного не говорил (для этого он был слишком воспитан, а тетя Гленда была слишком ценной клиенткой), но моя мама накануне вечером сказала что-то похожее. Тетя Гленда сжала губы и, взяв Шарлотту за руку, гордо удалилась.

Дома потом произошел ужасный скандал (мама разозлилась, что мы одни должны были добираться домой, а тетя Гленда сделала заключение, что распочарованная ведьма исходит от мамы), и в конечном итоге нам не разрешалось больше ходить с тетей Глендой за покупками. Слово «распочарованная» мы в семье охотно используем, между прочим, до сих пор.

Когда я стала старше, я перестала рассказывать всем, что я могу видеть вещи, которые они не видят. Это самое умное, что можно было сделать, чтобы меня не считали сумасшедшей. Только перед братом и сестрой и еще перед Лесли мне никогда не нужно было притворяться, потому что они мне верили. Насчет мамы и бабушки Мэдди я не была до конца уверена, но они хотя бы никогда не смеялись надо мной. Так как у бабушки Мэдди время от времени были видения, она наверняка точно знала, как чувствуешь себя, когда тебе никто не верит.

— Он симпатичный? — шепнул Ник. Конус света от его фонарика танцевал по ступенькам.

— Кто?

— Ну, призрак!

— Ничего так, — пробормотала я правдиво.

— А как он выглядит?

— Очень мило. Но он думает, что он страшно опасный!

Пока мы на цыпочках спускались на второй этаж, на котором жили

тетя Гленда и Шарлотта, я описала Ксемериуса так хорошо, как могла.

— Кла-а-а-асс! — зашептал Ник. — Невидимое домашнее животное! Тебе можно только позавидовать!

— Домашнее животное! Не вздумай сказать такое в присутствии Ксемериуса.

Я чуточку надеялась услышать храп кузины за дверью спальни, но Шарлотта, конечно же, не храпела. Совершенные люди не производят некрасивые звуки. Распочарованно.

Когда мы спустились еще на пол-этажа ниже, мой маленький брат протяжно зевнул, и я тут же почувствовала угрызения совести.

— Послушай, Ник, сейчас полчетвертого утра, а у тебя с утра школа. Мама меня убьет, если узнает, что я не давала тебе спать.

— Я совершенно не хочу спать! А ты будешь злюкой, если станешь искать дальше без меня! А что спрятал дедушка?

— Понятия не имею. Может, какую-то книгу, в которой он мне всё объясняет. Или хотя бы письмо. Дедушка был Великим мастером Хранителей. Он знал всё обо мне и об этой ерунде со временем, а еще он знал, что не Шарлотта унаследовала тот самый ген. Потому что я собственной персоной встретила его в прошлом и всё ему рассказала.

— Тебе хорошо, — шепотом сказал Ник и, почти стыдясь, добавил: — Честно говоря, я почти не помню его. Я только помню, что у него всегда было хорошее настроение и что он был совсем нестрогим — полная противоположность по сравнению с леди Аристой. А еще у него всегда были карамельки, и от него пахло чем-то специальным.

— Трубочным табаком. Осторожно!

Я едва успела удержать Ника. Мы уже спустились со второго этажа, но по пути на первый нужно было пройти еще пару противных ступенек, которые кошмарно скрипели. Тайные ночные походы в кухню в течение многих лет явно оказали на меня учебный эффект. Мы обошли опасные места и добрались до портрета прапрапрадедушки Хью.

— Окей. Ну что, начнем.

Ник посветил нашему предку в лицо.

— Ужасно, что он назвал свою лошадь Толстая Анни! Она худенькая, а он сам выглядит как откормленный боров с бородой!

— Да, я тоже так считаю.

Я нащупала за рамой задвижку, которая запускала механизм потайной двери. Как обычно в таких случаях, ее немного клинило.

— Все спят, как сытые младенцы. — Ксемериус, запыхавшись, приземлился рядом с нами на ступени. — То есть, все, кроме мистера

Бернхарда. Очевидно, он страдает от бессонницы. Но не волнуйся, он нам не помешает: он накрыл стол в кухне, ест холодные сосиски и смотрит фильм с Клинтом Иствудом.

— Очень хорошо.

Как положено, со скрипом картина подалась вперед и открыла проход к нескольким ступеням между стенами, которые через полтора метра заканчивались перед следующей дверью. Эта дверь вела в ванную комнату первого этажа и с другой стороны была замаскирована зеркалом от пола до потолка. Раньше мы часто развлекались, пробегая через проход (нам нравился риск, потому что никогда нельзя было знать, есть ли кто-то как раз в этот момент в ванной), но для чего действительно был задуман этот проход, мы так и не поняли. Может, какому-то нашему предку просто нравилось представление, что он в любой момент может незаметно исчезнуть из тихого местечка.

— И где же коробка, Ксемериус? — спросила я.

— Шлева. Мешду штенами.

В полутьме я не могла разглядеть точно, но мне послышалось, что он ковыряется в зубах.

— «Ксемериус» не так-то легко выговорить, — сказал Ник. — Я его буду называть Ксеми. Или Мери. А можно я достану коробку?

— Она стоит слева, — сказала я.

— Тебя шамого нежя выговорить, — сказал Ксемериус. — *Кшеми* или *Мерри* — ага, шейчаш! Я проишхожу из штаринного рода могушественных демонов и наш нажывают…

— Слушай, у тебя что-то во рту?

Ксемериус сплюнул и почмокал.

— Уже нет. Я сожрал голубя, который спал на крыше. Дурацкие перья.

— Ты не можешь есть!

— Ничего не понимаешь, но всегда должна вставить пару слов, — сказал Ксемериус обиженно. — И жалеет для меня одного-единственного голубя.

— Ты не можешь есть голубей, — повторила я. — Ты — призрак.

— Я — *демон!* Я могу есть всё, что захочу! Однажды я сожрал целого священника. С сутаной и крахмальным воротничком. Что ты смотришь так недоверчиво?

— Смотри лучше, чтобы никто не шел.

— Эй! Ты что, мне не веришь?

Ник уже спустился по ступенькам и светил фонариком на стену.

— Я ничего не вижу.

— Потому что коробка стоит за камнями. В пустой полости, пустая ты голова! — сказал Ксемериус. — И я не вру! Если я говорю, что сожрал голубя, значит я действительно его сожрал.

— Она стоит в пустом пространстве за камнями, — сообщила я Нику.

— Но ни один из них не выглядит расшатанным.

Мой маленький брат присел на корточки и попробовал надавить на стену в разных местах.

— Алло-о-о-о! Я разговариваю с тобой! — сказал Ксемериус. — Ты что, меня игнорируешь, плакса? — Когда я и дальше не сказала ни слова, он не выдержал: — Ну хорошо, это был *призрачный* голубь. Но это все равно считается.

— *Призрачный голубь* — не смеши меня. Даже если бы *призрачные голуби* существовали — а я еще ни одного не видела — ты бы все равно не мог их есть: призраки не могу убивать друг друга.

— Они сидят очень плотно, эти камни, — объяснил Ник.

Ксемериус сердито фыркнул.

— Во-первых, голуби тоже могут иногда решить, что остаются на Земле в виде призраков, черт его знает почему. Может, у них остались еще непогашенные счета с какой-нибудь кошкой. И во-вторых, объясни-ка мне, пожалуйста, как ты можешь отличить *призрачного* голубя от обыкновенного. А в-третьих: их призрачная жизнь заканчивается, когда я их съедаю. Потому что я не просто призрак, а — сколько раз тебе можно повторять! — *демон*. Может быть, в вашем мире я и не могу многого сделать, но в мире призраков я по-настоящему важная персона. Когда ты уже это наконец-то поймешь?

Ник поднялся и ударил пару раз ногой по стене.

— Не-е-е-ет, тут ничего нельзя сделать.

— Тс-с-с-с! Перестань, это очень громко. — Я вернулась из прохода и посмотрела на Ксемериуса с упреком. — Ну ладно, важная персона. И что теперь?

— Что теперь? Я разве что-нибудь говорил о расшатанных камнях?

— И как мы должны добраться до коробки?

Ответ «С помощью молотка и зубила» был очевидным. Только сказал это не Ксемериус, а мистер Бернхард.

Я застыла от страха. Мистер Бернхард стоял от меня всего в каком-то метре. В полутьме было видно, как блестели его «совиные» очки в позолоченной оправе. И его зубы. Могло так быть, что он улыбался?

— Ох, блин! — От волнения Ксемериус выплеснул немного воды на ковровую дорожку. — Он должен был сосиски вдыхать, а не есть. Или

фильм оказался отвратительным. Сегодня на Клинта Иствуда уже нельзя положиться.

К сожалению, я была не в силах произнести что-то другое кроме: «Ч-ч-ч-что?»

— Молоток и зубило были бы правильным выбором, — повторил мистер Бернхард абсолютно спокойно. — Но я предлагаю отложить это мероприятие на некоторое время. Хотя бы для того, чтобы не мешать ночному покою остальных жителей, когда вы станете доставать сундук из тайника. О, с нами мастер Ник. — Он смотрел в свет фонарика не моргая. — Босиком! Вы можете простудиться. — Он сам был в шлепанцах и элегантном халате с вышитой монограммой. *В. Б.* (Вальтер? Вилли? Виганд? Для меня мистер Бернхард всегда был человеком без имени).

— А откуда вы знаете, что мы ищем коробку? — спросил Ник. Он говорил уверенным тоном, но по широко раскрытым глазам я видела, что он так же испуган и смущен, как и я.

Мистер Бернхард поправил очки.

— Ну, вероятно, потому что я эту — ц-ц-ц — *коробку* собственноручно туда замуровал. Речь идет о сундуке, с драгоценной резной инкрустацией, сделанном в начале восемнадцатого века, который принадлежал вашему дедушке.

— И что внутри? — спросила я, наконец-то снова обретя способность говорить.

Мистер Бернхард посмотрел на меня с осуждением.

— Разумеется, я был не вправе задавать такие вопросы. Я спрятал здесь сундук исключительно по распоряжению вашего деда.

— Так я и поверил, — сказал Ксемериус ворчливо. — Он же сует свой любопытный нос везде. И подкрадывается, убаюкивая подозрительность некоторых холодной сосиской. Но это ты, комнатный фонтанчик, виновата, что не поверила мне. Если бы ты не обвинила меня во лжи, он бы не смог незаметно подкрасться, дряхлый *Не-хочу-лежать-в-постели-мистер!*

— Само собой разумеется, я с удовольствием помогу вам достать сундук, — продолжал мистер Бернхард. — Предпочтительно сегодня вечером, когда ваши бабушка и тетя пойдут на собрание женского Ротари-клуба. Поэтому я бы предложил сейчас всем отправиться в кровать, ведь у вас сегодня еще школа.

— Ну да, конечно, а он пока сам достанет эту штуку из стены, — сказал Ксемериус. — Заберет себе бриллианты, а для нас положит пару грецких орехов. Мы в курсе!

— Ерунда, — пробормотала я.

Если мистер Бернхард собирался сделать нечто подобное, он бы уже давно это сделал, потому что, кроме него, никто о коробке не знал. Что же, черт побери, может там лежать, если дедушка замуровал ее в собственном доме?

— А почему вы хотите нам помочь? — спросил Ник, опередив крутившийся у меня на языке вопрос, сформулировав его довольно грубо.

— Потому что я умею хорошо управляться с молотком и зубилом, — ответил мистер Бернхард. И еще тише добавил: — И потому что, к огромному сожалению, ваш дедушка не имеет возможности лично помочь мисс Гвендолин.

Внезапно у меня опять перехватило горло, я снова боролась со слезами.

— Спасибо, — пробормотала я.

— Рано пока радоваться. Ключ к сундуку… утерян. И я не знаю, сумею ли преодолеть себя, чтобы издеваться над таким драгоценным предметом ломиком.

Мистер Бернхард вздохнул.

— Это значит, вы ничего не расскажете нашей маме и леди Аристе?

— Не расскажу, если вы сейчас же отправитесь в постель.

Я опять увидела, как в полутьме блеснули его зубы, прежде чем он повернулся и пошел наверх по лестнице.

— Спокойной ночи. Попробуйте немного поспать.

— Спокойной ночи, мистер Бернхард, — пробормотали Ник и я.

— Старый негодяй, — сказал Ксемериус. — Так и знай, я теперь с тебя глаз не спущу!

~~~

Круг крови сомкнется однажды,
В себя заключив бесконечность.
И Мудрости Камень притянет
В объятья суровую вечность.

Великая сила, что ныне
В одеждах ребячьих взрастает,
Тому, кто сей тайной владеет,
Бессмертье и власть обещает.

Но будь осторожен у края,
Пред самой последней чертою.
Судьбы путь земля поменяет,
С Двенадцатой новой звездою.

То, что накоплено, смысл потеряет,
Канет в неант,[3] как растаявший сон,
Сила рассыпется, юность растает,
На исчезновение Дуб обречен.

Только тогда Орел цели достигнет
И воцарится во власть навсегда,
Когда на темнеющем небе поникнет,
В пропасть скатившись осколками вспыхнет,
— Двенадцатая звезда.

Но помни! Что только любови терзанья,
И сердце, стрелою пронзенное влет,
Звезда от печали, тоски и страданья
Сама свою гибель найдет.

Из тайных рукописей графа Сен-Жермена[4]
~~~

Глава вторая

— Итак? — Наша одноклассница Синтия встала перед нами, расставив руки и загораживая дорогу вверх, на второй этаж. Те, кто должны были протискиваться справа и слева от нас, жаловались на затор. Но Синтии это было безразлично. Она вертела в пальцах уродливый галстук, составляющий часть формы школы Сент-Леннокс, и сохраняла на лице строгое выражение. — Как можно представить ваши костюмы?

В наступающие выходные у нее был день рождения, и она пригласила нас на ежегодную костюмированную вечеринку.

Лесли нервно помотала головой.

— Ты знаешь, что становишься все более и более странной, Син? Я имею в виду, ты и раньше была с причудами, но в последнее время это особенно заметно. У гостей не спрашивают, в чем они придут на вечеринку!

— Вот именно! А то смотри, так может получиться, что праздновать ты будешь в одиночестве.

Я попыталась протиснуться мимо Синтии. Но она молниеносным движением схватила меня за руку.

— Каждый раз я придумываю интереснейший девиз для вечеринки, и всегда находится кто-то, кто его не придерживается, — сказала она. — Мне вспоминается *Карнавал животных*. И некоторые, которые пришли с одним пером в волосах, заявив, что они изображают курицу. Да, у тебя есть основания виновато смотреть, Гвенни. Я точно помню, чья это была идея.

— Не у каждой мамы есть хобби делать маски слона из папье-маше, — сказала Лесли, в то время как я угрюмо бормотала «нам пора».

Я удержалась, чтобы не добавить, что мне в настоящий момент плевать на вечеринку у Синтии. Скорее всего, это и так было заметно. Хватка на моей руке стала сильней.

— А *Пляжную вечеринку у Барби* вы еще помните?

Было видно, что от этого воспоминания по спине Синтии пробежала дрожь — обоснованно, между прочим. Она набрала побольше воздуха:

— В этот раз я хочу быть уверена. «Зеленым зелено» — чудесный девиз, и я не позволю кому-нибудь его испортить. Для большего понимания: зеленого лака для ногтей или зеленого шарфика — недостаточно.

— А ты отойдешь, если я тебе поставлю фингал под глазом? —

прорычала я. — До твоей вечеринки он как раз позеленеет.

Синтия сделала вид, что не услышала меня.

— Я, например, буду изображать Элизу Дулиттл — продавщицу цветов из викторианских времен. У Сары — совершенно гениальный костюм зеленой паприки, хотя я еще не знаю, что она будет делать, если ей понадобится в туалет. Гордон придет в наряде лужайки с маргаритками, полностью сделанном из искусственного газона.

— Син…

Но она не дала отодвинуть себя в сторону.

— А Шарлотта шьет специально для вечеринки костюм у портнихи. Но что это будет — пока секрет. Не правда ли, Шарлотта?

Моя кузина Шарлотта, зажатая со всех сторон пятиклассниками, пыталась остановиться, но толпа неумолимо несла ее вверх по лестнице.

— Ну, угадать вообще-то не очень сложно. Скажу только: тюль в семи различных оттенках зеленого. И, скорее всего, меня будет сопровождать король Оберон.

Последнее предложение она уже крикнула через плечо. При этом смотрела на меня и странно улыбалась. То же самое она делала за завтраком. Я готова была швырнуть в нее помидором.

— Молодец Шарлотта! — сказала довольно Синтия.

— Приходите в зеленом и в сопровождении парней. Они — мои самые дорогие гости.

Спутник Шарлотты не был же… нет… исключено. Гидеон никогда не приклеит себе острые уши. Или приклеит? Я посмотрела вслед Шарлотте, которая даже в толкучке двигалась, как королева. Рыжие волосы она уложила в сплетенную в старинном стиле прическу, и девочки из младших классов смотрели на нее с той смесью возмущения и восторга, которая возникает из настоящей зависти. Скорее всего, завтра школьный двор будет переполнен миленькими прическами, заплетенными на различные лады.

— Итак: в каких костюмах и с кем вы придете? — спросила Синтия.

— В костюмах марсиан, о лучшая из устроительниц вечеринок в мире, — ответила Лесли, вздохнув и примирившись с мыслью. — А с кем мы придем — это сюрприз.

— О! Окей. — Синтия выпустила мою руку. — Марсиане. Не слишком красиво, но оригинально. Но не дай бог, вы передумаете! — Не попрощавшись, она развернулась и схватила следующую жертву. — Кати, привет! Стой! Давай поговорим о моей вечеринке.

— Марсиане? — повторила я, привычно скользя взглядом по нише, где обычно стоял Джеймс, школьный призрак. Сегодня ниша была пуста.

— Ну, нужно же было как-нибудь от нее отделаться, — сказала Лесли. — Вечеринка! Пф, кого это может еще интересовать?

— О, вечеринка? Я участвую!

Рафаэль, брат Гидеона, внезапно возник позади нас и, как будто это само собой разумеется, втиснулся между нами, взяв при этом меня под руку, а Лесли обняв за талию. Его галстук был завязан как-то очень необычно. Точнее, он был просто завязан на двойной узел.

— А я уже думал, что вы, англичане, не слишком любите праздновать. Достаточно вспомнить о полицейском часе в пабах.[5]

Лесли энергично освободилась.

— К сожалению, должна тебя разочаровать. Ежегодная костюмированная вечеринка у Синтии ничего общего не имеет с праздниками. Разве что ты любишь вечеринки, на которых родители следят за буфетом, чтобы никто не налил что-нибудь алкогольное в напитки или десерты.

— Ну… зато они играют с нами в о-о-о-очень веселые игры, — вступилась я за родителей Синтии. — И чаще всего они — единственные, кто танцует. — Я покосилась на Рафаэля и быстро отвела взгляд, потому что в профиль он был так похож на своего брата. — Честно говоря, я удивлена, что Синтия тебя до сих пор не пригласила.

— Нет, она пригласила. — Рафаэль вздохнул. — Я сказал, что у меня уже назначено свидание. Я ненавижу вечеринки с девизами и обязательными костюмами. Но если бы я знал, что вы обе там будете…

Я как раз хотела предложить ему правильно завязать галстук (школьные правила по поводу формы были очень строгими), когда он снова обнял Лесли за талию и радостно сказал:

— Ты рассказала Гвендолин, что мы обнаружили, где спрятаны сокровища из вашей мистической игры? Она их уже нашла?

— Да, — коротко ответила Лесли.

Я обратила внимание, что в этот раз она не освободилась от руки Рафаэля.

— И как игра идет дальше, *Mignonne?*

— Вообще-то это не… — начала я, но Лесли перебила меня.

— Мне очень жаль, Рафаэль, но ты не можешь больше принимать участие в игре, — сказала она холодно.

— Что? Ну знаешь, мне кажется, это нечестно!

Я тоже считала, что это нечестно. В конце концов, мы вообще не играли в какую-то игру, из которой можно было бы исключить бедного Рафаэля.

— Лесли имеет в виду, что…

И снова Лесли перебила меня:

— Ну, в жизни не всегда все бывает честно, — еще холоднее, если только это вообще было возможно. — Скажи спасибо своему брату. Как ты несомненно знаешь, в этой *игре* мы в разных командах. И мы не можем рисковать, что ты что-нибудь расскажешь Гидеону. Который, кстати говоря, огромный прид… не особенно приятный человек.

— Лесли! — Она что, совсем с ума сошла?

— *Pardon?* Этот поиск сокровищ имеет какое-то отношение к моему брату и путешествиям во времени? — Рафаэль убрал от нас руки и остановился как вкопанный. — И можно узнать, что он вам сделал?

— Не делай вид, что ты ничего не знаешь, — сказала Лесли. — Вы с Гидеоном наверняка обо всем говорите.

Она подмигнула мне. Я могла ответить только ошеломленным взглядом.

— Нет, не обо всем, — повысил голос Рафаэль. — У нас почти нет времени друг для друга. Гидеон постоянно в отлучке со своими секретными заданиями. А если он иногда бывает дома, то сидит в раздумьях над секретными документами или рассматривает секретные дырки в потолке. Или еще хуже: приходит Шарлотта и действует на нервы. — Его лицо приняло такое несчастное выражение, что мне тут же захотелось утешить его, особенно, когда он тихо добавил: — Я думал, мы друзья. Вчера после обеда мне казалось, что мы действительно друг друга понимаем.

Лесли — или я должна сказать «моя подруга, холодильная установка» — только пожала плечами.

— Да, вчера было очень мило. Но будем честны, мы едва знакомы. О какой дружбе может идти речь?

— То есть, ты меня просто использовала, чтобы определить координаты, — сказал Рафаэль и испытующе посмотрел на нее, видимо, ожидая, что она станет возражать.

— Как я уже говорила, в жизни не всегда все бывает честно. — Похоже, для Лесли тема была исчерпана. Она потянула меня дальше. — Гвен, нам надо поспешить, — сказала она. — Миссис Каунтер сегодня раздает темы для рефератов. И в мои планы не входит искать материал о расширении восточной дельты Ганга.

Я оглянулась на Рафаэля, который выглядел совершенно обалдевшим. Он попытался засунуть руки в карманы, но тут же обнаружил, что в школьной форме карманы в брюках вовсе не предусмотрены.

— Ах, Лес, ну посмотри! — сказала я.

— …или о невыговариваемых этнических народностях.

Я схватила ее за руку, как Синтия хватала меня.

— Что с тобой, дорогуша? — прошептала я. — Зачем это ты так ошарашила Рафаэля? Это что — часть плана, о котором я ничего не знаю?

— Я просто осторожна. — Лесли смотрела мимо меня на доску объявлений. — О, здорово! Приглашают в новую группу — дизайн украшений! Кстати, об украшениях! — Она расстегнула блузку и вытащила наружу цепочку. — Смотри: я ношу ключ, который ты мне дала перед своим путешествием во времени, как кулончик. Классно? Всем говорю, что это ключ от моего сердца.

Ее попытка переключиться на другую тему не сработала.

— Лесли, Рафаэль же не виноват, что его брат оказался мерзавцем. И я верю, что он не в курсе тайн Гидеона. Он совсем недавно в Англии и в школе и никого не знает…

— Он наверняка найдет достаточно людей, который с удовольствием уделят ему внимание. — Лесли упорно смотрела мимо меня. На носу у нее красовались веснушки. — Ты увидишь: завтра он уже и не вспомнит обо мне и назовет другую *Mignonne*.

— Да, но… — Только увидев предательский румянец на лице Лесли, я догадалась. — О, понимаю! Твое отталкивающее поведение не имеет к Гидеону никакого отношения. Ты просто трусишь, боишься влюбиться в Рафаэля!

— Глупости. Он вообще не в моем вкусе.

Ага. Всё было ясно. В конце концов, я же ее лучшая подруга и знаю ее целую вечность. Хотя при таком ответе на удочку не попалась бы даже Синтия.

— Перестань, Лес. Кого ты хочешь обмануть? — Я рассмеялась.

Лесли наконец отвела взгляд от объявлений и ухмыльнулась:

— А даже если да? Мы не можем сейчас позволить, чтобы мы обе страдали от гормонального размягчения мозга. Достаточно, что одна из нас уже недееспособна.

— Большое спасибо!

— Но это же правда! Поскольку все твои мысли заняты Гидеоном, ты не осознаешь серьезность положения. Тебе нужен кто-то, кто может трезво мыслить. И этот кто-то — я. Я не позволю этому французу вскружить мне голову, это точно.

— Ах, Лес! — Я бросилась к ней на шею. Ни у кого, ни у кого, *ни у кого* на свете нет такой замечательной, сумасшедшей, умной подруги, как у

меня. — Было бы ужасно, если бы ты ради меня отказалась от возможности счастливо влюбиться.

— Ну не преувеличивай! — Лесли прыснула мне в ухо. — Если этот тип хоть наполовину похож на своего брата, то не позже чем через неделю он разбил бы мне сердце.

— Ну и что? — сказала я и шлепнула ее. — Оно же из марципана и всегда может принять новую форму.

— Не смейся над этим. Я по-настоящему горжусь своей метафорой о марципановых сердцах.

— О конечно. Когда-нибудь тебя будут цитировать в календарях по всему миру, — сказала я. — *«Сердца не могут разбиваться, потому что сделаны из марципана. Метафора мудрой Лесли Хей»*.

— К сожалению, это не так, — сказал чей-то голос рядом с нами.

Голос принадлежал учителю английского языка, мистеру Уитмену, который этим утром выглядел слишком хорошо для учителя.

Мне очень хотелось спросить: «Что вы можете знать о консистенции женских сердец?», но в отношение мистера Уитмена умнее было сдержаться. Как и миссис Каунтер, он с удовольствием давал дополнительные домашние задания на экзотические темы, и насколько непринужденно он себя вел, настолько же мог быть и неумолимым.

— И что же в этом не так? — спросила Лесли, забыв всякую осторожность.

Он посмотрел на нас, качая головой.

— Я думал, мы достаточно обсуждали разницу между метафорами, сравнениями, символами и образами. Выражение о разбитом сердце еще как-то можно отнести к метафорам, но марципан — это — совершенно ясно — что?..

Какого чёрта? Кого это может интересовать? И когда это занятия начинались уже в коридоре?

— Символ… э-э-э… сравнение? — спросила я.

Мистер Уитмен кивнул.

— Хотя и довольно неудачное, — сказал он улыбаясь. Потом его лицо посерьезнело. — Ты выглядишь уставшей, Гвендолин. Не спала ночь напролет, ломала себе голову и не понимала этот мир, не правда ли?

Ну… это вообще не его дело. И свой сочувственный тон он может держать при себе.

Он вздохнул.

— Это, пожалуй, слишком много для тебя. — Он крутил свой перстень-печатку, который подтверждал его принадлежность к

Хранителям. — Что можно было ожидать. Может быть, доктор Уайт должен прописать тебе средство, чтобы ты хотя бы ночью могла отдыхать.

В ответ на мой уязвленный взгляд он только ободряюще улыбнулся, потом развернулся и первым зашел в класс.

— Я ослышалась или мистер Уитмен действительно предложил только что прописать мне снотворное? — уточнила я у Лесли. — Я имею в виду, сразу после того, как сообщил, что я отвратительно выгляжу.

— О да, ему бы это было на руку! — фыркнула Лесли. — Днем — марионетка Хранителей, ночью под действием таблеток, лишь бы не думала глупости. Но с нами этот номер не пройдет. — Она энергично убрала прядь волос с лица. — Мы им покажем, что они нас сильно недооценивают.

— Э-э-э, — произнесла я, но Лесли смотрела на меня гневно и решительно.

— Составить мастер-план, первая пауза, туалетная комната для девочек.

— Слушаюсь! — сказала я.

Кстати, мистер Уитмен был неправ: я не выглядела уставшей (я несколько раз проверяла, заглядывая на переменках в зеркало в уборной для девочек), как ни странно, я даже не чувствовала себя уставшей. После нашего ночного приключения я довольно быстро заснула, и мне не снились кошмары. Может быть, мне даже приснилось что-то хорошее, потому что в волшебные секунды между сном и явью я ощутила себя уверенной и полной надежд. Правда, когда я окончательно проснулась, на первый план снова выступили печальные факты, и прежде всего: *Гидеон только притворялся*.

Но капельку того настроения я сохранила и днем. Может быть, дело в том, что мне удалось поспать несколько часов подряд, а может быть, во сне мне стало ясно, что сегодня чахотку лечат. Или мои слезные железы опустошились.

— Как ты думаешь, может быть такое, что Гидеон хоть и должен был по плану влюбить меня в себя, но потом действительно — вроде как случайно — в меня влюбился? — спросила я осторожно Лесли, когда мы после занятий собирали свои вещи. До обеда я избегала этой темы — в пользу ясной головы, но сейчас я просто должна была поговорить, иначе я бы лопнула.

— Да, — сказала Лесли, слегка помедлив.

— Правда? — спросила я, пораженная ответом.

— Может быть, это и было то, что он обязательно хотел тебе сказать

вчера. В фильмах нас ужасно раздражают искусственно вызванные недоразумения, которые перед хэппи-эндом заставляют нас еще раз поволноваться. И которых легко избежать, приложив немного усилия для коммуникации друг с другом.

— Да-да-да! Это как раз тот момент, когда ты кричишь: «Да скажи же ты ему уже наконец, глупая корова!»

Лесли кивнула.

— Но в фильме этому что-то всегда мешает. Собака перекусила телефонный провод, подлая соперница не передает сообщение, мама говорит, что ты уехала в Калифорнию… ну, ты в курсе.

Она протянула щетку для волос и внимательно посмотрела на меня.

— Знаешь, чем больше я думаю на эту тему, тем более невероятным мне кажется вариант, что он мог *не* влюбиться в тебя.

Я почувствовала такое облегчение, что на глазах выступили слезы.

— Тогда хоть он все равно и был бы мерзавцем, но… я думаю, что смогла бы простить его.

— Я тоже, — сказала Лесли, сияя. — У меня есть водостойкая тушь и блеск для губ — хочешь?

Ну, повредить они точно не могли.

Мы опять были последними, кто покинул классную комнату. Мое настроение настолько улучшилось, что Лесли посчитала необходимым толкнуть меня локтем по ребрам.

— Я не хочу погасить твой энтузиазм, но не забывай, что мы можем и ошибаться. Мы смотрели слишком много романтичных фильмов.

— Знаю, — сказала я. — О, вот и Джеймс.

Я оглянулась. Большинство учеников спешили покинуть школу, так что немногие бы удивились, увидев меня разговаривающей с нишей.

— Привет, Джеймс!

— Добрый день, мисс Гвендолин. — Как всегда, на нем был сюртук в цветочек, штаны до колена и кремовые чулки. На ногах красовались парчовые туфли с серебряными пряжками, а его шейный платок был настолько изящно и сложно завязан, что это невозможно было сделать самому. Самым неприятным в его внешности был парик с локонами, слой пудры на лице и приклеенные «мушки», которые он по не совсем понятной причине называл «заплаточки для красоты». Без всей этой ерунды и в нормальной одежде Джеймс отлично бы выглядел.

— Где ты был всю первую половину дня, Джеймс? Мы же договорились встретиться на второй перемене, ты забыл?

Джеймс покачал головой.

— Я ненавижу эту лихорадку. И не люблю этот сон — здесь всё так *уродливо!* — он тяжело вздохнул и показал на потолок. — Я спрашиваю себя, что за невежи закрасили фрески. Мой отец выложил за них целое состояние. Я очень люблю пастушку в середине, она весьма мастерски нарисована, даже если моя мать утверждает, что на ней слишком откровенные одежды. — Недовольно он смерил взглядом меня, а потом Лесли, причем его взгляд особенно долго задержался на плиссированных юбках и наших коленках. — Ах, если бы моя матушка знала, как одеты персоны в моем окружении, она пришла бы в ужас! Я сам в ужасе. Никогда в жизни я не поверил бы, что моя фантазия может так дегенерировать!

Похоже, у Джеймса был сегодня особенно плохой день. Удачно, что Ксемериус (который ненавидел Джеймса!) предпочел остаться дома. (Чтобы следить за мистером Бернхардом и сокровищем, как он заявил. Я же предполагаю, что он хотел опять через плечо бабушки Мэдди почитать романчик, который она как раз читала, видимо, он ему очень понравился.)

— Дегенерировать! Какой милый комплимент, Джеймс, — сказала я мягко. Я давно отказалась от мысли объяснить ему, что это не сон, что он вот уже почти двести тридцать лет как умер. Наверное, такое никому не хочется слышать.

— Недавно доктор Бэрроу пустил мне кровь, и я даже сумел сделать пару глотков, — продолжал он. — Я надеялся, что на этот раз мне приснится что-то другое, но… что ж… я снова здесь.

— И это очень хорошо, — сказала я тепло. — Мне бы тебя очень не хватало.

Джеймс сумел улыбнуться.

— Ну, я бы солгал, если бы заявил, что вы тоже не нашли места в моем сердце. Ну что, продолжим занятия по умению себя вести?

— К сожалению, сейчас у нас нет времени. Но завтра продолжим, хорошо? — На лестнице я обернулась еще раз. — Ах, Джеймс! В 1782 году, в сентябре, как звали твоего любимого коня?

Два школьника, как раз передвигавшие стол с проектором в коридоре, остановились, и Лесли хихикнула, услышав, как каждый из них произнес: «Ты у меня спрашиваешь?»

— В прошлом году в сентябре? — спросил Джеймс. — Гектор, конечно. Он всегда будет моим любимым конем. Самый замечательный чалый, которого только можно себе представить.

— А какое твое самое любимое блюдо?

Школьники с проектором смотрели на меня, как на сумасшедшую. Джеймс тоже нахмурился.

— Что это за вопросы? В настоящий момент у меня вообще нет аппетита.

— Ну ладно, это терпит до завтра. До свидания, Джеймс.

— Меня зовут Финли, придурочная, — сказал один из перетаскивальщиков проектора. А другой ухмыльнулся и добавил: — А меня Адам. Но неважно! Я не настаиваю. Можешь звать меня Джеймсом.

Я проигнорировала обоих и взяла Лесли под руку.

— Клубника! — крикнул Джеймс нам вослед. — Клубнику я люблю больше всего.

— Что это было? — захотела узнать Лесли, когда мы спускались.

— Если я встречу Джеймса на балу, хочу предупредить его, чтобы он не заразился оспой, — объяснила я. — Ему как раз исполнился двадцать один год. Он слишком молод для смерти, ты так не думаешь?

— Я только спрашиваю себя, нужно ли вмешиваться в такие события, — сказала Лесли. — Ну ты в курсе: судьба, предназначение и все такое.

— Но по какой-то причине он же здесь остался как призрак. Может, это мое предназначение — помочь ему.

— Скажи-ка еще раз, зачем ты идешь на этот бал? — спросила Лесли.

Я пожала плечами.

— Якобы граф Сен-Жермен так распорядился в этих дурацких Хрониках. Чтобы лучше узнать меня или что-то в этом роде.

Лесли подняла брось.

— Или что-то в этом роде…

Я вздохнула.

— Как бы то ни было. Бал состоится в сентябре 1782 года, а Джеймс заболел только в 1783 году. Если мне удастся его предупредить, он мог бы, например, когда начнется эпидемия, поехать в деревню. Или хотя бы избегать этого лорда Как-его-там. Чего ты ухмыляешься?

— Ты собираешься ему сказать, что прибыла из будущего и знаешь, что он скоро заразится оспой? И в доказательство сообщишь ему имя его любимого коня?

— Э-э-э… ну я еще не до конца продумала план.

— Лучше сделай ему прививку, — сказала Лесли и открыла дверь, ведущую в школьный двор. — Но это будет, наверное, непросто.

— Да уж. Но что сейчас у нас просто? — сказала я и застонала. — О, черт!

Возле лимузина, который, как всегда, должен был меня отвезти в штаб-квартиру Хранителей, стояла Шарлотта. И это могло означать только

одно: меня снова будут истязать менуэтами, приседаниями и осадой Гибралтара. Очень полезные знания для бала в 1782 году, как считают Хранители. Как ни странно, но сегодня меня это не слишком пугало. Наверное, потому что я с нетерпением ожидала, как пройдет встреча с Гидеоном.

Лесли сузила глаза:

— А что это за мужичок рядом с Шарлоттой? — Она показала на рыжего мистера Марли, адепта первого уровня, которого, кроме этого титула, характеризовало еще умение краснеть до ушей. Он стоял возле Шарлотты, втянув голову в плечи.

Я объяснила Лесли, кто это.

— Мне кажется, он боится Шарлотту, — добавила я, — но одновременно восхищается ею.

Шарлотта заметила нас и нетерпеливо махнула рукой.

— Во всяком случае, что касается цвета волос, они отлично подходят друг другу, — сказала Лесли и обняла меня. — Удачи тебе! Думай о том, о чем мы говорили. И будь осторожной. И, *пожалуйста*, сделай для меня фотографию этого мистера Джордано!

— Джордано, просто Джордано, будьте добры, — сказала я, говоря в нос, как мой наставник. — До вечера!

— Ах, Гвенни, еще кое-что! Не облегчай Гидеону задачу, хорошо?

— Ну наконец-то! — наехала на меня Шарлотта, когда я подошла к машине. — Мы ждем тебя уже целую вечность. Все уставились на нас.

— Как будто тебе это не нравится. Привет, мистер Марли. Как дела?

— Э-эм. Хорошо. Э-эм. А у вас?

Этого оказалось достаточно, чтобы мистер Марли покраснел. Мне было его жаль. У меня тоже была склонность заливаться румянцем, но у мистера Марли краснели не только щеки, но и уши и шея, которые принимали цвет спелых помидоров. Ужасно!

— Замечательно, — сказала я, хотя мне очень хотелось бы увидеть его лицо, если бы я ответила «дерьмово».

Он придержал для нас двери автомобиля, и Шарлотта изящно заняла место в салоне. Я упала на сиденье напротив. Машина поехала.

Шарлотта смотрела в окно, я пялилась в пустоту, прикидывая, как мне вести себя с Гидеоном: холодно и обиженно или подчеркнуто дружелюбно, но равнодушно. Я сердилась, что не обсудила этот вопрос с Лесли. Когда лимузин свернул на Стрэнд,[6] Шарлотта уже рассматривала не окрестности, а собственные ногти. Вдруг она перевела взгляд на меня,

оглядела с ног до головы и спросила довольно агрессивно:

— С кем ты собираешься пойти на вечеринку Синтии?

Очевидно, ей хотелось поссориться. Как хорошо, что мы почти приехали. Лимузин как раз заехал на парковку.

— Я пока еще не решила, или с лягушонком Кермитом или со Шреком, если он будет свободен. А ты?

— Гидеон хотел пойти со мной, — сказала Шарлотта, напряженно вглядываясь в меня. Совершенно очевидно, что она ждала моей реакции.

— Как мило с его стороны, — сказала я дружески и улыбнулась. Мне даже не потребовалось каких-то особенных усилий, потому что я в отношение Гидеона для себя уже все решила.

— Но я не знаю, должна ли принять его предложение. — Шарлотта вздохнула, но в ее ожидающем взгляде ничего не изменилось. — Он наверняка будет чувствовать себя неуютно среди всей этой детворы. Не зря же он постоянно жалуется на наивность и незрелость некой шестнадцатилетки…

На какую-то долю секунды я задумалась, а вдруг это правда, а не желание задеть меня. Но в любом случае, я не собиралась радовать Шарлотту, показав, что ей это удалось. Я понимающе кивнула.

— О да, он же может общаться с тобой, зрелой и рассудительной, и если ему и этого окажется мало, он всегда может подискутировать с мистером Дэйлом о фатальных последствиях злоупотребления алкоголя подростками.

Машина затормозила и остановилась на одном из зарезервированных парковочных мест перед домом, в котором уже столетия располагалась ложа Хранителей. Водитель выключил двигатель, и в этот же момент мистер Марли вскочил с сиденья. Я едва успела его опередить, открыв дверцу самостоятельно. За это время я стала понимать, как должна себя чувствовать королева. Когда тебе не доверяют настолько, что думают, что ты сама не можешь выйти из машины.

Я взяла сумку, вылезла из лимузина, игнорируя при этом протянутую мистером Марли руку, и сказала так весело, как только могла:

— К тому же зеленый — цвет Гидеона, можно сказать.

Ха! Хоть в лице Шарлотты не было заметно изменений, но этот раунд выиграла определенно я. Пройдя пару шагов и будучи уверенной, что меня никто не видит, я позволила себе небольшую триумфальную ухмылку. Которая тут же исчезла у меня с лица. На ступеньках ко входу штаб-квартиры Хранителей на солнышке сидел Гидеон. Черт! Я слишком была поглощена тем, чтобы придумать достойный ответ Шарлотте, что

перестала замечать окружающих. Глупое марципановое сердце в моей груди не знало, должно ли оно сжаться от неприятного ощущения или биться быстрее от радости.

Заметив нас, Гидеон поднялся и отряхнул пыль с джинс. Я замедлила шаги и попыталась решить, как себя с ним вести. С дрожащей губой вариант «дружелюбно, но подчеркнуто равнодушно», пожалуй, не будет выглядеть особо достоверно. К сожалению, вариант «холодно, потому что имею право сердиться» тоже был невозможен в связи с непреодолимой потребностью броситься в его объятия. Так что я закусила непослушную нижнюю губу и постаралась смотреть нейтрально. При приближении я увидела с некоторым удовлетворением, что Гидеон тоже прикусил губу и вообще выглядел очень нервничающим. И хотя он был небрит, а его темные волосы выглядели так, как будто он максимум пару раз провел по ним пальцами, вместо того чтобы расчесаться, я была снова покорена его внешностью. Нерешительно я остановилась внизу лестницы, и мы пару секунд просто смотрели друг другу в глаза. Потом он скользнул взглядом к фасаду дома напротив и поздоровался обыкновенным «Привет!».

Мне не показалось, что он обращался ко мне, зато Шарлотта тут же поднялась по ступенькам. Она обняла Гидеона за шею и поцеловала его в щеку.

— Эй, привет! — сказала она.

Нужно признать, что это было намного элегантней, чем стоять как вкопанной и глупо таращиться.

Мистер Марли, похоже, решил, что мое поведение вызвано приступом слабости, потому что он спросил:

— Может быть, я должен забрать у вас сумку, мисс?

— Нет, спасибо, все в порядке.

Я заставила себя сдвинуться с места, поправила съехавшую с плеча сумку и стала подниматься. Вместо того чтобы отбросить назад волосы и с холодным взглядом пройти мимо Гидеона и Шарлотты, я шла по ступеням с воодушевлением улитки. Наверное, мы с Лесли просто смотрели слишком много романтичных фильмов. Но тут Гидеон отодвинул от себя Шарлотту и схватил мою руку.

— Могу я коротко поговорить с тобой, Гвен? — спросил он.

От облегчения у меня почти подогнулись колени.

— Конечно.

Мистер Марли нервно переступал с одной ноги на другую.

— Мы уже немного опаздываем, — пробормотал он, а его уши горели огнем.

— Он прав, — прощебетала Шарлотта. — У Гвенни перед элапсацией еще занятия, а ты знаешь, каким становится Джордано, если его заставляют ждать.

Я понятия не имею, как ей это удалось, но ее переливчатый смех звучал по-настоящему искренне.

— Ты идешь, Гвенни?

— Она придет через десять минут, — сказал Гидеон.

— А нельзя это отложить? Джордано…

— Я сказал, через десять минут! — Тон Гидеона почти граничил с невежливостью, и мистер Марли выглядел испуганным. Я, предположительно, тоже.

Шарлотта пожала плечами.

— Как хочешь, — сказала она, гордо вскинула голову и поспешила уйти. Она это умела очень хорошо.

За ней поспешил мистер Марли.

Когда они оба исчезли в коридоре, казалось, Гидеон забыл, чт***о*** он хотел сказать. Он снова уставился на дурацкий фасад дома напротив и потер ладонью затылок, как будто хотел снять напряжение. Наконец мы оба набрали воздух.

— Как твоя рука? — спросила я, и в тот же момент Гидеон спросил: — Как ты? — И мы оба ухмыльнулись.

— С моей рукой все отлично.

Наконец-то он снова смотрел на меня. О боже! Эти глаза! Мои колени тут же размягчились, и я порадовалась, что мистер Марли ушел.

— Гвендолин, мне бесконечно жаль. Я повел себя совершенно… безответственно. Ты этого не заслужила. — Он выглядел таким несчастным, что я едва могла это выдержать. — Вчера вечером я, наверное, сто раз пытался дозвониться до тебя по мобильному, но постоянно было занято.

Я размышляла, не стоит ли сократить эту часть и просто броситься в его объятия. Но Лесли сказала, что я не должна облегчать ему задачу. Так что я ожидающе подняла бровь.

— Я не хотел сделать тебе больно, пожалуйста, поверь мне, — сказал он, и его голос был хриплым от серьезности. — Ты вчера вечером выглядела так грустно и разочарованно.

— Все не так уж страшно, — сказал я тихо. Мне казалось, это была простительная ложь. О пролитых слезах и настойчивом желании умереть от чахотки ему было необязательно знать. — Я только… мне было немного больно… — Окей, это было преуменьшение века! — …думать о том, что с

твоей стороны все было притворством: поцелуи, объяснение в любви… — Я неловко замолчала.

Он выглядел еще более сокрушенно, если такое вообще было возможно.

— Я обещаю, что это больше не повторится.

Что он имел в виду? Я что-то недопонимала.

— Ну, теперь-то, когда я в курсе, это бы уже не сработало, — сказала я немного энергичнее. — Между нами: план все равно был идиотским. На влюбленных легче влиять, чем на других? Как раз наоборот! Из-за всех этих гормонов, никогда не известно, что случится в следующий момент.

В конечном итоге, я была лучшим примером в этом.

— Но ради любви человек способен на то, что он в другое время никогда бы не сделал. — Гидеон поднял руку, как будто собирался погладить меня по щеке, но снова ее опустил. — Когда любишь, другой становится важнее, чем ты сам. — Если бы я не знала его лучше, можно было бы подумать, что он вот-вот заплачет. — Влюбленный человек жертвует… — вот что, наверное, имел в виду граф.

— А я думаю, что наш граф не имеет ни малейшего понятия, — сказала я небрежно. — Если хочешь знать мое мнение: любовь — это не его специальность, и его знания женской психики просто… плачевны!

А сейчас поцелуй меня, я хочу знать, колючая ли у тебя щетина.

Улыбка осветила лицо Гидеона.

— Может быть, ты и права, — сказал он и перевел дыхание, будто у него упал с души огромный камень. — Во всяком случае, я очень рад, что мы все выяснили. Мы же навсегда останемся близкими друзьями, да?

Что?!

— Близкими друзьями? — повторила я, и внезапно у меня пересохло во рту.

— Близкими друзьями, которые знают, что могут доверять друг другу и положиться друг на друга, — сказал Гидеон. — Очень важно, чтобы ты мне доверяла.

Прошла одна секунда, потом другая, и у меня в голове забрезжило, что в этом разговоре каждый из нас свернул в свою сторону. То, что Гидеон мне пытался сказать было не «Прости меня, я люблю тебя», а «Давай останемся друзьями». А каждый дурак знает, что это две разные вещи.

Это означало, что он в меня не влюбился. Это означало, что Лесли и я смотрели слишком много романтичных фильмов. Это означало…

— …*мерзавец!* — крикнула я. Гнев, чистый, горячий гнев пронзил меня с такой силой, что мой голос совсем охрип. — Как можно быть таким

прожигой! Сегодня ты целуешь меня и заявляешь, что влюбился, а назавтра ты говоришь, извини? Как можно быть таким низким проходимцем и хотеть, чтобы я тебе *доверяла?*

Сейчас и Гидеон понял, что мы говорили мимо друг друга. Улыбка исчезла с его лица.

— Гвен…

— Хочешь что-то услышать? Я жалею о каждой слезе, которую я пролила из-за тебя! — Я хотела накричать на него, но получалось жалко. — Но не воображай, что их было много! — только и могла я прохрипеть.

— Гвен! — Гидеон попытался взять меня за руку. — О черт! Мне очень жаль. Я только не хотел… *прошу тебя!*

Прошу — что? Я была в ярости. Он что не замечает, что делает все еще хуже? Или он думает, что его взгляд побитой собаки может что-то изменить? Я хотела развернуться и уйти, но Гидеон крепко держал меня за руки.

— Гвен, послушай. Нас ждут опасные времена, и очень важно, чтобы мы держались вместе, ты и я! Я… ты мне правда очень нравишься, и я хочу, чтобы мы…

Нет, он не скажет это еще раз! Не эту затасканную фразу! Но именно ее он и сказал.

— …остались друзьями. Неужели ты не понимаешь? Только если мы можем доверять друг другу…

Я вырвалась из его рук.

— Как будто я хочу иметь в друзьях такого, как ты! — Сейчас мой голос вернулся и был громким, так что с крыши взлетели голуби. — Ты понятия не имеешь, что значит дружба!

И внезапно все стало просто. Я порывисто откинула волосы, повернулась на каблуках и ушла от него прочь.

~~~

Прыгни — и по пути вниз отрасти себе крылья.

Рэй Брэдбери.
~~~

Глава третья

«Давай останемся друзьями» — это выражение было хуже некуда.

— Наверняка каждый раз умирает какая-то фея, когда где-то на этой планете кто-то произносит эту фразу, — сказала я. Я закрылась в туалетной кабинке с мобильником и изо всех сил старалась не кричать, хотя мне — спустя даже полчаса после нашего разговора с Гидеоном — этого все еще хотелось.

— Он сказал, что хочет, чтобы вы были друзьями, — поправила меня Лесли, которая, как всегда, запомнила каждое слово.

— Это то же самое, — сказала я.

— Нет. То есть, может быть. — Лесли вздохнула. — Я не понимаю. И ты точно на этот раз дала ему выговориться? Знаешь, в «Десяти причинах моей ненависти», там…

— Я *дала* ему выговориться, к сожалению, я бы сказала. — Я посмотрела на часы. — *О, черт!* Я обещала мистеру Джорджу вернуться через минуту.

Бросив короткий взгляд в зеркало над старомодным умывальником, я еще раз произнесла «О черт!». На моих щеках горели два круглых пятна.

— Кажется, у меня аллергическая реакция.

— Это только следы ярости, — поставила диагноз Лесли, когда я ей описала увиденное в зеркале. — А глаза? Сверкают они опасно?

Я уставилась на свое отражение.

— Н-н-ну… в каком-то смысле. Я немного похожа на Хелену Бонэм Картер в роли Беллатрисы Лестрейндж в *Гарри Поттере*. Довольно опасно.

— Звучит как раз так, как надо. Слушай меня. Ты сейчас выходишь и сверкаешь так, чтобы сравнять всех с землей, окей?

Я послушно кивнула и пообещала.

После телефонного разговора мне стало немного лучше несмотря на то, что холодная вода не смыла ни пятна от ярости, ни саму ярость.

Если мистер Джордж и удивлялся, где это я так долго была, по нему ничего нельзя было заметить.

— Все в порядке? — осведомился он дружелюбно. Он ждал меня перед Старой трапезной.

— Все отлично. — Я бросила взгляд в комнату, дверь в которую была

чуть приоткрыта, и против ожиданий не увидела там Джордано с Шарлоттой. При этом для занятий было слишком поздно. — Я… мне нужно… я нанесла немного свежих румян.

Мистер Джордж улыбнулся. Кроме лучистых морщинок вокруг глаз и уголков рта, появившихся от смеха, ничего в его круглом добром лице не напоминало, что он старше семидесяти. В его лысине отражался свет, голова выглядела хорошо отполированным шаром для боулинга. Я не могла по-другому, я улыбнулась в ответ. Мистер Джордж всегда действовал на меня очень умиротворяюще.

— Правда, сейчас так модно, — сказала я и показала на свои пятна от ярости.

Мистер Джордж подал мне руку.

— Идем, моя храбрая девочка, — сказал он. — Я уже сказал внизу, что мы сейчас начнем элапсацию.

Я удивленно посмотрела на него.

— А что насчет Джордано и колониальной политики восемнадцатого века?

Мистер Джордж слегка улыбнулся.

— Ну, скажем так. Я использовал небольшую паузу, пока ты была в туалетной комнате, чтобы объяснить мистеру Джордано, что сегодня, к сожалению, у тебя не будет времени для занятий.

Добрый, верный мистер Джордж! Он был единственным среди Хранителей, которому я, кажется, не была совершенно безразлична. Хотя я могла бы при репетиции менуэта немного выпустить пар. Так, как другие это делают с боксерской грушей или в фитнесс-клубе. С другой стороны, я не хотела видеть самодовольную улыбку Шарлотты.

Мистер Джордж предложил мне руку.

— Хронограф ждет.

Я охотно взяла его под руку. В виде исключения, сегодня я радовалась элапсации, моему ежедневному контролируемому прыжку, и не только потому, что могла избежать ужасного общества персоны по имени Гидеон. Сегодняшний прыжок был ключевым моментом в главном плане, составленном Лесли и мной.

Если он сработает.

Чтобы добраться до подвалов, мы с мистером Джорджем шли через штаб-квартиру Хранителей. Трудно было составить полное впечатление о ней, она располагалась в нескольких зданиях. В одних только коридорах со множеством поворотов было так много всего, что казалось, ты находишься в музее. Бесчисленные картины в рамах, старинные карты стран,

рукодельные ковры и коллекции шпаг висели на стенах. В витринах были выставлены выглядевший дорогим фарфор, книги в кожаных переплетах и старинные музыкальные инструменты. Кроме того, стояло множество сундуков и резных шкатулок, в которые я при других обстоятельствах с удовольствием бы заглянула.

— Я ничего не понимаю в макияже, но если тебе захочется кому-нибудь выговориться по поводу Гидеона… я умею хорошо слушать, — сказал мистер Джордж.

— По поводу Гидеона? — повторила я медленно, будто соображая, кто это вообще такой. — Со мной и Гидеоном все в порядке. — *Йиппи!* В самом лучшем порядке. Я сделала пару боксирующих выпадов в стену. — Мы — *друзья!* Просто *друзья*.

К сожалению слово «друзья» не захотело легко произнестись, я проскрипела его зубами.

— Мне когда-то тоже было шестнадцать, Гвендолин. — Маленькие глаза мистера Джорджа прямодушно смотрели на меня. — И я обещаю не говорить, что я тебя предупреждал. Хотя я тебя предупреждал…

— Я уверена, *вы* были замечательным парнем в шестнадцать лет.

Трудно себе представить, что мистер Джордж искусно ухаживал за кем-либо, с поцелуями и нежными словечками. *«Тебе достаточно просто быть в той же комнате, и мне уже хочется дотронуться до тебя, поцеловать…»* Я попробовала стряхнуть с себя пристальный взгляд Гидеона, ступая подчеркнуто жестко. Фарфор дрожал в витринах. Хорошо. Зачем менуэт, чтобы выпустить пар? Этого средства будет достаточно. Хотя эффект можно было бы усилить, расколотив парочку выглядевших бесценными ваз.

Мистер Джордж долго смотрел на меня сбоку, но в конечном итоге ограничился тем, что сжал мне руку и вздохнул. Время от времени мы проходили мимо рыцарских доспехов, и, как всегда, меня не покидало неприятное ощущение, что они следят за мной.

— Там кто-то есть внутри, да? — прошептала я, обращаясь к мистеру Джорджу. — Несчастный новичок, которому целый день нельзя сходить в туалет, правда? Я замечаю, что он смотрит на нас.

— Нет, — сказал мистер Джордж и тихо засмеялся. — Но в забралах спрятаны камеры слежения, поэтому тебе кажется, что за тобой следят.

Ага, камеры слежения. Ну, им-то можно не сочувствовать.

Когда мы дошли до первой лестницы, спускающейся в подвалы, я заметила, что мистер Джордж кое-что забыл.

— А вы не хотите завязать мне глаза?

— Мне кажется, сегодня мы можем этого не делать, — сказал мистер Джордж. — Рядом же нет никого, кто мог бы это запретить, не так ли?

Я ошарашенно смотрела на него. Обычно весь путь я проделывала с черной повязкой на глазах, потому что Хранители не хотели, чтобы я могла самостоятельно дойти до места хранения хронографа, который позволял нам путешествовать во времени. По какой-то причине они считали возможным, что я в таком случае его украду. Что, конечно, было чушью. Я не только считала эту штуку жуткой — она работала на крови! — но и не имела ни малейшего представления, как работают бесконечные шестеренки, рычажки и выдвижные ящички. Но Хранители все как один были параноиками, когда речь заходила о краже. Что, вероятно, можно было объяснить тем, что когда-то было два хронографа. Но почти семнадцать лет назад моя кузина Люси и ее друг Пол, номера девять и десять в Кругу двенадцати путешественников во времени, удрали, прихватив один из них. Что конкретно было мотивом кражи — не выяснено до сих пор. И вообще, в этом вопросе я топталась в кромешной темноте.

— Кстати, мадам Россини просила передать, что она все-таки выбрала другой цвет для твоего бального платья. К сожалению, я забыл, какой именно, но я уверен, ты будешь выглядеть в нем волшебно. — Мистер Джордж хихикнул. — Несмотря на то, что Джордано утверждал в самых мрачных тонах, что ты в восемнадцатом веке будешь совершать одну оплошность за другой.

Мое сердце подпрыгнуло в груди. На этот бал я должна буду идти с Гидеоном, а я не могла себе представить, что уже завтра могу быть в состоянии танцевать с ним менуэт, без того чтобы раздолбать все кругом. Например, его ногу.

— К чему эта спешка? — спросила я. — Почему бал, если смотреть из нашего времени, обязательно должен состояться завтра вечером? Почему мы не можем подождать еще пару недель? В конечном итоге бал в любом случае состоится в конкретный день 1782 года, неважно, из какого времени мы на него прибудем, или не так?

Если не считать Гидеона, это был вопрос, который занимал меня больше всего.

— Граф Сен-Жермен точно распорядился, сколько времени в настоящем должно пройти между вашими двумя визитами к нему, — сказал мистер Джордж и пропустил меня вперед на винтовую лестницу.

Чем дальше и глубже мы продвигались по подвальному лабиринту, тем сильнее пахло тухлым. Здесь на стенах уже не висели картины, и хотя благодаря датчикам движения везде, где мы проходили, зажигался свет,

боковые проходы, уходившие то направо, то налево от коридора, по которому мы шли, терялись в таинственной темноте. Говорят, здесь заблудилось много людей, и некоторые из них через несколько дней были обнаружены в местах, находившихся на другом конце города. Якобы…

— Но *почему* граф так распорядился? И почему Хранители так строго выполняют эти распоряжения?

Мистер Джордж не ответил. Он лишь тяжело вздохнул.

— Я думаю, что, если мы отложим всё на пару недель, граф даже не заметит, или заметит? — спросила я. — Он же сидит в 1782 году и для него время не идет медленней. А я могла бы выучить всю эту ерунду с менуэтом и даже, может, узнать кто кого осаждал в Гибралтаре и зачем. — Насчет Гидеона я решила не распространяться. — Тогда никто не стал бы меня ругать и не должен был бы бояться, что я ужасно опозорюсь на балу и, кроме того, своим поведением выдам, что прибыла из будущего. Так что же? Почему граф хочет, чтобы я на этот бал попала обязательно в моем завтрашнем дне?

— Да, почему? — пробормотал мистер Джордж. — Похоже, что он тебя боится. И того, что ты можешь выяснить, если у тебя будет больше времени.

Мы почти дошли до старой алхимической лаборатории. Если я не ошибалась, она была уже за следующим поворотом. Поэтому я замедлила шаг.

— Меня боится? Этот тип душил меня, не дотрагиваясь руками! И поскольку он может читать мысли, он точно знает, что я испытываю ужас при виде его, а не наоборот.

— Он тебя душил? Не дотрагиваясь руками?

Мистер Джордж остановился и уставился на меня, явно в шоке.

— Господи боже мой, Гвендолин, почему ты не рассказала об этом?

— А вы бы мне поверили?

Мистер Джордж потер ладонью лысину и только открыл рот, чтобы что-то сказать, как мы услышали приближающиеся шаги и звук тяжелой захлопывающейся двери. Мистер Джордж выглядел слишком шокировано для этой ситуации, он потащил меня за поворот, откуда слышался звук и быстро достал из кармана черную полоску. Надо же! Это был сам Фальк де Вилльер, дядя Гидеона и Великий магистр ложи, который пружинящим шагом шел по коридору. Но он улыбнулся, увидев нас.

— О, вот вы где. Бедный Марли уже несколько раз звонил по внутреннему телефону, пытаясь выяснить, куда вы делись, а я решил сам посмотреть.

Я моргнула и потерла глаза, как будто мистер Джордж только что снял повязку с моих глаз, но, очевидно, это было ненужное актерство, потому что Фальк де Вилльер этого не заметил. Он открыл дверь в комнату, где хранился хронограф, бывшую когда-то алхимической лабораторией.

Фальк был, наверное, на пару лет старше мамы и был весьма привлекательной внешности, как все де Вилльеры, с которыми я была знакома. Мысленно я его всегда сравнивала с вожаком волчьей стаи. Его густые волосы уже поседели и прекрасно контрастировали с янтарными глазами.

— Ну, видите, Марли, никто не потерялся, — сказал он радостным тоном мистеру Марли, который сидел в комнате на стуле, а сейчас мгновенно подскочил и стал мять пальцы.

— Я только… я думал, на всякий случай… — стал заикаться он. — Прошу прощения, сэр…

— Мы всячески приветствуем, что вы так серьезно относитесь к своим обязанностям, — сказал мистер Джордж.

Фальк спросил:

— А где мистер Уитмен? Мы договорились встретиться к чаю с деканом Смитом, и я хотел заехать за ним.

— Он только что ушел, — сказал мистер Марли. — Вы вообще-то должны были встретиться с ним по пути сюда.

— О, тогда я поспешу, может, получится догнать его. Ты придешь потом, Томас?

Искоса глянув на меня, мистер Джордж кивнул.

— Увидимся завтра снова, Гвендолин. Когда вы отправитесь на бал. — Уже в дверях Фальк еще раз обернулся и сказал как бы вскользь: — Передавай маме привет. У нее все в порядке?

— У мамы? Да, у нее все в порядке.

— Рад слышать. — Наверное, у меня был несколько растерянный вид, потому что он откашлялся и добавил: — Сегодня работающим одиноким матерями приходится нелегко, поэтому я радуюсь.

Сейчас я уже специально приняла удивленный вид.

— Или… может она и не одинокая? Такая привлекательная женщина как Грейс наверняка встречается с мужчинами, может, даже у нее есть постоянный друг…

Фальк выжидательно посмотрел на меня, но когда я наморщила лоб, посмотрел на свои наручные часы и вскрикнул:

— Ой-ой-ой, так поздно. Сейчас мне уже точно нужно поспешить.

— Это был вопрос? — уточнила я, когда Фальк закрыл за собой дверь.

— Да, — сказали мистер Джордж и мистер Марли одновременно, и лицо мистера Марли приняло пунцовый цвет. — Я так понял, что он хотел узнать, есть ли у нее постоянный друг, — пробормотал он.

Мистер Джордж засмеялся.

— Фальк прав, уже очень поздно. Если наш Рубин хочет успеть к ужину, мы должны его немедленно отослать в прошлое. Какой год выберем, Гвендолин?

Как мы договаривались с Лесли, я максимально безразлично сказала:

— Мне все равно. В прошлый раз в 1956 году — это же был 1956 год, да? — в подвале не было крыс и было более-менее уютно. — О том, что я в бескрысином уюте тайно встречалась с дедушкой, я, разумеется, умолчала. — Я могла бы там поучить французские слова, не трясясь все время от страха.

— Без проблем, — сказал мистер Джордж.

Он открыл толстый журнал, а мистер Марли отодвинул толстый настенный ковер, за которым был спрятан сейф с хронографом. Я попыталась заглянуть мистеру Джорджу через плечо, пока он листал журнал, но его широкая спина не позволила ничего увидеть.

— Так-так… это было 24 июля 1956 года, — сказал мистер Джордж. — Ты была там все время после обеда и в 18.30 прыгнула обратно.

— 18.30, значит, нам бы подошло, — сказала я и скрестила пальцы, чтобы наш план сработал.

Если я сумею прыгнуть точно в то время, в которое я тогда покинула комнату, мой дедушка еще будет там, и мне не придется тратить время на его поиски.

— Я думаю, нам лучше выбрать 18.31, — сказал мистер Джордж. — Не хватало еще столкнуться там самой с собой.

Мистер Марли, который уже поставил ящик с хронографом на стол и разворачивал бархатную ткань, обернутую вокруг аппарата размером с каминные часы, пробормотал:

— Но, если быть точными, это еще не ночь. А мистер Уитмен говорил…

— Да-да, мы знаем, что мистер Уитмен очень строго придерживается указаний, — сказал мистер Джордж, приводя в действие шестеренки.

Между тонкими цветными рисунками узоров, планет, зверей и растений на верхней крышке странного прибора были вставлены драгоценные камни, настолько огромные и разноцветно переливающиеся, что казались ненастоящими — как самоклеющиеся блестящие звездочки из

пластмассы, которые так любила моя сестра. Каждому путешественнику во времени из Круга двенадцати соответствовал отдельный драгоценный камень. Для меня это был рубин, а Гидеону «принадлежал» бриллиант, который был таких гигантских размеров, что за его цену можно было наверняка купить многоквартирный дом на Стрэнде.

— Но я думаю, что мы в достаточной степени джентльмены, чтобы не позволить молодой даме сидеть в одиночестве ночью в подвале, не так ли, Лео?

Мистер Марли неуверенно кивнул.

— Лео — очень красивое имя, — сказала я.

— Сокращенно от Леопольд, — сказал мистер Марли и его уши засветились как стоп-сигналы автомобиля. Он сел за стол, придвинул к себе журнал и отвинтил колпачок от ручки. Мелкий аккуратный почерк, которым были заполнены многочисленные строки с датами, временами и именами, принадлежал очевидно ему. — Моей маме страшно не нравится это имя, но каждый первенец в нашей семье получает это имя, такова традиция.

— Лео — прямой потомок барона Мирослава Александера Леопольда Ракоци, — объяснил мистер Джордж, при этом повернувшись и внимательно глядя мне прямо в глаза. — Ты знаешь, легендарный спутник графа Сен-Жермена, названный в Хрониках «Черным Леопардом».

Я была ошеломлена.

— Ах, правда?

Я мысленно сравнила мистера Марли с сухопарым бледным Ракоци, чьи черные глаза меня так напугали. Я толком не знала, должна ли я сказать «О, радуйтесь, что вы выглядите иначе, чем ваш подозрительный родственничек», или в конечном итоге было намного хуже быть рыжим, с веснушками и круглолицым.

— Э-э-э, мой дед со стороны отца… — начал мистер Марли, но мистер Джордж тут же перебил его:

— Ваш дед, несомненно, гордился бы вами, — уверенно сказал он. — Особенно, если бы он знал, как блестяще вы сдали экзамены.

— За исключением *«Традиционных вооруженных походов»*, — сказал мистер Марли. — Там я еле-еле дотянул до *удовлетворительно*.

— О, это никому не нужно, абсолютно устаревший предмет. — Мистер Джордж протянул мне руку. — Я готов, Гвендолин. Тебе пора в 1956 год. Я выставил хронограф точно на три с половиной часа. Держи крепко сумку и проследи, чтобы не оставить ее в комнате, хорошо? Мистер Марли будет здесь тебя ждать.

Я прижала свою школьную сумку одной рукой к груди, а свободную руку протянула мистеру Джорджу. Он просунул мой указательный палец в один из малюсеньких выдвижных ящичков хронографа. В палец вонзилась иголка, великолепный рубин вспыхнул и залил все помещение красным светом. Я закрыла глаза, отдавшись сильному головокружению. Когда я их через секунду открыла, мистер Марли и мистер Джордж исчезли. И стол тоже.

Стало темнее, комната теперь освещалась единственной лампочкой. В ее свете, всего в метре от меня, стоял мой дедушка Лукас и удивленно таращился на меня.

— Т… Ты… Оно что, не сработало? — вскрикнул он испуганно. В 1956 году ему было тридцать два года, и он не очень был похож на того восьмидесятилетнего, которого я знала в детстве. — Ты исчезла там впереди, а тут снова появилась.

— Да, — сказала я гордо и подавила порыв, броситься ему на шею.

Как и в другие наши встречи у меня тут же появился комок в горле, как только я его увидела. Мой дедушка умер, когда мне было десять лет, и было одновременно замечательно и ужасно увидеться с ним через шесть лет после его похорон. Ужасным было не то, что при наших встречах он был не тем дедушкой, которого я знала, а его незрелой версией, ужасным было то, что я для него была совершенно чужой. Он понятия не имел, сколько раз я сидела у него на коленях, что это он утешал меня своими историями, когда умер папа и что мы всегда желали друг другу спокойной ночи на придуманном тайном языке, который никто не понимал, кроме нас. Он и не представлял себе, как сильно я его любила. А я не могла ему это сказать. Никому не хочется услышать такое от человека, которого знаешь всего пару часов. Я попыталась отвлечься от кома в горле, насколько это было возможно.

— Для тебя, думаю, прошла минута, поэтому я прощаю, что ты еще не сбрил усы. Для меня прошло несколько дней, за которые много всего произошло.

Лукас погладил усы и ухмыльнулся.

— Ты просто опять… ну, это очень умный ход, внучечка.

— А то! Но если совсем честно, это была идея моей подруги, Лесли. Чтобы мы были уверены, что я тебя обязательно здесь застану. И чтобы мы не теряли зря времени.

— Да, но у меня, таким образом, тоже не было времени, чтобы поразмыслить, что нам делать дальше. Я только начал приходить в себя после твоего визита и пытался разобраться… — Он осмотрел меня,

наклонив вбок голову. — Точно, ты выглядишь иначе, чем раньше. Этой заколки в волосах у тебя не было, и ты выглядишь похудевшей.

— Спасибо, — сказала я.

— Это не было комплиментом. Ты выглядишь так, будто не очень хорошо себя чувствуешь. — Он подошел еще на шаг ближе и испытующе посмотрел на меня. — Всё в порядке? — мягко спросил он.

«В полном порядке», — хотела я сказать, но к собственному ужасу расплакалась.

— В полном порядке, — всхлипывала я.

— Ой-ой-ой, — сказал Лукас и неловко похлопал меня по спине. — Так плохо?

Несколько минут я была способна только на то, чтобы дать волю слезам. А я-то думала, что полностью владею собой. Злость казалась мне подходящей реакцией на поведение Гидеона — мужественной и взрослой. К тому же более киногеничной, чем постоянные слезы, — сравнение Ксемериуса с комнатным фонтаном было, к сожалению, очень подходящим.

— Друзьями! — насморочным голосом проговорила я наконец, поскольку дедушка имел право на объяснения с моей стороны. — Он хочет, чтобы мы были друзьями. И чтобы я ему доверяла.

Лукас перестал похлопывать меня по спине и непонимающе нахмурил лоб.

— И это ужасно, потому что…?

— Потому что он только вчера сказал, что любит меня!

Лукас выглядел еще менее понимающим, если такое было возможно.

— Но это не кажется мне самым плохим фундаментом для дружбы.

У меня моментально высохли слезы, как будто кто-то вытащил из розетки штепсель комнатного фонтана.

— Дедушка! Ну не будь же таким непонятливым! — закричала я. — Сначала он меня поцеловал, потом я выяснила, что это все было лишь особой тактикой и манипуляциями, а потом он выдает *Давай-останемся-друзьями*-заявление!

— О! Понимаю. Какой… э-э-э… *негодяй!* — Лукас выглядел все еще не полностью убежденным. — Прости пожалуйста, но мы же говорим не о том юноше де Вилльере, номер одиннадцать, Бриллиант?

— Нет, — сказала я. — Мы говорим как раз о нем.

Дедушка застонал.

— Ты подумай! Мальки! Как будто вся история и так недостаточно запутана! — Он бросил мне носовой платок, не бумажный, а из ткани, забрал у меня школьную сумку и энергично сказал: — С рыданиями

покончено. Сколько у нас есть времени?

— В двадцать два часа по твоему времени я прыгну обратно. — Как ни смешно, но выплакаться пошло мне на пользу, гораздо больше чем взрослый вариант злости. — Что ты там говорил о рыбе? Я немного голодна.

Услышав это, Лукас рассмеялся.

— Ну, тогда идем наверх. Тут внизу как-то клаустрофобично. Мне все равно нужно позвонить домой и сказать, что я задерживаюсь. — Он открыл дверь. — Идем, малёк. Ты можешь мне все рассказать по дороге. И не забудь: если мы кого-нибудь встретим, ты — моя кузина Хэйзел из деревни.

Еще через час мы сидели в бюро Лукаса, и головы наши почти дымились. Перед нами лежала куча записочек, на которых, в основном, были года, кружки, стрелки и вопросительные знаки, кроме этого, толстые фолианты в кожаных переплетах (Хроники Хранителей за многие десятилетия), и обязательная тарелка с печеньем, которого, похоже, у Хранителей во все времена было предостаточно. Насчет мальков было очевидно какое-то недоразумение.[7] Жаль.

— Слишком мало информации, слишком мало времени, — повторял то и дело Лукас. Он метался, как тигр в клетке, и рвал на себе волосы. Постепенно они полностью растрепались несмотря на бриолин. — Что может быть спрятано в этом сундуке?

— Может быть, книга со всей необходимой мне информацией? — сказала я.

Мы без проблем миновали охранников у лестницы, молодой человек все еще спал, как и в мой прошлый визит. Только от алкогольного духа, исходящего от него, становилось плохо. Вообще, похоже, что в 1956 году у Хранителей все было далеко не так строго, как я думала. Никого не удивляло, что Лукас остался на сверхурочные, и никому не мешало, что кузина Хэйзел из деревни составляла ему общество. Правда, в это время в здании почти никого не было. Молодой мистер Джордж уже ушел домой, о чем я сожалела, потому что с удовольствием бы увиделась с ним еще раз.

— Книга — может быть, — сказал Лукас, задумчиво откусывая печенье. Он уже трижды собирался закурить сигарету, но я каждый раз забирала ее. Я не хотела снова пахнуть табачным дымом, когда вернусь в свое время. — Зашифрованные координаты несут определенный смысл, мне это нравится, да. И подходит ко мне. Меня всегда привлекало нечто подобное. Но почему Люси и Пол знали об этом коде в этом… как его… Книге-о-Желтой-лошади?

— Зеленом Всаднике, дедушка, — сказала я терпеливо. — Книга была

в твоей библиотеке, и в ней лежала записка с кодом. Может быть, ее туда положили Люси и Пол?

— Но это же нелогично! Если они в 1994 году сбежали в прошлое, зачем я тогда спустя годы поручаю замуровать сундук в собственном доме? — Он остановился и наклонился к книгам. — Я точно сойду с ума. Тебе знакомо чувство, что решение близко, на расстоянии протянутой руки? Если бы с хронографом можно было путешествовать и в будущее, ты бы могла спросить у меня самого…

Внезапно у меня появилась идея, и она была так хороша, что мне хотелось похлопать себя по плечу. Я вспомнила, что дедушка рассказал мне в прошлый раз. Речь шла о том, что Люси и Пол прыгнули еще дальше в прошлое, чтобы не скучать во время элапсации, и там у них была куча приключений, включая посещение шекспировской премьеры.

— Я знаю! — воскликнула я и исполнила небольшой победный танец.

Дедушка наморщил лоб.

— Что ты знаешь? — спросил он, сбитый с толку.

— А что, если ты меня с помощью вашего хронографа отправишь еще дальше в прошлое? — Слова из меня так и сыпались. — Тогда я могла бы встретиться с Люси и Полом и просто спросить у них.

Лукас поднял голову.

— И *когда* ты собираешься их встретить? Мы же не знаем, в каком времени они прячутся?

— Но мы, например, знаем, когда они были у вас. Если я просто присоединюсь к ним, мы могли бы поговорить и вместе…

Дедушка перебил меня.

— Во время своих визитов в 1948 и 1949 году из 1992 и 1993 годов, — произнося названия каждого года он постукивал по нашим записочками и проводил указательным пальцем по соответствующим стрелочкам, — Люси и Пол не знали еще всего, и всё, что они знали, они сообщили мне. Нет, если их и надо встретить, то только после их побега с хронографом. — Он с силой постучал по записочкам снова. — Это имело бы смысл, а все остальное только запутает нас еще больше.

— Тогда… тогда я отправлюсь в 1912 год, туда, где я их уже один раз встретила, к леди Тилни, в ее дом на Итон-Плэйс.

— Это вариант, но мы не управимся по времени… — Лукас мрачно посмотрел на настенные часы. — Ты и дату точно не знаешь, не говоря уже о времени дня. К тому же, твою кровь нужно еще внести в хронограф, иначе ты не сумеешь путешествовать с его помощью. — Он опять схватился за голову. — И еще тебе пришлось бы в одиночестве добираться

до Белгравии, а в 1912 году это может оказаться совсем не просто… о, и тебе понадобится костюм… Нет, за такое короткое время мы не управимся. Нужно придумать что-то другое. Решение вертится у меня на кончике языка… мне нужно только немного времени, чтобы подумать… и, может быть, сигарета…

Я покачала головой. Нет, мы так быстро не сдадимся. Я знала, что моя идея была хороша.

— Мы могли бы перенести хронограф в этом времени до дома леди Тилни, и я бы прыгнула прямо там — это сэкономило бы кучу времени, не так ли? Ну а что касается одежды… почему ты на меня так смотришь?

Действительно, глаза у Лукаса неожиданно широко раскрылись.

— О господи! — зашептал он. — Вот *оно!*

— Что?

— Хронограф! Внучка, ты — гений!

Лукас обогнул стол и обнял меня.

— Я гений? — повторила я, пока дедушка, в свою очередь, исполнял танец победы.

— Да! И я тоже. Мы оба гении, потому что мы сейчас знаем, что спрятано в сундуке.

Ну, я, например, не знала.

— А именно?

— Хронограф! — воскликнул Лукас.

— Хронограф? — эхом повторила я.

— Это абсолютно логично! Не имеет значения, в какое время Люси и Пол его утащили, каким-то образом он вернулся ко мне — и я его спрятал. Для тебя! В моем собственном доме. Не очень оригинально, зато логично!

— Ты думаешь? — Я неуверенно смотрела на него. Мне казалось это притянутым за уши, но, честно говоря, в логике я была не слишком сильна.

— Поверь мне, внучка, я это знаю!

Восторженность на лице Лукаса сменилась складками на лбу.

— Это, естественно, открывает совершенно новые возможности. Теперь нам нужно только… хорошо подумать. — Он снова бросил взгляд на настенные часы. — Нам нужно больше времени. Проклятье!

— Я могу попытаться сделать так, чтобы они меня опять в 1956 год послали на элапсацию, — сказала я. — Но завтра после обеда это точно не получится, мы должны идти на бал и встретиться там с графом.

При воспоминании об этом у меня тут же возникло неприятное чувство, и не только из-за Гидеона.

— Нет-нет-нет! — вскричал Лукас. — Ни в коем случае. Мы должны

быть на шаг дальше, прежде чем ты встретишься с графом. — Он потер лоб. — Думай-думай-думай!

— Ты видишь пар из моих ушей? Вот уже час я только этим и занимаюсь, — заверила я его, но, очевидно, он разговаривал сам с собой.

— В первую очередь мы должны внести твою кровь в хронограф. Без чужой помощи в 2011 году тебе не обойтись, одна ты не сможешь. Потом я должен тебе объяснить, как функционирует хронограф. — Снова лихорадочный взгляд на часы. — Если я сейчас позвоню нашему врачу, он сумеет быть здесь через полчаса, конечно, при условии, что нам повезет и он окажется дома… Вопрос только в том, как я должен ему объяснить, почему прошу взять кровь у кузины Хэйзел? В прошлый раз — у Люси и Пола — мы брали кровь вполне официально, для научных исследования, но ты здесь инкогнито, так и должно остаться, иначе…

— Подожди, — перебила я его. — Мы разве не можем сами взять у меня кровь?

Лукас смотрел на меня недоумевающе.

— Н-ну… меня многому научили, но со шприцами управляться я не умею. Если честно, я вообще не могу видеть кровь. Мне тут же становится нехорошо…

— Я сама могу взять у себя кровь, — сказала я.

— Неужели? — В его глазах было изумление. — Вас учат обходиться со шприцами в школе?

— Нет, дедушка, этому нас не учат, — сказала я нетерпеливо. — Но мы знаем, что, если порезался ножом, течет кровь. У тебя есть нож?

Лукас колебался.

— Н-ну… мне не кажется это хорошей идеей.

— Ну ладно, у меня есть.

Я открыла сумку и достала оттуда футляр для очков, в котором Лесли спрятала японский нож для овощей, на случай, если на меня нападут в прошлом и мне понадобится оружие. Дедушка широко раскрыл глаза, когда я открыла футляр.

— Прежде чем ты спросишь: нет, это не относится к стандартному набору школьников в 2011 году, — сказала я.

Лукас сглотнул, потом выпрямился и сказал:

— Хорошо. Идем тогда в Зал Дракона, по дороге зайдем в лабораторию нашего врача и возьмем там пипетку. — Он посмотрел на фолианты на столе и взял один из них подмышку. — Этот мы берем с собой. И печенье. Для моих нервов! Не забудь свою сумку.

— И что мы будем делать в Зале Дракона?

Я бросила футляр обратно в сумку и встала.

— Там стоит хронограф.

Лукас закрыл за мной дверь и прислушался. В коридоре все было тихо.

— Если мы кого-нибудь встретим, мы скажем, что я устроил для тебя экскурсию, понятно, кузина Хэйзел?

Я кивнула.

— Хронограф просто так стоит? В наше время он закрыт в сейфе в подвале, чтоб не украли.

— Ларь, разумеется, заперт, — сказал Лукас и подтолкнул меня к лестнице, ведущей вниз. — Кражи, собственно, мы не боимся. В настоящий момент у нас даже нет путешественников во времени, которые могли бы им пользоваться. У нас было интересно, только когда Люси и Пол прибывали на элапсацию, но с тех пор прошло много лет. Поэтому сейчас хронограф не находится в центре внимания Хранителей. Я бы сказал, что нам в этом смысле повезло.

Здание действительно выглядело безлюдным, хотя Лукас утверждал шепотом, что оно никогда не бывает пустым. Я с тоской смотрела через окна на улицу, на теплый летний вечер. Как жаль, что я не могу немного пройтись, чтобы получше узнать 1956 год. Лукас заметил мой взгляд и сказал с улыбкой:

— Поверь, я бы тоже предпочел выкурить не спеша сигаретку, но у нас много дел.

— С курением тебе надо заканчивать, дедушка. Это так вредно для здоровья. И, пожалуйста, сбрей эти усы. Они тебе абсолютно не идут.

— Тс-с-с-с, — шепнул Лукас. — Если кто-нибудь услышит, что ты называешь меня дедушкой, нам будет очень сложно объясниться.

Но мы никого не встретили, а когда через пару минут зашли в Зал Дракона, в окна над садами и стенами можно было еще увидеть отблески заходящего солнца в Темзе. И в мое время Зал Дракона выглядел очень нарядно — величественные пропорции, глубокие оконные ниши и искусные, разрисованные резные панели из дерева, и я, как всегда, запрокинула голову, чтобы полюбоваться громадным резным драконом, расположившимся на потолке между гигантскими люстрами и выглядевшим так, как будто в любой момент он может взлететь.

Лукас закрыл дверь на задвижку. Он нервничал больше меня, у него дрожали руки, когда он доставал хронограф из ларца и ставил его на стол посередине зала.

— Когда я проделывал то же самое с Люси и Полом, это было шикарное приключение. Мы получили настоящее удовольствие, — сказал

он.

Я вспомнила Люси и Пола и кивнула. Хотя я их видела только один раз у леди Тилни, я могла себе хорошо представить, что имел в виду мой дедушка. Глупо было только то, что в то же мгновения я вспомнила Гидеона. Его удовольствие от наших путешествий было тоже притворством? Или только та часть, которая касалось любви? Я быстренько заставила себя вспомнить японский нож и что именно я сейчас собиралась с ним сделать. И — ты смотри — мне удалось отвлечься. Во всяком случае, я не заплакала.

Дедушка вытер ладони о брюки.

— Я начинаю чувствовать себя слишком старым для такого рода приключений, — сказал он.

Я перевела взгляд на хронограф. Для меня он выглядел точно так же, как тот, с помощью которого меня отправили сюда, сложный механизм с кучей клапанов, рычажков, выдвижных ящичков, шестеренок и кнопок, щедро украшенный миниатюрами.

— Не бойся возразить мне, — сказал Лукас слегка обиженно. — Что-нибудь вроде: *Да ты еще слишком молод, чтобы чувствовать себя старым!*

— О! Да, конечно, ты еще слишком молод. Правда, усы старят тебя лет на десять.

— Ариста говорит: внушительно и серьезно.

Я ограничилась тем, что многозначительно подняла бровь, а мой молодой дедушка нагнулся над хронографом и проворчал:

— Смотри внимательно. С помощью этих десяти шестеренок выставляется год. И перед тем, как ты спросишь, зачем так много, скажу, что год задается римскими цифрами — я надеюсь, ты владеешь ими.

— Думаю, да. — Я достала из сумки блокнот и карандаш. Я ни за что не запомнила бы всё это, если не запишу.

— При помощи этой ты настраиваешь месяц. — Он показал на следующую шестеренку. — Но внимание! По какой-то причине здесь — и только здесь! — пользуются старой кельтской системой календаря: единица означает ноябрь, а октябрь фигурирует соответственно под числом двенадцать.

Я закатила глаза. Типично для Хранителей! Я уже давно предполагала, что они простые вещи шифруют только для того, чтобы подчеркнуть собственную важность. Но я стиснула зубы и минут через двадцать заметила, что ничего дьявольского тут нет, если знаешь, как устроена система.

— Это я сумею, — перебила я дедушку, когда он собрался опять начать свои объяснения сначала, и закрыла блокнот. — Сейчас нужно внести мою кровь в хронограф. А потом… а который вообще-то час?

— Очень важно не сделать ни одной ошибки при настройке. — Лукас с неприязнью посмотрел на японский нож для овощей, который я вынула из футляра. — Иначе ты окажешься где… э-э-э… когда угодно. И что еще хуже, ты не сумеешь контролировать свой обратный прыжок. О боже, нож выглядит очень опасно. Ты действительно собираешься это сделать?

— Конечно. — Я закатала рукава. — Я только не знаю, где лучше всего сделать надрез. Рану на руке тут же заметят, когда я вернусь. Кроме того, из пальца можно получить максимум пару капель крови.

— Если только не отрезать себе кончик пальца, — сказал Лукас и его передернуло. — Кровь течет как из резаной свиньи, я когда-то попробовал…

— Я думаю, надо взять предплечье. Готов?

Было как-то смешно, что Лукас боялся больше чем я. Он тяжело сглотнул и сжал разрисованную цветочками чашку, куда должна была стекать кровь.

— Разве там не проходит аорта? О господи, меня не держат ноги. Ты еще истечешь кровью здесь, в 1956 году — из-за легкомысленности твоего деда.

— Это толстая артерия, и ее нужно разрезать вдоль, если хочешь истечь кровью. Я когда-то прочла. Якобы многие самоубийцы режут вены неправильно, их находят, а в следующий раз они уже знают, как нужно сделать.

— Господи спаси и помилуй! — воскликнул Лукас.

Мне тоже было не по себе, но делать было нечего. Особые времена требуют особых действий, сказала бы Лесли. Я игнорировала шокированный взгляд Лукаса и прижала нож к внутренней стороне руки, приблизительно на десять сантиметров выше кисти. Не особо нажимая, я провела им наискось по белой коже. Вообще-то это должен был быть пробный порез, но он получился глубже, чем я ожидала. Тонкая красная линия быстро расширялась, и оттуда стала капать кровь. Боль и неприятное жжение появились через секунду. Тонкой, но непрерывной струйкой кровь стекала в чашку в дрожащих руках Лукаса. Отлично.

— Режет кожу, как масло, — сказала я под впечатлением. — Но Лесли так и говорила: убийственно острый нож.

— Отложи его, — потребовал Лукас, который выглядел так, будто его прямо сейчас стошнит. — Черт побери, ты очень смелая, настоящая

Монтроуз. Верная нашему семейному девизу…

Я хихикнула.

— Да, это у меня наверняка от тебя.

Улыбка у Лукаса получилась кривой.

— Неужели совсем не больно?

— Конечно, больно, — сказала я и покосилась на чашку. — Уже хватит?

— Да, этого должно хватить. — Лукас подавил рвотный позыв.

— Открыть окно?

— Не надо. — Он поставил чашку рядом с хронографом и сделал глубокий вдох. — Остальное просто. — Он потянулся за пипеткой. — Мне нужно капнуть всего три капли твоей крови в оба эти отверстия. Видишь: тут — под крохотным Вороном и знаком Инь-Янь, потом повернуть колесико и переключить рычаг. Так, готово. Слышишь?

Во внутренностях хронографа начали двигаться сразу несколько шестеренок, послышались щелчки, стук и жужжание, казалось, воздух потеплел. Рубин коротко вспыхнул, потом шестеренки остановились, и все стало, как раньше.

— Жутко, правда?

Я кивнула и попыталась игнорировать гусиную кожу, которая покрыла все мое тело.

— Значит ли это, что в этом хронографе теперь есть кровь всех путешественников во времени, кроме Гидеона? И что произойдет, если и его кровь будет внесена в хронограф?

Я сложила несколько раз носовой платок Лукаса и прижала его к ране.

— Даже если не учитывать, что никто этого точно не знает, эта информация строго конфиденциальна, — сказал Лукас. Постепенно краска возвращалась на его лицо. — Каждый Хранитель должен принести клятву, стоя на коленях, ни с кем, кроме членов ложи, не говорить об этой тайне. Поклясться своей жизнью.

— О!

Лукас вздохнул.

— Но… Эй! Я питаю слабость к нарушению клятв. — Он показал на маленький выдвижной ящичек в хронографе, украшенный двенадцатиконечной звездой. — Точно известно, что таким способом заканчивается некий процесс внутри хронографа и что-то упадет в этот ящичек. В предсказаниях речь идет об эссенции под двенадцатиконечной звездой или даже о Камне мудрости. *Прециозы*[8] *объединятся, в воздухе появится запах времени, и один останется навечно.*

— Это и есть вся тайна? — спросила я разочарованно. — Опять расплывчато и запутанно.

— Ну, если взять все указания, то можно получить весьма конкретный результат. *Вылечит любую заразу и немощь, обещание сбудется под двенадцатиконечной звездой* — правильно примененная, это субстанция должна быть в силе вылечить все болезни человечества.

Это звучало уже намного лучше.

— Это окупило бы все усилия, — пробормотала я, имея в виду секретность, граничащую с сумасшествием, принятую у Хранителей и их сложные правила и ритуалы. В таком случае можно даже было простить их важничанье. Такое чудотворное лекарство можно было и подождать пару сотен лет. И за то, что он все узнал и вообще сделал возможным, граф Сен-Жермен заслужил уважение и признание. Если бы он только не был таким неприятным типом…

— Люси же и Пол сомневаются, что Камень мудрости — это действительно то, во что мы должны верить, — сказал Лукас, будто читая мои мысли. — Они говорят, тот, кто в состоянии убить своего прапрапрадеда, не обязательно имеет своей целью благополучие всего человечества. — Он прочистил горло. — Кровь больше не идет?

— Еще немного, но уже меньше. — Я подняла руку вверх, чтобы ускорить процесс. — И что мы теперь будем делать? Может, я попробую эту штуку?

— Боже мой, это же не автомобиль, чтобы совершать пробную поездку, — сказал Лукас, ломая руки.

— Почему нет? — спросила я. — Разве это не было нашей идеей?

— Ну… — сказал он и покосился на толстый фолиант, который принес с собой. — Ты вообще-то права. Так мы сможем убедиться, что все правильно, даже если у нас не слишком много времени. — Внезапно он заторопился. Он наклонился и стал листать Хроники. — Нам нужно проследить, чтобы не выбрать какую-нибудь дату, когда здесь проходило заседание. Чтобы ты не ввалилась посреди него. Или чтобы ты не встретила одного из братьев Вилльеров. В этом зале они провели много часов, элапсируя.

— А можно ли встретить леди Тилни? Одну? — У меня снова было озарение. — Лучше всего когда-нибудь после 1912 года.

— Умно ли это? — Лукас листал фолиант. — Мы же не хотим усложнить ситуацию еще больше, чем сейчас.

— Но мы не можем упустить наши редкие шансы, — воскликнула я, помня, что мне настойчиво внушала Лесли. Я должна использовать любую

возможность и прежде всего — задавать вопросы, так много, как только можно. — Кто знает, когда представится следующий случай! В сундуке может быть и что-то другое, и тогда я, может быть, вообще никогда не смогу этого сделать. Когда мы с тобой встретились первый раз?

— Двенадцатого августа 1948 года, в двенадцать часов дня, — сказал Лукас, поглощенный чтением Хроник. — Я этого никогда не забуду.

— Правильно. И чтобы ты этого никогда не забыл, я запишу для тебя, — сказала я, в восторге от собственной гениальности.

На блокнотном листке я нацарапала:

Для лорда Монтроуза — важно!!!
12 августа 1948 года, 12 часов дня.
Алхимическая лаборатория.
Приходи один.

Гвендолин Шеферд

Я резко вырвала листок и сложила его несколько раз. Дедушка поднял голову от фолианта.

— Я мог бы послать тебя в 1852 год, 16 февраля в полночь. Леди Тилни там элапсирует, прибыв из 25 декабря 1929 года, 9 утра, — бормотал он. — Несчастная, она даже не могла провести Рождество дома, в уюте. По крайней мере, они ей дали с собой керосиновую лампу. Послушай, тут написано: *12.30. Леди Тилни возвращается из 1852 года в хорошем настроении; при свете керосиновой лампы она связала крючком двух поросят для благотворительного крещенского базара, который в этом году проходит под девизом* ***«Сельская жизнь».*** — Он повернулся ко мне. — Вязанные поросята! Можешь себе представить? Существует опасность, что она получит самый большой шок в своей жизни, когда ты внезапно возникнешь из ничего. Ты действительно готова рискнуть?

— Она будет вооружена только крючком для вязания, а они сверху закруглены, если я правильно помню. — Я наклонилась над хронографом. — Значит, сначала год. 1852. Я должна начать с M, правильно? MDCCCLII. А февраль по кельтскому календарю — это три, нет, четыре…

— Что ты делаешь? Мы сначала должны перевязать твою рану и еще раз хорошо всё обдумать.

— На это у нас нет времени, — сказала я. — День… это вот этот рычаг, да?

Лукас вполоборота смотрел на меня испуганными глазами.

— Не так быстро! Все должно быть очень точно выставлено, иначе… иначе… — Он опять выглядел так, как будто его сейчас стошнит. — И никогда не держи крепко хронограф, иначе ты унесешь его с собой в прошлое. И тогда ты не сумеешь вернуться!

— Как Люси и Пол, — прошептала я.

— Для надежности выберем окно всего в три минуты. Возьми 12.30 до 12.33, в это время она уже сидит и мирно вяжет поросят. Если она спит, не вздумай ее будить, а то она еще инфаркт получит…

— Как будто это не было бы записано в Хрониках? — перебила я его. — Леди Тилни производит впечатление крепкого человека, она не упадет в обморок.

Лукас отнес хронограф к окну и поставил за портьеру.

— Мы можем быть уверенными, что тут не будет мебели. Да, и не надо закатывать глаза. Тимоти де Вилльер однажды так неудачно приземлился на стол, что сломал себе ногу!

— А если леди Тилни как раз здесь стоит и мечтательно смотрим в ночное небо? О, не смотри на меня так, дедушка, это была шутка.

Я мягко отодвинула его в сторону, присела на корточки перед хронографом и открыла клапан над рубином. Он был как раз по размеру моего пальца.

— Подожди! Твоя рана!

— Мы можем перевязать ее и через три минуты. Увидимся, — сказал я, глубоко вдохнула и прижала палец к иголке.

Знакомое головокружение охватило меня и в тот момент, когда вспыхнул красный свет, а Лукас произнес: «Но я хотел еще…», все передо мной исчезло.

~~~

Хроники Хранителей

18 декабря 1745 года

В то время, когда армия якобитов[9] якобы уже подошла к Дерби и двигается дальше на Лондон, мы переехали в нашу новую штаб-квартиру и надеемся, что слухи о 10 000 французских солдатах, присоединившихся к *Молодому Претенденту*, красавчику принцу Чарли,[10] окажутся несостоятельными, и мы в городе мирно отпразднуем Рождество. Для нас, Хранителей, трудно представить себе более подходящее место, чем старинный дом в Темпле, ибо и тамплиеры были хранителями великих тайн, их церковь видна из наших окон, а их катакомбы соединены с нашими.

Официально мы будем здесь заниматься нашими делами, но здесь же будет предоставлено жилье адептам, послушникам и гостям, а также слугам, кроме того будет оборудовано несколько лабораторий для занятий алхимией.

Мы очень рады, что лорду Аластеру не удалось испортить отношения между графом и принцем Уэльса, распространяя клевету (см. Протокол от 2 декабря), и мы сумели благодаря протекции Его Величества приобрести этот комплекс зданий.

Сегодня в Зале Дракона произойдет торжественная передача тайных документов, принадлежавших графу, членам Внутреннего круга.

Отчет: сэр Оливер Ньютон, Внутренний круг.
~~~

Глава четвертая

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы привыкнуть к другому освещению. Зал освещала одна керосиновая лампа, стоящая на столе. В ее теплом скупом свете я разглядела симпатичный натюрморт из корзинки, нескольких клубков шерсти, чайника с войлочным чехлом и чашки, расписанной розами. А еще — леди Тилни, мирно вязавшую сидя на стуле, которая, увидев меня, опустила руки. Она была намного старше, чем в нашу первую встречу, ее рыжие волосы поседели и явно подверглись химической завивке, они были сложены в простенькую прическу. И тем не менее она сохранила величественную неприступную осанку, точно как моя бабушка. Она даже не сделала попытки закричать или — боже упаси! — кинуться на меня с крючком в руке.

— С Рождеством! — сказала она.

— С Рождеством, — ответила я, несколько растерявшись. На какую-то долю секунды я не знала, что делать дальше, но тут же взяла себя в руки. — Не надо бояться, мне не нужна кровь или что-то в этом роде. — Я вышла из-за шторы.

— С кровью все уже давным-давно решилось, Гвендолин, — сказал леди Тилни с легким упреком, как будто я должна была это точно знать. — Я уже спрашивала себя, когда же ты появишься? Присядь. Хочешь чаю?

— Нет, спасибо. У меня, к сожалению, всего пару минут. — Я подошла еще на шаг ближе и протянула ей записочку. — Эту бумагу должен получить мой дедушка, чтобы… ну, чтобы все произошло так, как произошло. Это очень важно.

— Понимаю. — Леди Тилни взяла записку и совершенно спокойно развернула ее. Она вообще не выглядела удивленной.

— Почему вы ждали меня? — спросила я.

— Потому что ты мне сказала, чтобы я не пугалась, когда ты появишься у меня. К сожалению, ты не сообщила, когда это произойдет, поэтому я уже много лет жду, что ты меня все-таки испугаешь. — Она тихо засмеялась. — Но вязание поросят оказывает сильное успокаивающее воздействие. Если честно, от скуки очень легко заснуть.

Я собиралась уже вежливо произнести «Но это же для благотворительных целей», но вдруг заметила корзинку, и вместо этого непроизвольно выпалила «Ой, какие хорошенькие!». Они были действительно хорошенькими. Намного больше, чем я себе представляла,

размером с большую мягкую игрушку и выполнены очень правдиво.

— Возьми себе одного, — сказала леди Тилни.

— Правда? — Я подумала о Каролине и залезла рукой в корзину. Игрушки были мягкие и пушистые.

— Ангора и кашемир, — сказала леди Тилни с гордостью. — Только я использую эту шерсть. Остальные берут овечью, но она колючая.

— Э-э-э, да. Спасибо. — Прижав розового поросенка к груди, я попыталась собраться с мыслями. На чем мы остановились? Я откашлялась. — Когда мы встретимся в следующий раз? Я имею в виду — в прошлом?

— Это был 1912 год. Если смотреть от меня, то это будет не следующий раз. — Она вздохнула. — Это было волнующее время…

— О черт! — У меня в животе снова появилось чувство, которое бывает на американских горках. Какого черта мы не выбрали более длинный промежуток времени? — Ну, тогда вы знаете больше меня, — торопливо сказала я. — У нас нет времени на подробности, но… может, вы дадите мне хороший совет на будущее?

Я отступила на пару шагов, выйдя из круга света от лампы и приблизясь к окну.

— Совет?

— Да! Что-нибудь вроде «Избегай чего-то-там…»? — Я ожидающе смотрела на нее.

— Чего? — Леди Тилни точно так же ожидающе смотрела на меня.

— А я откуда знаю? Чего мне надо избегать?

— В любом случае — бутербродов с вяленым мясом и прямого солнечного света, это плохо для цвета лица, — энергично сказала леди Тилни и тут же исчезла.

Я снова была в 1956 году.

Бутерброды с вяленым мясом! Бог ты мой! Лучше бы я спросила, *кого* мне надо избегать, а не *чего*. Но было уже поздно. Возможность была упущена.

— Господи, а это что такое? — почти закричал Лукас, увидев поросенка.

Да, еще и это: вместо того чтобы извлечь как можно больше пользы из каждой секунды, чтобы получить информацию от леди Тилни, я, как ненормальная, бросилась к розовой игрушке.

— Вязаный поросенок, дедушка, ты же видишь! — сказала я невыразительно, разочарованная собственным поведением. — Ангора и кашемир. Остальные используют овечью шерсть…

— Во всяком случае, наш тест сработал, — сказал Лукас, качая головой. — Ты научилась пользоваться хронографом, и мы можем договориться о встрече. В моем доме.

— Это было слишком коротко, — пожаловалась я. — Я ничего не успела узнать.

— Ну… как-никак ты получила… э-э-э… свинью, а леди Тилни не получила инфаркт. Или получила?

Я беспомощно покачала головой.

— Конечно нет.

Лукас завернул хронограф в бархатное покрывало и отнес обратно в ларь.

— Давай я тебя утешу: зато у нас достаточно времени, чтобы проскользнуть обратно в подвал и разработать дальнейшие планы, пока мы будем ждать обратного прыжка. Понятия не имею, как мы будем выкручиваться, если Картрелл, этот пьянчужка, проспался.

Я была почти в эйфории, когда в конце концов оказалась в своем времени. Ладно, с вязаным поросенком (я запихнула его в сумку) получилось, наверное, не слишком эффективно, но со всем остальным мы с Лукасом отлично управились. Если только в сундуке действительно хронограф, нам не нужно было больше полагаться на удобный случай.

— Какие-нибудь особые события? — поинтересовался мистер Марли.

Дайте подумать: все время после обеда я ковала со своим дедушкой конспиративные планы, несмотря на запрет мы внесли мою кровь в хронограф, в следствие чего я отправилась в 1852 год, где у меня состоялась секретная встреча с леди Тилни. Ну ладно, это было не слишком секретно, но точно запрещено.

— Лампочка иногда мигала, — сказала я. — И я выучила французские слова.

Мистер Марли наклонился над журналом и действительно записал своим аккуратным мелким почерком следующее: *19.43, Рубин вернулась из 1956 года, там выполняла домашние задания, лампочка мигала.* Я подавила смешок. О да, порядок превыше всего. Наверняка он родился под созвездием Девы. Ужасно только, что было уже так поздно. Я надеялась, что мама не отправит Лесли домой раньше, чем я вернусь.

Но мистер Марли, похоже, никуда не спешил. Как будто испытывая мои нервы он очень медленно навинчивал колпачок на ручку.

— Я и сама могу найти выход, — сказала я.

— Нет, вам нельзя, — сказал он испуганно. — Я провожу вас до

лимузина. — Мистер Марли захлопнул журнал и встал. — И я должен завязать вам глаза. Вы же знаете.

Со вздохом я позволила ему повязать мне на глаза черный шарф.

— Я так и не могу понять, почему я не должна знать дорогу в эту комнату. — Если не считать, что я ее уже давно знала.

— Потому что так написано в Хрониках, — сказал мистер Марли, в голосе которого слышалось удивление.

— Что? — воскликнула я. — Мое имя есть в Хрониках и там написано, что я не должна знать дорогу? Когда?

Сейчас в голосе мистера Марли явно звучало недовольство.

— Конечно, там не значится ваше имя, иначе все эти годы другой Рубин, ну, я имею в виду, конечно, мисс Шарлотту… — Он откашлялся и замолк; я только слышала звук открывающейся двери. — Позвольте? — спросил он, взял меня за руку и вывел в коридор.

Я не видела его, но была уверена, что он опять покраснел, потому что у меня появилось чувство, как будто я стою возле обогревателя.

— Что точно написано там обо мне? — спросила я.

— Прошу прощения, но я действительно не могу… я и так слишком много сказал.

По его тону можно было понять, что он изо всех сил старается сдержаться, наверное, сжимая кулак, по крайней мере, той руки, что была свободна. И этот тип — потомок опасного Ракоци?! Сейчас умру от смеха!

— Ну, пожалуйста, *Лео!* — сказала я, вложив в голос все дружелюбие.

— Сожалею, но от меня вы больше ничего не узнаете.

Позади нас захлопнулась тяжелая дверь. Мистер Марли отпустил мою руку, чтобы запереть ее, на что ему потребовалось по моему ощущению десять минут. Я постаралась выгадать немного времени, взяв быстрый темп. Что, надо сказать, с завязанными глазами не так просто. Мистер Марли снова схватил меня за руку, что было хорошо, потому что без проводника в этом лабиринте я бы тут же разбила себе лоб о стену. Я решила еще немного подлизаться к мистеру Марли, на будущее не помешает. Может, он позже поделится со мной информацией.

— А вы в курсе, что я вашего предка лично знаю? — Еще точнее, я даже его сфотографировала, но показать фото мистеру Марли, конечно, не могла, он бы сразу наябедничал, что я брала с собой в прошлое запрещенные предметы.

— Действительно? Завидую вам. Барон, говорят, был впечатляющей личностью!

— О да, *весьма* впечатляющей! — Чистая правда. Жуткий старик-

наркоман. — Он спросил меня о Трансильвании, но, к сожалению, я не смогла ему ничего рассказать по этому поводу.

— Да, ему, наверное, очень сложно жить в изгнании, — сказал мистер Марли, и тут же выдал пронзительное «Ух!»

Крыса, подумала я и в панике сорвала повязку с глаз. Но не крыса заставила мистера Марли закричать. Это был Гидеон. С более длинной, чем сегодня до обеда, щетиной, но с невероятно горящими глазами. И невозможно, бессовестно, непостижимо красивый.

— Это всего лишь я, — сказал он, улыбаясь.

— Я вижу, — сказал мистер Марли недовольно. — Вы меня ужасно испугали.

Меня еще больше. Моя нижняя губа снова начала дрожать, и я вонзила в нее зубы, чтобы удержать. Дурацкая губа!

— Вы можете идти домой, я отведу Гвендолин к машине, — сказал Гидеон и, как будто это было само собой разумеющимся, протянул мне руку.

Я нацепила на лицо маску высокомерия (насколько хорошо это можно сделать с прикушенной нижней губой — наверное, я выглядела, как бобр. Но высокомерный бобр все-таки.) и проигнорировала его руку.

— Нельзя, — сказал мистер Марли. — Мне поручено, довести мисс… О-о-о-о! — Он с ужасом смотрел на меня. — О, мисс Гвендолин, почему вы сняли повязку? Это против правил.

— Я думала, это крыса, — сказала я и бросила мрачный взгляд на Гидеона. — В чем я не так сильно и ошиблась.

— Видите, что вы наделали, — сказал обвиняющим тоном мистер Марли, обращаясь к Гидеону. — Я даже не знаю, что я сейчас… по протоколу… и если мы…

— Не наложите в штаны, Марли. Идем, Гвенни, мы уходим.

— Вы не можете… я настаиваю, чтобы… — заикался мистер Марли. — И… и… и вы в отношение меня неправомочны… э-э-э… я хотел сказать не уполномочены давать распоряжения.

— Так идите донесите на меня!

Гидеон схватил меня за руку и потащил вперед. Сначала я хотела сопротивляться, но поняла, что только потеряю еще больше времени. Скорее всего, мы стояли бы здесь до завтра и дискутировали. Так что я позволила себя тянуть и бросила мистеру Марли извиняющийся взгляд через плечо.

— До свидания, Лео.

— Да, вот именно. До свидания, Лео, — сказал Гидеон.

— Это… это не останется без последствий, — лепетал мистер Марли вслед, а его голова светилась в сумеречном коридоре, как сигнал маяка.

— Да-да, у нас уже поджилки от страха трясутся. — Гидеону, казалось, было безразлично, слышит ли его мистер Марли. — Идиот-карьерист!

Я подождала, когда мы свернем в следующий коридор, вырвала руку и ускорила шаг, почти перейдя на бег.

— Какие-то олимпийские амбиции? — спросил Гидеон.

Я резко повернулась на каблуках.

— Что ты хочешь? — Лесли бы гордилась, услышав мое шипение. — Я действительно спешу.

— Я хотел еще раз убедиться, что ты действительно услышала мои утренние извинения. — Из его голоса полностью исчезла ирония. Зато из моего нет.

— Да, я действительно их услышала, — фыркнула я. — Что не значит, что я их приняла.

— Гвен…

— Перестань, тебе не надо еще раз говорить, что я тебе нравлюсь. Ты мне тоже нравился, ты в курсе? Очень нравился. Но это все в прошлом. — Я побежала по винтовой лестнице вверх так быстро, как могла. В результате, добравшись до верха, я дышала с большим трудом. Больше всего мне хотелось повиснуть на перилах, чтобы отдышаться. Но я не могла позволить себе такую слабость. Тем более, что Гидеон вообще не запыхался. Так что я помчалась дальше, пока он не схватил меня за руку и не заставил остановиться. Я вздрогнула, поскольку его пальцы задели рану на руке. Она снова начала кровить.

— Это нормально, что ты меня ненавидишь, правда, для меня это не проблема, — сказал Гидеон, глядя при этом мне прямо в глаза. — Но я узнал кое-что такое, что вынуждает нас держаться вместе — тебя и меня. Чтобы ты… чтобы мы вышли живыми из этой заварушки.

Я попыталась освободиться, но его хватка стала только сильнее.

— И что же такого ты узнал? — спросила я, хотя мне хотелось вскрикнуть от боли.

— Я еще точно не знаю. Но очень может быть, что я ошибался в отношение Люси и Пола. И поэтому так важно, чтобы ты… — Он запнулся, отпустил меня и посмотрел на свою ладонь. — Это *кровь?*

Черт! Сейчас самое главное — не выглядеть застигнутой врасплох.

— Ничего страшного. Порезалась сегодня утром в школе о край бумаги. Ну, а чтобы не отвлекаться от темы: до тех пор, пока ты это *кое-что,* которое ты узнал, не специфицируешь (боже, как я гордилась, что

вспомнила это слово!), я не собираюсь держаться с тобой вместе.

Гидеон опять попытался схватить меня за руку.

— Это выглядит серьезной раной. Дай я посмотрю… а еще лучше — идем к доктору Уайту. Может быть, он еще не ушел.

— Это, видимо, должно означать, что ты не собираешься уточнять, что именно ты узнал. — Я удержала его на расстоянии вытянутой руки, чтобы он не мог рассмотреть мою рану.

— Потому что я сам еще не уверен, как это следует понимать, — сказал Гидеон. И точно так же, как Лукас, продолжил, впадая в отчаяние: — Мне нужно больше времени!

— Да, кому не нужно? — Я двинулась с места. Мы уже были возле ателье мадам Россини, а оттуда было уже рукой подать до выхода. — Пока, Гидеон. Мы увидимся, к сожалению, завтра.

Тайно я ждала, что он меня опять остановит, но он не стал. Он даже не пошел за мной. И хотя я умирала от желания знать, какое выражение у него сейчас на лице, я не обернулась. Было бы глупо — у меня слезы опять лились по щекам.

Ник ждал меня в дверях дома.

— Наконец-то! — сказал он. — Я хотел уже начать без тебя, но мистер Бернхард сказал, что надо тебя подождать. Он испортил сливной бачок в голубой ванной комнате и заявил, что должен там сколоть кафельную плитку, чтобы добраться до бачка. Тайную дверь мы закрыли на засов изнутри. Хитро?

— Очень хитро!

— Но через час вернутся леди Ариста и тетя Гленда, и они наверняка скажут, что он должен отложить ремонт до завтра.

— Значит, нам надо поспешить. — Я коротко притянула его к себе и поцеловала в рыжую растрепанную макушку. На такое всегда должно быть достаточно времени. — Ты же никому ничего не рассказал?

Ник посмотрел на меня слегка виновато.

— Только Каролине. Она так… ну, ты знаешь, что она всегда чувствует, когда в воздухе витает какая-то тайна, и как настойчиво она умеет расспрашивать. Но она никому не расскажет и поможет нам отвлечь маму, бабушку Мэдди и Шарлотту.

— В первую очередь Шарлотту, — сказала я, больше сама себе.

— Они все в столовой. Мама пригласила Лесли остаться на ужин.

В столовой все как раз вставали из-за стола. Это означало, что бабушка Мэдди пересаживалась в свое кресло у камина, чтобы поднять ноги, а

мистер Бернхард и мама убирали со стола. Все обрадовались, увидев меня, то есть, все, кроме Шарлотты. А может, она сумела хорошо спрятать свою радость.

Ксемериус раскачивался, вися на люстре, и кричал:

— Ну наконец-то ты появилась! Я как раз собирался умереть со скуки!

Хотя воздух вкусно пах едой и мама сказала, что оставила для меня кое-что теплым, я геройски заявила, что не голодна, так как поужинала в Темпле. Мой желудок свело судорогой от этой лжи, но я не могла терять время на то, чтобы его успокоить.

Лесли ухмыльнулась мне.

— Карри получилось изумительно. Я никак не могла перестать есть. Тем более что моя мама в настоящий момент переживает ужасную фазу экспериментирования, и ту макробиотическую дрянь, что она готовит, не ест даже наша собака.

— Для этого ты выглядишь слишком… э-э-эм… скажем, упитанной, — сказала Шарлотта язвительно.

Из ее заплетенных волос выбились несколько прядей и очень выигрышно обрамляли лицо. Непостижимо, как человек может быть таким красивым и таким подлым.

— Хорошо тебе. Я бы тоже хотела, чтобы у меня была собака, — сказала Каролина Лесли. — Или какой-нибудь другое домашнее животное.

— Ах, у нас же есть Ник, — сказала Шарлотта. — Это почти как будто у нас есть обезьянка.

— Не забудь про себя, настоящая гадкая ядовитая паучиха, — сказал Ник.

— Малой, держи пять, — прокаркал Ксемериус с люстры и захлопал лапами. — Отлично парировал.

Мама помогала мистеру Бернхарду составить посуду в кухонный лифт.

— Ты же знаешь, Каролина, что это не получится, пока тетя Гленда страдает от аллергии на шерсть животных.

— Мы могли бы завести голого землекопа,[11] — сказала Каролина. — Всё лучше, чем ничего.

Шарлотта раскрыла рот, но потом закрыла, очевидно, ей не пришло в голову ничего противного на тему голого землекопа.

Бабушка Мэдди, уютно устроившись в кресле и выглядевшая сонной, показала на свою круглую розовую щечку:

— Гвендолин, поцелуй бабушку! Это ужасно, как редко мы стали видеться. Сегодня ночью ты опять мне снилась, и я тебе сразу хочу сказать, что приятным этот сон не был…

— Давай ты расскажешь мне позже? — Я поцеловала ее в щеку и прошептала на ухо: — Можешь мне помочь держать Шарлотту подальше от голубой ванной комнаты?

Морщинки бабушки Мэдди стали еще глубже, она подмигнула мне. В один момент сонливость как ветром сдуло.

Мама договорилась сегодня вечером встретиться со своей подругой. Сегодняшнее настроение у нее было намного лучше, чем в последние дни — никаких озабоченных взглядов или подчеркнутых вздохов. К моему удивлению она не возражала против того, что Лесли останется немного дольше. Она даже не стала нас нагружать лекцией об опасности ночных поездок на автобусе. Более того, Нику было разрешено помогать мистеру Бернхарду при починке якобы поломанного сливного бачка, вне зависимости от длительности ремонта. Только Каролине не повезло: ее отправили в постель.

— Но я же хочу увидеть, когда сун… сливной бачок разберут, — ныла она и даже выдавила слезу, когда мама не смягчилась.

— Я тоже уже иду в кровать, — сказала Шарлотта Каролине. — С хорошей книжкой.

— *«В тени Вампирского холма!»* — выдал ее Ксемериус. — Она уже на четыреста тринадцатой странице, на том месте, где молодой, хоть и неживой, Кристофер Сент-Ив наконец-то затаскивает в постель красавицу Мэри Лу.

Это меня развеселило, я глянула в сторону Ксемериуса, который неожиданно слегка смутился.

— Я клянусь, я прочел пару строк, — сказал он и спрыгнул с люстры на подоконник.

Бабушка Мэдди тут же использовала заявление Шарлотты.

— О, дорогая! А я думала, ты составишь ненадолго мне общество в музыкальном салоне, — сказала она. — Я бы с удовольствием сыграла в «Скраббл».

Шарлотта закатила глаза.

— В прошлый раз мы должны были тебя исключить из игры, потому что ты настаивала на том, что существует слово *ухокот*.

— Да, оно действительно существует. Это кот с ушами. — Бабушка Мэдди поднялась и повисла на руке Шарлотты. — Но я не настаиваю, пусть оно сегодня не считается.

— И *прыгоптиц*, и *коровосок*, — сказала Шарлотта.

— Но, зайчик, прыгоптиц совершенно точно есть, — сказала бабушка Мэдди и подмигнула мне.

Перед тем как идти с Лесли наверх в мою комнату, я обняла маму.

— Кстати, я должна передать тебе привет от Фалька де Вилльера. Он хотел знать, встречаешься ли ты с кем-то серьезно.

Наверное, с этим приветом мне следовало немного повременить, пока Шарлотта и бабушка Мэдди не покинули бы комнату, потому что обе остановились и стояли как вкопанные, с любопытством разглядывая маму.

— Что? — Мама слегка порозовела. — И что ты сказала?

— Как что? Что ты уже целую вечность не ходила на свидания и что последний тип, с которым ты встречалась, постоянно чесался в паху, когда думал, что его никто не видит.

— Нет, ты этого не сказала!

Я засмеялась.

— Не сказала.

— О, вы говорите о том симпатичном банкире, с которым тебя познакомила Ариста? Мистер Ичмен? — вмешалась бабушка Мэдди. — *Это* были лобковые вши, гарантированно.

Лесли захихикала.

— Его звали Хитчмен, тетя Мэдди. — Мама, передернувшись, потерла плечи. — Хорошо, что я не стала проверять его на предмет лобковых вшей. Но что ты ему сказала? Я имею в виду — Фальку.

— Ничего, — ответила я. — Может, я должна у него при удобной возможности спросить есть ли у него кто-то постоянный?

— Посмей только! — сказала мама. Потом она ухмыльнулась и добавила: — Нет у него никого. Я случайно это узнала от одной подруги, у которой есть подруга, которая близко знакома с ним… Не думай, что меня это интересует.

— Не-е-е-т, конечно не интересует, — сказал Ксемериус. Он взлетел с подоконника и уселся посередине стола. — Может, мы уже наконец-то начнем?

Через полчаса Лесли была в курсе последних событий, а Каролина получила настоящего винтажного вязаного поросенка из 1929 года. Когда я ей рассказала, где его взяла, она, под большим впечатлением, захотела назвать поросенка Маргрет, в честь леди Тилни. С ним в обнимку она, переполненная счастьем, заснула, когда в доме наконец-то все успокоилось.

Звуки от молотка и зубила мистера Бернхарда были слышны по всему дому — тайно мы никогда в жизни не сумели бы вскрыть стену. И тайно поднять сундук наверх, в мою комнату, у мистера Бернхарда и Ника тоже не получилось. Вслед за ними в комнату просеменила бабушка Мэдди.

— Она увидела нас на лестнице, — извиняющимся тоном сказал Ник.

— …и она узнала сундук! — взбудоражено сказала бабушка Мэдди. — Он принадлежал моему брату. Годами он стоял в библиотеке, как вдруг однажды — незадолго до его смерти — внезапно исчез. Я думаю, я имею право узнать, что вы собираетесь с ним делать.

Мистер Бернхард вздохнул.

— У нас, к сожалению, не было выбора — как раз в тот момент в дом вернулись леди Ариста и мисс Гленда.

— Да, а я, в любом случае, меньшее из зол, — удовлетворенно улыбнулась бабушка Мэдди.

— Самое главное, чтобы Шарлотта ничего не узнала, — сказала Лесли.

— Нет-нет, не беспокойся. Она ушла в свою комнату, кипя от злости, только потому что я выложил слово *картожницы*.

— Что, как знает каждый, означает ножницы для разрезания карт, — сказал Ксемериус. — Как бы то ни было. Должны быть в каждом хозяйстве.

Бабушка Мэдди стала на колени перед сундуком и погладила пыльную крышку.

— Откуда он у вас?

Мистер Бернхард вопросительно посмотрел на меня, и я пожала плечами. Если она уже была здесь, можно было ей всё рассказать.

— Я замуровал его по распоряжению вашего брата, — с достоинством произнес мистер Бернхард. — Вечером, накануне его смерти.

— Лишь вечером накануне его смерти? — повторила я.

Я этого не знала.

— И что там внутри? — поинтересовалась бабушка Мэдди.

Она уже поднялась и искала место, чтобы сесть. Не найдя ничего другого, она уселась рядом с Лесли на край моей кровати.

— Хороший вопрос, — сказал Ник.

— Хороший вопрос скорее, как мы откроем этот сундук, — сказал мистер Бернхард. — Потому что ключ пропал вместе с дневниками лорда Монтроуза во время взлома.

— Какого взлома? — спросили Лесли и Ник в один голос.

— В день похорон вашего дедушки дом взломали, — объяснила бабушка Мэдди. — Пока мы все прощались с ним на кладбище. Такой грустный был день, помните, дорогой? — Бабушка Мэдди смотрела на мистера Бернхарда снизу вверх, а он слушал ее с неподвижным лицом.

Мне что-то такое припомнилось. Насколько я помню, взломщиков тогда спугнули, и они сбежали, не успев прихватить что-нибудь с собой. Но

когда я начала объяснять Лесли и Нику, бабушка Мэдди возразила:

— Нет-нет, ангел мой. Полиция предполагала, что ничего не было украдено, потому что наличные деньги, именные облигации и дорогие ювелирные украшения по-прежнему лежали в сейфе.

— Что было бы логичным, если предположить, что взломщиков интересовали только дневники, — сказал мистер Бернхард. — Я позволил себе тогда изложить свою теорию полиции, но мне никто не поверил. Кроме того, на сейфе не было следов взлома, что означало, что воры должны были знать комбинацию. Поэтому решили, что лорд Монтроуз спрятал дневники где-то в другом месте.

— *Я* вам поверила, дорогой, — сказала бабушка Мэдди. — Но, к сожалению, мое мнение в тот момент не имело никакого значения. Собственно, оно никогда не имело значения, — добавила она, сморщив нос. — Как бы то ни было… За три дня до смерти Лукаса у меня было видение, и я была уверена, что он умер не своей смертью. К несчастью, меня, как обычно, посчитали сумасшедшей. При этом видение было совершенно ясным: огромная пантера прыгнула на грудь Лукасу и разорвала ему горло.

— Да, *очень* ясно, — пробормотала Лесли.

А я спросила:

— А дневники?

— Так и не были найдены, — сказал мистер Бернхард. — А с ними и ключ к сундуку. Я своими глазами видел, как лорд Монтроуз приклеил ключ к обложке последнего дневника.

Ксемериус нетерпеливо захлопал крыльями.

— Я за то, чтобы закончить этот треп и взять ломик!

— Но… у дедушки же был инфаркт, — сказал Ник.

— Ну… во всяком случае, на первый взгляд. — Бабушка Мэдди глубоко вздохнула. — Ему было восемьдесят лет, когда он свалился за собственным столом в Темпле. Мое видение, очевидно, не было достаточным мотивом, чтобы провести аутопсию. Ариста сильно рассердилась на меня, когда я это предложила.

— У меня гусиная кожа, — прошептал Ник, придвинулся поближе и прижался ко мне.

Какое-то время мы молчали. Только Ксемериус кружил вокруг лампы на потолке и кричал: «Ну хватит уже!», но этого никто, кроме меня, не слышал.

— Очень много совпадений, — сказала Лесли наконец.

— Да, — согласилась я. — Лукас поручает замуровать сундук и

случайно умирает на следующий день.

— Да, и *случайно* за три дня до этого у меня видение о его смерти, — сказала бабушка Мэдди.

— И *случайно* бесследно исчезают его дневники, — добавил Ник.

— И *случайно* ключ, который мисс Лесли носит на шее, выглядит точно так же, как ключ к этому сундуку, — сказал мистер Бернхард, почти извиняясь. — Во время ужина я не мог отвести глаз.

Лесли ошеломленно взялась за цепочку на шее.

— Этот? Ключ к моему сердцу?

— Нет, этого не может быть, — сказала я. — Я украла его из ящика письменного стола в Темпле, когда-то в восемнадцатом веке. Не слишком ли много случайностей, а?

— Случай — единственный законный владыка мира, еще Эйнштейн сказал. А он должен был быть в курсе. — Бабушка Мэдди, чем-то заинтересовавшись, наклонилась вперед.

— Это не Эйнштейн сказал, а Наполеон, — прокричал Ксемериус с потолка. — А у него не все шестеренки крутились правильно!

— Может быть, я и ошибаюсь. Все старые ключи выглядят практически одинаково, — сказал мистер Бернхард.

Лесли покопалась с застежкой цепочки и протянула мне ключ:

— Попробовать точно стоит.

Я передала ключ мистеру Бернхарду. Все задержали дыхание, когда он, присев на корточки, вставил ключ в изящный замочек. Ключ легко повернулся.

— Непостижимо, — прошептала Лесли.

Бабушка Мэдди довольно кивнула.

— Случайностей нет! Всё это — судьба. А сейчас не мучайте нас больше и откройте крышку, мистер Бернхард.

— Минутку! — Я набрала воздуха. — Крайне важно, чтобы все, находящиеся в комнате, сохраняли полное молчание о том, что находится в сундуке!

Так быстро может всё измениться: еще пару дней назад я жаловалась на стремление Хранителей сделать из всего тайну, а сейчас я сама организовала тайное общество. Не хватало еще, чтобы я потребовала, чтобы все завязывали глаза, когда выходят из моей комнаты.

— Похоже, что ты знаешь, что там внутри, — сказал Ксемериус, который уже несколько раз пытался просунуть голову сквозь деревянные стенки сундука, но каждый раз, кашляя, отходил.

— Конечно, мы ничего не скажем, — сказал Ник немного обиженно. А

Лесли и бабушка Мэдди смотрели на меня с возмущением. Даже на неподвижном лице мистера Бернхарда поднялась бровь.

— Поклянитесь, — потребовала я, и чтобы все поняли, насколько это серьезно, добавила: — Поклянитесь своими жизнями!

Только бабушка Мэдди вскочила и с восторгом положила руку на сердце. Остальные колебались.

— А нельзя взять что-нибудь другое, не жизнь? — ворчала Лесли. — Мне кажется, левой руки будет достаточно.

Я помотала головой.

— Поклянись!

— Я клянусь своей жизнью, — радостно воскликнула бабушка Мэдди.

«Я клянусь», — неловко пробормотали остальные. Ник начал нервно хихикать, когда бабушка Мэдди, чтобы подчеркнуть торжественности момента, промычала мелодию национального гимна.

Раздался скрип, когда мистер Бернхард — предварительно еще раз удостоверившись взглядом, что я не возражаю — поднял крышку сундука. Его пальцы осторожно разворачивали ветхие бархатные полотна. Когда он полностью развернул лежавший в сундуке предмет, все, кроме меня, издали звуки удивления, что-то вроде «О!» и «А!» Только Ксемериус крикнул: «Елки-палки!»

— Это то, что я думаю? — через какое-то время спросила бабушка Мэдди, глаза которой были все еще округлившимися.

— Да, — сказала я и устало убрала волосы с лица. — Это хронограф.

Все ушли: Ник и бабушка Мэдди неохотно, мистер Бернхард незаметно, а Лесли протестуя. Но ее мама уже дважды звонила, чтобы узнать: а) не убили ли ее за это время, или б) не лежит ли она разрезанная на части где-нибудь в Гайд-парке, так что выбора у нее не было. Но до ее ухода я должна была ей поклясться держаться нашего Главного плана. «Поклянись своей жизнью», — потребовала она, и я доставила ей это удовольствие. Но в отличие от бабушки Мэдди я отказалась от исполнения национального гимна.

Наконец-то в моей комнате стало тихо, а через два часа, после того как мама заглянула ко мне, — и во всем доме. Я боролась с желанием использовать хронограф прямо сегодня ночью. Для Лукаса не имело бы значения, прыгну ли я к нашему свиданию в 1956 году сегодня, только завтра или вообще через четыре недели, а для меня ночь, которую я для разнообразия проспала бы напролет, могла бы совершить чудо. С другой стороны: завтра мне уже нужно отправляться на бал и встретиться с графом Сен-Жерменом, а я все еще не знала, что он замышляет.

Завернув хронограф в халат, я крадучись пошла вниз.

— Зачем ты тащишь эту штуку через весь дом? — спросил Ксемериус. — Ты бы могла прыгнуть прямо из своей комнаты.

— Да, но откуда я знаю, кто там в 1956 году спал? А потом мне нужно было бы пробираться через весь дом, рискуя при этом, что кто-то примет меня за взломщицу… Нет, я прыгну в тайном коридоре, там можно не опасаться, что меня кто-то увидит. Лукас будет ждать меня перед портретом прапрапрадедушки Хью.

— Количество «пра» каждый раз другое, — заявил Ксемериус. — Я бы на твоем месте называл его просто «жирный предок».

Я проигнорировала его и сконцентрировала свое внимание на поломанных ступеньках. Спустя короткое время я сдвинула картину, она не издала ни малейшего скрипа, поскольку мистер Бернхард смазал механизм. Кроме того, он приделал задвижки на дверях в ванную комнату и к выходу на лестницу. Я засомневалась, стоит ли их запирать. Ведь если я по какой-то причине вынуждена буду прыгнуть назад вне тайного коридора, то я и хронограф будем по разные стороны замков.

— Скрести за меня пальцы, чтоб всё сработало, — сказала я Ксемериусу, присев перед хронографом, засовывая палец в клапан под рубином и прижимая его к иголке. (Кстати, к боли я не привыкла. Каждый раз было ужасно больно.)

— Я бы скрестил, если бы они у меня были, — успел еще сказать Ксемериус, перед тем как исчез, а с ним и хронограф.

Я сделала глубокий вдох, но воздух в коридоре был затхлым, поэтому головокружение не прошло. Немного качаясь, я встала, покрепче сжала в руке фонарик Ника и открыла дверь на лестницу. Когда картина отъехала в сторону, раздался скрип и треск, как в классическом фильме ужасов.

— А вот и ты, — прошептал Лукас, в руках у которого тоже был фонарик, ждавший меня на другой стороне. — На какую-то долю секунды я испугался, что это может быть призрак, точно в полночь…

— В пижаме с картинками из «Кролика Питера»?[12]

— Я немного выпил, поэтому… Но я очень рад, что оказался прав в отношение содержимого сундука.

— Да, и, к счастью, хронограф еще и работает. У меня есть час времени, как мы и договаривались.

— Тогда идем скорее, пока он снова не заорал и не перебудил всех в доме.

— Кто? — прошептала я испуганно.

— Ну, малыш Гарри. У него режутся зубы или что-то такое. Во всяком

случае, он орет не хуже сирены.

— *Дядя* Гарри?

— Ариста говорит, что воспитание требует, чтобы мы позволяли ему кричать, иначе он вырастет маменькиным сынком. Но это нельзя выдержать! Иногда я прокрадываюсь к нему — маменькин сынок или нет, он перестает кричать, если ему спеть «Лисица украла гусенка».

— Бедный дядя Гарри. Классический случай психической травмы в раннем возрасте, я бы сказала.

Неудивительно, что он сегодня не упускает возможности застрелить всё, что ему попадется под дуло: уток, оленей, диких кабанов и — особенно! — лисиц. Он был председателем общества, боровшегося за возвращение легальности охоте на лисиц в Глосестершире.

— Может, ты будешь петь ему что-нибудь другое? И купишь ему плюшевую лисичку?

Никем не замеченные, мы добрались до библиотеки, и когда Лукас запер за нами дверь, я облегченно вздохнула.

— Так, это нам уже удалось.

В комнате по сравнению с моим временем практически ничего не изменилось, только на креслах возле камина были другие чехлы — шотландская зелено-голубая клетка вместо кремовых роз на фоне цвета мха. На столике между ними стоял заварочный чайник на подогревателе со свечкой, две чашки и — я несколько раз моргнула, но это была не галлюцинация — тарелка с бутербродами! Не сухое печенье, а настоящие сытные бутерброды! Я не могла поверить.

Лукас сел в одно из кресел и показал на другое.

— Если ты голодна… — сказал он, но я уже схватила первый бутерброд и впилась в него зубами.

— Ты спас мне жизнь! — выдала я с полным ртом. Потом я кое-что вспомнила: — Но, надеюсь, это не вяленое мясо?

— Нет, ветчина и огурец, — сказал Лукас. — Ты выглядишь уставшей.

— Ты тоже.

— Я еще не отдохнул от впечатлений вчерашнего вечера. Я просто должен был позволить себе стаканчик виски. Ну хорошо, два стаканчика. При этом две вещи прояснились для меня… да-да, бери остальные бутерброды тоже. И прожуй их на этот раз. Глядя на тебя, мне становится страшно.

— Говори дальше, — сказала я. О боже! Как хорошо было наконец-то поесть! Мне казалось, что я никогда еще не ела такие вкусные бутерброды. — Какие две вещи ты понял?

— Итак. Во-первых. Как бы ни приятны были наши встречи, мы должны встречаться ближе к твоему году рождения, если хотим, чтобы от них была польза. До тех пор, я, вероятно, сумею понять, какие цели были у Люси и Пола и почему они так поступили, и в любом случае я буду знать больше, чем сейчас. Это значит, что в следующий раз мы встретимся в 1993 году. Тогда я сумею тебе что-то посоветовать по поводу этого бала.

Звучало логично.

— И во-вторых. Это сработает, если я сумею проникнуть глубже в центральную власть Хранителей, я имею в виду — Внутренний круг.

Я горячо закивала. Говорить я не могла, поскольку рот у меня был забит бутербродом.

— До сегодняшнего дня мое честолюбие в этом вопросе было довольно скромным.

Взгляд Лукаса остановился на семейном гербе Монтроузов, висевшем над камином. Меч, обвитый розами, а внизу слова HIC RHODOS, HIC SALTA, что означало приблизительно «покажи, что ты на самом деле можешь».

— Пусть даже я изначально занимал неплохую позицию — в конце концов, представитель рода Монтроузов участвовал в 1745 году в организации ложи, кроме того, я женат на потенциальной носительнице гена по линии Нефрита! Тем не менее в моих планах не было прилагать больше усилий, чем необходимо… ну что ж, с этим покончено. Ради тебя и Люси и Пола я могу даже Кеннета де Вилльера поце… э-э-э… подольститься к шефу. Я не знаю, получится ли, но…

— О, получится! Ты будешь Великим мастером, — сказала я и стряхнула крошки с пижамы. С большим трудом я подавила сытую отрыжку. Ах, как замечательно не быть больше голодной. — Дай подумать… В 1993 году ты…

— Пс-с-ст! — Лукас наклонился и прижал свой палец к моим губам. — Я не хочу это слышать. Может быть, это и неумно, но я не хочу знать, что меня ждет в будущем, если это не помогает в нашем деле. До нашей следующей встречи мне предстоит прожить тридцать семь лет и я бы хотел прожить их… ну… скажем, максимально без бремени… Понимаешь?

— Да. — Я печально посмотрела на него. — Да, даже очень хорошо понимаю.

В этих обстоятельствах не стоило ему рассказывать о сомнениях бабушки Мэдди и мистера Бернхарда в естественности его смерти. Я успею это сделать и в 1993 году.

Я откинулась в кресле и постаралась улыбнуться:

— Тогда давай поговорим о магии Ворона, дедушка. Есть кое-что, чего ты еще обо мне не знаешь.

~~~

Хроники Хранителей

2 апреля 1916 года

Пароль дня: Duo com faciunt idem, non est idem (Terentius).

Лондон все еще обстреливают, вчера немецкие эскадрильи совершали налеты даже днем, бомбы нанесли большой урон во всем городе. Городская организация объявила часть удобных для доступа подвалов в Сити и Дворце правосудия общественными бомбоубежищами. Поэтому мы начали замуровывать известные проходы, поставили стражу в подвале и пополнили традиционное оружие современным.

На сегодняшний день мы элапсируем согласно протоколу безопасности втроем из помещения архива в 1851 год. Каждый из нас взял с собой что-нибудь почитать, и все прошло бы мирно, если бы леди Тилни с б***о***льшим юмором отнеслась к моей реплике по поводу ее круга чтения и не начала наш обычный спор опять с самого начала. Я настаиваю на своем мнении, что стихи этого Рильке — сплошная чепуха, неясный набор слов, к тому же читать немецкую литературу непатриотично — мы находимся в разгаре войны! Я ненавижу, когда меня хотят переубедить, от чего леди Тилни, к сожалению, не сумела удержаться. Она как раз читала пассаж о зачахших руках, мокрых и тяжело прыгающих, будто жабы в болоте,[13] или что-то в этом духе, когда в дверь постучали.

Само собой… жас… поэтому…

…наглость…

Загадка… о… сиво… леди… знать, даже если после этого он все отрицал.

Разъяснение…

… никто!!! Кровь без… ег… метр…

восемьдесят пя… зелен… год…

Пометка на полях:

17.05.1986

Очевидно стало нечитаемым из-за пролитого кофе. Страницы с 34 по 36 вообще отсутствуют. Предлагаю ввести правило, запрещающее
~~~

послушникам читать Хроники без надзора.

Д. Кларксен, архивариус (очень зол!!!)

Глава пятая

— О не-е-е-е-е, ты снова ревела! — сказал Ксемериус, который ждал меня в тайном коридоре.

— Да, — коротко ответила я. Прощание с Лукасом далось мне очень тяжело, и не только я душила в себе слезы.

Мы не увидимся в следующие тридцать семь лет, во всяком случае, так будет для Лукаса, и мы оба считали, что это невообразимо долго. Больше всего мне хотелось тут же прыгнуть в 1993 год, но Лукас заставил меня пообещать ему, что сначала я высплюсь. Ну или что там понимают обычно под «выспаться». Было два часа ночи, а в без четверти семь мне уже надо было вставать. Маме, наверное, понадобится подъемный кран, чтобы поднять меня с кровати.

Поскольку от Ксемериуса не последовало ехидного комментария, я посветила фонариком ему в глаза. Скорее всего, я это придумала, но мне показалось, что он выглядит грустно, а потом я вспомнила, что весь день не уделяла ему времени.

— Здорово, что ты меня ждал, Ксеми… ериус, — сказала я со всей нахлынувшей на меня нежностью. Я бы с удовольствием погладила его, но с призраками это не получается.

— Совпадение. Я все время искал подходящий тайник для этой штуки. — Он показал на хронограф, который я снова завернула в халат, поставила сначала на колени, а потом взяла на плечо.

Зевая, я пролезла в дверь к лестнице и тихонько задвинула на место портрет моего прапрапра… жирного предка. Ксемериус летел рядом со мной, когда я поднималась по лестнице.

— Если выдавить заднюю стенку твоего шкафа — там только гипсокартон, ты сумеешь, — оттуда можно пролезть в пристройку. А там куча мест, где можно что-то спрятать.

— Мне кажется, сегодня ночью я просто спрячу его под кровать. — Я еле передвигала ноги от усталости.

Фонарик я выключила, потому что дорогу в спальню я могла найти и в темноте. Наверное, даже во сне. Возле комнаты Шарлотты я почти уже спала, и поэтому чуть не уронила хронограф от испуга, когда дверь в ее комнату открылась, и на меня упал свет из двери.

— Ах, черт, — прорычал Ксемериус. — Они все уже спали, честное слово!

— Тебе не кажется, что ты уже вышла из возраста, когда носят пижамы с кроликами? — спросила Шарлотта. Она грациозно прислонилась к дверной раме, одетая в ночную сорочку на тонких бретельках. Волосы блестящими волнами падали ей на плечи. (Большое преимущество при заплетании волос в косу: результат такой же, как и после бигуди. Плюс эффект ангельских золотых волос.)

— Ты в своем уме — так меня испугать? — Я говорила шепотом, чтобы не разбудить еще и тетю Гленду.

— Что это ты крадешься посреди ночи через мой коридор? И что это у тебя там?

— Что это за «твой коридор»? Я что, по стене должна лезть, чтобы попасть в свою комнату?

Шарлотта выпрямилась и сделала шаг в моем направлении.

— Что у тебя в руках? — повторила она, на этот раз угрожающе.

То, что она шептала, делало ее слова еще более настоятельными. К тому же взгляд у нее был настолько… опасный, что я не рискнула пройти мимо нее.

— Ой-ой, — сказал Ксемериус. — У кого-то не на шутку разыгрался ПМС. Я бы с ней сегодня не связывался.

Я и не собиралась.

— Ты имеешь в виду халат?

— Покажи, что там внутри! — потребовала она.

Я сделала шаг назад.

— Ты совсем уже чокнулась? Я не собираюсь тебе среди ночи демонстрировать свой халат. Немедленно пропусти меня, я хочу спать.

— А я хочу видеть, что у тебя в руках! — прошипела Шарлотта. — Ты что думаешь, я такая же наивная, как ты? Ты думаешь, что я не заметила ваши заговорщицкие взгляды и перешептывания? Если вы хотите что-то от меня скрыть, вы должны придумать что-то более хитроумное. Что там за сундук, который твой брат и мистер Бернхард затащили к тебе в комнату? В нем было то, что ты держишь сейчас в руках?

— Ну, дурой ее назвать трудно, — сказал Ксемериус и почесал крылом нос.

В другое время суток и менее сонная я бы наверняка сходу придумала какую-нибудь историю, но сейчас у меня на это просто не было сил.

— Не твое дело, — фыркнула я.

— Нет, мое! — прошипела в ответ Шарлотта. — Может быть, я и не Рубин и поэтому не вхожу в Круг Двенадцати, но в отличие от тебя я *думаю* так, как должен думать член Круга. Я не все слышала из того, о чем вы

говорили в твоей комнате, двери в этом доме слишком толстые, но того, что я поняла, мне достаточно! — Она сделала еще шаг ко мне и показала на халат. — Ты должна отдать мне *это* сию секунду, если не хочешь, чтобы я забрала силой!

— Ты подслушивала? — Меня внезапно затошнило. Что она узнала? Была ли в курсе, что *это* было хронографом? Который, между прочим, в последнюю минуту, казалось, потяжелел раза в два. На всякий случай я перехватила его, чтобы держать обеими руками, уронив при этом фонарик Ника. Я уже не была так уверена в том, что хочу, чтобы тетя Гленда не просыпалась.

— Знаешь ли ты, что меня и Гидеона обучили крав-маге? — Шарлотта сделала еще один шаг ко мне, и я автоматически — шаг назад.

— Нет. А ты знаешь, что выглядишь сейчас, как этот сумасшедший грызун в «Ледниковом периоде»?

— Может, нам повезет, и крав-мага — это какая-то ерунда, — сказал Ксемериус. — Как Камасутра! Ха! — Он захихикал. — Извиняюсь, но самые лучшие шутки приходят мне в голову в экстремальных ситуациях.

— Крав-мага — израильская система рукопашного боя, очень эффективная, — проинформировала меня Шарлотта. — Я могу одним ударом ноги в солнечное сплетение вырубить тебя или одним ударом руки сломать тебе шею.

— А я могу позвать на помощь!

До сих пор наш разговор проходил шепотом, такие звуки, наверное, были бы, если бы змеи друг с другом разговаривали: ш-ш-ш, ш-ш-ш, ш-ш-ш. Интересно, что произойдет, если я разбужу остальных обитателей этого дома? Наверное, Шарлотта мне тогда не сломает шею, но все захотят узнать, что у меня завернуто в халат?

Похоже, Шарлотта угадала, о чем я думаю, она издевательски засмеялась и стала приближаться ко мне танцующим шагом.

— Давай-давай! Кричи!

— Я бы закричал, — сказал Ксемериус.

Но мне не пришлось, потому что за Шарлоттой, как из ниоткуда, возник мистер Бернхард.

— Я могу чем-нибудь помочь дамам? — спросил он, и Шарлотта подскочила на месте, как испуганная кошка.

На какой-то короткий момент мне показалось, что она сейчас ударит мистера Бернхарда ногой в солнечное сплетение, чисто рефлекторно, но хотя ее нога и дрогнула, к счастью, Шарлотта этого не сделала.

— Я порой и ночью испытываю голод, и предлагаю свои услуги,

чтобы приготовить и для вас что-нибудь перекусить, раз уж я все равно иду на кухню, — продолжил мистер Бернхард невозмутимо.

Я так обрадовалась его появлению, что впала в истерическое хихиканье.

— А я уже взяла себе кое-что из кухни. — Подбородком я показала на сверток у меня в руках. — Но у этой малышки-каратистки упал уровень сахара в крови, ей срочно нужно что-то пожевать.

Шарлотта подчеркнуто медленно отходила к своей комнате.

— Я слежу за тобой, — сказала она, обвиняюще показывая указательным пальцем на мою грудь. Мне показалось, что сейчас она начнет что-то декламировать, таким театральным был жест. — И за вами тоже, мистер Бернхард, — добавила она.

— О да, нам нужно теперь быть осторожными, — прошептала я, когда она закрыла за собой дверь, и коридор снова оказался в темноте. — Она умеет Тадж-Махал.

— Тоже неплохо, — одобрительно сказал Ксемериус.

Я покрепче прижала свой сверток к животу.

— Теперь она нас подозревает! А может, даже знает, что именно мы нашли. Я уверена, что она наябедничает Хранителям, а если те узнают, что мы нашли хро…

— Несомненно существуют более подходящее место и время, чтобы обсудить эту тему, — непривычно строго перебил меня мистер Бернхард.

Он поднял фонарик Ника, который валялся на полу, включил его и направил на дверь в комнату Шарлотты, вверх до самого окна над дверью. Оно была приоткрыто. Я кивнула, чтобы показать, что поняла его: Шарлотта могла слышать каждое наше слово.

— Да, вы правы. Спокойной ночи, мистер Бернхард.

— Приятных снов, мисс Гвендолин.

Утром маме не понадобился кран, чтобы поднять меня с постели. Ее тактика оказалась более коварной. Она использовала гадкого пластмассового Деда Мороза, который Каролина получила в подарок к Рождеству в прошлом году и который, если его завести, беспрестанно повторял отвратительным каркающим пластмассовым голосом «Хо-хо-хо, счастливого Рождества». Сначала я еще попыталась спастись, укрывшись с головой. Но после шестнадцатого «Хо-хо-хо» я сдалась и вылезла из-под одеяла. О чем сразу же пожалела, вспомнив, что за день мне сегодня предстоял. Бал.

Если не произойдет никакого чуда и я не найду возможность сегодня

до полудня прыгнуть к дедушке в 1993 год, я должна буду встретиться с графом без малейшей информации. Я прикусила себя за язык. Я должна была прыгнуть еще раз сегодня ночью! С другой стороны, в этом случае меня могла разоблачить Шарлотта, так что в этом смысле я приняла правильное решение.

Плохо держась на ногах, я прошлепала от кровати в ванную. Мне удалось поспать всего три часа. После ночного номера Шарлотты я перестраховалась и под руководством Ксемериуса залезла в шкаф. Там я выдавила заднюю стенку и в пристройке разрезала крокодилу брюхо, чтобы спрятать там хронограф. После этого я, совершенно обессиленная, просто провалилась в сон, что было хорошо, потому что мне не приснился кошмар. Вернее, мне ничего не приснилось. В отличие от бабушки Мэдди.

Когда я — немного опоздав, так как потратила кучу времени в поисках маминого консилера,[14] чтобы закрасить темные круги вокруг глаз — шатаясь, брела на завтрак, бабушка Мэдди перехватила меня в коридоре и утянула в свою комнату.

— Что-то случилось? — спросила я и поняла, что могла бы и не спрашивать.

Если бабушка Мэдди в полвосьмого утра уже поднялась, то случилось что-то очень и очень важное. Она была полностью растрепана, бигуди, которые должны были поднять ее светлые волосы со лба, частично раскрутились, и висели над ухом.

— О Гвендолин, девочка моя, можно сказать, что что-то случилось. — Бабушка Мэдди упала на незастеленную постель и смотрела на обои лавандового цвета в мелких цветочек, драматически нахмурив лоб. — У меня было видение!

Опять?!

— Давай я угадаю — кто-то растоптал сердце из рубина каблуком сапога, — предположила я. — Или это был ворон, который врезался в витрину с… э-э-э… часами?

Бабушка Мэдди покачала головой, ее локоны разлетелись и бигуди еще больше раскрутились, повиснув совсем опасно.

— Нет, Гвендолин, не нужно шутить с этим! Эти видения — пусть я иногда не знаю, что они означают — они впоследствии всегда оказываются верными. — Она схватила меня за руку и притянула к себе. — И в этот раз все было так однозначно! Я видела тебя, в голубом бальном платье с широкой юбкой, вокруг было много свечей и играла скрипка.

Я покрылась гусиной кожей. Как будто было мало, что мне и так было не по себе из-за предстоящего бала. Теперь еще у бабушки Мэдди было

видение. Я не рассказывала ей ни о бале, ни о цвете моего платья.

Бабушка Мэдди была довольна, увидев, что я внимательно ее слушаю.

— Сначала все было очень мирно, все танцевали, и ты, но потом я увидела, что в этом зале нет потолка. На небе собрались ужасные черные тучи, из которых вылетела огромная птица, которая хотела тебя убить, — продолжила она. — Ты пыталась убежать и сама врезалась в… Ах, это было ужасно! Везде кровь, все красное от крови, даже небо стало красным и дождь был из капель крови…

— Э-э-э…

Она заломила пальцы.

— Я знаю, дорогая, это ужасно жестоко, и я очень надеюсь, что это не означает то, о чем в первую очередь думаешь…

— Мне кажется, ты что-то упустила, — перебила я ее еще раз. — Куда я… то есть, Гвендолин в твоем сне врезалась?

— Это не сон! Это было видение! — Бабушка Мэдди еще шире распахнула глаза. — В меч. Ты на полном ходу врезалась в него.

— Меч? И откуда он взялся?

— Он… по-моему, просто висел в воздухе, — сказала бабушка Мэдди и помахала рукой перед моим лицом. — Но это же неважно, — продолжила она, немного раздраженно. — Важно, что было так много крови!

— Хм-м-м. — Я села рядом с ней на кровать. — И что я должна сделать с полученной информацией?

Бабушка Мэдди огляделась, выудила с прикроватной тумбочки коробочку с лимонными леденцами и сунула один себе в рот.

— Ах, дорогая, я не знаю. Я только подумала, может быть, это поможет тебе… предупредит…

— Да-да. Я попробую не врезаться в меч, который висит в воздух, обещаю. — Я поцеловала бабушку Мэдди и поднялась. — А тебе следует еще немного поспать, это для тебя очень рано.

— Да, наверное, мне следует поспать. — Она вытянулась на кровати и укрылась одеялом. — Но отнесись к этому серьезно, — сказала она. — Пожалуйста, будь осторожна.

— Буду. — В дверях я обернулась. — А… — Я прочистила горло. — В твоем видении льва не было? Или бриллианта? Или, может… Солнца?

— Нет, — сказала бабушка Мэдди, уже с закрытыми глазами.

— Так я и думала, — пробормотала я и тихонько прикрыла за собой дверь.

Спустившись в столовую, я тут же заметила, что Шарлотты нет.

— Бедная девочка заболела, — сказала тетя Гленда. — Немного

температурит и сильная головная боль — я думаю, это грипп, который сейчас свирепствует. Можешь сказать в школе, что твоя кузина сегодня осталась дома, Гвендолин?

Я мрачно кивнула. Ну да, грипп, конечно! Шарлотта решила остаться дома, чтобы без помех обыскать мою комнату. Ксемериус, улегшийся в блюде с фруктами на столе, очевидно подумал то же самое.

— Я ж говорил, она не дура.

И мистер Бернхард, балансируя тарелкой с яичницей, бросил на меня многозначительный взгляд.

— Последние недели принесли очень много волнений бедной девочке, — сказала тетя Гленда и проигнорировала невежливое фырканье Ника. — Неудивительно, что ее тело требует передышки.

— Не говори чепухи, Гленда, — одернула ее леди Ариста и пригубила свой чай. — Мы, Монтроуз, и не такое выдерживаем. Я, например, — она еще больше выпрямила свою сухопарую спину, — ни одного дня в моей жизни не болела.

— Честно говоря, я тоже… довольно плохо себя чувствую, — сказала я. В первую очередь, если вспомнить, что мою комнату нельзя запереть снаружи. Как практически все комнаты в нашем доме на ней была старинная задвижка, которую можно было задвинуть только изнутри.

Тут же мама подскочила с места и положила руку мне на лоб.

Тетя Гленда закатила глаза.

— Как это типично! Гвендолин не может выдержать, если вдруг не находится в центре внимания.

— На ощупь прохладный. — Мама потрогала кончик моего носа, как будто мне действительно было пять лет. — И тут сухо и тепло. Как и должно быть. — Она погладила меня по голове. — В выходные, если хочешь, я могу по-настоящему тебя побаловать. Мы можем позавтракать в постели…

— Да, да! И ты почитаешь нам вслух истории о Петере, Флопси, Мопси и Коттонтэйле,[15] как раньше! — сказала Каролина, на коленях которой сидел вязаный поросенок. — А потом мы накормим Гвендолин кусочками яблок и сделаем ей холодный компресс.

Леди Ариста положила ломтик огурца на тост, на котором уже предельно аккуратно лежали друг на друге сыр, ветчина, яичница и помидоры.

— Гвендолин, ты абсолютно не выглядишь нездоровой, скорее наоборот — цветущей.

Непостижимо! Можно от усталости едва держать глаза открытыми и

выглядеть, будто тебя укусил вампир, — и услышать такое!

— Я сегодня буду целый день дома, — сказал мистер Бернхард. — Я могу позаботиться, чтобы мисс Шарлотта получила куриный бульон.

Хотя он обращался к тете Гленде, его слова были предназначены для меня, и я это поняла. Но, к сожалению, у тети Гленды были другие планы на его счет.

— Я сама позабочусь о своей дочери. Вам нужно будет съездить в ателье Уайден-Джонс и забрать там мои заказы и платье Шарлотты для вечеринки.

— Это в Излингтоне, — сказал мистер Бернхард и с тревогой посмотрел на меня. — Мне придется довольно долго отсутствовать.

— Да, конечно. — Тетя Гленда удивленно нахмурила лоб.

— На обратном пути вы можете захватить цветы, — сказала леди Ариста. — Несколько весенних композиций для холла внизу, на обеденный стол и в музыкальную комнату. Ничего яркого, без ординарных попугаистых тюльпанов, как в прошлый раз, больше белых и нежных желтых и сиреневых тонов.

Мама поцеловала нас всех, уходя на работу.

— Если вам попадутся незабудки, захватите для меня пару горшочков, мистер Бернхард. Или ландыши, если они уже есть.

— Непременно, — сказал мистер Бернхард.

— Да, и если вы уже все равно будете этим заниматься, купите сразу пару лилий, которые можно будет посадить на моей могиле, если я умру, потому что меня, больную, отправили в школу, — сказала я мрачно, но мамы уже не было в комнате.

— Ах, не волнуйся, — попробовал подбодрить меня Ксемериус. — Если это рыжая метелка тоже останется дома, Шарлотта не пойдет просто так в твою комнату. И даже если пойдет, ей сначала должна прийти в голову идея отодвинуть заднюю стенку твоего шкафа и пролезть в пристройку. Но даже там она не отважится залезть во внутренности крокодила. Ну скажи, теперь-то ты рада, что я уговорил тебя сегодня ночью разрезать ему живот?

Я кивнула, хотя при воспоминаниях о темных углах и паутине меня внутренне передернуло, и, конечно, я все равно нервничала. Если Шарлотта действительно подозревала или даже знала, что именно она ищет, так просто она не сдастся. И сегодня я приду еще позже, чем обычно, если у меня не получится отложить посещение бала. Возможно, слишком поздно. Интересно, что произойдет, если Хранители узнают, что украденный хронограф находился в нашем доме? Тот хронограф, в котором не хватало только крови Гидеона, чтобы замкнуть Круг. При этой мысли я

тут же покрылась гусиной кожей. Они, наверное, сойдут с ума, если поймут, что находятся на пороге осуществления цели всей их жизни. И кто я такая, чтобы прятать от них то, с помощью чего, может быть, можно будет изготовить лекарство от всех болезней для всего человечества?

— И существует вероятность того, что бедная девочка действительно больна, — сказал Ксемериус.

— Конечно, а Земля — плоская, — ответила я, по глупости вслух.

Все за столом удивленно обернулись на меня.

— Нет, Гвенни, Земля — это шар, — поправила меня Каролина дружелюбно. — Я тоже сначала не могла поверить. И якобы она мчится в космосе ужасно быстро. — Она отломала кусочек от своего тоста и поднесла его к розовому пятачку поросенка. — Но так оно и есть. Не так ли, Маргрет? Еще кусочек с ветчиной?

Ник громко хрюкнул, и леди Ариста неодобрительно скривила губы.

— Разве мы не установили правила, что за столом во время еды не могут присутствовать мягкие игрушки, куклы, настоящие или невидимые друзья?

— Но Маргрет себя хорошо ведет, — сказала Каролина, и все же послушно отпустила поросенка, дав ему соскользнуть под стул.

Тетя Гленда укоризненно чихнула. Очевидно, теперь у нее аллергия и на игрушечных животных.

Хоть Ксемериус мне пообещал защитить хронограф ценой собственной жизни (в этом месте я смеялась, пусть даже не слишком искренне) и тут же сообщить мне, если Шарлотта проникнет в мою комнату, я не могла перестать думать о том, чт***о*** случится, если Хранители заполучат хронограф. Но все мои мысли были впустую, мне надо было пережить этот день и надеяться, что все будет хорошо. Первое, что я сделала — вышла на одну остановку раньше, решив что-нибудь предпринять против моей усталости в «Старбаксе».

— Ты можешь налить три «эспрессо» в одну порцию «карамель-маккиато»? — спросила я у парня за стойкой.

На что он, ухмыляясь, ответил:

— Только если ты мне за это дашь номер твоего мобильника!

Я присмотрелась и, польщенная, улыбнулась в ответ. У него были длинные темные волосы и очень длинная челка, его внешность напомнила очень интересного типа из французского фильма. Конечно, он был симпатичным, пока я мысленно не сравнила его с Гидеоном. Что я, по глупости, сделала моментально.

— У нее есть парень! — сказал кто-то позади меня. Это был Рафаэль, который, когда я повернулась к нему, в ответ на мой нахмуренный лоб моргнул мне зелеными глазами. — Кроме того, она слишком юна для тебя, что ты легко можешь определить по школьной форме. «Кофе-латте» и один маффин с черникой.

Я закатила глаза и забрала свой спецнапиток, напоследок улыбнувшись, как бы извиняясь.

— У меня нет парня, но в настоящий момент… ну… проблемы со временем. Спроси меня через два года еще раз.

— Спрошу, — ответил парень за стойкой.

— Он точно не спросит, — сказал Рафаэль. — Могу поспорить, что он просит номер телефона у каждой симпатичной девушки. — Я прошла мимо него, но Рафаэль догнал меня на улице. — Эй, подожди! Ну извини, что я помешал тебе флиртовать. — Он недоверчиво посмотрел на свой стаканчик. — Он наверняка плюнул мне в кофе.

Я сделала большой глоток из своего стакана и моментально обожгла губы, язык и верхнюю часть горла, спросив себя, когда снова оказалась в состоянии думать, не было ли лучше получать кофе через капельницу.

— Я вчера ходил в кино с Селией из нашего класса, — продолжил он разговор. — Хорошая девчонка. Очень симпатичная и веселая. Ты так не считаешь?

— Э-э-э? — произнесла я, запачкав нос в пене. (Общение с Ксемериусом постепенно отражается на мне.)

— Мы классно провели время вместе, — произнес он. — Но лучше не говори Лесли, а то она будет ревновать.

Я не выдержала и засмеялась. Как умилительно — он хотел манипулировать мною.

— Окей. Я буду молчать как могила.

— О, значит ты думаешь, что она могла бы действительно меня приревновать? — быстро спросил Рафаэль.

— О да! Как сумасшедшая. Тем более, что в нашем классе нет никакой Селии.

Рафаэль растерянно почесал нос.

— Блондинка… У которой вечеринка…

— Синтия.

— Но я правда был с ней в кино, — жалобно сказал Рафаэль. Школьная форма с идиотским сочетанием жалкого желтого и цвета морской волны выглядела на нем еще хуже, чем на нас. А жест, которым он проводил пятерней по волосам, напомнил Ника и разбудил во мне

материнские чувства. Я посчитала, что он заслужил поощрение за то, что не вел себя так самоуверенно и высокомерно, как его брат.

— Я осторожно расскажу об этом Лесли, окей? — предложила я.

Он нерешительно улыбнулся.

— Только не говори ей, что я перепутал имя… ах, не говори ей вообще ничего… или говори…

— Дай-ка я… — Я поправила ему галстук на прощание. — И — поздравляю! Сегодня он правильно завязан.

— Это Синди завязала, — сказал Рафаэль с кривой улыбкой. — Или как там ее правильно зовут?

Первым уроком у нас был английский у мистера Уитмена. Он кивнул, услышав, что Шарлотта заболела, хотя я не могла себе отказать в том, чтобы при слове «заболела» сделать в воздухе жест пальцами, обозначая кавычки.

— Надо было взять его с собой, — прошептала Лесли, когда мистер Уитмен раздавал проверенные домашние задания.

— Хронограф? В школу? Ты в своем уме? Бельчонок бы тут же получил инфаркт. Не говоря уже о том, что он тут же бы сообщил своим дружкам-Хранителям, которые тогда бы меня четвертовали, колесовали или еще что-нибудь со мной сотворили, что предписано их дурацкими Золотыми правилами в таком случае. — Я протянула Лесли ключ от сундука. — Вот, держи ключ от твоего сердца. Вообще-то я хотела отдать его Рафаэлю, но ты же не хочешь. — Лесли закатила глаза и исподтишка посмотрела вперед, где сидел Рафаэль и напряженно старался не удостоить ее взгляда. — Повесь на шею. И не дай Шарлотте его отобрать.

— Крав-мага, — пробормотала Лесли. — По-моему, был какой-то фильм с Дженнифер Лопес? Там, где она в конце избила мужа, распускавшего руки? Я хочу научиться тоже.

— Ты думаешь, что Шарлотта может просто *выбить* шкаф? Меня бы не удивило, если ее и Гидеона научили открывать замки без ключей. У них, наверное, были мастер-уроки у агентов MI6 *«Элегантный метод с заколкой для волос, никакой лом вам не понадобится!»*

Я тяжело вздохнула.

— Если бы Шарлотта действительно знала, чт***о*** мы нашли, она бы давно сообщила об этом Хранителям, — сказала Лесли, покачав головой. — Самое большее — она что-то подозревает. Она думает, что может найти что-нибудь, что позволит ей хорошо, а тебе — плохо выглядеть.

— Да, и если она найдет…

— Я очень надеюсь, что вы разговариваете о сонете номер 130. — Возле нас внезапно вырос мистер Уитмен.

— Мы уже несколько дней не говорим ни о чем другом, — сказала Лесли.

Мистер Уитмен задрал бровь.

— В последние дни я не могу избавиться от впечатления, что вы занимаетесь вещами, которые не на пользу школьным занятиям. Возможно, имеет смысл написать об этом родителям. Я думаю, что за деньги, которые они платят за привилегию учебы детей в этом заведении, они могут ожидать с вашей стороны определенные старания. — С легким шлепком он бросил тетради на стол перед нами. — Чуть больше внимания Шекспиру не помешало бы вашему эссе. К сожалению, весьма посредственно.

— Интересно, кто в этом виноват! — пробормотала я зло.

Нахальство! Сначала все свое свободное время я должна тратить на путешествия во времени, примерку костюмов и танцы, а потом слышу, что я недостаточно уделяю внимания школе!

— Шарлотта тебе продемонстрировала, что обе эти вещи прекрасно можно делать одновременно, — ответил мистер Уитмен, как будто угадав мои мысли. — *Ее* оценки превосходны. И она никогда не жаловалась. В вопросах самодисциплины ты можешь смело брать с нее пример.

Я гневно смотрела ему вслед. Лесли дружески толкнула меня локтем под ребра.

— Когда-нибудь мы скажем гадкому Бельчонку, чт***о*** мы о нем думаем. Самое позднее — после окончания школы. Но сегодня это было бы пустой тратой энергии.

— Да, ты права. В конце концов, мне нужны все мои силы, чтобы не заснуть. — Я тут же зевнула. — Было бы неплохо, если тройной эспрессо уже попал бы в мою систему кровообращения.

Лесли энергично закивала.

— Окей, а после того как это случится, мы срочно должны придумать, как ты можешь увильнуть от этого бала.

— Но вы не можете заболеть! — сказал мистер Марли и заломил в отчаянье руки. — Все уже подготовлено. Я даже не знаю, как можно объяснить это всем остальным.

— Вы же не виноваты, что я заболела, — сказала я вяло и с большим трудом вышла из лимузина. — И я не виновата. Это форс-мажор, ничего нельзя изменить.

— Нет! Можно! Даже нужно! — мистер Марли возмущенно смотрел на меня. — Вы совершенно не выглядите больной, — добавил он, что было нечестно, потому что я, жертвуя желанием хорошо выглядеть, стерла с лица мамин консилер.

Лесли сначала хотела добавить немного серых и лиловых теней на веки, но, увидев мое лицо, спрятала косметичку. Круги под глазами отлично подходили для какого-нибудь фильма о вампирах, к тому же я была смертельно бледна.

— Ну, значение имеет не то, насколько я выгляжу больной, а то, насколько я действительно больна, — сказала я и сунула школьную сумку в руки мистеру Марли. Если я так больна и слаба, он может в этот раз и понести ее. — И я думаю, что в этих обстоятельствах посещение бала можно отложить.

— Исключено! — вскрикнул мистер Марли, но тут же хлопнул себя ладонью по рту и испуганно огляделся. — Вы знаете, сколько стоила подготовка? — продолжил он шепотом, пока мы шли в сторону штаб-квартиры, причем я, очень слабая, шла такими маленькими шажками, что мы продвигались вперед очень медленно. — Было совсем не просто подготовить директора вашей школы к тому, что любительская группа актеров хочет использовать школьный подвал для проб некоей пьесы. И граф Сен-Жермен определенно указал, что…

Мистер Марли начинал мне действовать на нервы. (Любительская группа? Директор Гиллс? Я не поняла ни слова.)

— Послушайте! Я заболела! За-бо-ле-ла! Я приняла уже три таблетки аспирина, но это не помогло. Наоборот, я чувствую себя еще хуже. У меня температура. И одышка.

Чтобы подчеркнуть мои слова, я уцепилась за перила лестницы и немножко похрипела.

— *Завтра* вы можете болеть, завтра! — заблеял мистер Марли. — Мистер Джордж! Скажите ей, что она может заболеть только завтра, иначе весь график… *будет нарушен!*

— Ты заболела, Гвендолин?

Возникший в дверях мистер Джордж заботливо приобнял меня и повел в здание. Это было уже лучше.

— Наверное, заразилась от Шарлотты. — Ха! Вот именно! У нас обеих одинаково выдуманный грипп. Вот так вот! — У меня сейчас лопнет голова.

— Это действительно очень неблагоприятно, — сказал мистер Джордж.

— Именно это я и пытаюсь ей все время объяснить, — сказал мистер Марли, старательно трусивший позади нас. Его лицо на этот раз было не огненно-красным, а в красно-белых пятнах, как будто он не мог решить, какой цвет лучше подходит для этой ситуации. — Доктор Уайт может сделать ей укол, правильно? Ей нужно продержаться всего пару часов.

— Да, это один из вариантов, — сказал мистер Джордж.

Я неуверенно посмотрела на него сбоку. От него я ожидала немного больше сочувствия и поддержки. Постепенно я начинала чувствовать себя по-настоящему больной, но, скорее, от страха. У меня было такое чувство, что Хранители не будут слишком вежливы со мной, если заметят, что я притворяюсь. Но сейчас было уже поздно, дороги назад не было.

Вместо того чтобы идти в ателье мадам Россини, где я, собственно, должна была нарядиться в платье восемнадцатого века, мистер Джордж отвел меня в Зал Дракона, и мистер Марли, который до сих пор нес мою школьную сумку и возбужденно разговаривал сам с собой, следовал за нами.

Вокруг стола сидели доктор Уайт, Фальк де Вилльер, мистер Уитмен и еще один незнакомый мне мужчина (наверное, министр здравоохранения?). Когда мистер Джордж завел меня в зал, все головы повернулись к двери и уставились на нас. Неприятное чувство во мне усилилось.

— Она говорит, что заболела, — выпалил мистер Марли, промаршировав за нами в зал.

Фальк де Вилльер поднялся.

— Закройте сначала дверь, Марли. А сейчас повторите. Кто заболел?

— Ну, *она!* — Мистер Марли осуждающе вытянул указательный палец в мою сторону, и я еле-еле удержалась от искушения закатить глаза.

Мистер Джордж отпустил меня, уселся, кряхтя, на свободный стул и промокнул носовым платком пот с лысины.

— Да, Гвендолин плохо себя чувствует.

— Мне очень жаль, — сказала я, старательно кося глазами вниз и направо. Я когда-то прочла, якобы все люди, когда врут, смотрят вверх и налево. — Но я не чувствую себя в состоянии пойти сегодня на этот бал. Я едва держусь на ногах, и мне становится всё хуже.

Для правдоподобия, я оперлась на спинку стула, на котором сидел мистер Джордж. Только тогда я заметила среди присутствующих Гидеона, и мое сердце споткнулось пару раз. Было очень нечестно, что только его вид выбивал меня полностью из колеи, тогда как он непринужденно стоял у окна, засунув руки глубоко в карманы джинсов, и просто улыбался мне. Ну хорошо, это не была нахальная широкая ухмылка, он лишь приподнял

уголки губ, но зато улыбались и его глаза, и по какой-то причине у меня внезапно в горле снова возник ком. Я быстро посмотрела в другую сторону и увидела в громадном камине маленького Роберта, сына доктора Уайта, утонувшего в семилетнем возрасте в бассейне. Маленький призрак был сначала очень робким, но со временем он научился мне доверять. Сейчас он восторженно махал мне, но я могла ответить ему только коротким кивком.

— Что это за внезапно и неожиданно возникшая болезнь, позволь поинтересоваться? — Мистер Уитмен насмешливо оглядел меня. — Раньше в школе ты была абсолютно здорова. — Он скрестил руки, прежде чем, опомнившись, решил сменить тактику. Теперь он говорил мягким тоном учителя, которому доверяют, очень бережно и сочувствующе. Я уже знала — этот тон не означает ничего хорошего. — Если ты боишься идти на бал, Гвендолин, мы можем это понять. Может быть, доктор Уайт даст тебе что-нибудь против предстартового волнения?

Фальк кивнул.

— Мы действительно не можем отложить сегодняшнее событие, — сказал он, и мистер Джордж тоже нанес удар мне в спину:

— Мистер Уитмен прав, твое волнение вполне нормально. Каждый бы волновался на твоем месте. Этого не нужно стыдиться.

— И ты же будешь не одна, — добавил Фальк. — Рядом с тобой все время будет Гидеон.

Хоть мне и не хотелось, но я быстро глянула на Гидеона и так же быстро отвела взгляд, как только наши взгляды пересеклись.

Фальк продолжил:

— Ты даже не успеешь оглянуться, как вернешься — и все будет позади.

— Вспомни о своем красивом платье, — попытался завлечь меня предполагаемый министр здравоохранения.

Э-э-э? Он что, думает, что мне десять лет и что я до сих пор играю в куклы?

Остальные одобрительно загудели и ободряюще улыбнулись мне, только доктор Уайт, как всегда, сомкнул брови и смотрел на меня внушающим ужас взглядом. Маленький Роберт наклонил голову, как бы извиняясь за него.

— У меня болит горло, голова и все суставы, — сказала я с максимальной настойчивостью. — Я думаю, что предстартовая лихорадка — это что-то другое. Моя кузина осталась сегодня дома из-за гриппа, и я заразилась от нее — всё очень просто!

— Ей нужно еще раз объяснить, что речь идет о событии исторического значения… — квакнул мистер Марли откуда-то сзади, но мистер Уитмен перебил его.

— Гвендолин, ты помнишь, о чем мы говорили сегодня утром? — спросил он еще более мягким тоном, чем раньше.

Какой разговор он имел в виду? Не будет же он серьезно называть свое брюзжание о моем недостаточном старании в школе разговором. О, похоже, что будет!

— Возможно, все дело в нашем обучении, но я совершенно уверен в том, что Шарлотта на твоем месте знала бы свои обязанности. Она бы никогда не поставила свое самочувствие на пути стоящих задач.

Пф-ф, я не виновата, что они обучали не ту девочку. Я еще крепче уцепилась за спинку стула.

— Поверьте мне, если бы Шарлотта была так больна, как я, она бы тоже не смогла пойти на этот бал.

Всем своим видом мистер Уитмен показывал, что вот-вот потеряет терпение.

— Мне кажется, ты не понимаешь, о чем я говорю.

— Это все бесполезно! — Эти слова произнес доктор Уайт, как всегда, очень резко. — Мы только теряем время. Если девочка действительно больна, вряд ли найдутся разумные аргументы. А если она лишь симулирует… — Он отодвинул стул, встал и обошел стол, приближаясь ко мне, да так быстро, что маленький Роберт едва поспевал за ним. — Открой рот!

Ну, это было уже слишком! Я возмущенно смотрела на него, но он уже схватил обеими руками мою голову и щупал пальцами горло от уха вниз. Затем он положил ладонь мне на лоб.

Мужество покинуло меня.

— Хм, — произнес он, и его лицо стало еще мрачнее. — Опухшие лимфоузлы, повышенная температура, — все это действительно выглядит не слишком хорошо. Открой, пожалуйста, рот, Гвендолин.

Ошарашенная, я выполнила его приказ. Опухшие лимфоузлы? Повышенная температура? Я что, от испуга действительно заболела?

— Как я и думал. — Доктор Уайт достал деревянную палочку из нагрудного кармана и прижал вниз мой язык. — Горло покраснело, миндалины воспалены… Неудивительно, что у тебя болит горло. Глотать должно быть ужасно больно.

— Бедненькая, — сказал сочувственно Роберт. — Теперь тебе придется пить этот отвратительный сироп от кашля, — он скривил лицо.

— Тебя морозит? — спросил доктор Уайт.

Я неуверенно кивнула. Какого черта он это делает? Почему он помогает мне? Именно доктор Уайт, который постоянно вел себя так, как будто я только и дожидаюсь момента, чтобы украсть хронограф!

— Я так и думал. Температура будет еще повышаться. — Доктор Уайт повернулся к остальным. — Ну-с. Выглядит как вирусная инфекция.

У присутствующих вытянулись лица. Я заставила себя не смотреть на Гидеона, даже если мне страшно хотелось увидеть его лицо.

— Ты можешь ей что-нибудь прописать, Джейк? — поинтересовался Фальк де Вилльер.

— Самое большее — жаропонижающее. Но ничего, что бы могло быстро поставить ее на ноги. Ей нужен постельный режим. — Доктор Уайт мрачно посмотрел на меня. — Если повезет, это окажется однодневная лихорадка, которая сейчас свирепствует. Но вполне может продлиться и несколько дней…

— Но мы все равно можем ее… — начал мистер Уитмен.

— Нет, не можем, — перебил его доктор Уайт недружелюбно. Я старалась изо всех сил не таращиться на него, как на восьмое чудо света. — Даже не говоря о том, что не станет же Гидеон везти ее на бал в инвалидной коляске, было бы совершенно безответственно и, кроме того, нарушением Золотых правил, отправлять ее в восемнадцатый век с острой вирусной инфекцией.

— Это, между прочим, правда, — сказал неизвестный, которого я считала министром здравоохранения. — Нельзя предсказать, как среагирует иммунная система людей того времени на современный вирус. Это может иметь разрушительные последствия.

— Как тогда у индейцев майя, — пробормотал мистер Джордж.

Фальк издал глубокий стон.

— Ну что ж, таким образом решение принято. Гидеон и Гвендолин сегодня не пойдут на бал. Вместо этого мы могли бы провести операцию «Опал». Марли, сообщите, пожалуйста, остальным об изменении плана.

— Слушаюсь, сэр. — Мистер Марли, явно подавленный, направился к двери. Брошенный на меня взгляд был воплощением укора.

Но мне было все равно. Самое главное — мне удалось добиться отсрочки. Я все еще не могла поверить в удачу.

Сейчас я рискнула искоса посмотреть на Гидеона. В отличие от других, он, похоже, не расстроился из-за переноса нашего мероприятия, он даже улыбался мне. Догадывался ли он, что я притворялась? Или он просто радовался, что сегодня не придется надевать неудобную одежду? Так или

иначе я устояла перед искушением улыбнуться ему в ответ и перевела взгляд на доктора Уайта, стоявшего рядом с министром здравоохранения. Как бы я хотела поговорить с ним с глазу на глаз! Но врач выглядел так, будто уже забыл обо мне, полностью погрузившись в разговор.

— Идем, Гвендолин, — услышала я сочувствующий голос. Мистер Джордж. — Мы быстро отведем тебя на элапсацию, а потом ты сможешь пойти домой.

Я кивнула. Это и было заданием всего дня.

~~~

Путешествие с помощью хронографа может длиться от 120 секунд до 240 минут; для Опала, Аквамарина, Цитрина, Нефрита и Рубина минимальная длительность составляет 121 секунду, максимальная — 239 минут. Чтобы предупредить бесконтрольные прыжки во времени, носители гена должны ежедневно элапсировать в течение 180 минут. При меньшей длительности в течение 24 часов могут произойти неконтролируемые прыжки во времени (см. Протоколы прыжков во времени, 6 января 1902 года, 17 февраля 1902 года — Тимоти де Вилльер).

Согласно эмпирическим исследованиями графа Сен-Жермена в 1720–1738 гг. носитель гена может элапсировать при помощи хронографа ежедневно до пяти с половиной часов, т. е. 330 минут.

При превышении этого времени появляются головные боли, головокружение, слабость, а также сильные нарушения восприятия окружающего и способности координироваться. Это подтвердили браться де Вилльер, проведя на себе три аналогично выполненных испытания.

Хроники Хранителей. Том 3, глава 1 «Мистерии хронографа».
~~~

Глава шестая

Так комфортабельно, как сегодня, я еще никогда не элапсировала. Мне дали с собой корзинку с пледами, термосом с горячим чаем, печеньем (а как же!) и фруктами, порезанными на кусочки и сложенными в коробку для завтраков. У меня даже почти появились угрызения совести, когда я удобно устроилась на зеленом диване. Я коротко подумала о том, стоит ли достать из тайника ключ и отправиться наверх, но что это могло принести, кроме дополнительных сложностей и риска быть разоблаченной? Я была где-то в 1953 году, насчет точной даты я не спрашивала, поскольку мне нужно было играть апатию больной гриппом.

После решения Фалька изменить планы, Хранители засуетились. В итоге меня отослали к хронографу с не слишком довольным мистером Марли. Возне со мной он предпочел бы принять участие в обсуждении, весь его вид говорил об этом. Поэтому я не рискнула задавать вопросы по поводу операции «Опал», а точно, как он, недовольно смотрела прямо перед собой. Наши отношения в последние дни заметно ухудшились, но мистер Марли был последним, за кого я волновалась.

В 1953 году я сначала съела фрукты, потом печенье, а потом улеглась на диван, завернувшись в пледы. Несмотря на неприятный свет от голой лампы на потолке, не прошло и пяти минут, как я крепко и глубоко заснула. Даже мысль о безголовом призраке, который, якобы, здесь обитал, не могла мне помешать. Незадолго до моего обратного прыжка я проснулась, чувствуя себя отдохнувшей, и это было хорошо, иначе я бы лежа шлепнулась к ногам мистера Марли.

Во время того как мистер Марли, приветствовавший меня лишь коротким кивком, писал отчет в журнал (наверное, что-то в духе *Безответственный Рубин, вместо исполнения своих обязанностей, бездельничал в 1953 году, набивая живот фруктами*), я спросила его, не ушел ли еще доктор Уайт. Мне очень хотелось знать, почему он не разоблачил меня как симулянтку.

— У него сейчас нет времени заниматься вашими болячк… болезнями, — ответил мистер Марли. — В настоящий момент все отправились в Министерство обороны для проведения операции «Опал».

Слова «А я не могу принять участие — *из-за вас*» отчетливо повисли в воздухе, как будто он их произнес вслух.

Министерство обороны? А это еще зачем? Мистера Оскобленную

Невинность нечего было и спрашивать, в его настроении он точно ничего не расскажет. Казалось, он решил, что лучше всего вообще со мной не разговаривать. Он брезгливо завязал мне глаза и без единого слова повел по лабиринту подвальных коридоров: одной рукой держа мой локоть, другой — придерживая за талию. С каждым шагом его прикосновения становились мне все неприятней, тем более что у него были горячие и потные ладони. Я едва дождалась момента, когда их уже можно было с себя стряхнуть, — как только мы добрались до винтовой лестницы, ведущей наверх, на первый этаж. Вздохнув, я сняла ленту с глаз и заявила, что отсюда сама могу дойти до лимузина.

— Я не разрешал вам этого, — запротестовал мистер Марли. — Кроме того, мне поручили проводить вас до входной двери.

— Прекратите! — Я раздраженно оттолкнула его, когда он попытался снова наложить мне повязку на глаза. — Остаток пути я все равно знаю. И если вы обязательно должны дойти со мной до двери, то совершенно определенно — не держа свою руку на моей талии.

Я двинулась вперед. Мистер Марли шел за мной, возмущенно фыркая.

— Вы так говорите, как будто я неприлично вас касался!

— Да, именно, — сказала я, чтобы разозлить его.

— Ну, знаете ли… это вообще… — воскликнул мистер Марли, но его слова перекрыл крик с явным французским акцентом.

— Вы не посмеете уйти без этого воротника, молодой человек!

Перед нами распахнулась дверь ателье, и из нее вышел Гидеон, за которым тут же шествовала разгневанная мадам Россини. Она размахивала руками и куском белой ткани.

— Здесь остаться! Ви думать, я шил эту воротник для собственного удофольствия?

Гидеон уже остановился, когда он заметил нас. Я тоже замерла, но, к сожалению, не непринужденно, а как соляной столб. И не потому, что удивилась, увидев его странный камзол с подплечниками, делавший его похожим на борца, накачанного анаболиками, а, очевидно, потому, что при каждой нашей встрече я была способна только глазеть на него. И слушать, как стучит мое сердце.

— Как будто я *добровольно* дотронулся бы! Я это делаю только потому, что *должен* делать, — причитал мистер Марли позади меня.

И тут Гидеон задрал бровь и ехидно улыбнулся. Я поспешила ответить такой же ехидной улыбкой и подчеркнуто медленно опустила взгляд с идиотского камзола к потешным шароварам и ниже — к гольфам и туфлям с пряжками.

— Аутентичность, молодой человек! — Мадам Россини все еще отчаянно жестикулировала зажатым в руке воротником. — Сколько раз я должна вам это еще объяснять? Ах, вот и моя бедненькая больная лебьёдушка. — Ее круглое лицо засияло. — Bonsoir, ma petite. Скажи этому дуралею, чтобы он меня не гневил. (Она произносила «менья» и «нье»).

— Ладно. Давайте сюда. — Гидеон позволил мадам Россини надеть воротник. — Хотя меня все равно никто не увидит. И даже если увидит — я не могу себе представить, что эту накрахмаленную балетную юбочку кто-то носил вокруг шеи сутки напролет!

— О, оньи носили. Во всьяком случае при дворье.

— Не понимаю, что ты имеешь против. Тебе очень идет, — сказала я с по-настоящему гадкой улыбкой. — Твоя голова выглядит как огромная конфета.

— Да, я знаю. — Гидеон тоже ухмыльнулся. — Меня так и хочется надкусить. Но это хотя бы отвлекает внимание от шаровар, я надеюсь.

— Они очьень, очьень секс***и***, — заявила мадам Россини, и я не сдержала хихиканье.

— Я рад, что смог тебя немного развеселить, — сказал Гидеон. — Мадам Россини, где моя накидка?

Я кусала губы, чтобы сдержать хихиканье. Не хватало еще, чтобы я с этим типом дурачилась как ни в чем не бывало. Как будто мы действительно были друзьями.

Но было уже поздно. Проходя мимо, он погладил меня по щеке, и это произошло так быстро, что я не успела среагировать.

— Выздоравливай, Гвен.

— О, вот он идет! Навстречу приключениям в шестнадцатом веке, стильный для своего времени юный бунтарь! — Мадам Россини улыбнулась. — Ах, могу поспорить, что он по дороге снимет воротник, плохой мальчик!

Я посмотрела вслед плохому мальчику. Хмм, может эти шаровары и были совсем немного секс***и***.

— Нам тоже пора, — сказал мистер Марли, схватил меня за локоть, но тут же отпустил, как будто обжегшись.

По дороге к лимузину он держался от меня в паре метров. Но я все равно слышала, как он бормотал: «Неслыханно! Она *вообще* не в моем вкусе!»

Мои переживания о том, что Шарлотта могла за это время найти хронограф, были беспочвенны. Я недооценила находчивость моей семьи.

Когда я пришла домой, перед дверями в мою комнату Ник игрался с йо-йо.

— Доступ в штаб в настоящий момент имеют только члены, — сказал он. — Пароль?

— Я — шеф, ты уже забыл? — Я потрепала его рыжие волосы. — Фу-у-у, это что, жвачка?

Ник собрался возмущенно протестовать, но я улучила момент и проскользнула в свою комнату. Ее едва можно было узнать. Здесь весь день провела бабушка Мэдди, вызванная мистером Бернхардом, который, предположительно, до сих пор метался от одного цветочного магазина к другому, и она придала комнате особую Бабушка-Мэдди-атмосферу. Не то чтобы я была неряхой, но мои вещи имели привычку по какой-то причине постоянно валяться на полу. Сегодня впервые за долгое время можно было увидеть ковер, кровать была застелена — бабушка Мэдди откуда-то наколдовала симпатичное белое одеяло и гармонирующие с ним подушки, одежда, аккуратно сложенная, лежала на стуле, разбросанные повсюду листы бумаги, тетради и книги были рассортированы в стопки на письменном столе, и даже горшок с засохшим папоротником куда-то исчез с подоконника. Вместо него стоял очаровательный букет цветов, от которого исходил тонкий запах фрезий. Даже Ксемериус не висел на лампе под потолком, а, обернув вокруг себя драконий хвост, словно декоративная фигурка сидел на комоде, рядом с огромной вазой с карамельками.

— Совершенно другое ощущение пространства, правда? — приветствовал он меня. — Твоя бабушка разбирается в фэн-шуе, ничего нельзя сказать.

— Не волнуйся, я ничего не выбросила, — сказала бабушка Мэдди, сидевшая с книгой на кровати. — Только немного убрала и вытерла пыль, чтобы можно было уютно здесь расположиться.

Я не могла удержаться и расцеловала ее.

— А я весь день сходила с ума от волнения.

Ксемериус активно закивал.

— Не зря! Мы не прочли и десяти страниц… э-э-э… я имею в виду, бабушка Мэдди не прочитала и десяти страниц, как в комнате появилась Шарлотта, — доложил он. — Вылупила глаза, когда увидела бабушку. Но тут же собралась и заявила, что хотела одолжить ластик.

Бабушка Мэдди рассказала то же самое.

— Поскольку я как раз убрала твой письменный стол, я сумела ей помочь. Кстати, я заточила твои цветные карандаши и рассортировала их по цветам. Позже она пришла еще раз, якобы, отдать ластик. После обеда

мы с Ником дежурили по очереди, в конце концов мне иногда надо было пойти в туалет.

— Пять раз, если быть точным, — сказал Ник, который зашел в комнату вместе со мной.

— Много чая, — сказала извиняющимся тоном бабушка Мэдди.

— Большое спасибо, бабушка Мэдди! Ты замечательно все устроила! Вы все замечательно справились! — Я снова потрепала волосы Нику.

Бабушка Мэдди усмехнулась.

— Я с удовольствием помогаю. Я уже сказала Вайолет, что наша завтрашняя встреча пройдет в твоей комнате.

— Бабушка Мэдди! Ты же не рассказала Вайолет о хронографе? — воскликнул Ник.

Вайолет Пэрплплам была для бабушки Мэдди приблизительно тем же, кем для меня Лесли.

— Конечно нет! — Бабушка Мэдди возмущенно посмотрела на него. — Я же поклялась своей жизнью! Я сказала, что наверху свет для рукоделия лучше и Ариста нам не будет мешать. Между прочим, из твоего окна дует, девочка, постоянно откуда-то тянуло холодным воздухом.

Ксемериус сделала виноватое лицо.

— Я же не специально, — сказал он. — Но книга меня очень увлекла.

Я уже думала о предстоящей ночи.

— Бабушка Мэдди, а кто жил в этой комнате в ноябре 1993 года?

Она в раздумьях наморщила лоб.

— 1993? Дай подумать. Тогда премьер-министром была еще Маргрет Тэтчер? Тогда… ах, как же ее звали?

— Тц! Пожилая дама все путает, — сказал Ксемериус. — Меня спроси! 1993 был годом, когда вышел «День сурка», я смотрел его четырнадцать раз! Кроме того, в том году разразился скандал из-за отношений принца Чарльза и Камиллы Паркер-Боулз, а премьер-министром был…

— Это неважно, — перебила я его. — Я только хочу знать, смогу ли я позже спокойно прыгнуть в 1993 год. — Я подозревала, что Шарлотта за это время натянула на себя черный боевой костюм и постоянно наблюдала за коридором. — Кто-то жил в этой комнате или нет, бабушка Мэдди?

— Лланвайрпуллгвингиллгогерыхверндробулллантысилйогогогох, — крикнула бабушка Мэдди.

Ксемериус, Ник и я озадаченно смотрели на нее.

— Теперь она совсем спятила, — сказал Ксемериус. — Я еще утром заметил, что она смеялась в неподходящих местах.

— Лланвайрпуллгвингиллгогерыхверндробуллллантысилйогогогох, — повторила бабушка Мэдди, счастливо сияя и засовывая в рот очередную лимонную карамельку. — Так назывался город в Уэльсе, откуда была родом наша экономка.[16] И пусть кто-нибудь скажет, что у меня плохая память.

— Бабушка Мэдди, я только хочу знать, могу ли…

— Да-да-да. Экономку звали Гладиола Лэнгдон и она в начале девяностых годов жила в комнате твоей мамы, — перебила меня бабушка Мэдди. — Удивлена? У твоей бабушки, вопреки сложившемуся мнению, отлично работают мозги! Остальные комнаты в это время использовались время от времени для гостей, но, в основном, стояли пустые. А Гладиола довольно плохо слышала. Таким образом, ты спокойно можешь залезать в свою машину времени и выйти в 1993 году. — Она хихикнула. — Гладиола Лэнгдон! Мы никогда не забудем ее яблочный пирог. Она не считала нужным вырезать сердцевину у яблок.

Маму мучила совесть из-за моего мнимого гриппа. Ей позвонил после обеда лично Фальк де Вилльер и передал распоряжения доктора Уайта о постельном режиме и обильном горячем питье. Она сто раз сказала, что очень сожалеет, что не послушала меня. Собственноручно выдавила сок из трех лимонов. Потом просидела полчаса на моей кровати, чтобы убедиться, что я всё выпила. Я, видимо, слишком убедительно стучала зубами, поэтому она накрыла меня еще двумя одеялами и в ноги положила грелку.

— Я плохая мать, — сказала она и погладила меня по голове. — Тем более, что тебе сейчас особенно трудно.

В этом она была права. И не только потому, что я чувствовала себя, как в бане, а у меня на животе, предположительно, можно было пожарить яичницу. На пару секунд я позволила себе утонуть в жалости к самой себе.

— Ты не плохая мать, мама, — все же возразила я.

Мамин взгляд стал еще тревожнее.

— Я очень надеюсь, они не поручают тебе делать ничего опасного, эти чокнутые на своих тайнах старики.

Я быстро сделала подряд четыре глотка горячего лимонного чая. Как обычно, меня раздирали противоречивые чувства по поводу того, должна ли я все рассказать маме. Мне совсем не нравилось врать ей или, лучше сказать, утаивать от нее такие важные вещи. С другой стороны, я не хотела, чтобы она волновалась или вообще устроила Хранителям скандал. Кроме того, вряд ли она была бы в восторге, узнав, что я прячу в доме украденный хронограф и путешествую во времени с его помощью.

— Фальк заверил меня, что ты всегда сидишь в комнате в подвале и делаешь уроки, — сказала она. — И единственная причина, из-за которой я

могу волноваться, это то, что ты недостаточно бываешь на солнце.

Я поколебалась пару секунд, но потом криво улыбнулась.

— Он прав. Там темно и ужасно скучно.

— Это хорошо. Я не хотела бы, чтобы с тобой произошло что-либо из того, что случилось тогда с Люси.

— Мам, а что вообще тогда случилось? — За прошедшие две недели я не один раз задавала этот вопрос, но она еще никогда не дала мне вразумительный ответ.

— Ты же знаешь. — Мама снова погладила меня. — Мой бедный мышонок! Ты вся горишь! У тебя жар!

Я мягко отвела ее руку. Насчет «горишь» она была права. Насчет «жара» — нет.

— Мам, я действительно хочу знать, что тогда случилось, — сказала я.

Она помедлила немного, а потом рассказала еще раз то, что я давно уже знала: что Люси и Пол считали, что нельзя замыкать Круг крови, и что они украли хронограф и спрятались с ним, потому что Хранители имели другое мнение на этот счет.

— И потому, что вырваться из сетей Хранителей было практически невозможно — у них наверняка есть свои люди и в Скотланд-Ярде, и в Секретной разведке — Люси и Полу не оставалось ничего лучшего, как прыгнуть с хронографом в прошлое, — продолжила я вместо нее и постаралась незаметно чуть поднять ногами одеяло, чтобы немного охладиться. — Ты только не знаешь, в какой именно год.

— Так оно и есть. Поверь мне, им на самом деле было непросто оставить все в нашем времени.

Мама выглядела так, как будто едва сдерживала слезы.

— Да, но *почему* они думали, что нельзя замкнуть Круг крови?

Господи, как мне было жарко! Зачем я сказала, что меня лихорадит?!

Мама смотрели куда-то мимо меня.

— Я только знаю, что они не верили планам графа Сен-Жермена и были убеждены, что Тайна Хранителей основана на лжи. Сегодня я ужасно жалею, что не захотела тогда узнать больше… Но, мне кажется, Люси считала это правильным. Она не хотела подвергать меня риску.

— Хранители думают, что Тайна Круга крови — это какое-то чудодейственное средство. Лекарство, которое вылечит все болезни человечества, — сказала я и смогла прочесть по маминому лицу, что это для нее не новость. — Почему Люси и Пол должны помешать появлению этого средства? Почему они должны быть против?

— Потому что… они считали, что цена за это слишком высока. — Эти

слова мама прошептала. Из уголка ее глаза выползла слеза и сбежала по щеке. Она быстро вытерла ее тыльной стороной ладони и встала. — Попробуй немного поспать, солнышко, — сказала она нормальным голосом. — Ты наверняка скоро согреешься. Сон — всегда лучшее лекарство.

— Спокойной ночи, мама.

При других обстоятельствах я бы замучила ее вопросами, но сейчас я едва могла дождаться, чтобы она закрыла за собой дверь. С облегчением отбросив одеяла, я так резко открыла окно, что спугнула двух голубей (или призраков голубей?), уютно устроившихся на карнизе на ночь.

Когда Ксемериус вернулся из контрольного полета по дому, я сменила насквозь мокрую от пота пижаму на свежую.

— Все уже в постели, и Шарлотта, но она пялится в потолок и делает упражнения на растяжку для икр, — доложил Ксемериус. — Ух, ты выглядишь, как рак!

— Я себя и чувствую так. — Вздохнув, я заперла дверь на задвижку. Никто, в первую очередь Шарлотта, не должен попасть в мою комнату, пока меня нет. Что бы она не собиралась делать растянутыми икрами — сюда она ни в коем случае не должна зайти.

Я открыла шкаф, потом набрала в легкие побольше воздуха. Залезть в дыру и доползти до крокодила, в животе которого был спрятан хронограф, оказалось довольно утомительным. Моя свежая пижама тут же стала серой спереди, и я вся была в паутине. Отвратительно!

— У тебя тут… мелочь, — сказал Ксемериус, когда я снова вылезла в комнате с хронографом подмышкой. Он показал мне на грудь.

«Мелочью» оказался паук размером с ладонь Каролины (ну, приблизительно). Мне понадобилось все мое самообладание, чтобы не издать крик, который бы разбудил не только всех в доме, но и остальных во всем районе. Сброшенный паук быстро скрылся под моей кроватью. (Жутко смотреть, как быстро двигаются эти существа на восьми ногах!)

— Ва… ва… — только и могла я произнести всю следующую минуту.

Меня все еще передергивало от отвращения, когда я настраивала хронограф.

— Да хватит уже, — сказал Ксемериус. — Есть пауки, которые раз в двадцать больше этого.

— Где?! На планете Ромулус? Очень может быть. — Я поставила хронограф на сундук в шкафу, стала перед ним на колени и просунула палец в отверстие под рубином. — Я вернусь через полтора часа. А ты, будь любезен, следи за тарантулом.

Я помахала Ксемериусу фонариком Ника и сделала глубокий вдох. Он положил лапу себе на грудь в драматическом жесте:

— Ты хочешь уходить? Но день не скоро…[17]

— Ах, заткнись, Джульетта, — сказала я и крепко прижала палец к игле.

Когда я следующий раз сделала вдох, во рту я почувствовала фланель. Я быстро выплюнула и включила фонарик. Фланелевым был халат, висевший прямо перед моим лицом. И вообще, шкаф оказался битком набит одеждой, она висела в два ряда, и мне понадобилось некоторое время, чтобы принять вертикальное положение.

— Ты слышал? — произнес женский голос вне шкафа.

О нет! Пожалуйста, не надо.

— Что, дорогая? — Это был мужской голос. Он звучал очень боязливо.

— В шкафу свет, — заявил женский голос, который звучал совершенно не боязливо. Точнее, он был очень похож на голос тети Гленды.

Черт! Я выключила фонарик и осторожно отступила за второй ряд вешалок, пока спиной не почувствовала заднюю стенку шкафа.

— Может быть…

— Нет, Чарльз! — Голос стал еще более властным. — Я не сошла с ума, если это то, что ты хотел сказать.

— Но я…

— В шкафу был свет и ты сию минуту встанешь и проверишь. Иначе можешь ночевать в комнате для шитья.

Шипеть Шарлотта точно научилась у Гленды.

— Нет, погоди! Так не годится! Если миссис Лэнгдон тебя там увидит, мама захочет у меня узнать, не переживаем ли мы семейный кризис, и это было бы ужасно, потому что у меня нет никакого семейного кризиса, у меня — точно нет, хотя ты и женился на мне только потому, что для твоего отца очень важен был дворянский титул.

— Но, Гленда…

— Ты меня не обманешь! Совсем недавно леди Пресдемер мне рассказывала…

И тетя Гленда, уже совершенно забыв о свете в шкафу, продолжила выдавать гадости, заливая злостью весь мир, или точнее, вываливая ее на голову своего супруга, которого можно было только пожалеть. К сожалению, она также забыла, что была как раз полночь, и продолжала ругаться, как мне казалось, еще часа два. Чарльз только пару раз издавал испуганный писк. Не удивительно, что они развелись. Интересно только

было бы узнать, как им удалось до этого зачать милашку Шарлоттку.

Наконец, Гленда упрекнула мужа, что он хочет лишить ее заслуженного сна, потом заскрипели матрасные пружины, и через пару минут послышалось храпение. Ну что ж, некоторым от проблем со сном помогает горячее молоко с медом. У тети Гленды, похоже, есть свой рецепт.

Проклиная бабушку Мэдди и ее феноменальную память, я подождала на всякий случай еще полчаса, а потом осторожно открыла дверцу шкафа. В конце концов я же не могла разбазаривать свое время, сидя в этом закутке, дедушка наверняка уже места себе не находит. В комнате было немного светлее, во всяком случае, я могла различить контуры мебели, чтобы не ударяться об нее.

Так тихо, как только можно, я пробралась к двери и нажала ручку. И именно в этот момент вскочила тетя Гленда:

— Там кто-то есть! *Чарльз!*

Я не стала дожидаться, пока несчастный Чарльз проснется или пока зажжется свет, распахнула дверь и помчалась изо всех сил по коридору, вниз по лестнице, через весь коридор на втором этаже и дальше вниз, не обращая внимания на скрипящие ступеньки. Я сама не знала, куда я бегу, но у меня было ощущение дежа-вю: по-моему, со мной такое уже один раз было.

На первом этаже я в кого-то врезалась и после секунды шока узнала дедушку. Он молча схватил меня и потащил в библиотеку.

— Что это за шум ты устроила? — прошептал он, закрыв за нами дверь. — И почему ты так поздно? У меня уже ноги отваливались от стояния под портретом прапрапрадедушки Хью. Я уже думал что-то случилось.

— Случилось. Спасибо бабушке Мэдди — после прыжка я оказалась прямо в спальне тети Гленды, — выпалила я, едва переводя дыхание. — И я боюсь, она меня видела. Возможно, в эту минуту она звонит в полицию.

Внешность Лукаса оказала на меня несколько шокирующее воздействие. Он снова выглядел, как дедушка, которого я знала, будучи маленькой девочкой, молодой Лукас с набриолиненными волосами угадывался в нем весьма слабо. Это было глупо, но я расплакалась. Дедушка не заметил. Он подслушивал под дверью.

— Подожди здесь, я пойду посмотрю. — Он обернулся ко мне и улыбнулся. — Там, дальше, есть бутерброды, на всякий случай. И если кто-нибудь войдет…

— …я — твоя кузина Хэйзел, — продолжила я.

— …тебе лучше спрятаться. Под письменным столом.

Но это не потребовалось. Лукас вернулся очень быстро. Я использовала время его отсутствия, чтобы отдышаться, съесть бутерброд и подсчитать, сколько осталось минут до обратного прыжка.

— Не волнуйся, — сказал он. — Она как раз выговаривает Чарльзу, что он виноват в кошмарах, которые ей снятся с момента, когда она вышла за него замуж. — Он покачал головой. — Трудно поверить, что единственный наследник династии, владеющий сетью отелей, позволяет к себе так относиться! Ну да ладно, забудем о Гленде. — Он улыбнулся. — Дай-ка посмотреть на тебя, внучка. Точно, как я тебя помню, может быть, еще немного красивее. Что случилось с твоей пижамой? Ты выглядишь, как трубочист.

Я отмахнулась.

— Прыгнуть сюда оказалось совсем не так просто. В 2011 году я не могу просто таскать хронограф по всему дому. Шарлотта уже что-то заподозрила и следит неотступно. Может быть, как раз в эту минуту она пытается взломать замок в моей комнате, во всяком случае, я бы этому не удивилась. И у нас едва осталось время, потому что я провела вечность в шкафу наверху. — Я рассерженно щелкнула языком. — И если я прыгну обратно не в свою комнату, я не сумею вернуться в нее, потому что она заперта. Замечательно! — Я со стоном упала в кресло. — Что за облом! Нам надо еще раз встретиться, и обязательно до этого чертова бала. Я предлагаю встретиться на крыше, это будет лучше всего! Я думаю, что это единственное место в доме, где нам не помешают. Что ты скажешь насчет завтра в полночь в твоем времени? Или тебе будет слишком сложно незаметно забраться на крышу? Ксемериус говорит, что есть проход через камин, но я не знаю…

— Минутку, минутку! — сказал дедушка и ухмыльнулся. — У меня, в конечном итоге, было пару годков, чтобы поразмышлять, и поэтому я уже всё подготовил. — Он показал на стол, на котором рядом с тарелкой с бутербродами лежала по-настоящему толстая книга.

— *«Анна Каренина»?*

Дедушка кивнул.

— Открой ее!

— Ты спрятал внутри шифр? — предположила я. — Как в Зеленом Всаднике?

О, не может быть! Лукас потратил тридцать семь лет, чтобы составить для меня очередную загадку?! Мне теперь придется дни напролет считать буквы.

— Знаешь, мне бы больше понравилось, если бы ты мне просто

сказал, о чем там речь. Пару минут у нас для этого найдется.

— Не делай поспешные выводы. Прочти первое предложение, — предложил дедушка.

Я пролистнула книгу до начала первой главы.

— *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.* Э-э-э… да. Очень мило. И так мудро. Но…

— Выглядит абсолютно нормально, не так ли? — Лукас сиял. — Но это спецзаказ! Первые четыреста и последние четыреста страниц написаны Толстым, как и двести страниц в середине, зато остальные — мной для тебя, причем абсолютно тем же шрифтом. Превосходная маскировка! Ты найдешь там всю информацию, которую я сумел собрать за тридцать семь лет, пусть даже я так и не выяснил, что стало конкретным поводом для бегства Люси и Пола с хронографом. — Он взял книгу из моих рук и быстро прошелся большим пальцем по кромке страниц. — У нас есть доказательства, что граф, с момента образования ложи, скрывал от Хранителей важные документы — предсказания, согласно которым становится ясно, что Камень мудрости является не тем, что все себе представляют.

— А чем?

— Мы не совсем уверены, мы как раз пытаемся заполучить эти документы. — Дедушка почесал голову. — Слушай, я много думал — естественно! — и понял, что в 2011 году меня уже не будет. Очень вероятно, что я умер до того, как ты достигла такого возраста, чтобы тебя можно было во все посвятить.

Я не знала, что сказать, и просто кивнула. Дедушка улыбнулся чудесной «дедушкиной улыбкой», когда все лицо покрывается маленькими морщинками.

— Не страшно, Гвен. Я могу тебя заверить: даже если бы мне пришлось умереть сегодня, я бы не стал печалиться — у меня была замечательная жизнь. — Морщинки от улыбки стали чуть глубже. — Только очень жаль, что я не могу тебе помочь в твоем времени.

Я опять кивнула и с трудом сдерживала слезы.

— Ну перестань, мой маленький Ворон. Ты-то лучше всех должна знать, что смерть — это часть жизни. — Лукас потрепал меня по руке. — Правда, хотелось бы думать, что у меня хватит порядочности остаться в этом доме в виде призрака. Тебе вовсе не помешало бы немного поддержки.

— Да, было бы неплохо, — прошептала я. — И одновременно ужасно.

Призраки, с которыми я была знакомы, не были особенно счастливы. Я

была уверена, что они предпочли бы оказаться в другом месте. Никому из них существование как призрак не доставляло удовольствия. Большинство из них вообще не хотели верить, что умерли. Нет, очень хорошо, что дедушка не входил в их число.

— Когда тебе нужно назад? — спросил он.

Я посмотрела на часы напротив. Боже, как летит время!

— Через девять минут. И я должна элапсировать в спальне тети Гленды, так как заперла свою комнату изнутри.

— Мы можем попробовать затолкнуть тебя в комнату за одну-две секунды до прыжка, — сказал Лукас. — Ты исчезнешь, прежде чем они сумеют понять…

В этот момент раздался стук в дверь.

— Лукас, ты там?

— Прячься! — прошипел Лукас, но я уже среагировала.

В отчаянном прыжке я приземлилась под письменным столом, как раз в тот момент, когда дверь открылась и в библиотеку вошла леди Ариста. Я могла видеть только ее ноги и край халата, но невозможно было не узнать ее голос.

— Что ты делаешь здесь посреди ночи? Что это, бутерброды с тунцом? Ты же знаешь, что говорит доктор Уайт.

Она, вздохнув, уселась в кресло, стоящее передо мной. Сейчас я видела ее до плеч, которые она, как обычно, держала очень прямо. Увидит ли она меня, если немного повернет голову?

Прищелкнув языком, она сказала:

— Только что ко мне явился Чарльз. Он утверждает, Гленда угрожает ему побоями.

— Ох, господи, — сказал Лукас, на удивление совершенно невозмутимо. — Бедный парень. И что ты сделала?

— Налила ему стаканчик виски, — ответила моя бабушка и хихикнула.

Я затаила дыхание. Моя бабушка хихикает? Я ни разу этого не слышала. Мы всегда удивлялись, когда она смеялась, но хихиканье было совсем не для людей ее уровня. Это как играть оперу Вагнера на дудочке.

— А потом он расплакался! — сказала бабушка презрительно. Это уже больше было похоже на леди Аристу. — После чего *мне* понадобился стаканчик виски.

— Узнаю свою девочку.

Я услышала, как дедушка засмеялся, и внезапно у меня потеплело на сердце. Оба выглядели действительно счастливыми. (По крайней мере, от плеч и выше.) Только сейчас я осознала, что не имела правильного

представления об их браке.

— Самое время достроить дом для Гленды и Чарльза, — сказала леди Ариста. — Может такое быть, что наши дети не слишком удачливы при выборе партнеров? У Гарри — ужасно скучная Джейн. Чарльз — мямля, а у Грейс — бедный, как церковная мышь Николас.

— Но он умеет делать ее счастливой, а это ведь самое главное.

Леди Ариста поднялась.

— Да, на Николаса я как раз жалуюсь меньше всего. Намного хуже было бы, если бы Грейс осталась с тем невозможным *де-Вилльер-честолюбцем*. — Я увидела, что ее передернуло. — Все де Вилльеры отвратительно высокомерны. Я надеюсь, Люси тоже вскоре образумится.

— Мне кажется, Пол немного выпадает из общего ряда. — Дедушка ухмыльнулся. — Он славный юноша.

— Не верю. Яблоко от яблони… Ты идешь со мной?

— Я хотел еще немного почитать…

Да, и еще немного пошептаться с внучкой из будущего, будьте так любезны. У меня почти не осталось времени. Со своего места я не могла видеть часы, но слышала их тиканье. И что это в животе — не то ли самое проклятое ощущение?

— Анна Каренина? Очень грустная книга, не правда ли, дорогой? — Я увидела тонкие руки бабушки, берущие книгу и открывающие ее наугад. Наверняка Лукас, так же как и я, затаил дыхание. — *Разве можно другому рассказывать то, что чувствуешь?* Ах, наверное, мне стоит перечесть ее еще раз. Но понадобятся очки.

— Сначала я прочту, — сказал Лукас решительно.

— Но не сегодня ночью.

Она положила книгу обратно и наклонилась к Лукасу. Я не могла всего видеть, но казалось, что они обнимались.

— Я поднимусь через пару минут, мои медовые губки, — сказал Лукас, но лучше бы он этого не делал.

При словах «мои медовые губки» (Эй! Он разговаривал с *леди Аристой!*) я вздрогнула так, что резко ударилась головой о столешницу.

— Что это там? — строго спросила бабушка.

— Что ты имеешь в виду?

Я увидела, как рука Лукаса смела со стола «Анну Каренину».

— Этот звук!

— Я ничего не слышал, — сказал Лукас, но не смог помешать, когда леди Ариста повернулась в мою сторону.

Я буквально чувствовала, как недоверчиво сверкали ее глаза над

крупным носом. И что теперь? Лукас откашлялся и сильно пнул книгу. Она скользнула по паркету и осталась лежать в полуметре от меня. У меня сжался желудок, когда леди Ариста сделала шаг в мою сторону.

— Но это же… — бормотала она при этом.

— Сейчас или никогда, — сказал Лукас, и я предположила, что он обращался ко мне.

Решительным жестом я выбросила руку, схватила книгу и прижала к груди. Моя бабушка издала короткий крик удивления. Но до того как она наклонилась и заглянула под стол, ее расшитые тапочки исчезли с моих глаз.

Вернувшись в 2011 год, я с сильным сердцебиением вылезла из-под стола и поблагодарила бога, что эта часть мебели с 1993 года ни на сантиметр не была сдвинута.

Бедная леди Ариста — после того как она увидела, что стол отрастил руку и съел книгу, ей наверняка понадобится еще один стаканчик виски. Мне же нужна была только моя постель.

Когда на втором этаже дорогу мне заступила Шарлотта, я даже не испугалась: как будто мое сердце решило, что на сегодня волнений вполне достаточно.

— Я слышала, ты тяжело больна и должна соблюдать постельный режим. — Она включила маленький фонарик и ослепила меня резким светом сверкающих светодиодов.

При этом я заметила, что фонарик Ника остался где-то в 1993 году. Скорее всего, в шкафу.

— Точно. Очевидно, заразилась от тебя, — сказала я. — Похоже, эта болезнь не дает спать по ночам. Я взяла себе кое-что почитать. А ты что делаешь? Небольшая тренировка?

— Почему бы и нет? — Шарлотта приблизилась ко мне на шаг и перевела конус света на книгу. — *«Анна Каренина»?* Не слишком ли это трудно для тебя?

— Ты думаешь? Ну, можем поменяться. Я дам тебе *«Анну Каренину»*, а ты мне *«В тени Вампирского холма»*.

Две секунды Шарлотта ошеломленно молчала. Потом снова ослепила меня холодным ярким светом.

— Покажи, что было в том сундуке, и я, возможно, смогу тебе помочь, Гвенни. Предотвратить самое плохое…

Ух ты, она умела говорить совсем по-другому — мягко и льстиво, немного обеспокоенно. Я протиснулась мимо нее, напрягши мышцы живота.

— Забудь, Шарлотта. И держись от моей комнаты подальше. Понятно?

— Если мои предположения верны, то ты намного глупее, чем я думала. — Ее голос опять звучал, как всегда.

И хотя я ожидала, что она меня остановит или — как минимум — раздробит мне голень, она меня пропустила. Только некоторое время светила мне вслед фонариком.

~~~

Нельзя остановить время, но ради любви оно иногда останавливается.

Перл Бак
~~~

Глава седьмая

Когда около десяти утра раздался стук в мою дверь, я испуганно вынырнула из глубокого сна, хотя это был уже третий раз за утро, когда меня будили.

Первый раз в семь часов мама захотела узнать, как я себя чувствую. («Температуры нет — что значит крепкая конституция! Завтра ты уже сможешь пойти в школу».)

Второй раз через три четверти часа зашла Лесли, специально сделавшая крюк по дороге в школу, так как глубокой ночью я послала ей смс. То, что смс получилось не простым набором бессвязных слов, удивило меня, потому что я едва могла попадать на кнопки дрожащими руками, почти ничего не соображая от страха. Единственный путь в мою запертую комнату вел через карниз под моим окном, приблизительно четырнадцать метров над землей. Ксемериуса посетила идея — вылезти из окна комнаты Ника и, прижавшись животом к стене, двигаться по карнизу к моему окну. Он ничем не помог успеху этой операции, кроме рычания «Только не смотри вниз!» и «Нифига себе, как высоко!».

У нас с Лесли было всего пару минут, ей нужно было спешить в школу, а я решила уделить время глубокому сну. До того момента, когда под дверью послышались громкие голоса, и в дверь заглянула рыжая голова.

— Доброе утро, — сказал мистер Марли жестко.

Ксемериус, клевавший носом у меня в ногах, подскочил от неожиданности.

— Что делает этот пожарный датчик в твоей комнате?

Я натянула одеяло до подбородка.

— Пожар? — спросила я не слишком находчиво у мистера Марли. Мама сказала, что на элапсацию меня заберут только после обеда. И я надеюсь, не прямо из постели!

— Ну знаете, это уж действительно слишком, молодой человек! — послышался голос позади него. Это была бабушка Мэдди. Она отпихнула мистера Марли и протиснулась мимо него в комнату. — У вас нет никаких манер, иначе вы никогда бы не ввалились в спальню молодой девушки.

— Да-да, и я тоже не готов еще к приему, — сказал Ксемериус и облизал переднюю лапу.

— Я… я… — заикался мистер Марли, с лицом пунцового цвета.

— Это неприлично!

— Бабушка Мэдди, не вмешивайся! — Третьей в дверях возникла Шарлотта, в джинсах и зеленом свитере, на фоне которого ее волосы пылали огнем. — Мистер Марли и мистер Брюэр должны кое-что забрать отсюда.

Мистер Брюэр был, очевидно, юноша в черном костюме, чей черед выступить как раз настал. Номер четыре. Мне все больше и больше казалось, что я нахожусь на вокзале «Виктория» в час пик. При это моя комната и близко не имела подходящих размеров. Шарлотта протиснулась вперед, расталкивая остальных локтями.

— Где сундук? — спросила она.

— Ябеда-корябеда! — пропел Ксемериус.

— Какой сундук? — Я все еще сидела как вкопанная, натянув на себя одеяло. Я и не хотела вставать, потому что на мне была запачканная спереди пижама и я не собиралась демонстрировать себя в этом виде мистеру Марли. Достаточно, что он видел меня с всклокоченными волосами.

— Ты знаешь, какой! — Шарлотта наклонилась ко мне. — Где он?

Завитки бабушки Мэдди встали дыбом.

— Я не позволяю дотрагиваться до сундука! — приказала она неожиданно властно.

Но до властности леди Аристы ей было далеко.

— Мадлен! Я же тебе сказала, чтобы ты оставалась внизу. — Теперь и бабушка зашла в комнату, прямая как свеча, подбородок поднят. — Тебя это не касается.

В это время Шарлотта пробилась сквозь толпу к шкафу, рванула дверцу и показала на сундук.

— Вот он!

— Меня это даже очень касается. Это *мой* сундук, — воскликнула бабушка Мэдди, на этот раз с отчаянием в голосе. — Я его только одолжила Гвендолин!

— Чепуха, — сказала леди Ариста. — Сундук принадлежал Лукасу. Я уже удивлялась, куда он мог деться? — Ее ледяные голубые глаза разглядывали меня. — Молодая леди, если Шарлотта права, я бы не хотела оказаться на твоем месте.

Я еще немного выше подтянула одеяло и подумала, не спрятаться ли под него с головой.

— Он заперт, — сообщила Шарлотта, наклонившись к сундуку.

Леди Ариста протянула руку.

— Ключ, Гвендолин.

— У меня его нет. — Мой голос звучал глухо из-под одеяла. — И я не понимаю, что…

— Не будь такой упрямой, — перебила меня леди Ариста.

Но так как Лесли недавно снова повесила ключ на шею, у меня не было другого выхода, как продолжать упрямиться. Шарлотта начала рыться в ящиках моего письменного стола, и бабушка Мэдди шлепнула ее по рукам:

— Постыдись!

Мистер Марли откашлялся.

— С вашего позволения, леди Монтроуз, у нас в Темпле есть способы и возможности открыть замок и без ключа…

— *Способы и возможности*, — передразнил Ксемериус его таинственный тон. — Как будто в монтировке есть что-то магическое. Идиот!

— Ну хорошо, забирайте тогда сундук, — сказала леди Ариста. Она повернулась к двери. — Мистер Бернхард, — позвала она. — Проводите джентльменов вниз.

— Как будто у Хранителей без этого мало антиквариата, — сказал Ксемериус. — Жадный народец.

— Я еще раз заявляю решительный протест, — крикнула бабушка Мэдди, в то время как мистер Марли и другой юноша молча выносили сундук из комнаты. — Это… нарушение неприкосновенности жилища. Если Грейс узнает, что в ее квартиру просто так вторглись, она страшно рассердится.

— Это пока еще *мой* дом, — сказала леди Ариста холодно. Она уже повернулась, чтобы уйти. — И здесь действуют *мои* правила. То, что Гвендолин не осознает своих обязанностей и оказалась недостойной имени Монтроуз, можно еще, вероятно, объяснить ее юным возрастом и недостаточным разъяснением, но ты, Мадлен, должна была бы понимать, во имя чего твой брат работал всю свою жизнь. Я ожидала от тебя большего осознания чести рода. Я весьма разочарована. Вами обеими.

— Я тоже разочарована. — Бабушка Мэдди уперла руки в боки и гневно смотрела вслед уходящей леди Аристе. — *Вами* обеими. В конце концов, мы же — семья! — И поскольку леди Ариста уже не могла услышать ее слова, она повернулась к Шарлотте. — Зайчик! Как ты можешь?

Шарлотта покраснела. На короткий миг она выглядела очень похожей с мистером Марли, и я попыталась вспомнить, куда дела свой мобильник. Я бы охотно запечатлела этот миг для потомков. Или для последующего

шантажа.

— Я не могла позволить, чтобы Гвендолин бойкотировала то, что она просто не *понимает*, — сказала Шарлотта, и голос ее слегка дрожал. — Только из-за своего постоянного желания быть в центре внимания. Она… у нее нет никакого почтения к мистерии, с которой она незаслуженно связана. — Она бросила на меня ядовитый взгляд, и это, похоже, помогло ей взять себя в руки. — Ты сама во всем виновата! — зашипела она с новым запалом. — Я даже предложила тебе свою помощь! Но нет! Тебе всегда нужно нарушить какие-то правила! — С этими словами она превратилась в обычную Шарлотту и сделала то, что умела лучше всего: красиво откинула назад волосы и удалилась.

— Божемой-божемой-божемой, — сказала бабушка Мэдди и упала на кровать. Ксемериус едва успел откатиться в сторону. — Что же нам теперь делать? Они приедут за тобой, когда откроют сундук, и совершенно точно не станут с тобой цацкаться. — Она выудила коробочку с лимонными карамельками из кармана юбки и засунула в рот сразу пять конфет. — Я этого не выдержу.

— Спокойно, бабушка Мэдди! — Я расчесала пальцами волосы и ухмыльнулась. — В сундуке лежит старый школьный атлас и полный комплект романов Джейн Остин, что ты подарила мне на Рождество.

— О! — Бабушка Мэдди потерла нос и облегченно фыркнула. — Я, *конечно*, так и думала, — сказала она, энергично разжевывая карамельки. — Но где?..

— В надежном месте, я надеюсь. — С глубоким вздохом я села на кровати, поставив ноги на пол. — Но если они сейчас снова явятся — с разрешением на обыск или чем-то в этом роде, — схожу-ка я пока в душ. Кстати — большое спасибо за вчерашний совет! Комнаты были пустые, говоришь? Как бы не так! Я оказалась в спальне тети Гленды и бывшего дяди Чарли!

— Упс! — произнесла бабушка Мэдди и от испуга проглотила карамельку.

До обеда я не увидела больше ни Шарлотту, ни бабушку. Пару раз внизу звонил телефон, один раз кто-то позвонил нам — но это была мама, которая интересовалась моим самочувствием. Позже к бабушке Мэдди пришла подруга — миссис Пэрплплам, и я слышала, как обе хихикали, как маленькие девочки. В остальном в доме было тихо. Прежде чем за мной после обеда приехали, чтобы отвезти в Темпл, мы с Ксемериусом смогли почитать *«Анну Каренину»*, ну, то есть, ту часть, которую написал не

Толстой. Страницы с 400 до 600 были заполнены в основном выписками из Хроник и Летописей Хранителей. Лукас сделал пометку: *«Это только самые интересные места, дорогая внучка»*, но, честно говоря, сначала они мне не показались интересными.

Так называемые *«Принципы структуры времени»*, написанные лично графом Сен-Жерменом, с первого же предложения предъявили слишком высокие требования моему уму. *«Хотя прошлое в настоящем уже произошло, нужно быть весьма осторожным, чтобы не угрожать настоящему прошлым, делая его настоящим»*.

— Ты это понимаешь? — спросила я Ксемериуса. — С одной стороны, все уже все равно случилось, а значит так и будет, как уже случилось, с другой стороны, нельзя никого заражать вирусами гриппа. Или как это нужно понимать?

Ксемериус помотал головой.

— Давай это пропустим, ладно?

Но и сочинение некоего д-ра М. Джордано (ну-ка, вряд ли это было простым совпадением, или нет?) под названием *«Граф Сен-Жермен — путешественник во времени и визионер. Анализ источников на основании протоколов Инквизиции и писем»*, опубликованное в 1992 году в тематическом журнале по историческим исследованиям, начиналось предложением, растянувшимся длинным червяком на восемь строк, что не способствовало желанию читать дальше.

Ксемериус тоже так думал.

— Скучища! — орал он, и я охотно пролистала книгу дальше, к месту, где Лукас собрал все стихи и рифмы. Некоторые были мне уже знакомы, но и те, которые я еще не знала, звучали запутанно, были перенасыщены символами и их можно было толковать по-разному, в зависимости от точки зрения, — точно как видения бабушки Мэдди. Слова *кровь* и *вечность* встречались чаще других, в сочетании со словами *жар* и *страдание*.

— Ну, стихи явно писал не Гете, — согласился Ксемериус. — Звучит так, как будто пару пьяниц решили зарифмовать шифровку. Слушай, а что рифмуется с *«Лиса из нефрита»*? Корыто, бандита, пошито? Неее, возьмем «сокрыто», это звучит — ик! — намного таинственней!

Я рассмеялась. Стихи действительно были не самые лучшие. Но я знала, что Лесли им обрадуется, больше всего она любила разгадывать шифры. Она была абсолютно уверена, что чтение *«Анны Карениной»* нам многое объяснит.

— Это начало нового этапа, — сказала она сегодня утром драматичным тоном, размахивая книгой над головой. — Тот, кто имеет

информацию, имеет власть. — Тут она немного запнулась. — Это из одного фильма, но я сейчас не могу вспомнить из какого. Неважно! Сейчас мы можем докопаться до сути.

Возможно, она была права. Но когда я позже сидела на зеленом диване в 1953 году, я не чувствовала себя ни более информированной, ни более могущественной, а просто ужасно одинокой. Как бы мне хотелось, чтобы Лесли могла быть рядом. Или хотя бы Ксемериус.

Листая книгу просто так, я наткнулась на место, о котором говорил мистер Марли. В октябре 1782 года в Хронике действительно была запись следующего содержания: *…поэтому граф перед отбытием еще раз подчеркнул, что и в будущем соприкосновения с Мистерией путешественников женского пола, особенно Рубина, рожденной последней, должны быть максимально ограничены и что никогда нельзя недооценивать разрушающую силу женского любопытства.* О да! Я тут же поверила, что граф это сказал, я так и слышала его голос, произносящий эти слова. *Разрушающая сила женского любопытства* — тц-тц-тц!

Но для бала, который был не отменен, а только отложен, мне это однако ничего не давало, если не считать, что писанина Хранителей не добавляла мне желания еще раз встретиться с графом. С неприятным чувством я начала читать о Золотых правилах. Там много говорилось о чести и совести и обязательствах не делать ничего в прошлом, что могло бы изменить будущее. Правило четыре — *Запрещается транспортировать предметы из одного времени в другое* — я, наверное, нарушила при каждом прыжке. И правило пять — *Не влиять на судьбу людей из прошлого* — тоже. Я опустила книгу на колени и стала задумчиво кусать нижнюю губу. Может, Шарлотта была права, и я оказалась завзятой нарушительницей правил — просто из принципа.

Интересно, Хранители сейчас обыскивают мою комнату? Или даже весь дом — с собаками и металлоискателями? У меня не было впечатления, что наш небольшой ложный маневр поколебал доверие к Шарлотте. Хотя мистер Марли, который забирал меня из дому, выглядел несколько колеблющимся. Он не мог смотреть мне в глаза, даже если пытался сделать вид, что ничего не случилось.

— Наверное, ему стыдно, — предположил Ксемериус. — Как бы мне хотелось увидеть его глупое лицо, когда открыли сундук. Надеюсь, он от испуга уронил монтировку себе на ногу.

Да, для мистера Марли это определенно стало позорным моментом, когда он вытащил книги из сундука. И для Шарлотты, разумеется, тоже. Хотя так быстро она не сдастся. Но все-таки мистер Марли предпринял

попытку завязать непринужденный разговор, наверное, чтобы скрыть собственное чувство вины, когда открыл большой черный зонт, провожая меня от лимузина до двери штаб-квартиры:

— Сегодня довольно прохладно, не правда ли? — произнес он бодро.

Это было слишком нелепо для меня. Я ответила так же бодро:

— Да. Когда я получу назад свой сундук?

На это у него не было ответа, кроме как снова стать пунцовым.

— Могу я хотя бы получить обратно мои книги или на них собираются искать отпечатки пальцев? — Сегодня мне его не было жаль.

— Мы… к сожалению… возможно… ошибочно… — заикался он.

Мы с Ксемериусом в один голос спросили:

— Хэ?

Мистеру Марли явно полегчало, когда мы столкнулись на входе с мистером Уитменом, который снова выглядел как кинозвезда на красной дорожке. Очевидно, он тоже только что прибыл, так как снимал неповторимо элегантным движением пальто и стряхивал капли дождя с волос. При этом широко улыбался, сверкая белоснежными зубами. Не хватало только вспышек фотоаппаратов. Если бы я была Синтией, я бы наверняка обомлела от его вида, но я была совершенно невосприимчива к его внешности и его (по отношению ко мне лишь спорадическому) шарму. Кроме того, Ксемериус кривлялся у него за спиной и ставил ему «рожки».

— Гвендолин, я слышал, тебе уже лучше? — спросил мистер Уитмен.

Где это он слышал?

— Немного. — Чтобы отвлечь от моей несуществующей болезни и поскольку я была уже заведена, я быстро заговорила: — Я как раз спрашивала мистера Марли по поводу моего сундука. Может быть, вы можете мне сказать, когда я получу его назад и почему вообще его забрали?

— Правильно! Нападение — лучшая оборона, — подбадривал меня Ксемериус. — Я вижу, ты тут и без меня справишься. Я быстренько смотаюсь домой почита… э-э-э… проследить за порядком. Пока-пока!

— Я… мы… неверная информация… — опять начал заикаться мистер Марли.

Мистер Уитмен раздраженно прищелкнул языком. Рядом с ним мистер Марли выглядел вдвойне неуклюжим.

— Марли, вы можете идти на перерыв.

— Слушаюсь, сэр. Перерыв, сэр. — Еще чуть-чуть и мистер Марли щелкнул бы каблуками.

— У твоей кузины возникло подозрение, что у тебя находится предмет, который тебе не принадлежит, — сказал мистер Уитмен, когда мистер

Марли исчез, и окинул меня пронизывающим взглядом.

Из-за темно-карих глаз Лесли прозвала его Бельчонком, но сейчас при всем желании в нем нельзя было найти ничего милого и забавного, как и капли тепла, которое, как считается, всегда излучают карие глаза. Под его взглядом мой дух противоречия тут же съежился и забился в самый дальний угол моего сознания. Внезапно я пожалела, что мистер Марли ушел. С ним скандалить было несравненно приятнее, чем с мистером Уитменом. Врать ему оказалось очень сложно, скорее всего, дело было в его учительском опыте. Но я все же попробовала.

— Шарлотта чувствует себя, по-видимому, исключенной из общества, — пробормотала я с опущенными глазами. — Ей сейчас непросто, и поэтому она придумывает вещи, которые опять… э-э-э… гарантируют внимание к ее особе.

— Да, другие тоже так считают, — сказал мистер Уитмен задумчиво. — Но я считаю Шарлотту устоявшейся личностью, у которой нет необходимости делать нечто подобное. — Он склонился ко мне, оказавшись так близко, что я почувствовала запах его одеколона. — Если ее подозрение подтвердится… Я не уверен, что ты действительно осознаешь важность своих поступков.

Хм, тогда нас уже двое. Мне потребовалось некоторое усилие, чтобы посмотреть ему в глаза.

— Могу я хотя бы узнать, о каком предмете идет речь? — спросила я робко.

Мистер Уитмен поднял бровь, а потом неожиданно улыбнулся.

— Вполне возможно, что я тебя недооцениваю, Гвендолин. Но это еще недостаточная причина, чтобы ты себя переоценивала!

Пару секунд мы не отводили взгляд друг от друга, и с каждым мгновением я чувствовала, как меня покидают силы. К чему это должно привести? Может, просто отдать хронограф Хранителям и пусть будет что будет? Где-то на задворках сознания я услышала, как Лесли говорит: *«Возьми себя в руки, будь любезна!»*, но зачем? Я до сих пор брела ощупью в потемках и ни на шаг не продвигалась вперед. Мистер Уитмен был прав: в конечном итоге я полностью переоценила собственные силы и всё только усложнилось. Я даже не знала, зачем я взяла на себя всю нервотрепку? Разве плохо было бы стряхнуть с себя ответственность и передать ее другим?

— Да? — спросил мистер Уитмен мягко, и сейчас в его глазах действительно появился теплый блеск. — Ты хочешь мне что-то сказать, Гвендолин?

Кто знает — может быть, я так и сделала бы, но в это мгновение к нам подошел мистер Джордж. Со словами «Гвендолин, где ты ходишь?» он положил конец приступу моей слабости. Мистер Уитмен снова раздраженно прищелкнул языком, но не продолжил тему в присутствии мистера Джорджа.

И вот я сидела совершенно одна в 1953 году на зеленом диване и пыталась вернуть самообладание. И немного уверенности.

— Знания — сила, — попыталась я мотивировать себя со сжатыми зубами и снова открыла книгу.

Лукас выписал из Хроник прежде всего отчеты из годов 1782 и 1912, *потому что это, дорогая внучка, имеющие особое значение для тебя годы. В сентябре 1782 года был разбит Флорентийский Альянс и разоблачен предатель во Внутреннем круге Хранителей. И хотя в Хрониках явно ничего не указано, но мы можем исходить из того, что ты и Гидеон имеете к этому непосредственное отношение.*

Я подняла голову. Было ли это тем намеком на бал, который я искала? Если да, то я сейчас знала столько же, сколько и раньше. Спасибо, дедушка, вздохнула я. Это приблизительно так же полезно, как «Бойся бутербродов с вяленым мясом». Я перелистнула страницу.

— Только не пугайся, — произнес голос у меня за спиной.

Это предложение определенно нужно отнести к числу знаменитых последних слов, которые можно услышать перед смертью. (Сразу после «Он не заряжен» и «Он просто хочет поиграться».) Конечно, я ужасно испугалась.

— Это всего лишь я. — Гидеон стоял за диваном и улыбался мне сверху вниз.

Его вид тут же привел меня в особое состояние, и гамма различных чувств затопила меня изнутри, не задаваясь определенным направлением.

— Мистер Уитмен подумал, что тебе не помешает общество, — сказал Гидеон легко. — А я вспомнил, что здесь срочно нужно поменять лампочку. — Он подбросил в руке лампочку, как жонглер мячик, поймал ее и грациозным движением опустился рядом со мной на диван. — У тебя здесь уютно. Кашемировый плед! И виноград. Похоже, миссис Дженкинс весьма к тебе расположена.

Всматриваясь в его бледное красивое лицо и пытаясь взять под контроль свои хаотические чувства, я все же сообразила захлопнуть «Анну Каренину». Гидеон внимательно наблюдал за мной, его взгляд скользил от лба к глазам и вниз, ко рту. Я хотела отвернуться и отодвинуться от него, но одновременно не могла наглядеться, так что продолжала пристально

смотреть, как кролик на удава.

— Может, скажешь «привет»? — сказал он и снова заглянул мне прямо в глаза. — Даже если ты на меня сердишься.

То, что он при этом, забавляясь, поднял уголки губ, вывело меня из оцепенения.

— Спасибо, что напомнил. — Я убрала волосы со лба, уселась прямо и снова открыла книгу, на этот раз в самом начале. Я буду просто игнорировать его, нечего ему думать, что между нами все в порядке.

Но Гидеон не позволил так легко отделаться от себя. Он посмотрел на потолок.

— Чтобы поменять лампочку, я должен ненадолго выключить свет. Временно будет совсем темно.

Я ничего не произнесла.

— У тебя есть фонарик?

Я не ответила.

— С другой стороны, похоже, проблем с лампой нет. Может, оставим все как есть?

Я чувствовала его взгляды, как будто он касался меня, но упорно смотрела в книгу.

— Хмм… Можно мне взять пару виноградин?

Теперь я потеряла терпение.

— Да, бери. Но оставь меня в покое! — резко сказала я. — И закрой рот, окей? У меня нет ни малейшего желания вести с тобой светский разговор.

За то время, что ему понадобилось, чтобы съесть виноград, он не произнес ни слова. Я перевернула страницу, хотя не прочитала ни одного слова.

— Я слышал, у тебя сегодня утром были визитеры. — Он начал жонглировать двумя виноградинами. — Шарлотта что-то говорила о таинственном сундуке.

Ага. Оттуда значит дует ветер. Я опустила книгу на колени.

— Какую часть от «закрой рот» ты не понял?

Гидеон широко ухмыльнулся.

— Эй, это нельзя назвать светской беседой. Я бы хотел узнать, как Шарлотте могла в голову прийти идея, что тебе кое-что подкинули Люси и Пол.

Он появился, чтобы выведать у меня что-нибудь. Скорее всего, по заданию Фалька и остальных. *«Будь к ней внимательным, и она наверняка тебе расскажет, где и что она прячет»*. Считать женщин глупышками

было, в конце концов, хобби всего рода де Вилльеров.

Я уселась скрестив ноги на диване. В гневе мне было легче смотреть ему в глаза, чтобы при этом нижняя губа не дрожала.

— Спроси у Шарлотты, как ей могло прийти такое в голову, — сказала я холодно.

— Спрашивал. — Гидеон тоже уселся скрестив ноги, так что мы сидели на диване друг напротив друга, как два индейца в типи.[18] Было ли это противоположностью трубке мира? — Она считает, что ты каким-то образом заполучила хронограф, а твои брат и сестра, бабушка Мэдди и даже дворецкий тебя покрывают.

Я покачала головой.

— Никогда не думала, что произнесу эти слова, но у Шарлотты слишком богатая фантазия. Достаточно пронести через дом сундук, как она тут же начинает бредить.

— А что было в сундуке? — спросил он, не слишком заинтересованно.

Господи, как наивно!

— Ничего! Мы используем его как карточный столик при игре в покер. — Мне самой так понравилась идея, что я с трудом подавила ухмылку.

— Аризонский холдем? — поинтересовался Гидеон, став чуть внимательнее.

Ха-ха!

— Техасский холдем, — сказала я. Как будто меня можно поймать на такую дешевую уловку! Папа Лесли научил нас играть в покер, когда нам было по двенадцать лет. Он считал, что девочки обязательно должны уметь играть в покер, — почему, он нам никогда не объяснял. Во всяком случае, благодаря ему мы знали все приемы и были мастерами блефа. Лесли, правда, все еще чесала нос, когда у нее была хорошая карта, но об этом знала только я. — Иногда Омахский, но реже. Понимаешь, — я доверительно наклонилась к нему, — азартные игры запрещены у нас в доме: моя бабушка установила строгие правила. Мы, собственно, исключительно из протеста и упрямства начали играть — бабушка Мэдди, мистер Бернхард, Ник и я. Но потом игра стала доставлять нам удовольствие.

Гидеон задрал одну бровь. Он был под сильным впечатлением. Я его понимала.

— Может быть, леди Ариста права, и игра в карты — начало всех пороков, — продолжала я. Я по-настоящему вошла в роль. — Сначала мы играли только на лимонные карамельки, но сейчас ставки возросли. Мой

брат на прошлой неделе проиграл все свои карманные деньги. Если бы леди Ариста знала! — Я наклонилась еще больше и пристально посмотрела Гидеону в глаза. — Но, пожалуйста, не говори Шарлотте, она тут же наябедничает. Пусть лучше выдумывает истории об украденном хронографе!

Весьма довольная собой, я выпрямилась. Гидеон выглядел все еще пораженным. Некоторое время он молча разглядывал меня, потом внезапно протянул руку и погладил меня по голове. Куда только девалось всё мое самообладание!

— Прекрати! — Он действительно не чурался никаких уловок! Мерзавец. — Что ты тут вообще делаешь? Мне не нужно никакое общество! — К сожалению, слова прозвучали менее ядовито, чем мне хотелось, скорее жалобно. — Разве ты не должен выполнять какую-то тайную миссию и брать кровь у людей?

— Ты имеешь в виду *Операцию «Шаровары»* вчера вечером? — Он перестал гладить меня, но взял прядь волос и пальцами перебирал ее. — Она выполнена. Кровь Илэйн Бэргли уже в хронографе. — Две секунды он смотрел мимо меня в пустоту и выглядел при этом очень грустно. Потом взял себя в руки. — Не хватает лишь крови неуступчивой леди Тилни, Люси и Пола. Но поскольку мы теперь знаем, в каком времени обосновались Люси и Пол и под каким именем они жили, это стало формальностью. О леди Тилни я позабочусь завтра утром.

— Я думала, что у тебя появились сомнения в правильности того, что ты делаешь, — сказал я и освободила волосы от его руки. — Что, если Люси и Пол правы и Круг крови нельзя замыкать? Ты же сам утверждал, что такое возможно.

— Правильно. Но я не собирался рассказывать это Хранителям. Ты — единственная, с кем я поделился.

О, какой тонкий психологический ход. *Ты единственная, кому я доверяю.* Но я тоже умею делать хитрые ходы. (Я тут же вспомнила рассказ о покере!)

— Люси и Пол сказали, что графу нельзя верить. Что он замыслил что-то злое. Ты сейчас тоже в это веришь?

Гидеон покачал головой. Его лицо внезапно напряглось и стало серьезным.

— Нет. Я не думаю, что он злой человек. Я только думаю… — Он поколебался. — Я думаю, что он благополучие одного человека ставит ниже благополучия общества.

— Даже собственное?

Он не ответил, а снова протянул руку. На этот раз он накрутил прядь волос на палец. В конце концов он произнес:

— Предположим, ты можешь создать что-то сенсационное, ну например… я не знаю… лекарство против рака и СПИДа и всех остальных болезней во всем мире. Но для этого один человек должен умереть. Что ты будешь делать?

Кто-то должен умереть? Это и было причиной, почему Люси и Пол украли хронограф? *Они считали, что цена за это слишком высока*, услышала я голос мамы. Цена — жизнь одного человека? У меня перед глазами тут же возникли соответствующие сцены из кинофильмов, с перевернутыми крестами, человеческими жертвами на алтаре и мужчинами в капюшонах, бормочущими вавилонские заклинания. Что было не слишком похоже на Хранителей — может быть, за незначительными исключениями.

Гидеон ожидающе смотрел на меня.

— Пожертвовать жизнью одного ради спасения многих? — пробормотала я. — Нет, я не думаю, что это слишком высокая цена, с прагматической точки зрения. А ты?

Гидеон долго ничего не говорил, он только скользил взглядом по моему лицу и играл с моим локоном.

— А я думаю, — сказал он в конце концов. — Не всегда цель оправдывает средства.

— Означает ли это, что ты сейчас не будешь делать то, что граф от тебя требует? — вырвалось у меня — признаюсь, не слишком изящно. — Например, играть моими чувствами? Или моими локонами?

Гидеон убрал руку от меня и удивленно посмотрел на нее, будто она ему не принадлежала.

— Я не… Граф мне вовсе не приказывал играть твоими чувствами.

— О, не приказывал?! — В одно мгновение я снова разозлилась. — Мне он, во всяком случае, сказал что-то такое. Что он глубоко впечатлен, как хорошо ты справился со своим заданием, хотя у тебя было так мало времени, чтобы манипулировать моими чувствами, и ты — как глупо! — так много сил потратил не на ту жертву — в смысле Шарлотту.

Гидеон вздохнул и потер тыльной стороной ладони лоб.

— У нас с графом действительно состоялось пару разговоров о… э-э-э… мужских разговоров. Он считает — и учти, он жил более двухсот лет тому назад, это можно извинить, — что действия женщин определяются эмоциями, тогда как мужчины руководствуются разумом, и что поэтому для меня было бы лучше, если моя партнерша по прыжкам во времени была бы

влюблена в меня, чтобы в сложных случаях я мог бы контролировать ее поведение. Я думал…

— Ты… — перебила я его гневно. — Ты думал: ну тогда я позабочусь о том, чтобы все получилось!

Гидеон встал и стал быстро ходить по комнате. По какой-то причине он выглядел крайне взволнованным.

— Гвендолин, я же тебя ни к чему не принуждал, правда? Наоборот, я часто плохо обращался с тобой.

Я, онемев, смотрела на него.

— И я теперь должна тебя за это благодарить?

— Конечно нет, — сказал он. — Или да, должна.

— Ну так что теперь?

Он сверкнул на меня глазами.

— Почему девушкам нравятся парни, которые плохо с ними обращаются? Воспитанные, очевидно, и в половину не так интересны. Иногда мне с трудом удается сохранять уважение к девушкам. — Он все еще носился по комнате, как тигр в клетке, делая длинные, раздраженные шаги. — К тому же у лопоухих или прыщавых не такой большой выбор.

— Какой ты циничный и поверхностный! — Я не могла прийти в себя из-за поворота, который принял этот разговор.

Гидеон пожал плечами.

— Спрашивается, кто здесь поверхностный. Или ты позволила бы мистеру Марли себя поцеловать?

На какой-то миг я действительно была выбита из колеи. Небольшое, совсем *крохотное* зерно правды, возможно, и было в его словах. Но потом я покачала головой.

— Ты забыл кое-что решающее в своей потрясающей аргументации. Несмотря на твою внешность совершенно без прыщей — мои поздравления, кстати, по поводу твоей самоуверенности — я никогда не позволила бы тебе себя поцеловать, если бы ты не солгал мне и не притворился, что испытываешь ко мне какие-то чувства. — Тут же слезы подступили к глазам. Но я продолжила дрожащим голосом: — Я бы никогда… не влюбилась в тебя.

А если бы влюбилась, никогда бы тебе этого не показала. Гидеон отвернулся от меня. Какой-то момент он стоял, полностью замерев, а потом внезапно ударил со всей силы ногой в стену.

— Черт возьми, Гвендолин, — сказал он сквозь сжатые зубы. — А ты всегда была правдива со мной? Разве ты не врала, где только можно?

Пока я искала ответ — он был действительно мастером повернуть

оружие противника против него самого — я почувствовала знакомое головокружение, но на этот раз мне было плохо как никогда. Испуганно я прижала «Анну Каренину» к груди. На корзинку времени уже не хватило.

— Ты хоть и позволяла мне целовать себя, но никогда мне не доверяла, — еще услышала я слова Гидеона.

Что он сказал дальше, я не знала, потому что в следующий момент приземлилась в настоящем и должна была собрать все силы, чтобы меня не стошнило под ноги мистеру Марли. Когда я наконец утихомирила свой желудок, Гидеон тоже уже был здесь. Он стоял, прислонившись к стене. В его лице не осталось и следа злости, он грустно улыбался.

— Мне бы очень хотелось принять участие в вашей игре в покер, — сказал он. — Я хорошо умею блефовать.

И он вышел из комнаты, не обернувшись.

~~~

Из инквизиционных протоколов доминиканского патера Жан-Петро Бариби

Библиотека университета в Падуе

(расшифровал, перевел и обработал доктор М. Джордано)

25 июня 1542 года

Я все еще провожу расследование в монастыре С. по случаю юной Элизабетты, которая, по словам ее отца, беременна ребенком от дьявола. В докладе на имя Главы Конгрегации я не скрыл своего предположения, что М. слишком — благосклонно говоря — склонен к Божественному просветлению и считает себя призванным нашим Господом уничтожить зло этого мира. Очевидно, что он предпочтет обвинить собственную дочь в ведьмовстве, чем принять, что она не соответствует его представлениям о целомудрии. Я уже упоминал ранее его хорошие отношения с Р. М., у него существенное влияние в этом регионе, в связи с чем мы еще не можем считать дело закрытым. Опросы свидетелей были чистой воды издевательством. Две юные соученицы Элизабетты подтвердили высказывания виконта о появлении демона в саду монастыря. Маленькая София, которая так и не сумела правдоподобно объяснить, почему она совершенно случайно в полночь сидела в кустах в саду, описывала великана с рогами, горящими глазами и копытами, который как ни странно исполнил номер на скрипке, прежде чем заняться развратом. Другая очевидица, близкая подруга Элизабетты, произвела впечатление гораздо более разумной. Она рассказала о хорошо одетом и высоком молодом человеке, который заманил Элизабетту в свои сети прекрасными словами. Он якобы появлялся ниоткуда и таял в воздухе без следа, что она, однако, сама не наблюдала. Сама Элизабетта доверила мне, что молодой человек, так умело преодолевший стены монастыря, не имеет ни рогов, ни копыт, а происходит из уважаемого рода, и что она даже знает его имя. Я уже радовался, что дело движется к разъяснению, как она добавила, что она, к
~~~

сожалению, не может связаться с ним, так как он прилетает к ней по воздуху из будущего, точнее из года 1723 от Рождества Христова.

Представьте только мое отчаяние по поводу душевного состояния окружающих меня людей — я очень надеюсь, что Глава Конгрегации меня как можно скорее отзовет во Флоренцию, где меня ожидают настоящие дела.

Глава восьмая

Сверкающие райские птицы, цветы и растения в голубых и серебряных тонах свивались в орнаменте на парчовом корсаже, рукава и юбка были из тяжелого темно-синего шелка, который при каждом шаге шуршал и шумел, как море в шторм. Я понимала, что в таком платье любая выглядела бы принцессой, но все-таки я была потрясена собственным отражением в зеркале.

— Это… непостижимо красиво! — прошептала я, благоговея.

Ксемериус засопел. Он сидел на остатках парчи возле швейной машинки и ковырялся в носу.

— Девчонки! — сказал он. — Сначала они упираются руками и ногами, чтобы не идти на бал, но стоит натянуть на них красивую тряпку, они уже готовы напрудить в штаны от волнения.

Я игнорировала его и повернулась к создательнице этого мастерского произведения.

— Но другое платье тоже было прекрасно, мадам Россини!

— Да, я знаю. — Она улыбалась. — Мы используем его в другой раз.

— Мадам Россини, вы — настоящий человек искусства! — произнесла я от всей души.

— *N'est-ce pas?*[19] — Она подмигнула мне. — И как человек искусства я всегда могу передумать. Прошлое платье показалось мне слишком бледным к белому парику. Такой коже, как у тебя, необходим выразительный — *comment on dit?*[20] — контраст.

— О да! Парик! — Я вздохнула. — Он всё испортит. Можно сначала сделать фото?

— *Bien sûr.*[21] — Мадам Россини пересадила меня на стульчик перед туалетным столиком и взяла у меня из рук мобильник.

Ксемериус расправил крылья, перелетел ко мне и не слишком удачно приземлился прямо перед фарфоровой головой, на которую был натянут парик.

— Ты в курсе, что обычно водится в таких штуках, да? — Он запрокинул голову и посмотрел снизу вверх на башню из белых волос. — Блохи, совершенно определенно. Возможно, моль. А может быть, что-то и похуже. — Он театрально задрал лапы. — Одно слово: ТАРАНТУЛ!

Я воздержалась от комментария, что *urban legends*[22] стары как мир, и демонстративно зевнула. Ксемериус уперся лапами в бока.

— Но это правда, — сказал он. — Только ты должна бояться не пауков, а некоего графа, если вдруг ты в своем упоении одежкой об этом забыла.

К сожалению, тут он был прав. Но сегодня, выздоровевшей и тут же объявленной Хранителями годной идти на бал, мне хотелось лишь одного — позитивного мышления. И где, если не в ателье мадам Россини, нужно было этим заниматься?

Я бросила на Ксемериуса строгий взгляд и посмотрела на переполненные платьями стойки. Одно платье было прекраснее другого.

— А нет ли у вас случайно чего-нибудь в зеленом тоне? — спросила я тоскливо.

Я помнила про вечеринку у Синтии и про костюмы марсиан, которые Лесли для нас придумала. «Нам нужны будут только пару зеленых мешков для мусора, немного толстой проволоки, пустые консервные банки и несколько шаров из пенопласта», — сказала она. — «Со степлером и термоклеевым пистолетом мы в одно мгновение превратимся в классных винтажных марсиан. Так сказать, живое современное искусство, к тому же не будет нам ни пенни стоить».

— Зеленом? О да, — сказала мадам Россини. — Когда все еще думали, что рыжая худышка (она произносила *«удишка»*) — будет прыгать во времени, я много зеленого использовала, он прекрасно гармонирует *(«армоньирует»)* с рыжими волосами и, конечно, с зелеными глазами юного бунтаря.

— Ой-ёй! — сказал Ксемериус и погрозил ей лапой. — Опасная почва, драгоценная!

В этом он был прав. Юный мерзавец-бунтарь однозначно не был в списке позитивных вещей, о которых я хотела думать. (Но если Гидеон действительно появится на этой вечеринке с Шарлоттой, я точно не буду там торчать в мусорном мешке! Лесли может что угодно говорить о «крутизне» и современном искусстве.)

Мадам Россини расчесала мои длинные волосы и собрала их сверху резинкой.

— Сегодня вечером он, кстати, будет в зеленом, темный морской зеленый цвет — я потратила часы, выбирая ткань, чтобы ваши цвета подходили друг к другу. В конце я еще проверила, как они смотрятся при свете свечей. *Absolument onirique*.[23] Вы будете выглядеть как король и королева морей и океанов.

— Абсалюмонг! — каркнул Ксемериус. — И жили они долго и счастливо, и родили много маленький морских принцев и принцессок.

Я вздохнула. Кажется, он хотел остаться дома и последить за

Шарлоттой? Но не смог удержаться от того, чтобы проводить меня в Темпл. Что тоже было очень трогательно. Ксемериус-то знал, как я боюсь бала.

Пока мадам Россини заплетала мои волосы в косу, которую потом завернула в узел и прихватила шпильками, она, концентрируясь, хмурила лоб.

— Зеленый, говоришь? Дай-ка подумать. Можно взять костюм для верховой езды из конца восемнадцатого века из зеленого *(«зельеного»)* бархата, еще — о! у меня отлично получилось! — вечерний ансамбль из 1922 года, шелк цвета вод Нила и подходящими шляпкой («шьльяпкой»), пальто и сумочкой, *très chic!*[24] Еще есть несколько платьев в стиле Баленсиага,[25] которые Грейс Келли носила в шестидесятых. Но самое лучшее — бальное платье цвета листьев розы, тебе оно будет очень к лицу.

Она осторожно подняла строение из волос. Белоснежный и украшенный голубыми бантиками и парчовыми цветочками парик напоминал мне многоэтажный свадебный торт. От него даже пахло ванилью и апельсинами. Мадам Россини умело надела свадебный торт на птичье гнездо у меня на голове, и когда я в следующий раз посмотрела в зеркало, я едва узнала себя.

— Сейчас я выгляжу как смесь Марии-Антуанетты и моей бабушки, — сказала я.

И из-за черных бровей — еще немного как разбойник Хотценплотц,[26] переодевшийся в женское платье.

— Глупости, — возразила мадам Россини, закрепляя парик громадными шпильками. Они выглядели, как маленькие кинжалы с рукояткой из стеклянных камушков, которые сверкали на парике, как голубые звезды. — Важны контрасты, лебьёдушка. Контрасты — это самое главное. — Она указала на раскрытый ящик с косметикой, стоявший на туалетном столике. — Небольшой макияж — *smokey eyes*[27] при свете свечей и в восемнадцатом веке *en vogue.*[28] Чуточку пудры — *parfaitement!*[29] Ты опять будешь красивее всех!

Что она, конечно, не могла знать, так как сама не была на вечеринке в прошлый раз. Я улыбнулась ей.

— Вы так добры ко мне! Вы — самая лучшая! А за свои платья вы должны получить Оскара!

— Я знаю, — сказала мадам Россини скромно. — Помни, что садиться и выходить ты должна головой вперед, дорогуша.

Мадам Россини проводила меня до лимузина и помогла забраться в него. Я себе казалась Мардж Симпсон, только башня у меня на голове была

белая, а не синяя, и крыша лимузина, к счастью, была достаточно высока.

— Трудно представить, как такая тоненькая фигурка может занимать так много места, — сказал мистер Джордж, улыбаясь, когда я наконец расправила все юбки на заднем сиденье.

— Точно! В этом платье можно затребовать собственный почтовый индекс.

Мадам Россини на прощанье послала мне воздушный поцелуй. Ах, она была необыкновенная! В ее присутствии я всегда забывала, как ужасна на самом деле моя жизнь в настоящее время.

Автомобиль двинулся с места, и в этот момент распахнулась дверь в штаб-квартиру Хранителей и из нее выбежал Джордано. Его подбритые брови занимали вертикальное положение, а под искусственным загаром он наверняка был мертвенно-бледным. Его рот с надутыми губами открывался и закрывался, что придавало ему вид вымирающей глубинной рыбы. К счастью, я не могла расслышать, что он сказал мадам Россини, но можно было легко догадаться. *Глупая девчонка! Ни малейшего понятия об истории и менуэте. Опозорится из-за своего безрассудства. Позор для человечества.*

Мадам Россини сладко улыбнулась и что-то ему сказала, отчего его рыбий рот тут же захлопнулся. К сожалению, они оба скрылись из вида, когда водитель свернул в переулок, ведущий к Стрэнду. Ухмыляясь, я откинулась назад, но во время поездки хорошее настроение быстро улетучилось и сменилось волнением и страхом. Я боялась всего: неопределенности, большого количества гостей, взглядов, вопросов, танцев, а больше всего, конечно, новой встречи с графом. Страхи преследовали меня и во сне, хотя надо было радоваться тому, что я вообще могла говорить о ночи, в которую мне удалось поспать. Незадолго до пробуждения мне приснилось что-то особо странное: я споткнулась о собственный подол, свалилась вниз по огромной лестнице, причем прямо под ноги графу Сен-Жермену, который, не прикасаясь, помог мне встать, взяв меня за горло. При этом он шипел почему-то голосом Шарлотты: «Ты — позор для всей семьи!» А возле него стоял мистер Марли, держа в поднятой руке рюкзак Лесли, и говорил укоризненно: «На твоей Ойстер-кард[30] всего один фунт двадцать пенсов».

«Как несправедливо. Я только сегодня перевела на нее деньги», — хохотала Лесли, когда я во время урока географии рассказала о своем сне. Кстати, сон был не так уж далек от истины: вчера у Лесли украли рюкзак, как раз когда она заходила в автобус. Его грубо сорвал с ее спины какой-то молодой мужчина, который, по словам Лесли, бегал быстрее, чем Дуэйн

Чемберс.[31] За прошедшее время мы уже знали, на что способны Хранители. Да и от Шарлотты, которая без сомнений была замешана в этой истории (пусть даже не непосредственно), нельзя было ожидать другого. И все-таки этот метод показался нам… ну… топорным. И если бы нам нужны были еще какие-нибудь доказательства, то им стал бы тот факт, что у женщины, стоявшей рядом с Лесли, была сумка от «Hermès». Нет, ну честно: какой бы уважающий себя вор вместо такой сумки схватил бы потрепанный рюкзак?

Ксемериус рассказал, что Шарлотта сразу после моего ухода обыскала мою комнату в поисках хронографа, ничего не пропустив. Даже под подушкой — какой оригинальный тайник! — посмотрела. После тщательного обыска шкафа она нашла незакрепленную гипсокартоновую панель и с торжествующей улыбкой на лице (по слова Ксемериуса) поползла в пристройку, причем ее не испугала бы даже сестра моей паучьей подружки (сказал Ксемериус). Она даже не побрезговала засунуть руку в крокодильи внутренности. Ну, она опоздала ровно на один день, а того, кто опаздывает, наказывает жизнь, говорит всегда леди Ариста. После того как Шарлотта разочарованно выползла из шкафа, она сосредоточила свое внимание на Лесли, что в итоге стоило Лесли потери рюкзака. Теперь у Хранителей были Ойстер-кард с только что внесенной на нее суммой, пенал, блеск для губ вишневого оттенка, а также парочка библиотечных книг о расширении восточной дельты Ганга — и больше ничего.

Это поражение Шарлотте не удалось спрятать за обычным высокомерным выражением лица, с которым она сегодня явилась к завтраку. Зато у леди Аристы хватило достоинства, чтобы признать ошибку.

— Сундук везут обратно, — сообщила она холодно. — Очевидно, у Шарлотты слишком напряжены нервы, и я должна признаться, что ошибочно поверила ее рассуждениям. А сейчас будем считать вопрос закрытым и обратимся к другим темам.

Это было (во всяком случае по меркам леди Аристы) настоящим извинением. В то время как Шарлотта при этих словах напряженно пялилась в тарелку, все остальные обменялись озадаченными взглядами и послушно обратились к единственной другой теме, которая нам пришла в голову, — погоде. Только тетя Гленда, на шее которой горели красные пятна, не захотела оставить этот упрек в адрес Шарлотты без ответа.

— Вообще-то, вместо того чтобы упрекать, ей должны быть благодарны за то, что она до сих пор чувствует себя ответственной и бдительно следит, — не смогла промолчать она. — Как там говорится в пословице? «От добра добра не ищут». Я уверена, что…

Но мы никогда не узнали, в чем была уверена тетя Гленда, так как леди Ариста произнесла ледяным тоном:

— Если ты не хочешь сменить тему, ты, разумеется, вправе уйти из-за стола, Гленда.

Что тетя Гленда и сделала, вместе с Шарлоттой, которая заявила, что не голодна.

— Всё в порядке? — Мистер Джордж, сидевший напротив (если точнее, наискосок, потому что мои юбки занимали половину внутреннего пространства лимузина) и до сих пор не мешавший моему погружению в мысли, улыбнулся. — Доктор Уайт дал тебе что-нибудь от сценической лихорадки?

Я покачала головой.

— Нет, — сказала я. — Я побоялась, что у меня начнет двоиться в глазах в восемнадцатом веке.

Или что-нибудь ещё хуже, но об этом мне лучше помолчать. На суаре в прошлое воскресенье только пунш леди Бромптон помог мне сохранить спокойствие, и этот же пунш спровоцировал меня выступить перед всеми гостями с *Memory* из *Cats* — каких-то несчастных двести лет до того, как этот номер напишет Эндрю Ллойд Вебер. Кроме того, я громко общалась с призраком в присутствии остальных гостей, что я в трезвом виде никогда бы не сделала. Я надеялась, что выдастся пару минут наедине с доктором Уайтом, мне хотелось его спросить, почему он мне помог, но обследование проходило в присутствии Фалька де Вилльера, и к всеобщей радости доктор объявил меня здоровой. Когда я на прощание заговорщицки подмигнула, доктор Уайт в ответ лишь наморщил лоб и спросил, не попало ли мне что-либо в глаз. При этом воспоминании я вздохнула.

— Не волнуйся, — сказал мистер Джордж сочувственно. — Это продлится недолго и ты быстро вернешься назад. Еще до ужина всё закончится.

— Но до этого момента я могу наделать кучу ошибок, а может, даже вызвать мировой кризис. Спросите у Джордано. Неправильная улыбка, неверный реверанс, не тот разговор и — бах! Восемнадцатый век стоит в огне.

Мистер Джордж улыбнулся.

— Ах, Джордано просто завидует. За одно путешествие во времени он готов был бы совершить убийство.

Я погладила мягкий шелк юбок и провела пальцем по вышивке.

— А если серьезно, я до сих пор не понимаю, почему бал так важен. И

что я там должна делать.

— Ты имеешь в виду — кроме как танцевать и получать удовольствие, и воспользоваться привилегией увидеть знаменитую герцогиню Девоншира собственными глазами? — Когда я не улыбнулась в ответ, мистер Джордж тут же посерьезнел, вынул носовой платок и промокнул лоб. — Ах, девочка моя! Этот день важен потому, что именно во время этого бала должно выясниться, кто является предателем в рядах Хранителей, который передавал информацию Флорентийскому Альянсу. Граф рассчитывает, что ваше пребывание на балу спровоцирует и лорда Аластера, и предателя.

Ага. Это было чуточку точнее, чем в *«Анне Карениной»*.

— То есть, в принципе мы играем роль приманки. — Я нахмурила лоб. — Но… э-э-э… разве вы не должны уже давным-давно знать, сработал ли план? И кто оказался предателем? Это же случилось двести лет назад.

— Да и нет, — ответил мистер Джордж. — По неизвестной причине отчеты в Хрониках за эти дни и недели особенно туманны. К тому же, какой-то части не хватает. Хотя много раз написано о предателе, которого отстранили от высокого поста, но имя его не названо. Четыре недели спустя коротко упомянуто, что никто не захотел отдать предателю последний долг, этой чести, мол, он не заслужил.

Я снова покрылась гусиной кожей.

— Через четыре недели после исключения предателя из ложи он был мертв? Как… э-э-э… практично.

Но мистер Джордж меня уже не слушал. Он постучал в перегородку между нами и водителем.

— Я боюсь, что ворота слишком узки для лимузина. Езжайте лучше в школьный двор с другой стороны. — Он улыбнулся мне. — Мы приехали. И, кстати, ты прекрасно выглядишь — я все время хотел тебе это сказать. Как будто сошла со старинной картины.

Автомобиль остановился прямо перед лестницей ко входу в школу.

— Но намного, намного красивей, — сказал мистер Джордж.

— Спасибо.

От волнения я забыла, что мадам Россини меня предупреждала — *Садиться и выходить ты должна головой вперед, дорогуша!* — и сделала ошибку, пытаясь выйти из лимузина, как обычно. В результате я безнадежно запуталась в юбках и чувствовала себя пчелой Майей в паутине Теклы. Пока я чертыхалась, а мистер Джордж беспомощно хихикал, кто-то протянул мне две руки, и поскольку у меня не было другого выхода, я схватилась за них и позволила вытащить себя наружу. Одна рука принадлежала Гидеону, вторая — мистеру Уитмену, и я тут же отпустила

обе, как будто обжегшись.

— Э-эм… спасибо, — пробормотала я, быстро разгладила платье и попыталась усмирить ужасное сердцебиение. Потом я присмотрелась к Гидеону — и ухмыльнулась. Даже если мадам Россини не зря восторгалась красотой ткани цвета морской волны, а шикарный камзол сидел на плечах Гидеона без малейшей складки и весь он (Гидеон) до пряжек на туфлях изумительно выглядел, белый парик разрушал все впечатление.

— Я уже думала, что буду единственной, кто выглядит по-дурацки, — сказала я.

Его глаза весело сверкнули.

— Мне удалось уговорить Джордано отказаться хотя бы от пудры и «мушек».

Честно говоря, он был и так достаточно бледен. На какую-то секунду я потерялась, глядя на его тонко вычерченную линию подбородка и губы, но потом взяла себя в руки и приняла насколько возможно мрачный вид.

— Остальные ждут внизу, давайте поспешим, пока тут не собралась толпа, — сказал мистер Уитмен и бросил взгляд на тротуар, где остановились две дамы, выгуливающие своих собачек и с любопытством наблюдающие за нами.

Если Хранители не хотят привлекать внимание, им следует выбрать менее заметный автомобиль. И, разумеется, не возить постоянно по городу странно одетых людей.

Гидеон протянул руку, но в этот момент сзади раздался глухой удар и я оглянулась. Ксемериус приземлился на крышу лимузина и какое-то время выглядел, как камбала на сковородке.

— Ну-у-у-у! — пропыхтел он обиженно. — Не могли меня подождать? — Он пропустил наш отъезд из Темпла из-за какой-то кошки, если я правильно поняла. — Я должен был всю дорогу лететь! А я же хотел с тобой попрощаться. — Он поднялся, прыгнул мне на плечо, и я почувствовала что-то похожее на влажное холодное объятие. — Ну, Великая мастерица ордена Святого Вязаного Поросенка, — сказал он. — Не забудь, во время менуэта походить по ногам «Того-чье-имя-мы-не-называем», — он бросил презрительный взгляд на Гидеона. В его голосе звучало неподдельное беспокойство. У меня появился комок в горле, но в этот же момент Ксемериус добавил: — Если ты облажаешься, тебе придется в будущем обходиться без моей помощи. Я тогда найду себе нового человека. — Он нахально ухмыльнулся и не долго думая ринулся к собакам, которые через мгновение сорвались с поводков и с поджатыми хвостами убежали.

— Гвендолин, ты спишь? — Гидеон протягивал мне руку. — То есть, конечно, мисс Грей! Могу я вас просить проследовать за мной в 1782 год?

— Не забудь — я начинаю игру только тогда, когда мы там окажемся, — сказала я тихо, чтобы шедшие впереди нас мистер Джордж и мистер Уитмен не услышали. — До этого я бы хотела минимального контакта с тобой, если ты не возражаешь. Кроме того, я прекрасно здесь ориентируюсь — это же моя школа.

И во вторую половину этой пятницы она как будто вымерла. В фойе мы встретили директора Гиллса, который тянул за собой сумку с принадлежностями для игры в гольф и уже сменил свой костюм на брюки в клетку и рубашку-поло. Но он не упустил возможность сердечно поприветствовать «группу актеров-любителей нашего дорогого мистера Уитмена». Причем каждого в отдельности — пожимая руку.

— Как большой покровитель искусства я с большим удовольствием предоставляю нашу школу для ваших проб на то время, пока вы не можете использовать свое помещение. Какие восхитительные костюмы! — Добравшись до меня, он запнулся. — Ты подумай! Это лицо мне знакомо. Ты — одна из двух злых девочек с лягушкой, не так ли?

Я заставила себя улыбнуться.

— Да, директор Гиллс, — сказала я.

— Ну, я очень рад, что ты нашла для себя такое замечательно хобби. Теперь такие глупые идеи наверняка не придут тебе в голову. — Он жизнерадостно улыбнулся всем. — Я желаю вам успехов или что там желают в театре… тьфу-тьфу-тьфу… ни пуха ни пера…

В хорошем настроении он еще раз помахал всем рукой и вместе с сумкой для гольфа вышел в дверь — навстречу выходным дням. Я смотрела ему вслед, слегка завидуя. В виде исключения, я готова была с ним поменяться местами, даже если бы мне пришлось стать лысым мужчиной среднего возраста в клетчатых брюках.

— Злые девочки с лягушкой?! — повторил Гидеон по дороге в подвал и с интересом посмотрел на меня сбоку.

Я сосредоточила все внимание на том, чтобы достаточно высоко поднять шуршащие юбки, чтобы не споткнуться.

— Моя подруга Лесли и я пару лет назад были вынуждены положить задавленную нашей одноклассницей лягушку ей в суп. Директор Гиллс до сих пор не может нам этого простить.

— Вы были *вынуждены*, положить лягушку в суп одноклассницы?

— Да, — ответила я и одарила его надменным взглядом. — Для педагогических целей нужно иногда совершать поступки, которые

выглядят странными для окружающих.

В подвале, под написанной на стене цитатой Эдгара Дега — «Картина должна быть выполнена с тем же чувством, с которым преступник совершает преступление», — вокруг хронографа собрались всё те же: Фальк де Вилльер, мистер Марли и доктор Уайт, который разложил медицинские инструменты и перевязочный материал на одном из столов. Я была рада, что хотя бы Джордано оставили в Темпле, где он, наверное, до сих пор ломал руки, стоя на лестнице.

Мистер Джордж подмигнул мне.

— Мне как раз пришла в голову замечательная идея, — прошептал он. — Если ты не знаешь, что делать дальше, теряй сознание. В те времена дамы постоянно теряли сознание — то ли из-за тесно зашнурованных корсетов, то ли из-за спертого воздуха, а может, потому что это было просто практично; никто толком не знает.

— Я запомню, — сказала я и сразу испытала искушение испробовать совет мистера Джорджа тут же. К сожалению, Гидеон, видимо, угадал мое намерение, он взял меня за руку и улыбнулся.

А Фальк уже развернул хронограф. Когда он позвал меня жестом к себе, я подчинилась своей судьбе, мысленно послав мольбу небу, чтобы леди Бромптон поделилась рецептом специального пунша со своей хорошей подругой, достопочтенной леди Пимплботтом.

Мои представления о балах были весьма смутными. А об исторических балах — никакими. Поэтому нечего было удивляться, что я после видений бабушки Мэдди и моего сегодняшнего сна ожидала что-то среднее между *«Унесенные ветром»* и бурными празднествами из *«Марии-Антуанетты»*, при этом лучшая часть моего сна состояла в том, что я имела поразительное сходство с Кирстен Данст. Но перед тем, как проверить, насколько верны мои представления, нам пришлось сначала покинуть подвал. (Опять! Я очень надеялась, что мои игры не пострадают от этой беготни по лестницам.)

Несмотря на всю мою придирчивость надо было признать, что в этот раз Хранители сумели очень умно все организовать. Фальк выставил хронограф так, что мы прибыли, когда бал уже несколько часов был в самом разгаре. Я испытала сильное облегчение, узнав, что не придется дефилировать перед хозяевами дома. Втайне я боялась церемониймейстера, стучащего посохом по полу и громко объявляющего наши придуманные имена. Или — еще хуже! — правду: «Леди и джентльмены! — *тук! тук!* — Гидеон де Вилльер и Гвендолин Шеферд, аферисты из двадцать первого века. Обратите внимание, корсет и каркас юбки сделаны не из китового уса,

а из высокотехнологичного углеродного волокна! Господа прибыли, кстати, через подвал!» Который, между прочим, в этот раз был особенно темным, так что я, к сожалению, была вынуждена взять Гидеона за руку, иначе я в этом платье ни за что не выбралась бы наверх.

Только в передней части коридора, там, где в моей школе был проход к кабинетам технических средств обучения, появились факелы, отбрасывавшие дрожащий свет на стены. В настоящий момент тут были размещены продуктовые кладовые, что, учитывая царящий здесь холод, имело смысл. Из чистого любопытства я заглянула в одну из комнат и остановилась, ошеломленная. Так много еды одновременно я еще никогда не видела! Очевидно, после бала предполагался банкет, так как на столах стояли бесчисленные блюда, миски и большие бочонки, полные странных кушаний. Многое было весьма искусно украшено и залито прозрачным желе. Я обнаружила горы приготовленных мясных блюд, запах которых для меня был определенно слишком резким, кроме того захватывающее дух количество сладостей во всех формах и размерах и позолоченную фигуру лебедя, выглядевшую удивительно живой.

— Смотри, они и декорации к столу охлаждают, — прошептала я.

Гидеон потянул меня дальше.

— Это не декорация. Это настоящий лебедь. Готовят исключительно, чтобы полюбоваться, — прошептал он в ответ и почти в ту же секунду вздрогнул, а я, должна со стыдом признаться, — закричала.

Прямо из-за приблизительно девятнадцатиэтажного торта, увенчанного двумя (неживыми) соловьями из тени вышла фигура и бесшумно приблизилась к нам с обнаженной шпагой. Это был Ракоци, правая рука графа. Он бы мог зарабатывать деньги, выходя таким драматическим образом где-нибудь в аттракционе ужасов. Хриплым голосом он поприветствовал нас.

— Идите за мной, — прохрипел он.

Пока я пыталась прийти в себя от пережитого испуга, Гидеон спросил недовольно:

— Разве вы не должны были встретить нас раньше?

Ракоци предпочел не ответить на этот вопрос, что меня не удивило. Он относился к типу людей, которые никогда не признают свои ошибки. Молча он взял в руки факел, кивнул нам и скользнул в боковой проход, ведущий к лестнице. Сверху слышались скрипка и гул голосов, которые становились все громче, и незадолго до конца лестницы Ракоци распрощался с нами, сказав: «Я со своими людьми буду охранять вас из тени». Он исчез, бесшумно, как леопард.

— Наверное, он не получил приглашения, — сказала я в шутку. На самом деле от мысли о том, что в каждом темном углу стояли люди Ракоци и наблюдали за нами, у меня волосы вставали дыбом.

— Да нет, разумеется, он приглашен. Но он, скорее всего, не хочет расставаться со шпагой, а в бальном зале это запрещено. — Гидеон изучающе осмотрел меня. — На твоем платье не осталось паутины?

Я возмущенно глянула на него.

— Нет. Но, может быть, в твоих мозгах, — сказала я, протиснулась мимо него и осторожно открыла дверь.

Я переживала, получится ли у нас незаметно зайти в фойе, но, оказавшись в шуме и толкотне, царивших в бальном зале, спросила себя, зачем вообще нужны были эти сложности с подвалом. Скорее всего, просто по привычке. Мы спокойно могли прыгнуть прямо сюда — никто и не заметил бы.

Жилище лорда и леди Пимплботтом было действительно великолепным — тут мой друг Джеймс ни капельки не преувеличил. Под камчатными обоями, лепными украшениями, картинами и покрытым фресками и украшенным хрустальными люстрами потолком мою старую школу нельзя было узнать. Полы были сделаны мозаикой и покрыты толстыми коврами, и по дороге на второй этаж мне показалось, что коридоров и лестниц было больше, чем в моем времени.

К тому же было тесно. Тесно и шумно. В наше время вечеринку закрыли бы из-за переполненности, или соседи пожаловались бы на Пимплботтомов за нарушение ночной тишины. А это были пока только фойе и коридоры. Бальный зал оказался еще круче. Он занимал половину второго этажа и был набит битком. Гости стояли группками или образовывали длинные ряды в танце. Зал гудел голосами и смехом, как пчелиный улей, причем это сравнение мне показалось даже недостаточным, поскольку громкость достигала приблизительно уровня шума взлетающего самолета в Хитроу. В конечном итоге, все четыреста человек должны были перекрикивать друг друга, а оркестр из двадцати музыкантов, расположившийся на балконе, пытался перекрыть их всех. Все это было освещено таким количеством свечей, что я непроизвольно оглянулась в поисках огнетушителя. Короче говоря, разница между балом и суаре у Бромптонов, была примерно такая же, как между ночным клубом и чаепитием у бабушки Мэдди, и я вдруг поняла, откуда взялось выражение «шумный бал».

Наше появление не вызвало особого внимания, поскольку постоянно кто-то входил и выходил. Но все-таки некоторые с любопытством

повернулись к нам, и Гидеон сжал мою руку чуть сильнее. Я почувствовала, что меня рассматривают с ног до головы, и мне страшно захотелось еще раз глянуть на себя в зеркало — не осталась ли действительно паутина на моем платье.

— Все в порядке, — сказал Гидеон. — Ты изумительно выглядишь.

Я смущенно откашлялась. Гидеон ухмыльнулся, глядя на меня сверху.

— Ты готова?

— Я готова, если ты готов, — ответила я, не раздумывая. Эти слова вырвались у меня, и на короткий момент я вспомнила, как мы радовались, прежде чем он меня мерзко предал. Хотя так много радости тоже не было.

Несколько девушек начали шептаться, когда мы проходили мимо них, я только не знала — то ли мое платье так понравилось, то ли Гидеон. Я старалась держаться прямо, как только могла. Парик был на удивление хорошо сбалансирован, он не доставлял проблем при любом движении головы, хотя по весу его наверняка можно было сравнить с кувшинами для воды, которые женщины в Африке носят на голове.

Пока мы пересекали зал, я оглядывалась в поисках Джеймса. Этот бал устраивали его родители, значит, он тоже должен быть где-нибудь поблизости, не так ли? Гидеон, который был на голову выше большинства гостей, быстро нашел графа Сен-Жермена. Тот стоял неповторимо элегантно на одном из узеньких балкончиков и разговаривал с невысоким, пестро разодетым мужчиной, который мне показался смутно знакомым. Недолго думая, я присела в глубоком реверансе, о чем пожалела в следующий же момент, вспомнив, как в прошлую встречу граф Сен-Жермен мягким голосом разбил мое сердце на тысячи крохотных осколков.

— Мои дорогие дети, вы пунктуальны вплоть до минуты, — сказал граф и махнул, чтобы мы подошли поближе. Мне он милостиво кивнул (наверное, оказал честь, если вспомнить, что я как женщина была одарена коэффициентом интеллекта, хватающим как раз, чтобы пройти от балконной двери до ближайшей свечки). Зато Гидеона он сердечно обнял.

— Что скажете, Алеотт? Вы узнаете в чертах этого красивого молодого человека что-либо от меня?

Одетый как попугай мужчина с улыбкой покачал головой. Его узкое длинное лицо было не только напудрено, нет, он еще наложил на щеки румяна — как клоун!

— Я нахожу, что в осанке есть определенное сходство.

— Да и как можно сравнить это юное лицо с моим стариковским? — Граф скривил в самоиронии губы. — Годы не пожалели мои черты, иногда я сам себя не узнаю в зеркале. — Он обмахнулся носовым платком. —

Кстати, позвольте представить: почтенный Альберт Алеотт, в настоящее время — Первый секретарь ложи.

— Мы уже встречались при различных обстоятельствах в Темпле, — сказал Гидеон, слегка поклонившись.

— А да, правильно, — улыбнулся граф.

Теперь и я знала, почему «попугай» мне показался знакомым. Он встречал нас в Темпле при первом визите к графу и предоставил нам карету до дома лорда Бромптона.

— Вы, к сожалению, пропустили прибытие герцогской пары, — сказал он. — Прическа Ее Светлости вызвала у многих зависть. Боюсь, что с завтрашнего дня у лондонских парикмахеров не будет отбоя от заказов.

— Герцогиня действительно прекрасна! Жаль, что она считает, что должна вмешиваться в мужские дела и политику. Алеотт, можно позаботиться о том, чтобы вновь прибывшие получили что-нибудь из напитков? — Как обычно, граф говорил тихо и мягко, но несмотря на окружающий нас шум весьма отчетливо. Меня охватил озноб, и причиной этому был наверняка не холодный ночной сквозняк из балконной двери.

— Разумеется! — Первый секретарь услужливостью напомнил мне мистера Марли. — Белое вино? Я мигом вернусь.

Черт. Никакого пунша.

Граф подождал, пока Алеотт исчезнет в зале, затем опустил руку в карман и достал оттуда запечатанное письмо, которое передал Гидеону.

— Это письмо твоему Главному магистру. В нем подробности нашей следующей встречи.

Гидеон спрятал письмо и в ответ передал графу другой запечатанный конверт.

— Здесь находится подробный отчет о событиях прошедших дней. Вас наверняка обрадует услышать, что кровь Илэйн Бэргли и леди Тилни в настоящий момент внесены в хронограф.

Я вздрогнула. Леди Тилни? Как это он умудрился? В нашу последнюю встречу мне не показалось, что она когда-нибудь добровольно отдаст свою кровь. Я искоса с недоверием взглянула на Гидеона. Не насильно же он взял у нее кровь? В моей голове мелькнула картинка, как она отчаянно швыряет в него вязаным поросенком.

Граф похлопал его по плечу.

— Таким образом, не хватает лишь Сапфира и Черного Турмалина. — Он оперся на трость, но в этом жесте не было ничего от дряхлости. Наоборот, он производил чрезвычайно властное впечатление. — О, если бы он знал, как мы близки к тому, чтобы изменить мир!

Он кивнул в сторону зала, на другой стороне которого я увидела лорда Аластера из Флорентийского Альянса, как и в прошлый раз, всего увешанного украшениями. Сверкание камней в его многочисленных кольцах было видно и на расстоянии. Сверкали и его глаза — ледяные и наполненные ненавистью — даже на этом расстоянии. Позади него угрожающе высилась фигура в черном, но в этот раз я не сделала ошибки, приняв ее за одного из гостей. Это был призрак, сопровождающий лорда Аластера, как маленький Роберт сопровождает доктора Уайта. Когда он меня заметил, губы его задвигались, и я обрадовалась, что не могла слышать его ругательства. Вполне достаточно, что он являлся в моих снах.

— Стоит там и мечтает проткнуть меня шпагой, — сказал граф и выглядел при этом почти довольным. — Он действительно не думает ни о чем другом уже много дней. Ему даже удалось пронести контрабандой шпагу в этот зал. — Он потер подбородок. — Поэтому он не танцует и даже не садится, а стоит, застыв, как оловянный солдатик, и ждет удобного случая.

— А мне нельзя было взять шпагу с собой, — сказал Гидеон укоризненно.

— Не волнуйся, мой мальчик, Ракоци и его люди не спустят с Аластера глаз. Предоставим храбрым куруцци проливать сегодня кровь.

Я снова взглянула на лорда Аластера и одетого в черное призрака, который сейчас кровожадно махал мечом в мою сторону.

— Но он же не станет… перед всеми гостями… я имею в виду… в восемнадцатом веке же тоже нельзя было безнаказанно убивать? — Я сглотнула. — Лорд Аластер не станет рисковать тем, что окажется из-за вас на виселице, или?

Тяжелые веки на мгновение скрыли глаза графа, как будто он сосредоточился на мыслях противника.

— Нет, для этого он слишком хитер, — сказал он медленно. — Но он знает, что у него будет не так много удобных моментов, чтобы встретить вас обоих одновременно. Он не станет упускать один из них. Поскольку я сказал тому, кого считаю предателем — и только ему! — в какое время вы — невооруженные и в одиночестве — будете возвращаться в подвал для обратного прыжка, увидим, что произойдет…

— Э-э-э… — произнесла я. — Но…

Граф поднял руку.

— Не волнуйся, дитя! Предатель не знает, что Ракоци и его люди не спускают с вас глаз. Аластеру видится совершенное убийство: трупы практически растворяются в воздухе. — Он засмеялся. — Со мной это,

конечно, не сработает, поэтому для меня он запланировал другую смерть.

Ну, отлично. Едва я успела переварить полученную информацию, что мы, так сказать, объявлены дичью, на которую можно охотиться, что мое отношение к балу вообще и в частности не слишком изменило, вернулся пестрый секретарь — я успела забыть его имя — с двумя бокалами белого вина. За ним следовал еще один старый знакомый — толстяк лорд Бромптон. Он чрезмерно радовался нашей встрече и целовал мне руку чаще, чем разрешали приличия.

— О, вечер спасен! — вскричал он. — Я так рад! Леди Бромптон и леди Лавиния тоже видели вас, но их задержали на танец. — Он смеялся так, что его жирный живот колыхался. — Мне поручили позвать вас принять участие.

— Отличная идея, — сказал граф. — Молодые люди должны танцевать! Я в юности не упускал ни единой возможности.

Ага, вот оно! Сейчас начнутся проблемы с двумя левыми ногами и «где-вы-сказали-правая-рука?», Джордано называл это «вопиющий дефицит ориентирования». Я только хотела выдуть одним махом свое вино, но Гидеон уже забрал у меня бокал и передал его Первому секретарю.

Посреди танцевального зала пары выстраивались для следующего менуэта. Леди Бромптон восторженно махала нам, лорд Бромптон исчез в толпе, Гидеон как раз успел перед началом музыки поставить меня в ряд дам, вернее между бледно-золотым и зеленым с вышивкой платьем. Зеленое платье было на леди Лавинии, что я определила боковым зрением. Она была так же хороша, как и в моих воспоминаниях, а ее декольте позволяло бросать взгляды исключительно глубоко даже для царящей откровенной моды. На ее месте я бы не рискнула наклониться. Но леди Лавиния не выглядела озабоченной по этому поводу.

— Как замечательно снова встретить вас!

Она лучезарно улыбнулась всем, но в особенности Гидеону, чтобы тут же присесть в начальном реверансе. Я повторила ее движение и в коротком моменте паники перестала чувствовать собственные ноги. В моей голове кружились многочисленные инструкции, я почти пролепетала «Слева — это там, где большой палец справа», но тут Гидеон сделал первый шаг в Tour de main и удивительным способом мои ноги самостоятельно попали в ритм. Праздничное звучание оркестра заполнило весь зал, до последнего уголка, и разговоры вокруг нас стихли. Гидеон положил левую руку на пояс и протянул мне правую.

— Этот менуэт Гайдна божественен, — сказал он непринужденным тоном. — Ты знала, что композитор почти вступил в ложу Хранителей?

Через приблизительно десять лет, во время путешествия по Англии. Он тогда раздумывал, не поселиться ли ему в Лондоне.

— Да неужели? — Я прошла мимо него, слегка наклонив голову, чтобы не потерять его из виду. — До сих пор я знала только, что Гайдн — мучитель маленьких детей. — Во всяком случае, меня он в детстве замучил, когда Шарлотта разучивала его сонаты с тем же ожесточением, с каким она сегодня искала хронограф.

Но подробнее я не смогла объяснить, так как за это время из четвертной фигуры мы перешли в большой круг, и мне пришлось сконцентрироваться на том, что все двигались направо. В чем на этот раз было дело, я не знала, но вдруг танец стал доставлять мне настоящее удовольствие. Свечи бросали замечательный свет на потрясающие костюмы, музыка перестала быть скучной и устаревшей, став как раз подходящей, рядом со мной беззаботно улыбались танцующие. И даже парики не выглядели так уж ужасно. На короткое время я почувствовала себя легко и свободно. Когда круг разомкнулся, я скользнула к Гидеону, как будто ничем другим раньше не занималась, а он посмотрел на меня, как будто в зале никого, кроме нас, не было. В моей странной эйфории я не могла делать ничего другого, как сиять всем лицом, без оглядки на мнение Джордано, что в восемнадцатом веке ни в коем случае нельзя демонстрировать зубы. По какой-то причине моя улыбка полностью выбила Гидеона из колеи. Он взял мою протянутую руку и, вместо того чтобы легко положить свои пальцы на мои, сжал ее.

— Гвендолин, я никому больше не позволю…

Мне не удалось узнать, что именно он никому больше не позволит, так как в этот момент леди Лавиния схватила его за руку, вложив мою в пальцы ее партнера, и сказала с улыбкой:

— Давайте поменяемся на время, согласны?

Нет, о согласии с моей стороны не могло быть и речи, и Гидеон тоже замялся. Но потом он поклонился леди Лавинии и отпустил меня, забыв как о ничего не значащей младшей сводной сестре (кем я, по сути, и была). Моя эйфория исчезла так же быстро, как и появилась.

— Я уже издали восхищался вами, — сказал мой новый партнер по танцу, когда я поднялась из реверанса и протянула ему руку. Больше всего мне хотелось ее тут же убрать, потому что его пальцы оказались влажными и липкими. — Мой друг, мистер Мерчант, имел удовольствие познакомиться с вами на суаре у леди Бромптон. Он собирался нас познакомить. Но теперь я и сам могу это сделать. Меня зовут лорд Флит. *Тот самый* лорд Флит.

Я вежливо улыбнулась. Друг любителя-хватать-за-грудь мистера Мерчанта, ага. В то время, как следующие танцевальные шаги развели нас в разные стороны и я надеялась, что *тот самый* лорд Флит воспользуется возможностью вытереть свои мокрые руки о брюки, я посмотрела на Гидеона, ища помощи. Но он выглядел полностью поглощенным созерцанием леди Лавинии. И танцор рядом с ним тоже смотрел только на нее, вернее — только в ее декольте, не замечая собственную партнершу. И танцор с другой стороны… О боже! Это был Джеймс!

Мой Джеймс. Наконец-то я его нашла! Он танцевал с девушкой в платье цвета сливового джема и выглядел настолько живым, насколько можно им выглядеть в белом парике и с напудренным белой пудрой лицом. Вместо того чтобы снова протянуть лорду Флиту руку, я протанцевала мимо леди Лавинии и Гидеона — прямо к Джеймсу.

— Давайте сдвинемся на один ряд, — сказала я мило, как могла, не обращая внимания на протесты. Еще два шага и я стояла перед Джеймсом. — Извините, еще разок сдвинемся.

Я легко подтолкнула «сливовую» девушку к мужчине напротив и протянула руку удивленному Джеймсу, пытаясь снова вернуться в ритм. Взгляд налево открыл мне, что остальные перестраивались, чтобы продолжить танец, как будто ничего не случилось. На всякий случай я не стала смотреть на Гидеона, а вместо этого уставилась на Джеймса. Трудно поверить, что я могла держать его за руку, которая при этом была теплой и живой!

— Вы спутали весь ряд, — сказал он с упреком и смерил меня взглядом с головы до ног. — И вы очень грубо оттолкнули мисс Амелию.

Да, это точно был он! Тот же высокомерный тон, как обычно. Я улыбнулась ему.

— Мне искренне жаль, Джеймс, но я обязательно должна с тобой… мне нужно обсудить с вами нечто чрезвычайно важное.

— Насколько я знаю, мы не представлены друг другу, — сказал Джеймс недовольно, изящно делая небольшие шаги.

— Я — Пенелопа Грей из… из деревни. Но это совершенно неважно. У меня есть бесценная информация для вас, и поэтому вы должны встретиться со мной как можно скорее. Если дорожите своей жизнью, — добавила я из любви к драматическим эффектам.

— Что вы себе позволяете? — Джеймс смотрел на меня с возмущением. — Из деревни или не из деревни: вы ведете себя ненадлежащим образом…

— Да. — Краешком глаза я заметила беспорядок, на этот раз в рядах

мужчин. Что-то цвета морской волны приближалось переменным шагом. — Но очень важно, чтобы вы меня все-таки выслушали. Речь идет о жиз… речь идет о… о вашем коне — Гекторе… э-э-э… чалом коне. Вы обязательно должны встретиться со мной завтра утром в одиннадцать часов в Гайд-парке. Около моста через озеро.

Оставалось только надеяться, что мост и озеро в восемнадцатом веке уже существовали.

— Я должен встретиться с вами? В Гайд-Парке? Из-за *Гектора?* — Брови Джеймса поднялись почти до корней волос.

Я кивнула.

— Прошу прощения, — сказал Гидеон, легко поклонившись, и отодвинул Джеймса в сторону. — Тут, видимо, возникла путаница.

— Очень похоже. — Джеймс покачал головой и вернулся к мисс «Сливовый джем», в то время как Гидеон резко увел меня в следующую танцевальную фигуру.

— Ты с ума сошла? Что это было?

— Я лишь встретила старого друга. — Я еще раз повернулась к Джеймсу. Отнесся ли он к моим словам серьезно? Скорее всего, нет. Он все еще качал головой.

— Ты действительно хочешь оказаться в центре внимания любой ценой, да? — прошипел Гидеон. — Почему ты не в состоянии хотя бы три часа делать то, что от тебя ожидают?

— Глупый вопрос. Конечно, потому что я женщина и не знакома со здравым смыслом. Кроме того, ты первый нарушил порядок с *леди-«мои-сиськи-сейчас-выпадут-из-платья»*.

— Да, но только потому, что она… А, прекрати!

— Сам прекрати!

Мы зло смотрели друг на друга, когда прозвучал последний аккорд. Наконец-то! Это был самый длинный менуэт в мире! Я с облегчением сделала реверанс и повернулась, чтоб уйти, прежде чем Гидеон успел протянуть мне (скорее, схватить мою) руку. Я злилась на непродуманный разговор с Джеймсом — мне казалось маловероятным, что он придет на наше свидание в парке. Мне нужно еще раз поговорить с ним и попробовать на этот раз сказать правду. Где он прячется? Эти дурацкие белые парики у мужчин все выглядели одинаково.

Танцевальные ряды прошлись буквой Z через весь зал, так что сейчас мы стояли совсем в другом месте. Я вытянула шею, чтобы посмотреть поверх толчеи и сориентироваться. Я как раз решила, что увидела красный камзол Джеймса, как меня за локоть схватил Гидеон.

— Сюда! — сказал он коротко.

Мне уже надоел его командный тон. Но мне и не пришлось от него избавляться, эту задачу взяла на себя леди Лавиния, которая протиснулась между нами в облаке ландышевого запаха.

— Вы обещали мне еще один танец, — сказала она капризно, а на щеках ее от улыбки образовались милые ямочки.

Позади нее сквозь толпу пробирался лорд Бромптон.

— Фух! Хватит танцев в этом сезоне, — сказал он. — Я становлюсь слишком толс… старым для этого удовольствия. Кстати, об удовольствии. Кто-нибудь видел мою дорогую супругу с этим напористым контр-адмиралом, который якобы недавно потерял руку в бою? Это всё слухи! Я точно различил две руки, которыми он хватал мою жену. — Он засмеялся и его многочисленные подбородки опасно затряслись.

Оркестр снова заиграл, и тут же стали формироваться новые ряды.

— О, прошу вас! Вы не можете мне отказать! — сказала леди Лавиния, вцепившись в лацканы камзола Гидеона и томно глядя на него. — Только этот танец.

— Я как раз пообещал моей сестре принести что-нибудь выпить, — сказал Гидеон и бросил мрачный взгляд в мою сторону. Понятно, я мешала его флирту. — И граф ждет, когда мы присоединимся к нему.

За прошедшее время граф покинул место на балконе, но вовсе не для того чтобы сесть и отдохнуть. Он следил за нами своими орлиными глазами и выглядел так, как будто мог слышать каждое слово.

— Я почту за честь принести что-нибудь выпить вашей дорогой сестре, — вмешался лорд Бромптон и подмигнул мне. — Со мной она — в самых надежных руках.

— Видите! — Леди Лавиния, смеясь, потащила Гидеона на площадку для танцев.

— Я сейчас вернусь, — сказал он мне, оглядываясь.

— Никакой спешки, — прорычала я.

Лорд Бромтон привел в движение свои горы жира.

— Я знаю особенное местечко, — сказал он и поманил за собой. — Его называют еще «углом старых дев», но нам это не помеха. Мы прогоним их своими неприличными разговорами.

Он привел меня на небольшое возвышение, к которому вели пара ступенек и где стоял диванчик. Оттуда открывался прекрасный обзор всего зала. Тут действительно сидели две не первой молодости и не выдающейся красоты дамы, которые охотно сдвинули юбки, давая мне место. Лорд Бромптон потер руки.

— Уютно, не правда ли? Я вернусь с графом и выпивкой. Я поспешу!

И он действительно поспешил, двигаясь как галопирующий бегемот сквозь море бархата, шелка и парчи. Я использовала свое возвышенное место для поисков Джеймса. Но нигде не смогла его увидеть. Зато я увидела, как неподалеку танцевали леди Лавиния и Гидеон, и у меня сжалось сердце от того, как они подходили друг другу. Даже цвета их костюмов гармонировали, как если бы мадам Россини собственноручно их выбирала. Каждый раз, когда их руки соприкасались, казалось, между ними пробегает искра, чувствовалось, что их общение доставляет обоим удовольствие. Мне казалось, что я слышу переливающийся смех леди Лавинии.

Обе старые девы, сидящие рядом, тоскливо вздыхали. Я резко встала. Зачем я должна была это терпеть? Не красный ли это камзол Джеймса исчез за одной из дверей? Я решила пойти за ним. В конечном итоге, это был его дом и к тому же моя школа, я наверняка сумею его найти. А там я попробую исправить разговор о Гекторе.

Выходя из зала, я еще раз глянула в сторону лорда Аластера, который до сих пор стоял на том же месте и не спускал глаз с графа. Его призрачный друг кровожадно размахивал мечом и несомненно изрыгал полные ненависти проклятия. Никто из них не обратил на меня внимания. Зато Гидеон заметил мой побег. В рядах танцующих возникло беспокойство. Черт! Я повернулась и ринулась вперед. Освещение в коридорах было тусклым, но и здесь было много народу. Мне показалось, что многие пары находились в поиске укромного местечка. Сразу напротив бального зала располагался игорный салон, где собрались мужчины. Дым сигар проникал в коридор через полуоткрытую дверь. Мне показалось, что в конце коридора красный камзол Джеймса свернул за угол, и я помчалась за ним так быстро, как только позволяло мое платье. Когда я добежала до поворота, в коридоре никого не было, что означало, что он исчез в одной из комнат. Я открыла ближайшую дверь и тут же ее закрыла, когда свет из коридора упал на шезлонг, перед которым на коленях стоял мужчина (не Джеймс!), собирающийся снять чулок с ноги дамы. Ну, если в этой ситуации можно еще говорить о *даме*. Я ухмыльнулась и направилась к следующей двери. По большому счету, гости на балу ничем не отличались от гостей вечеринки в моем времени.

Позади меня послышались громкие голоса.

— Куда вы так быстро бежите? Вы не можете оставить свою сестру одну на пять минут? — Бесспорно, леди Лавиния.

Я молниеносно проскользнула в ближайшую комнату и прислонилась

к двери изнутри, чтобы перевести дыхание.

~~~

Трус умирает много раз до смерти,
А храбрый смерть один лишь раз вкушает!
Из всех чудес всего необъяснимей
Мне кажется людское чувство страха,
Хотя все знают — неизбежна смерть
И в срок придет.

У. Шекспир «Юлий Цезарь», акт II, сцена 2.[32]
~~~

Глава девятая

Вопреки ожиданиям темно тут не было. Комната освещалась несколькими свечами, свет от которых падал на книжный шкаф и письменный стол. Очевидно, я попала в какой-то кабинет. И была здесь не одна.

На стуле возле письменного стола сидел Ракоци, перед ним стояли две бутылки и стакан. В одной из бутылок была отливающая красным жидкость, выглядевшая как красное вино, во второй — изящно изогнутой — нечто подозрительного грязно-серого цвета. Шпага барона лежала поперек письменного стола.

— Быстро получилось, — сказал Ракоци. Его голос с резким восточноевропейским акцентом звучал невнятно. — Я как раз пожелал встречи с ангелом, и тут же небесные врата открылись и послали мне самого хорошенького ангела во всех небесах. Это лекарство лучше всех, которые я когда-либо пробовал.

— Вы разве не должны… э-э-э… следить за нами из тени и охранять? — спросила я и подумала, не будет ли лучше уйти, даже рискуя наткнуться на Гидеона. Ракоци и трезвый не очень-то располагал к себе.

Мои слова однако дошли до него. Он нахмурил лоб.

— А-а-а… это вы! — сказал он, и теперь его голос был намного яснее. — Вовсе не ангел, а глупая маленькая девчонка. — Одним скользящим движением, я и моргнуть не успела, он схватил маленькую бутылочку со стола и оказался возле меня. Черт его знает, что он за «лекарство» принял, но его двигательные навыки совершенно не пострадали. — Правда, очень красивая маленькая глупая девчонка.

Сейчас он был так близко, что я чувствовала его дыхание, он пах вином и ещё чем-то странным, острым. Свободной рукой он погладил меня по щеке и провел шершавым большим пальцем по нижней губе. Я окаменела от ужаса.

— Могу поспорить, эти губы еще никогда не совершали запретного, правильно? Глоток чудесного напитка от Алеотта всё изменит.

— Нет, спасибо. — Я нырнула под его руку и бросилась в глубь комнаты.

Нет, спасибо — ну и ну! Не хватало только сделать книксен при этом.

— Не приближайтесь ко мне с вашим напитком! — постаралась я добавить решительности.

Я не успела сделать следующий шаг — у меня появилась смутная идея прыгнуть из окна, — как Ракоци снова оказался рядом и прижал меня к письменному столу. Он был настолько сильнее меня, что просто не заметил мое сопротивление.

— Ш-ш-ш, не бойся, малышка, я обещаю, тебе понравится. — С тихим хлопком он вытащил пробку из маленькой бутылки и силой запрокинул мне голову. — Пей!

Я сжала губы и попыталась отпихнуть Ракоци свободной рукой. С тем же успехом я могла бы попытаться сдвинуть гору. В отчаянии я старалась вспомнить то немногое, что знала о самообороне, — знания Шарлотты о крав-маге мне сейчас очень пригодились бы. Когда бутылочка коснулась моих губ и я почувствовала резкий запах жидкости, мне наконец-то пришла спасительная идея. Я вытащила шпильку из парика и изо всех сил ударила ею по руке, держащей бутылочку. Одновременно распахнулась дверь и я услышала голос Гидеона: «Немедленно отпусти ее, Ракоци!» Позже я поняла, что умнее было бы вонзить шпильку в глаз или хотя бы в горло — укол в руку отвлек его всего на пару секунд. Шпилька осталась торчать в руке, но бутылочку он не выпустил. Ракоци ослабил свою хватку, похожую на тиски, и развернулся. Гидеон, позади которого в дверях стояла леди Лавиния, с ужасом смотрел на него.

— Какого черта вы тут делаете?!

— Ничего особенного. Я хотел помочь этой маленькой девчонке стать чуть… больше! — Ракоци закинул голову и хрипло засмеялся. — Может, вы рискнете сделать глоток? Я обещаю, что таких ощущений вы никогда не испытывали!

Я воспользовалась моментом, чтобы вырваться из его рук.

— С тобой все в порядке? — Гидеон с беспокойством смотрел на меня, а леди Лавиния боязливо вцепилась ему в рукав.

Невероятно! Наверное, они искали какой-нибудь уголок, где могли бы спокойно потискаться, в то время как Ракоци пытался в меня влить черт знает что за наркотик, чтобы потом черт знает что со мной сделать. И теперь я еще должна быть благодарна, что Гидеон с сисястой леди выбрали именно эту комнату!

— Все прекрасно! — прорычала я и скрестила руки на груди, чтобы никто не заметил, что они дрожат.

Ракоци, еще смеясь, сделал большой глоток из бутылки и закупорил ее.

— А граф знает, что вы здесь в тихой комнатке экспериментируете с наркотиками, вместо того чтобы исполнять свои обязанности? — спросил Гидеон ледяным тоном. — Разве на сегодняшний вечер у вас не было

другого задания?

Ракоци слегка покачнулся. Удивленно, как будто только сейчас заметил, уставился он на торчащую из руки шпильку; затем вытащил ее одним движением и слизнул с нее кровь, как хищная кошка.

— Черный леопард всегда в состоянии выполнить задание, всегда! — сказал он, схватился за голову, неуверенно обошел стол и тяжело упал на стул. — Но, похоже, этот напиток… — успел он пробормотать, прежде чем его голова со стуком упала на поверхность стола.

Леди Лавиния дрожа прижалась к плечу Гидеона.

— Он… что?..

— Не думаю. — Гидеон подошел к столу, поднял бутылочку и посмотрел через нее на свет. Затем откупорил ее и понюхал. — Понятия не имею, что это такое, но если это сбило с ног самого Ракоци, да еще так быстро… — Он поставил бутылочку на место. — Предполагаю, это опиум. Наверное, не так хорошо переносится в сочетании с его обычными наркотиками и алкоголем.

Да, это было очевидно. Ракоци лежал, как мертвый, даже дыхания не было слышно.

— Может быть, этот напиток дал ему кто-то, кто не хотел, чтобы сегодня вечером он был во всеоружии? — сказала я, так и не опустив скрещенные на груди руки. — У него еще прощупывается пульс?

Я бы сама попробовала, но не смогла преодолеть себя и подойти к Ракоци поближе. Мне вообще с трудом удавалось стоять, так сильно я дрожала.

— Гвен? С тобой правда все в порядке?

Гидеон смотрел на меня, нахмурив лоб. Я с неохотой призналась себе, что в этом момент я бы больше всего хотела броситься в его объятия и просто расплакаться. Но по его виду нельзя было сказать, что он мечтал обнять и утешать меня, скорее наоборот. Когда я, замешкавшись, кивнула, он резко спросил:

— Какого черта ты вообще здесь шастаешь? — Гидеон показал на неподвижного Ракоци. — С тобой могло бы случиться то же самое!

Между тем от испуга у меня уже стучали зубы, так что я едва могла говорить.

— Я же не знала, что… — заикалась я, но Лавиния, которая приклеилась к Гидеону, как большой, очень зеленый репейник, перебила меня — она точно была из тех женщин, которые не могу вынести, если не находятся в центре внимания.

— Смерть, — прошептала она драматическим тоном и посмотрела на

Гидеона широко раскрытыми глазами. — Я почувствовала ее дыхание, как только мы зашли в эту комнату. Прошу вас… — Ее ресницы затрепетали. — Держите меня крепко…

Я не верила своим глазам — она упала в обморок! Совершенно без причины! И, конечно, очень элегантно — в руки Гидеону. Почему-то меня особенно разозлило, что он ее поймал — я так разозлилась, что даже забыла о дрожи. Но одновременно — как будто мало было уже имеющегося калейдоскопа чувств — я почувствовала, как к глазам подступают слезы. Черт побери — упасть в обморок было бы лучше! Вот только *меня* никто бы не поймал.

В этот момент мертвый Ракоци сказал голосом, который мог бы исходить с того света, — таким хриплым и глубоким он был:

— Dosis sola venenum facit.[33] Не волнуйтесь, со мной ничего не случится.

Лавиния (я решила, что с этого момента она больше не «леди» для меня) издала короткий испуганный крик и открыла глаза, уставясь на Ракоци. Но потом, видимо, вспомнила, что она вообще-то была в обмороке, и с эффектным стоном снова осела в руках у Гидеона.

— Я сейчас приду в себя. Нет причин устраивать шумиху. — Ракоци поднял голову и посмотрел на нас налитыми кровью глазами. — Моя вина. Он сказал принимать по каплям.

— Кто сказал? — спросил Гидеон, перекладывая на другую руку Лавинию, как манекен.

С некоторым трудом Ракоци удалось выпрямить спину, он откинул голову и некоторое время рассматривал потолок, издавая лающий смех.

— Видите? Звезды танцуют!

Гидеон вздохнул.

— Мне придется позвать графа, — сказал он. — Гвен, не могла ли бы ты мне помочь с…

Я недоверчиво смотрела на него.

— С *ней?* У тебя все в порядке с головой?

Я быстро вышла в коридор, чтобы он не увидел моих дурацких слез, которые ручьями текли по моему лицу. Я не могла сказать ни почему я плачу, ни куда я бегу. Наверное, это был тот самый посттравматический шок, о котором постоянно пишут. Люди в шоке совершают самые странные поступки, как, например, пекарь в Йоркшире, которому раздавило руку прессом. Но он еще выпек семь противней булочек с корицей, прежде чем позвать врача. Эти булочки с корицей были самым жутким, что санитарам когда-либо приходилось видеть.

Возле лестницы я замешкалась. Вниз мне не хотелось — там мог сидеть в засаде лорд Аластер, чтобы осуществить свое «совершенное убийство», так что я побежала наверх. Я недалеко убежала, когда сзади послышался голос Гидеона: «Гвенни! Остановись! Пожалуйста». На какую-то долю секунды я представила себе, что он просто бросил Лавинию на пол, чтобы догнать меня, но и это не помогло: я все еще злилась, и грустила, и боялась, или все это одновременно, и бежала, слепая от слез, наверх по лестнице, забежав в какой-то коридор.

— Куда ты бежишь? — Гидеон догнал меня и попытался схватить за руку.

— Все равно куда! Лишь бы подальше от тебя, — всхлипнула я и забежала в первую попавшуюся комнату.

Гидеон следом за мной. Я хотела уже рукавом вытереть слезы с лица, но в последний момент вспомнила о макияже, который сделала мне мадам Россини, и остановилась. Наверное, я и так выглядела не слишком привлекательно. Чтобы не смотреть на Гидеона, я огляделась в комнате. Свечи в настенных подсвечниках бросали свет на симпатичную с позолотой мебель: диван, изящный столик, пару стульев, картину, на которой был изображен фазан и груши, коллекцию экзотически выглядящих сабель над камином и роскошные золотого цвета портьеры на окнах. Почему-то мне показалось, что я уже здесь была.

Гидеон выжидающе стоял передо мной.

— Оставь меня в покое! — сказала я, утратив все силы.

— Я *не могу* оставить тебя в покое. Каждый раз, когда я оставляю тебя одну, ты делаешь что-нибудь необдуманное.

— Уйди!

Мне хотелось броситься на диван и какое-то время колотить кулаками лежавшие на нем подушки. Неужели я много требовала?

— Я не уйду, — сказал Гидеон. — Послушай, мне очень жаль, что все это случилось. Я не должен был этого допустить.

О господи! Как типично! Классический случай синдрома повышенной ответственности. Какое отношение он имел к тому, что я случайно встретила Ракоци, у которого поехала крыша, как сказал бы Ксемериус? С другой стороны — немного чувства вины ему совсем не помешает.

— Но допустил! — сказала я поэтому и добавила: — Потому что ты смотрел только на *нее*.

— Да ты ревнуешь! — Гидеону хватило нахальства засмеяться. В его смехе чувствовалось облегчение.

— Жди дольше! — Мои слезы закончились и я украдкой вытерла нос.

— Граф наверняка интересуется, где это мы пропали, — сказал Гидеон после небольшой паузы.

— Пусть пошлет на поиски своего трансильванского друга, твой граф. — Наконец-то я собралась с силами, чтобы снова посмотреть ему в глаза. — На самом деле, он даже не граф. Его титул такая же фальшивка, как розовые щеки этой… как там ее зовут?

Гидеон тихо рассмеялся.

— Я уже забыл ее имя.

— Врун, — сказала я, но, не выдержав, слегка ухмыльнулась.

Гидеон тут же посерьезнел.

— Граф не виноват в поведении Ракоци. Он наверняка накажет его. — Он вздохнул. — Ты не должна любить графа, ты должна его только уважать.

Я раздраженно фыркнула.

— Я ничего не *должна*, — сказала я и резко отвернулась к окну.

И вдруг я увидела… *себя!* В школьной форме я глупо выглядывала из-за золотой портьеры. Боже! Поэтому комната показалась мне знакомой! Это был класс миссис Каунтер, а Гвендолин за портьерой как раз третий раз прыгнула во времени. Я сделала ей знак, чтобы она снова спряталась.

— Что это было? — спросил Гидеон.

— Где? — спросила я, изо всех сил постаравшись звучать глупо.

— У окна. — Он по привычке потянулся за шпагой, но схватил лишь пустоту.

— Ничего там нет!

То, что я сделала после этого, нужно в любом случае списать на посттравматический шок — напоминаю еще раз о пекаре и коричных булочках в крови, — в нормальных обстоятельствах я бы никогда ни за что так не поступила бы. Кроме того, мне показалось, что у двери мелькнуло что-то зеленое и… ах, честно говоря, я сделала это только потому, что точно знала, что я это сделаю. Мне как бы не оставалось ничего другого.

— Кто-то может стоять за портьерой и подслуш… — сказал Гидеон, но я уже обняла его за шею и прижала свои губы к его губам. И, коль я уже была так близко, прижалась к нему всем телом в самой лучшей манере Лавинии.

Пару секунд я боялась, что Гидеон оттолкнет меня, но потом он тихонько застонал, обнял меня за талию и еще крепче прижал к себе. Он так горячо ответил на поцелуй, что я забыла обо всем на свете и закрыла глаза. Как и раньше, в танце, перестало иметь значение все, что было или будет вокруг нас, не имело значения и то, что он вообще-то был

негодяем, — я только знала, что люблю его и буду всегда любить и что хочу, чтобы он целовал меня целую вечность. Тонкий внутренний голосок шептал мне, что надо прийти в себя, но губы и руки Гидеона привели к противоположному. Поэтому я не могу сказать, сколько прошло времени, прежде чем мы оторвались друг от друга и смущенно посмотрели друг другу в глаза.

— Почему… ты это сделала? — спросил Гидеон, тяжело дыша. Он выглядел совершенно растерянным. Нетвердо ступая, он сделал пару шагов назад, как будто хотел как можно быстрее быть подальше от меня.

— Что ты имеешь в виду — *почему?*

Мое сердце колотилось так быстро и громко, что он наверняка мог его слышать. Я бросила взгляд на дверь. Наверное, то зеленое, что мелькнуло в дверях, мне только показалось, а на самом деле оно лежало на этаж ниже на полу без сознания и ждало, когда же его приведут в чувство поцелуями.

Гидеон недоверчиво сузил глаза.

— Ты же…

За два шага он оказался у портьеры и резко отодвинул ее в сторону. О, опять типичная ситуация! Едва переживаешь с ним нечто… э-э-э… сумасшедшее, он тут же старается как можно скорее изгладить хорошее впечатление.

— Ты ищешь что-то конкретное? — насмешливо спросила я. Конечно, за портьерами никого не было — мое другое «я» давным-давно прыгнуло обратно и в данный момент спрашивало себя, где это оно, черт возьми, научилось так классно целоваться.

Гидеон повернулся ко мне. Замешательство исчезло из его лица, уступив место обычному высокомерию. Скрестив руки, он оперся на подоконник.

— Что это было только что, Гвендолин? За мгновение до этого ты смотрела на меня с отвращением.

— Я хотела… — начала я, но потом передумала. — Что это за дурацкий вопрос? Ты мне тоже до сих пор не объяснил, почему ты меня целовал, не так ли? — И добавила немного дерзко: — Мне просто захотелось. И тебе не обязательно было соглашаться.

Правда, я бы тогда провалилась со стыда сквозь землю.

Глаза Гидеона сверкнули.

— Тебе просто захотелось? — повторил он и приблизился ко мне. — Проклятье, Гвендолин! У меня была веская причина… я уже несколько дней пытаюсь… я все время… — Он нахмурился, очевидно злясь на собственное заикание. — Ты что думаешь, я сделан из *камня?*

Последнее предложение он почти выкрикнул. Я не знала, что ему ответить. Наверное, это был риторический вопрос, конечно, я не думала, что он сделан из камня, но, черт возьми, что он хотел этим сказать? Предыдущие незаконченные фразы тоже не добавляли ясности в этот вопрос. Какой-то момент мы смотрели друг другу в глаза, затем он отвернулся и произнес нормальным голосом:

— Нам нужно идти. Если мы не окажемся вовремя в подвале, весь план пойдет коту под хвост.

Ах да, точно. План. План, в котором у нас была роль растворяющихся жертв убийства.

— Ну, меня и десять лошадей не затянут в подвал, пока Ракоци лежит пьяный на письменном столе, — сказала я решительно.

— Во-первых, он уже наверняка пришел в себя, а во-вторых, внизу ждут минимум пять его людей. — Он протянул мне руку. — Идем. Нам нужно поспешить. Тебе нечего бояться: против бойцов-куруцци у Аластера нет ни малейшего шанса, даже если он будет не один. Они видят в темноте, как кошки, и я видел, что они вытворяют с ножами и шпагами — это граничит с колдовством. — Он подождал, пока я вложила свою руку в его, улыбнулся легко и добавил: — Кроме того, я тоже здесь.

Мы не успели сделать ни шага, как в дверях показалась Лавиния, а рядом с ней, так же, как и она, запыхавшись, маячил попугаистый Первый секретарь.

— Вот, пожалуйста. Они здесь. Оба, — сказала Лавиния.

Для дамы, которая только что валялась без чувств, она очень хорошо выглядела, пусть даже несколько подурневшая. Под слоем светлой пудры виднелись покрасневшие полоски: очевидно, ей пришлось попотеть, бегая вверх-вниз по лестницам. Ее декольте тоже было усеяно красными пятнами. Меня порадовало, что Гидеон даже не глянул в ее сторону.

— Я знаю, мы опаздываем, сэр Алеотт, — сказал он. — Мы как раз идем вниз.

— Это… не нужно, — ответил Алеотт, хватая ртом воздух. — Произошло небольшое изменение.

Ему не пришлось объяснять, что именно он имел в виду, поскольку из-за его спины показался лорд Аластер. Он зашел в комнату, его дыхание было ровным, зато улыбка — очень неприятной.

— Вот мы снова встретились, — сказал он. За ним в комнату проскользнул его призрачный спутник в черной накидке, который, не теряя времени, принялся угрожать: «Нечестивые примут нечестивую смерть!» Из-за его сопения я еще в прошлую встречу назвала его *Дартом Вейдером*

и теперь завидовала всем, кто не мог его ни слышать ни видеть. Он сверлил нас взглядом, а его мертвые, похожие на жуков глаза были налиты ненавистью.

Гидеон наклонил голову.

— Лорд Аластер, какая неожиданность!

— Это был мой замысел, — сказал лорд Аластер и самодовольно ухмыльнулся. — Я хотел сделать вам сюрприз.

Едва заметно Гидеон отодвинул меня снова в дальний угол, так что между нами и визитерами оказался письменный стол, что меня не слишком успокоило, поскольку речь шла о хрупкой модели в стиле рококо. Что-нибудь дубовое в деревенском стиле понравилось бы мне больше.

— Понимаю, — вежливо ответил Гидеон.

Я тоже поняла. Убийство было перенесено из подвала в эту симпатичную комнату, потому что Первый секретарь оказался предателем, а Лавиния — коварной сообщницей. По сути, очень просто. Вместо того чтобы трястись от страха, мне хотелось хихикать. Для одного дня это было уже чересчур.

— Но я думал, вы несколько поменяли свои планы убийств после того, как получили родословные путешественников во времени, — сказал Гидеон.

Лорд Аластер презрительно отмахнулся.

— Родословные, которые принес демон из будущего, лишь показали, что ваши линии невозможно полностью уничтожить! — сказал он. — Поэтому я предпочел действовать напрямую.

— Только потомки мадам д'Юрфе, жившей при дворе короля Франции, столь многочисленны, что понадобилась бы не одна жизнь, чтобы их всех найти, — добавил Первый секретарь. — Ваше устранение сию минуту неизбежно. Если бы вы так не сопротивлялись недавно в Гайд-Парке, все было бы давно окончено…

— А что вы получите в вознаграждение, Алеотт? — спросил Гидеон, как будто это его действительно могло интересовать. — Что лорд Аластер может вам дать, что вы решили нарушить клятву Хранителей и совершить предательство?

— Ну, я… — начала Алеотт с готовностью, но лорд Аластер не дал ему произнести больше ни слова:

— Безгрешная душа! Вот его вознаграждение! Уверенность, что ангелы в небесах восхвалят его деяния! За это нельзя заплатить золотом. Земля должна быть очищена от таких исчадий ада, как вы! И Господь возблагодарит нас всех за то, что мы пролили вашу кровь.

Да-да-да. На какое-то мгновение во мне зародилась надежда, что лорду Аластеру просто нужен был кто-то, кто будет слушать. Может быть, он просто хотел, чтобы кто-то послушал весь этот религиозный бред и похлопал его по плечу. Но тут вступил сопящий Дарт Вейдер: «Вы потеряли право на жизнь, порождения дьявола!», и я отбросила эти предположения.

— Значит, вы считаете, что убийство невинной девушки вызовет божье одобрение? Интересно. — Рука Гидеона скользнула во внутренний карман камзола, но потом едва заметно дрогнула.

— Вы, наверное, ищете это? — спросил Первый секретарь с издевкой. Он залез в лимонно-желтый карман своего камзола и вытащил маленький пистолет, держа его кончиками пальцев. — Без сомнения, дьявольское оружие из будущего. Я прав? — В ожидании похвалы он посмотрел на лорда Аластера. — Я попросил нашу соблазнительную леди Лавинию основательно обыскать вас на предмет оружия, путешественник!

Лавиния смотрела на Гидеона с виноватой улыбкой, а Гидеон в это мгновение выглядел так, будто хотел влепить себе увесистую пощечину. Что было понятно. Пистолет означал бы наше спасение, против автоматического «смитт-и-вессон» у людей со шпагами не было бы ни малейшего шанса. Мне захотелось, чтобы предатель Алеотт случайно нажал на курок и попал себе в ногу. Шум могли бы услышать в зале… или не услышать. Но Алеотт спрятал пистолет обратно в карман, и моя надежда испарилась.

— Да-да, вы удивлены, не правда ли? Я обо всем подумал. Я знал, что у леди Лавинии есть карточные долги, — сказал Алеотт непринужденным тоном. Как все злодеи, он страстно желал одобрения своим низким поступкам. Его вытянутое лицо напоминало мне крысу. — Большие карточные долги, которые она уже не могла оплатить обычными *вольностями*. — В этом месте он противно улыбнулся. — Вы должны мне простить, мадам, что ваши услуги меня не слишком интересовали. Но теперь ваши долги оплачены.

Лавиния не выглядела обрадованной, услышав эти слова.

— Мне ужасно жаль. Но у меня не было другого выбора, — сказала она Гидеону, но, он, казалось, вовсе ее не слышал.

Казалось, он прикидывает, как быстро он может добраться до камина, чтобы схватить одну из висящих на стене сабель, прежде чем лорд Аластер проткнет его шпагой. Я проследила его взгляд и решила, что шансы на успех невелики, разве только он скрыл от меня, что на самом деле является Суперменом. Камин был слишком далеко, а лорд Аластер, не спускавший с

Гидеона глаз, стоял слишком близко.

— Все это замечательно, — сказала я медленно, пытаясь выиграть время. — Но при построении планов вы не учли графа.

Алеотт засмеялся.

— Вы, наверное, имеете в виду, что мы не учли Ракоци? — Он потер руки. — Ну, его особые… скажем… предпочтения не позволят ему сегодня выполнить свой долг, не так ли? Его любовь к наркотикам сделала его легкой жертвой, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Но Ракоци не один, — сказала я. — Его куруцци следят за каждым нашим шагом.

Алеотт бросил неуверенный взгляд на лорда Аластера, но потом снова улыбнулся.

— Ну и где они, ваши дорогие куруцци?

В подвале, скорее всего.

— Они ждут в тени, — пробормотала я, стараясь звучать угрожающе. — Готовые ударить в любое мгновение. И то, как они управляются со шпагами и ножами, граничит с колдовством.

Но Алеотт, к сожалению, не дал себя запугать. Он бросил пару нелестных замечания о Ракоци и его людях, похвалил себя еще раз на все лады — за гениальный план, а еще больше — за гениальное изменение плана.

— Я боюсь, ваш — ах какой умный! — граф сегодня будет напрасно ждать вас и Черного леопарда. Спросите меня, что я собираюсь с ним сделать.

Но Гидеон очевидно потерял интерес к речам Алеотта. Он молчал. Похоже, что и лорду Аластеру болтовня Первого секретаря наскучила. Он хотел приняться за дело.

— Она должна уйти, — сказал он невежливо, вытащив шпагу и указывая ею на леди Лавинию.

Ага, дело идет к развязке.

— А я-то всегда думал, вы человек чести и ведете дуэль только с вооруженным противником, — сказал Гидеон.

— Я — человек чести, но вы — демон! С вами я не веду дуэль, вас я истребляю, — сказал холодно лорд Аластер.

Леди Лавиния издала сдавленный крик ужаса.

— Я не хотела этого, — прошептала она в сторону Гидеона.

Нееет, конечно, не хотела. Сейчас вдруг у нее появились угрызения совести. Еще упади в обморок, глупая корова!

— Выведите ее, я сказал!

Я, в виде исключения, была согласна с лордом Аластером. Он, пробуя, рассек воздух шпагой.

— Да, разумеется, это зрелище не для дам. — Алеотт выпихнул Лавинию в коридор: — Закройте дверь и проследите, чтобы никто не зашел.

— Но…

— Пока ваши долговые расписки еще у меня, — прошипел Алеотт. — Если я захочу, уже завтра к вам в дом явится судебный исполнитель и — можете попрощаться со своим домом.

Лавиния больше не сказала ни слова. Алеотт закрыл дверь на задвижку, повернулся к нам и вытащил из кармана кинжал — маленький изящный экземпляр. Я уже должна была испугаться, но страха во мне почему-то не было. Наверное, потому что все казалось мне слишком абсурдным. Ненастоящим. Как будто кусок фильма. И разве мы не должны прыгнуть назад с минуты на минуту?

— Сколько у нас осталось времени? — шепнула я Гидеону.

— Слишком много, — сказал он сквозь стиснутые зубы.

На крысином лице Алеотта проступила радость.

— Я беру на себя девчонку, — сказал он, весь в нетерпении. — Вы займетесь мальчишкой. Но будьте осторожны. Он хитрый и ловкий.

Лорд Аластер только презрительно фыркнул.

— Земля пропитается кровью демонов, — хрюкнул Дарт Вейдер, полный предвкушения. Его репертуар предложений был весьма ограничен.

Поскольку Гидеон, напрягшись всем телом, все еще смотрел на недостижимые сабли, я осмотрелась в поисках альтернативного оружия. Недолго думая я схватила один из стульев и направила его хрупкие ножки в сторону Алеотта. Он почему-то решил, что это смешно, потому что ухмыльнулся еще кровожаднее, чем раньше, и стал приближаться ко мне. Одно было совершенно ясно: какими бы мотивами он не руководствовался, безгрешной его душа в этой жизни никогда не будет.

Лорд Аластер тоже приблизился. И тут все случилось молниеносно.

— Стой на месте, — крикнул мне Гидеон, перевернул легкий письменный стол и толкнул его ногой по паркету к лорду Аластеру. Почти одновременно с этим он сорвал со стены тяжелый подсвечник и изо всей силы швырнул его в Первого секретаря. Подсвечник попал Алеотту в голову, издав при этом ужасный звук, и Первый секретарь упал на пол, как подкошенный. Гидеон не терял время на то, чтобы проверить, насколько удачен был его бросок. Подсвечник еще находился в воздухе, когда он уже прыгнул в сторону коллекции сабель.

Лорд Аластер сделал выпад, чтобы избежать двигающегося к нему стола, но вместо того чтобы помешать Гидеону сорвать со стены саблю, он за пару шагов оказался возле меня. Все это произошло ужасно быстро, и у меня едва было время, чтобы поднять стул с твердым намерением врезать им по голове лорду Аластеру, как тот уже выбросил вперед шпагу. Клинок пропорол мое платье и глубоко проник в меня под нижним левым ребром, я даже не успела осознать, что случилось, как лорд Аластер вытащил шпагу и с триумфальным криком стал размахивать ею перед Гидеоном, направив в его сторону испачканное моей кровью острие.

Боль настигла меня спустя секунду. Как марионетка, которой перерезали нитки, я упала на колени, инстинктивно прижав руки к груди. Я слышала, как Гидеон выкрикнул мое имя, и видела, как он схватил со стены две сабли одновременно и стал размахивать ими над головой как самурай. В этот момент я всем телом упала на паркет, даже не ударившись сильно головой (вот для чего парик оказался очень кстати). Как по волшебству, боль куда-то исчезла. Какой-то момент я озадаченно смотрела в пустоту, потом поднялась в воздух, невесомая, бестелесная — я поднималась все выше и выше к украшенному лепкой потолку. Вокруг меня плясали в воздухе пылинки, отливающие в свете свечей золотом, и мне казалось, я стала одной из них.

Далеко внизу я видела себя лежащей на полу, с широко раскрытыми глазами, пытающуюся вдохнуть. На ткани платья медленно расплывалось кровавое пятно. Краска быстро исчезла с моего лица, пока цвет кожи не сравнялся с белизной парика. Удивленно я наблюдала, как мои веки сначала задрожали, а потом закрылись. Но часть меня, парящая в воздухе, продолжала все видеть. Я видела Первого секретаря, лежащего неподвижно рядом с подсвечником. Из раны на его виске текла кровь. Я видела белого от гнева Гидеона, атакующего Аластера. Лорд отходил к двери и парировал удары сабель шпагой, но уже через пару секунд Гидеон загнал его в угол комнаты. Я видела, как ожесточенно они дрались, пусть даже звон оружия здесь наверху звучал несколько приглушенно. Лорд сделал выпад и попытался поднырнуть под левую руку Гидеона, но Гидеон разгадал его намерение и в тот же момент со всей силой ударил в незащищенное правое предплечье лорда. Аластер сначала посмотрел неверящим взглядом, потом лицо его исказилось в немом крике. Пальцы разжались и шпага с лязгом упала на пол: Гидеон пригвоздил руку лорда к стене. Таким образом обезвреженный, противник начал — несмотря на боль, которую наверняка испытывал — изрыгать оскорбления. Гидеон отвернулся от него, не удостоив более ни взглядом, и бросился ко мне. То есть, к моему телу — я-

то до сих пор парила беспомощно под потолком.

— Гвендолин! О боже! Гвенни! Нет, прошу тебя, нет! — Он прижал руку к тому месту, где шпага проделала маленькую дырочку в платье.

— Слишком поздно! — прорычал Дарт Вейдер. — Разве вы не видите, как ее покидает жизнь?

— Она умрет, вы не сумеете ничего исправить! — крикнул и лорд Аластер со своего места, стараясь не двигать прибитую руку. Кровь еще текла и образовала возле его ног небольшую лужу. — Я пронзил ее сердце демона!

— Закройте свой рот, — закричал Гидеон, положив обе руки на мою рану и прижимая их весом всего тела. — Я не дам ей истечь кровью. Если только мы вовремя… — Он отчаянно подавил рыдание. — Ты не можешь умереть, слышишь, Гвендолин?

Моя грудь еще поднималась и опускалась, на коже были крохотные капли пота, но нельзя было исключить, что Дарт Вейдер и лорд Аластер окажутся правы. В конце концов, я уже находилась в воздухе как золотистая пылинка, а в моем лице — там, внизу — нельзя было различить и следа краски. Даже губы стали серыми.

Слезы текли по лицу Гидеона. Он все еще прилагал всю силу, давя на мою рану.

— Не покидай меня, Гвенни, не покидай меня, — шептал он, и внезапно я перестала что-то видеть, зато почувствовала под собой жесткий пол, глухую боль в животе и всю тяжесть собственного тела.

Я с хрипом вдохнула и почувствовала, что для следующего вдоха у меня не осталось сил. Я хотела открыть глаза, чтобы в последний раз увидеть Гидеона, но не смогла.

— Я люблю тебя, Гвенни, пожалуйста, не покидай меня, — сказал Гидеон, и это было последним, что я услышала, прежде чем меня поглотило великое Ничто.

~~~

Неживые предметы любого рода и материалы могут без проблем переноситься во времени, причем в оба направления. Основное условие: предмет в момент транспортировки не может иметь контакт к чему- или кому-либо, кроме переносящего его путешественника во времени. Самым большим до сегодняшнего момента перенесенным предметом был стол из трапезной длиной четыре метра, который близнецы де Вилльеры переместили из года 1900 в год 1805 и обратно (см. Том 4, Глава 3 «Эксперименты и эмпирические исследования», стр. 188 и далее).

Растения и части растений, как и живые существа любого рода не могут быть перенесены, поскольку перемещение во времени разрушает или полностью разлагает структуру их клеток, что доказано многочисленными экспериментами с водорослями, различными саженцами, инфузориями-туфельками, мокрицами и мышами (см. Том 4, Глава 3 «Эксперименты и эмпирические исследования», стр. 194 и далее).

Транспортировка предметов, за исключением осуществляемой под надзором или с целью эксперимента, строга запрещена.

Из Хроник Хранителей, Том 2, «Общие закономерности».
~~~

Глава десятая

— Мне она почему-то кажется знакомой, — услышала я чей-то голос. Абсолютно точно, это был высокомерный тон Джеймса.

— Конечно, она тебе знакома, дуралей, — ответил голос, который мог принадлежать только Ксемериусу. — Это Гвендолин, только без школьной формы и в парике.

— Я не разрешал тебе обращаться ко мне, невоспитанная кошка!

Как будто кто-то медленно добавлял громкость радио, ко мне проникало все больше звуков и возбужденных голосов. Я еще или уже лежала на спине. Ужасная тяжесть в груди исчезла, как и тупая боль в животе. Я тоже стала призраком, как Джеймс? С отвратительным звуком кто-то разрезал на мне корсаж и разорвал ткань.

— Он задел аорту, — услышала я голос Гидеона, в котором звучало отчаяние. — Я попытался зажать, но… это длилось слишком долго.

Холодные руки ощупывали меня и дотронулись до больного места под ребрами. Потом доктор Уайт сказал с облегчением:

— Это лишь поверхностный разрез. Боже мой, как ты меня напугал!

— Что? Не может быть, она…

— Шпага всего лишь царапнула ее кожу. Видишь? Очевидно, корсет мадам Россини сослужил хорошую службу. Aorta abdominalis — господи, Гидеон, чему вас только учат? В какой-то момент я действительно поверил. — Я почувствовала на шее пальцы мистера Уайта. — Пульс у нее тоже хорошего наполнения.

— С ней все в порядке?

— Что конкретно случилось?

— Как мог лорд Аластер ранить ее?

Голоса мистера Джорджа, Фалька де Вилльера и мистера Уитмена мешались друг с другом. Гидеона больше не было слышно. Я попыталась открыть глаза, и на этот раз мне это легко удалось. Я без труда смогла сесть. Вокруг меня были знакомые разрисованные стены нашего подвала для занятий искусством, а надо мной склонились головы Хранителей. Все — даже мистер Марли — улыбались мне. Только Гидеон смотрел на меня, как будто не верил своим глазам. Его лицо было мертвенно-бледным, а на щеках виднелись следы недавних слез. За ними стоял Джеймс и закрывал глаза кружевным платком.

— Скажи мне, когда опять можно будет смотреть.

— Сейчас — ни в коем случае, а то ты моментально ослепнешь, — сказал Ксемериус, сидевший по-турецки у меня в ногах. — У нее как раз почти вывалилась из корсета грудь.

Ууууупс! Он был прав. Мне стало неловко, и я попыталась прикрыться разорванными и разрезанными остатками чудесного платья мадам Россини. Доктор Уайт мягко уложил меня обратно на стол, на который меня перенесли.

— Я должен продезинфицировать и перевязать царапину, — сказал он. — Потом я тебя основательно обследую. У тебя что-нибудь болит?

Я покачала головой, и тут же застонала. Голова болела ужасно.

Мистер Джордж положил мне сзади руку на плечо.

— О боже, Гвендолин. Ты ужасно нас напугала. — Он тихо засмеялся. — Это я понимаю — истинный обморок! Когда Гидеон явился с тобой на руках, я в самом деле подумал, ты…

— … умерла, — закончил Ксемериус предложение, которое мистер Джордж стыдливо оставил висеть в воздухе недоговоренным. — Честно говоря, ты выглядела довольно мертвой. А парень вообще словно сошел с ума! Кричал что-то о зажимах для артерий и черт-те что еще. И рыдал к тому же. Что ты так смотришь?

Последнее относилось к маленькому Роберту. Он зачарованно смотрел на Ксемериуса.

— Какой он славный! Можно мне его погладить? — спросил он меня.

— Нельзя, если не хочешь потерять руку, пацан! — сказал Ксемериус. — Хватит уже, что этот надушенный петух постоянно путает меня с кошкой.

— Я бы попросил! У кошек нет крыльев, я сам знаю, — воскликнул Джеймс, до сих пор стоящий с закрытыми глазами. — Ты кошка из кошмаров лихорадки. Ты выродившаяся кошка.

— Еще слово — и я тебя сожру, — сказал Ксемериус.

Гидеон отошел на пару шагов в сторону и свалился на стул. Он снял парик, расчесал пальцами темные локоны и спрятал лицо в ладонях.

— Я не понимаю этого, — прозвучало неразборчиво сквозь пальцы.

Со мной происходило то же самое. Как такое было возможно, чтобы я только-только умерла, а теперь снова чувствовала себя абсолютно живой? Разве можно себе такое вообразить? Я посмотрела на рану, которую обрабатывал доктор Уайт. Он был прав, это действительно была царапина. Порез, который я сама сделала ножом для овощей, был намного длиннее и болезненнее.

Гидеон поднял лицо из ладоней. Как сильно светились его зеленые

глаза на бледном лице! Я вдруг вспомнила его последние слова и снова попыталась сесть, но доктор Уайт не позволил мне.

— Может кто-нибудь снять с нее этот невозможный парик? — сказал он резко.

Сразу несколько рук начали вытаскивать шпильки из моей прически, и я испытала чудесное чувство, когда с меня сняли парик.

— Осторожно, Марли, — предупредил Фальк де Вилльер. — Не забывайте о мадам Россини.

— Да, сэр, — пролепетал Марли и почти уронил парик от страха. — Мадам Россини, сэр.

Мистер Джордж вынул шпильку из моих волос и мягкими движениями распушил косу.

— Так лучше? — спросил он.

Да, так было намного лучше.

— Лиза-подлиза, сидит за столом, платье и шляпа — всё в одном, — запел Ксемериус дразнилку. — Э-э-эх, была бы у тебя еще и шляпа! Тогда можно было бы не бояться дня, когда волосы стоят дыбом![34] Ах, я так сильно радуюсь, что ты жива и мне не нужно искать нового человека, что все время говорю глупости. Лиза-подлиза, вот ты кто.

Маленький Роберт захихикал.

— Можно мне уже смотреть? — спросил Джеймс, но не стал дожидаться ответа. Бросив на меня короткий взгляд, он снова закрыл глаза. — Господибожемой! Это действительно мисс Гвендолин. Простите, что я не узнал вас, когда молодой денди проносил вас мимо моей ниши. — Он вздохнул. — Это было довольно странно. В этих стенах не часто встретишь прилично одетых людей.

Мистер Уитмен обнял Гидеона за плечи.

— А что конкретно случилось, мой мальчик? Ты сумел передать графу наше сообщение? Дал ли он тебе инструкции для следующей встречи?

— Дайте ему стаканчик виски и оставьте на пару минут в покое, — прорычал доктор Уайт, наклеивая две узкие полоски пластыря на мою рану. — У него шок.

— Нет. Нет. Уже все в порядке, — пробормотал Гидеон. Он бросил короткий взгляд в мою сторону, вынул из кармана запечатанный конверт и передал его Фальку.

— Идем, — сказал мистер Уитмен, поднял Гидеона на ноги и повел к двери. — Наверху, в кабинете директора Гиллса есть бутылка виски. И диван, если ты захочешь ненадолго прилечь. — Он огляделся. — Фальк, ты идешь с нами?

— Конечно, — сказал Фальк. — Надеюсь, у старины Гиллса хватит виски для нас всех. — Он повернулся к остальным. — А вы ни в коем случае не отправляйте Гвендолин домой в таком потрепанном виде, понятно?

— Понятно, сэр, — заверил мистер Марли. — Абсолютно понятно, сэр, если позволите такую формулировку.

Фальк закатил глаза.

— Позволяю, — сказал он и тут же исчез вместе с мистером Уитменом и Гидеоном.

У мистера Бернхарда был свободный вечер, поэтому дверь мне открыла Каролина и тут же затараторила:

— Шарлотта мерила костюм феи для вечеринки, он чудесный, она сначала разрешила мне прикрепить крылья, но тетя Гленда сказала, что я должна сначала помыть руки, потому что я наверняка опять гладила грязных животн…

Больше она не успела ничего сказать, потому что я схватила ее и так крепко обняла, что она не могла вдохнуть.

— Да, раздави-ка ее, — сказал Ксемериус, залетевший вслед за мной в дом. — Если поломаешь, твоя мама родит нового ребеночка.

— Моя сладкая, золотая, младшенькая сестричка, — бормотала я в волосы Каролины, смеясь и плача одновременно. — Я так тебя люблю!

— Я тебя тоже люблю, но ты дышишь мне в ухо, — сказала Каролина и осторожно высвободилась. — Идем. Мы как раз сели за стол. На десерт — шоколадный торт от «Hummingbird bakery».[35]

— О, я люблю, люблю, *люблю* шоколадный торт, — с восторгом сказала я. — И я люблю жизнь, которая дарит такие замечательные вещи.

— А можно чуть поменьше пафоса? А то можно подумать, что ты вернулась с процедуры электрошоком. — Ксемериус угрюмо чихнул.

Я собиралась взглянуть на него с укоризной, но смогла посмотреть только сияющими любовью глазами. Мой сладкий, маленький, угрюмый демон-горгулья.

— Я тебя тоже люблю, — сказала я ему.

— О нет, — застонал он. — Если бы ты была телевизионной программой, я бы тебя сейчас переключил.

Во взгляде Каролины сквозила озабоченность. По дороге наверх она взяла меня за руку.

— Что с тобой случилось, Гвенни?

Я вытерла со щеки слезы и улыбнулась.

— Со мной все замечательно, — заверила я ее. — Я просто счастлива. Потому что живу. И потому что у меня такая замечательная семья. И потому что перила такие гладкие и знакомые. И потому что жизнь прекрасна.

Когда после этих слов у меня снова полились слезы, я засомневалась, были ли те таблетки, которые доктор Уайт растворил для меня в воде, действительно аспирином. Но эйфорию можно было объяснить и тем потрясающим фактом, что я выжила и не должна продолжать свое существование в виде маленькой золотистой пылинки. Поэтому перед входом в столовую я подняла Каролину в воздух и покрутилась с ней по кругу. Я была самым счастливым человеком во всем мире, потому что я была жива и Гидеон произнес: «Я люблю тебя». Последнее, конечно, могло быть околосмертной галлюцинацией, этого я полностью исключить не могла.

Моя сестренка довольно пищала, а Ксемериус делал вид, что у него в руках пульт дистанционного управления и что он безуспешно пытается переключить программу. Когда я поставила Каролину на пол, она спросила:

— А это правда, что сказала Шарлотта? Что ты идешь на вечеринку к Синтии в зеленом мусорном мешке?

На какое-то мгновение моя эйфория улетучилась.

— Ха-ха-ха, — злорадно произнес Ксемериус. — Я так и вижу: счастливый зеленый мусорный мешок, который хочет всех обнять и поцеловать, потому что жизнь прекрасна.

— Э-э-э… нет, если я сумею этого как-нибудь избежать.

Господи, надеюсь, у меня получится убедить Лесли отложить воплощение ее идеи о марсианах средствами современного искусства до следующей вечеринки. Если она уже всем рассказала, значит, она была очень увлечена этой идеей, а если Лесли бывает чем-то увлечена, ее бывает очень трудно отговорить — у меня на этот счет был печальный опыт.

Вся моя семья сидела за столом, и мне приходилось сдерживаться, чтобы не кинуться их с восторгом обнимать. Я могла бы расцеловать даже тетю Гленду и Шарлотту. (Что однозначно доказывает, в каком нетипичном состоянии я находилась.) Поскольку Ксемериус бросал мне предупреждающие взгляды, я ограничилась тем, что широко всем улыбнулась и потрепала Ника по волосам, проходят мимо.

— Пирог со спаржей! — воскликнула я. — Разве жизнь не прекрасна? На свете есть так много вещей, которым можно радоваться, не правда ли?

— Если ты еще один раз произнесешь *прекрасна*, меня стошнит прямо в твой пирог со спаржей, — прорычал Ксемериус.

Я улыбнулась ему, засунула кусок пирога в рот и посмотрела на остальных, спросив: «А как прошел ваш день?»

Бабушка Мэдди улыбнулась в ответ:

— Ну, твой, похоже, очень удался.

Шарлотта возила вилкой по тарелке, производя ужасные звуки.

Да, в конечном итоге день оказался очень хорошим. Даже если Гидеон, Фальк и мистер Уитмен так и не появились до моего отъезда, и у меня не было возможности проверить, были ли слова «Я люблю тебя, Гвенни, не покидай меня» результатом моего воображения или действительно произнесены Гидеоном. Оставшиеся Хранители изо всех сил пытались исправить мое, как сказал Фальк де Вилльер, «потрепанное» состояние. Мистер Марли даже захотел собственноручно расчесать мне волосы, но я предпочла это сделать сама. В настоящий момент на мне была школьная форма, а волосы аккуратно лежали на спине.

Мама погладила меня по руке.

— Я очень рада, что ты выздоровела, радость моя.

Тетя Гленда пробормотала себе под нос что-то, в чем можно было различить слова «Конституция, как у крестьянки». А потом, лживо улыбаясь, спросила меня:

— Так что там за история с зеленым мусорным мешком? Не могу поверить, что ты и твоя подружка собираетесь в таком виде показаться на вечеринке, которую Дейлы устраивают для своей дочери. Томас Дейл определенно расценит это как политический вызов, он занимает высокий пост у тори.

— Э-э-э? — произнесла я.

— Надо говорить «простите, что вы сказали», — решил поучить меня Ксемериус.

— Гленда, я удивляюсь тебе! — Леди Ариста прищелкнула языком. — Ни одна из моих внучек не может даже допустить подобной мысли. Мусорный мешок! Что за ерунда!

— Ну, если больше нечего надеть зеленого цвета, то придется взять мусорный мешок, — сказала Шарлотта ехидно. — Во всяком случае, что касается Гвен.

— Ой-ой-ой. — Бабушка Мэдди сочувственно смотрела на меня. — Дай подумать. У меня есть пушистый махровый халат зеленого цвета, я могла бы одолжить тебе.

Шарлотта, Ник, Каролина и Ксемериус захихикали, а я ухмыльнулась бабушке Мэдди.

— Очень мило, но я боюсь, Лесли не согласится: вряд ли марсиане

ходят в халатах.

— Ну, теперь ты поняла? Они это серьезно, — тут же влезла тетя Гленда. — Я всегда говорила: эта Лесли плохо влияет на Гвендолин. — Она скорчила недовольную мину. — Но какое воспитание можно ожидать у родителей пролетарского происхождения? Ужасно, что таких вообще принимают в Сент-Леннокс. Но я точно не разрешу своей дочери общаться с…

— Довольно, Гленда! — Мама смотрела на сестру с яростью. — Лесли — умная и хорошо воспитанная девочка, а ее родители вовсе не работяги. Ее отец… он… он…

— Инженер-строитель, — суфлировала я.

— …инженер-строитель, а мать работает…

— …консультантом по питанию, — подсказала я еще раз.

— А их собака закончила колледж Гольдсмита, — сказал Ксемериус. — Весьма уважаемая семья.

— В наших костюмах нет ничего политического, — заверила я тетю Гленду и леди Аристу, которые уставились на меня с задранными бровями. — Это лишь искусство. — С другой стороны: Лесли вполне могла придать всему политическое значение, такое «увенчание» проекта было бы весьма в ее духе. Как будто недостаточно просто нашего кошмарного вида. — И это вечеринка Синтии, а не ее родителей — иначе девиз не был бы таким незрело-зеленым.

— Это не смешно, — сказала тетя Гленда. — И я считаю крайне невежливым не приложить старания по части костюма, когда остальные гости и хозяева не скупятся на затраты. Например, костюм Шарлотты…

— …стоил целое состояние и сидит на ней как влитой, ты сегодня уже тридцать четыре раза об этом сообщила, — перебила ее мама.

— Ты просто завидуешь! Ты всегда завидовала. Но я, в отличие от тебя, беспокоюсь о благополучии своей дочери, — продолжала ругаться тетя Гленда. — То, что ты мало интересуешься, в каких кругах твоя дочь вращается, и даже приличный костюм не можешь…

— *В каких кругах вращается?* — Мама закатила глаза. — А еще больше оторваться от жизни ты не можешь? Это — простая вечеринка одноклассницы! Плохо уже, что бедным детям приходится наряжаться по теме.

Леди Ариста со стуком отложила свой столовый прибор.

— Боже мой, вам уже за сорок, а ведете себя как подростки. Разумеется, Гвендолин не пойдет на вечеринку в мусорном мешке. А теперь — сменим тему.

— Да, давайте поговорим о деспотичных старых драконах, — предложил Ксемериус. — И о женщинах старше сорока, которые до сих пор живут с мамой.

— Ты не можешь предписывать Гвендолин… — начала мама, но я толкнула ее ногой под столом и хитро улыбнулась. Она вздохнула, но улыбнулась в ответ.

— Дело в том, что я не могу спокойно смотреть, как Гвендолин губит репутацию нашей семьи, — сказала тетя Гленда, но леди Ариста не дала ей продолжить.

— Гленда, если ты не можешь держать рот закрытым, можешь отправляться в постель без ужина, — выдала она, и все, кроме нее, не могли сдержать улыбки, даже тетя Гленда, даже Шарлотта.

В этот момент в дверь позвонили. Пару секунд никто не реагировал, мы продолжали есть, но потом сообразили, что сегодня у мистера Бернхарда свободный вечер. Леди Ариста вздохнула.

— Не будешь ли ты так любезна, Каролина? Если это мистер Тернер по поводу ежегодного украшения цветами уличных фонарей, скажи, меня нет дома. — Она подождала, пока Каролина ушла, и покачала головой. — Этот джентльмен — просто *чума* какая-то! Всего два слова: оранжевые бегонии! Я надеюсь, что для таких людей существует персональный ад!

— Я тоже надеюсь, — согласилась с ней бабушка Мэдди.

Через минуту вернулась Каролина.

— Это Голлум! — крикнула она. — И он пришел к Гвендолин.

— Голлум? — Мама, Ник и я произнесли это слово одновременно. Совершенно случайно «Властелин колец» — наш общий любимый фильм, только Каролине еще не разрешалось его смотреть, потому что она слишком маленькая.

Каролина быстро закивала.

— Да, он там внизу ждет.

Ник засмеялся.

— Классно, моя прелес-с-с-сть! Я должен на него посмотреть.

— Я тоже, — сказал Ксемериус, но остался лениво висеть на люстре, почесывая живот.

— Ты наверняка имеешь в виду *Гордон*, — сказала Шарлотта и встала. — И он пришел ко мне. Но он слишком рано. Я сказала, в полдевятого.

— О, твой обожатель, зайчик? — спросила бабушка Мэдди восторженно. — Как славно! Он заставит тебя думать о чем-нибудь другом.

Лицо Шарлотты приняло язвительное выражение.

— Нет, бабушка Мэдди, это просто мальчик из моего класса, я помогаю ему выполнить штрафную работу, он должен написать о перстнях-печатках.

— Он сказал *Гвендолин*, — настаивала Каролина, но Шарлотта уже отодвинула ее в сторону и поспешила из комнаты.

Каролина побежала за ней.

— Он может поужинать с нами, — крикнула тетя Гленда вдогонку. — Она всегда готова помочь, — повернулась она к нам. — Гордон Гельдерман, кстати, сын Кайла Артура Гельдермана.

— Надо же, — сказал Ксемериус.

— Кто бы это ни был, — сказала мама.

— *Кайл Артур Гельдерман*, — повторила тетя Гленда, подчеркивая каждый слог. — У него громадный торговый дом. Ты не знаешь? Типично для тебя — ты не имеешь понятия, в каких кругах вращается твоя дочь. Ты вообще ничего не делаешь как мать. Ну, к Гвендолин этот парень так или иначе не проявляет интереса.

Мама застонала.

— Глен, послушай, тебе надо опять начать принимать те таблетки от климактерических проблем.

Брови леди Аристы почти сомкнулись, так мрачно она смотрела. Она уже набрала воздуха, очевидно, чтобы отправить маму и тетю Гленду в постель без десерта, но тут вернулась Каролина и триумфально произнесла:

— А Голлум хотел *все-таки* к Гвендолин!

Я как раз засунула в рот огромный кусок пирога и чуть не выплюнула его, увидев, как Гидеон заходит в комнату. Позади него виднелась Шарлотта с окаменевшим лицом.

— Добрый вечер, — сказал Гидеон вежливо. На нем были джинсы и выцветшая зеленая рубашка. Заметно было, что он принял душ — его волосы были еще влажными и обрамляли лицо беспорядочными кольцами. — Я прошу прощения. Я не хотел мешать вашему застолью, я только хотел увидеть Гвендолин.

На какой-то момент воцарилась тишина. Если не считать Ксемериуса, который просто умирал от смеха на люстре. Я не могла сказать ни слова, поскольку была занята тем, чтобы проглотить непережеванный кусок пирога, Ник хихикал, мама переводила взгляд с Гидеона на меня и обратно, у тети Гленды опять появились красные пятна на шее, а взгляд леди Аристы на Гидеона вполне мог быть предназначен оранжевой бегонии. Только бабушка Мэдди проявила хорошие манеры.

— Вы вовсе не мешаете, — сказала она дружелюбно. — Прошу вас, садитесь возле меня. Шарлотта, подай, пожалуйста, еще один прибор.

— Да, тарелку для Голлума, пожалуйста, — прошептал мне Ник и ухмыльнулся.

Шарлотта проигнорировала бабушку Мэдди и вернулась на место, сохранив каменное выражение лица.

— Великодушно с вашей стороны, но спасибо, я уже ужинал, — сказал Гидеон.

Мне наконец-то удалось проглотить кусок, и я резко поднялась.

— А я уже наелась, — сказала я. — Можно мне уйти из-за стола?

Я посмотрела сначала на маму, потом на бабушку. Они обменялись странными соглашающимися взглядами и одновременно вздохнули, причем очень, очень глубоко.

— Конечно, — сказала наконец мама.

— Но шоколадный торт, — напомнила Каролина.

— Мы оставим для Гвендолин кусочек. — Леди Ариста кивнула мне.

Несколько скованно я пошла к Гидеону.

— И в комнате царила мертвецкая тишина, — шептал Ксемериус с люстры. — Все взгляды остановились на девушке в блузке цвета мочи…

Ух, он был прав. Я злилась, что не успела быстро принять душ и переодеться. Дурацкая школьная форма была самой уродливой в моем гардеробе. Но кто мог предположить, что сегодня вечером у меня будут гости? Причем те гости, перед которыми мне хотелось хорошо выглядеть?

— Привет, — сказал Гидеон и улыбнулся впервые после того, как появился в комнате.

Я смущенно улыбнулась в ответ.

— Привет, Голлум.

Улыбка Гидеона стала еще шире.

— Даже тени на стенах онемели, когда оба смотрели друг на друга таким взглядом, как будто они только что уселись на «пукающую подушку», — сказал Ксемериус и слетел вниз с люстры. — Скрипки заиграли романтичную мелодию, они медленно вышли из комнаты — девушка в блузке цвета мочи и парень, которому пора было пойти к парикмахеру. — Он летел за нами, но на лестнице свернул налево. — Умный и красивый демон Ксемериус должен был последовать за ними в роли собаки-дуэньи, но после всех продемонстрированных целому миру чувств ему нужно было утолить свой необузданный аппетит! Сегодня он наконец-то сумеет сожрать того жирного кларнетиста, который живет как призрак в доме под номером 23 и целый день позорит Глена Миллера. —

Он махнул еще раз лапой и вылетел через чердачное окно.

Когда мы добрались до моей комнаты, я испытала облегчение оттого, что мне не хватило времени нарушить чудесный порядок, который навела в среду бабушка Мэдди. Ладно, постель была не заправлена, но те несколько вещей, что валялись в беспорядке, несколькими быстрыми движениями я собрала и бросила на стул, где валялись все остальные вещи. Потом я повернулась к Гидеону, который всю дорогу сюда молчал. Возможно, он не мог иначе — я, не придя в себя от неловкости, после исчезновения Ксемериуса говорила не останавливаясь. Как будто будучи не в силах остановиться, я болтала и болтала о картинах, мимо которых мы шли. О каждой из приблизительно одиннадцати тысяч.

— Это мои прадедушка и прабабушка. Понятия не имею, почему они заказывали портреты маслом, когда в то время уже была фотография. Тот толстяк на табуретке — прапрапрадедушка Хью, тут он еще мальчик — с сестрой Петронеллой и тремя кроликами. Это — эрцгерцогиня, не могу что-то вспомнить ее имя, она нам не родственница, но на картине изображена в колье из родовой коллекции Монтроузов, поэтому тут повесили этот портрет. А теперь мы уже на втором этаже, поэтому на всех картинах ты можешь любоваться Шарлоттой. Тетя Гленда каждый квартал идет с ней к фотографу, который якобы фотографирует королевскую семью. Это — моя любимая фотография: Шарлотта в десятилетнем возрасте с мопсом, у которого ужасно пахло изо рта, что видно по выражению лица Шарлотты, видишь?

И так далее, и так далее. Это было ужасно. Только в моей комнате мне удалось замолчать. Но только потому, что здесь не было картин. Я расправила одеяло, незаметно засунув под подушку ночную рубашку с *Hello-Kitty*. Теперь он тоже мог что-нибудь сказать. Но он этого не сделал. Он продолжал мне улыбаться, как будто не веря собственным глазам. Мое сердце совершило гигантский скачок и пропустило один удар. Ну замечательно! Удар шпагой ему нипочем, зато взгляд Гидеона оно выдержать не в силах. Во всяком случае, если он смотрел на меня, как сейчас.

— Я хотел тебя предупредить звонком, но ты не брала мобильник, — сказал он наконец.

— Он разрядился. — Он выключился посредине разговора с Лесли, когда я ехала в лимузине.

Поскольку Гидеон опять замолчал, я достала мобильник из кармана и стала искать шнур для зарядки. Бабушка Мэдди аккуратно свернула его и засунула в ящик письменного стола. Гидеон стоял, прислонившись к двери.

— Это был очень странный день, не так ли?

Я кивнула. Мобильник был подключен к сети, как положено. Я не знала, чем мне еще заняться, поэтому оперлась на стол.

— Я думаю, это был самый страшный день в моей жизни, — сказал Гидеон. — Когда ты лежала там на полу…

Его голос внезапно сломался. Он оттолкнулся от двери и сделал шаг ко мне. Внезапно меня охватило непреодолимое желание утешить его.

— Мне очень жаль, что я… что я тебя так напугала. Но я правда думала, что *умру*.

— Я тоже так думал. — Он сглотнул и сделал еще шаг ко мне.

Хотя Ксемериус уже давно улетел к своему кларнетисту, часть моего мозга тут же выдала комментарий в его духе: «Его сверкающий зеленым взгляд разжег огонь в сердце под блузкой цвета мочи. Прижавшись к мужской груди, она разрешила себе расплакаться». О боже, Гвендолин! А можно еще истеричнее?! Я покрепче вцепилась в столешницу.

— Тебе должно было быть виднее, что со мной случилось, — сказал я. — Ты же изучаешь медицину.

— Да, и именно поэтому, мне было ясно, что ты… — Гидеон стоял передо мной, и для разнообразия в этот раз он был тем, кто закусил нижнюю губу, что меня снова растрогало. Он медленно поднял руку. — Острие шпаги проникло в тебя настолько. — Он довольно широко развел большой и указательный пальцы. — От небольшой царапины ты бы не лишилась сознания. И с твоего лица моментально исчезла краска, и выступил холодный пот. Поэтому мне было ясно, что Аластер задел крупную артерию. У тебя было внутреннее кровотечение.

Я смотрела на его руку перед моим лицом.

— Ты же видел рану, она действительно безобидна, — сказала я и откашлялась. Его близость каким-то образом влияла на мои голосовые связки. — Это… наверное… это, наверное, был просто шок. Ну знаешь, я внушила себе, что серьезно ранена, и поэтому все так выглядело, как будто я…

— Нет, Гвенни, ты ничего себе не внушила.

— Но как могло получиться, что осталась только небольшая рана? — прошептала я.

Он убрал руку и начал быстро ходить по комнате.

— Я сначала тоже не понял, — сказал он быстро. — Я был так… я облегченно вздохнул, поняв, что ты жива, и уговорил себя, что историю с раной можно как-нибудь логически объяснить. Но в душе меня внезапно осенило.

— А, наверное, дело именно в этом, — сказала я. — Я еще не принимала душ.

Я разжала онемевшие пальцы, отпустив столешницу, и села на ковер. Так было уже лучше. По крайней мере, колени уже не дрожали. Прислонившись спиной к кровати, я смотрела на Гидеона снизу вверх.

— Ты можешь не метаться, как тигр в клетке? Я от этого нервничаю. Я имею в виду — нервничаю еще больше.

Гидеон присел прямо передо мной и положил руки мне на плечи, не принимая во внимание, что я теперь была не в состоянии слушать его, а только прислушивалась к собственным мыслям типа «О, надеюсь, от меня хорошо пахнет» или «О, не забыть бы о том, что надо дальше дышать».

— Знакомо ли тебе чувство, которое посещает тебя, когда при решении судоку ты вдруг находишь *то самое число*, которое позволяет сразу заполнить все остальные квадраты? — спросил он.

Я нерешительно кивнула. Гидеон погладил меня, погруженный в собственные мысли.

— Вот уже несколько дней я размышляю над многими вещами, но только сегодня вечером я… нашел это магическое число, понимаешь? Я все время перечитывал документы, так часто, что знаю их почти наизусть…

— Какие документы? — перебила я его.

Он отпустил меня.

— Документы, которые Пол получил от лорда Аластера в обмен на родословные путешественников во времени. Пол отдал их мне — в тот день, когда у тебя состоялся разговор с графом. — Он криво улыбнулся, увидев множество вопросительных знаков в моем взгляде. — Я бы тебе рассказал, но ты была занята тем, что задавала мне множество странных вопросов, а потом, глубоко обиженная, убежала. Я не мог побежать за тобой, потому что доктор Уайт настаивал на том, что нужно обработать мою рану. Помнишь?

— Это было всего лишь в понедельник, Гидеон.

— Да, точно. А кажется, что с того момента прошла вечность, да? Когда меня наконец-то отпустили домой, я стал названивать тебе каждые десять минут, я хотел сказать, что я тебя… — Он откашлялся и снова взял мою руку. — …чтобы тебе все объяснить, но у тебя все время было занято.

— Да, я как раз рассказывала Лесли, какой ты негодяй, — сказала я. — Но у нас есть и стационарный телефон в доме, ты в курсе?

Он не обратил внимания на это замечание.

— В паузах между набором я начал читать документы. В них идет речь о предсказаниях и заметках из частного собрания графа. Документах,

которые не известны другим Хранителям. Которые он умышленно не показывал другим.

Я застонала.

— Дай я угадаю. Еще больше идиотских стихов. И ты не понял оттуда ни слова.

Гидеон наклонился ко мне.

— Нет, — ответил он медленно. — Наоборот. Все было весьма однозначно. Там написано, что кто-то должен умереть, чтобы Звезда Мудрости воссияла в полную силу. — Он посмотрел прямо мне в глаза. — И этот кто-то — ты.

— Ага. — На меня это, очевидно, не произвело должного впечатления. — То есть, *я* и есть та цена, которую надо заплатить.

— Когда я это прочел, меня это сильно шокировало. — На лицо Гидеона упала прядь волос, но он даже не заметил. — Я сначала не мог поверить, но предсказания были весьма однозначны. Рубиновая жизнь исчезнет, смерть Ворона означает конец, двенадцатая звезда погаснет и так далее и тому подобное, бесконечно. — Он сделал небольшую паузу. — Но еще понятнее были пометки, которые граф сделал на полях. Как только Круг замкнется и Эликсир выполнит свое предназначение, ты должна умереть. Там так написано почти этими же словами.

Тут уже я вынуждена была сглотнуть комок в горле.

— И как я должна умереть? — Непроизвольно я снова подумала об окровавленном острие шпаги лорда Аластера. — Там написано?

Гидеон легко рассмеялся.

— Ну, предсказания, как обычно, неопределенные, но одна вещь постоянно повторяется. Что я, Лев, номер одиннадцать, имею к этому какое-то отношение. — Улыбка исчезла с его лица, а в голосе появилось что-то такое, что я до сих пор не слышала. — Что ты умрешь *из-за меня*. По любви.

— О! Э! Но… — произнесла я, будучи не слишком оригинальной. — Это всего лишь какие-то стишки.

Гидеон помотал головой.

— Разве ты не понимаешь, что я не мог этого позволить, Гвенни? Только поэтому я согласился на эту дурацкую игру и сделал вид, что врал тебе и притворялся, играя твоими чувствами!

Я начинала что-то понимать.

— Чтобы мне не пришла в голову мысль умереть от любви к тебе, ты на следующий день постарался сделать так, чтобы я тебя возненавидела? Это было очень… как бы это сказать… по-рыцарски с твоей стороны. — Я

наклонилась вперед и убрала упрямую прядь с его лица. — Действительно, очень по-рыцарски.

Гидеон слабо ухмыльнулся.

— Поверь мне, это было самым сложным из всего, что мне приходилось совершить в моей жизни.

Теперь, дотронувшись до него, я не могла остановиться. Мои пальцы прошлись по его лицу. Очевидно, на бритье не хватило времени, но щетина на щеках придавала ему даже сексапильность.

— *Давай останемся друзьями* — это был гениальный ход, — пробормотала я. — Я в тот же момент от всей души возненавидела тебя.

Гидеон застонал.

— Но я этого не хотел — я *действительно* хотел, чтобы мы остались друзьями, — сказал он. Он взял меня за руку и на мгновение крепко сжал ее. — Что эта фраза так тебя разозлит… — Он не договорил.

Я наклонилась еще ближе к нему и взяла его лицо в руки.

— Ну, может быть, теперь ты запомнишь на будущее, — прошептала я. — Эту фразу никогда, никогда, *никогда* не говори тому, кого ты целовал.

— Подожди, Гвен, это еще не все, я должен еще что-то… — начал он, но я не собиралась дольше ждать. Я осторожно прижалась губами к его губам и поцеловала.

Гидеон ответил на мой поцелуй, сначала мягко и нежно, а когда я обняла его за шею и прижалась к нему, сильно и страстно. Его левая рука зарылась в мои волосы, другой он гладил мою шею, постепенно спускаясь все ниже. Когда рука добралась как раз до верхней пуговицы на блузке, зазвонил мой мобильник. Вернее, зазвучала мелодия из фильма «Однажды на Диком Западе». Неохотно я освободилась от его рук.

— Лесли, — сказала я, взглянув на дисплей. — Я должна ответить. Хотя бы очень коротко, иначе она будет волноваться.

Гидеон ухмыльнулся.

— Не бойся. Я не собираюсь растаять в воздухе.

— Лесли? Я могу тебе перезвонить? И спасибо за новый рингтон — очень смешно.[36]

Но Лесли меня не слушала.

— Гвен, послушай, я прочла «Анну Каренину», — быстро говорила она. — И мне кажется, я теперь знаю, что граф собирается делать с Камнем Мудрости.

Мне было плевать на Камень Мудрости. По крайней мере, в данный момент.

— Э-э-э… здорово, — сказала я и глянула на Гидеона. — Мы

обязательно позже…

— Не волнуйся, — сказала Лесли. — Я уже на пути к тебе.

— Правда? Я…

— Ну, если совсем точно, я уже пришла.

— Где ты?

— Ну, здесь. Я стою в коридоре. А по лестнице как раз поднимается твоя мама с братом и сестрой. И твоя бабушка Мэдди… Так, они уже меня обогнали, я боюсь, что в любой момент они уже постучат в дверь…

Но Каролина не стала себя этим утруждать. Она просто распахнула дверь и весело закричала: «Шоколадный торт для всех!» — Потом развернулась к другим и выпалила: «Они совсем даже и не целовались, смотрите!»

Глава одиннадцатая

В этот день произошли всевозможные странные вещи (самое главное в коротком изложении — Гидеон меня любит! Ну, и еще эта история со шпагой и умиранием), но этот семейный пикник вечером в моей комнате был самым странным событием. На моем ковре собрались почти все, кто был мне дорог, они смеялись и болтали — мама, бабушка Мэдди, Ник, Каролина, Лесли и Гидеон! И у всех лица были перепачканы шоколадом. (Так как у тети Гленды и Шарлотты пропал аппетит, а леди Ариста ненавидела сладости, шоколадный торт целиком достался нам.) Может, все дело было в торте — между Гидеоном и моим семейством тут же установился тон добрых знакомых. А может, дело было в том, что он был раскован — таким я его еще не видела. И это несмотря на то, что мама и бабушка Мэдди закидали его странными и малоприятными вопросами, а Ник продолжал его упорно называть Голлумом.

Когда последние крошки торта были съедены, бабушка Мэдди поднялась кряхтя.

— Думаю, мне пора идти вниз и оказать Аристе поддержку. Мистер Тернер проник в дом одновременно с молодым воздыхателем Шарлотты, и они наверняка ссорятся сейчас из-за бегоний. — Она одарила Гидеона нежной улыбкой, продемонстрировав ямочки на щеках. — Знаете, для Вилльера вы удивительно симпатичны, Гидеон.

Гидеон тоже поднялся.

— Благодарю вас, — ответил он весело и пожал бабушке Мэдди руку. — Мне чрезвычайно приятно было с вами познакомиться.

— Ух! — Лесли толкнула меня локтем под ребра. — Хорошие манеры у него тоже имеются. Поднимает зад, когда дама встает. Кстати, очень симпатичный зад. Как жаль, что он оказался негодяем.

Я закатила глаза.

Мама стряхнула крошки с платья и подняла на ноги Ника и Каролину.

— Идемте, вы оба — вам уже пора спать.

— Мам! — протянул Ник обиженно. — Сегодня же пятница, и мне двенадцать лет!

— Я тоже хотела бы еще остаться, пожа-а-а-алуйста. — Каролина преданно посмотрела снизу вверх на Гидеона. — Ты мне нравишься, — сказала она. — Ты очень милый и красивый.

— *Истинно* говорит, — прошептала Лесли мне на ухо. — О, что это?

Он как раз покраснел?

Да, действительно. Как трогательно.

Локоть Лесли опять врезался мне в ребра.

— У тебя взгляд, как у овцы, — прошипела она.

В этот момент через закрытое окно влетел Ксемериус и с довольной отрыжкой уселся на стол.

— Когда умный и красивый демон вернулся с прогулки, преисполненный надежды, он с огорчением должен был констатировать тот факт, что за это время девчонка не только не сняла блузку цвета мочи, но и не потеряла невинность… — произнес он цитату из своего ненаписанного романа.

Я беззвучно произнесла «Закрой рот!» в его сторону.

— Что, нельзя уже сказать? — Он обиделся. — Случай был очень удобный. Ты уже не так молода, и кто знает — может, завтра ты его опять будешь страшно ненавидеть.

Когда бабушка Мэдди ушла, а мама выпихнула моих брата и сестру из комнаты, Гидеон закрыл за ними дверь и посмотрел с ухмылкой на нас. Лесли подняла обе руки.

— Забудь об этом. *Я* не уйду. Мне нужно обсудить с Гвендолин некоторые моменты. Совершенно секретные моменты.

— Тогда я тоже не уйду, — сказал Ксемериус, прыгнул на мою кровать и удобно устроился на подушке.

— Лес, я думаю, сейчас уже не нужно держать что-то в секрете от Гидеона, — сказала я. — Было бы неплохо, если бы мы собрали наши знания в один котел. — Это я красиво сказанула.

— Причем я думаю, что Гугл в этом случае вряд ли может оказать существенную помощь, — сказал Гидеон насмешливо. — Прости, Лесли, но мистер Уитмен показывал симпатичную папку, в которой ты… э-э-э… собрала всевозможную информацию.

— Что?! — Лесли уперла руки в боки. — А я как раз подумала, что ты не такой уж и чванливый придурок, как Гвен всегда говорила. «Симпатичную»! Это… — Она сморщила нос. — Какая наглость, что Бельчонок показывает мою папку еще кому-то! Эта информация из интернета сначала была всем, чем мы располагали, и я очень гордилась ею.

— Но за прошедшее время мы узнали намного больше, — сказала я. — Во-первых, Лесли — гений, во-вторых, я несколько раз встречала своего дедуш…

— Мы, конечно, не собираемся открывать наши источники, — зыркнула на меня Лесли. — Он все еще один из них, Гвен. Даже если твои

чувства затуманены гормонами.

Гидеон только ухмылялся, усаживаясь на ковре по-турецки.

— Хорошо, тогда начну я.

И не дожидаясь согласия Лесли, он снова рассказал о документах, которые получил от Пола. В отличие от меня Лесли была шокирована, узнав, что я должна умереть, как только замкнется Круг. Она побелела, и ее веснушки выступили еще ярче.

— А можно посмотреть эти документы? — спросила она.

— Конечно.

Гидеон вытащил несколько сложенных листков из кармана брюк, еще парочку — из нагрудного кармана рубашки. Насколько я могла заметить, бумага была пожелтевшей и сильно протертой на сгибах. Лесли потрясенно смотрела на него.

— Ты хранишь их просто в карманах? Это ценные оригинальные документы, а не… носовые платочки. — Она схватила бумаги. — Они почти распадаются на части. О, как это типично для мужчин! — Она аккуратно разложила листы. — И ты уверен, что это не фальшивка?

Гидеон пожал плечами.

— Я не графолог и даже не историк. Но они выглядят точно так же, как и остальные оригиналы, которые лежат у Хранителей.

— При подходящей температуре и под стеклом, могу поспорить, — сказала Лесли все еще с упреком. — Как положено.

— А как люди из Флорентийского Альянса заполучили эти документы? — спросила я.

Гидеон опять пожал плечами.

— Я предполагаю, украли. У меня еще не было достаточно времени, чтобы поискать в Хрониках соответствующий намек. У меня вообще не было времени, чтобы все это проверить. Я уже несколько дней ношусь с этими бумагами. Знаю их уже наизусть — но по-настоящему не разобрался. За исключением единственной вещи.

— Ты хотя бы не помчался тут же к Фальку, чтобы показать ему документы, — сказала я одобрительно.

— Но я думал, что так было бы правильно. Но потом… — Гидеон вздохнул. — В настоящий момент я не знаю, кому можно доверять.

— Не верь никому, — прохрипела я и драматически закатила глаза. — Во всяком случае, моя мама мне так внушала.

— Твоя мама, — пробормотал Гидеон. — Мне интересно, как много она знает.

— То есть, если Круг замкнется и граф получит Эликсир, Гвендолин

должна…

Лесли не сумела произнести эту фразу до конца.

— …умереть, — закончила я.

— Окочуриться, перейти за Иордан, загнуться, испустить последний вздох, уйти на вечный покой, откинуть коньки, уйти из жизни, — добавил сонно Ксемериус.

— …быть убита! — Лесли драматическим жестом схватила меня за руку. — Потому что ты сама свалишься мертвой! — Она провела рукой по волосам, которые и так были в беспорядке. Гидеон откашлялся, но Лесли не дала ему вымолвить и слова. — Честно говоря, у меня все время не очень хорошее предчувствие, — сказала она. — Предыдущие стихи тоже постоянно прорицали несчастья. И всегда речь идет о Рубине, Вороне, номере двенадцать — и всегда исход для него мрачен. Кроме того, эта информация подходит к той, которую я узнала. — Она отпустила мою руку и вытащила (новенький, с иголочки!) рюкзак, откуда достала «Анну Каренину». — Ну, вообще-то, Пол и Люси вместе с твоим дедушкой узнали. И Джордано.

— Джордано? — повторила я растерянно.

— Да. Ты что, не читала его сочинения? — Лесли листала книгу. — Хранители были вынуждены принять его в ложу, чтобы он перестал распространять свои теории.

Я сконфуженно покачала головой. Уже после первого запутанного предложения я полностью потеряла интерес к писулькам Джордано. (Даже если забыть, что речь идет о *Джордано*, что само по себе…)

— Разбудите меня, когда станет интересно, — сказал Ксемериус и закрыл глаза. — Мне нужен пищеварительный сон.

— Как историка Джордано никогда не воспринимали всерьез, даже Хранители, — вмешался Гидеон. — Он публиковал невразумительную писанину в эзотерических журналах, чьи почитатели называли графа Легендарным и Трансформированным, что бы это ни означало.

— Я могу это совершенно точно объяснить! — Лесли сунула ему под нос «Анну Каренину», как будто это была улика на суде. — В качестве историка Джордано наткнулся на инквизиционные протоколы и письма из шестнадцатого века. Источники подтверждают, что граф Сен-Жермен в молодости во время одного из прыжков во времени обрюхатил жившую в монастыре Элизабетту ди Мадроне — дочь графа. И в какой-то момент, — она коротко запнулась, — ну… до или после… он рассказал ей о себе всё возможное — может, потому что был молод и глуп, а может, просто был уверен, что с ним ничего не случится.

— А *всё возможное* — это что? — спросила я.

— Он выдал массу информации, начиная со своего происхождения и настоящего имени до своего умения путешествовать во времени, утверждая, что обладает бесценными тайнами. Тайнами, которые позволят ему создать Камень Мудрости.

Гидеон кивнул, как будто он уже знал эту историю, но Лесли не дала сбить себя с толку.

— Как назло, в шестнадцатом веке в Италии его откровения не были хорошо восприняты, — продолжала она. — Они посчитали графа опасным демоном, а отец Элизабетты к тому же страшно разозлился по поводу того, что случилось с его дочкой. Он основал Флорентийский Альянс и посвятил свою жизнь охоте на графа и таких, как он, точно так же, как и много поколений после него… — Она замолчала. — О чем я говорила? Господи, моя голова трещит от информации, мне кажется, она вот-вот лопнет.

— А какое отношение ко всему этому имеет Толстой? — спросил Гидеон и недоуменно посмотрел на обработанную Лукасом книгу. — Не сердись, но до сих пор я не услышал ничего нового.

Лесли мрачно посмотрела на него.

— Зато я услышала, — поспешила сказать я. — Но ты хотела объяснить, что граф в действительности собирается делать с Камнем Мудрости, Лес!

— Правильно! — Лесли нахмурила лоб. — Я хотела рассказать с самого начала, потому что прошло немало времени, прежде чем потомки виконта ди Мадроне добрались до первого путешественника во времени Ланселота де Вилльера в…

— Ты спокойно можешь сократить, — перебил ее Гидеон. — У нас не так уж много времени. Послезавтра мы снова должны встретиться с графом и за это время — согласно его распоряжениям — я должен получить кровь от Люси и Пола. Я боюсь, если мне это не удастся, он придумает новый план… — Он вздохнул. — Ну так что?

— Но детали нельзя упускать. — Лесли тоже вздохнула и на минутку спрятала лицо в ладонях. — Ну хорошо. Хранители считают, что Камень Мудрости — это нечто, что поможет всему человечеству, вылечив его от всех болезней, правильно?

— Правильно, — сказали мы с Гидеоном одновременно.

— Но Люси и Пол и дедушка Гвендолин и, если уж совсем быть точными, люди из Флорентийского Альянса считали это ложью!

Я кивнула.

— Погоди. — Гидеон нахмурил брови. — Дедушка Гвендолин? Наш

Великий магистр, который был до моего дяди Фалька?

Я опять кивнула, на этот раз немного виновато. Он уставился на меня, и вдруг по его лицу пробежало понимание.

— Продолжай, Лесли, — сказал он. — Что ты обнаружила?

— Люси и Пол считали, что граф хочет заполучить Камень Мудрости исключительно для себя. — Лесли на мгновение замолчала, чтобы проверить, следим ли мы за ходом ее мысли. — Поскольку Камень Мудрости сделает его и только его *бессмертным*.

Гидеон и я молчали. Я была потрясена. Насчет Гидеона я ничего не знала. По его лицу нельзя было даже предположить, о чем он думает.

— Конечно, граф должен был придумать всю эту историю о спасении человечества и все такое прочее, чтобы убедить людей работать на него, — продолжала Лесли. — Он бы никогда не сумел создать такую мощную тайную организацию, если бы назвал настоящую цель.

— И это всё? Речь идет только о том, что старый негодяй боится смерти? — спросила я.

Я была почти разочарована. И это была Тайна Тайн? Для этого были все сложности? Пока я скептически мотала головой, строя в голове предложение, начинавшееся словом «Но…», брови Гидеона почти сомкнулись.

— Да, это подходит, — пробормотал он. — Черт возьми, Лесли права! Всё подходит.

— Что подходит? — спросила я.

Он вскочил и начал бегать по комнате.

— Не могу поверить, что моя семья на протяжении веков давала ему себя дурачить, — сказал он. — Что *я* ему дал себя одурачить. — Он остановился передо мной и набрал воздуха. — …*в воздухе запах времен разольется, только один в вечность вольется*. Если внимательно читать, можно всё понять. *Недуги и болезни исчезнут навек, бессмертье Двенадцати обретет человек*. Конечно! Чтобы подарить кому-то вечную жизнь, субстанция должна вылечить все болезни. — Он потер лоб и показал на листки на ковре. — И предсказания, которые граф скрыл от Хранителей, говорят еще яснее об этом.

И Мудрости Камень притянет
В объятья суровую вечность.
Великая сила, что ныне
В одеждах ребячьих взрастает,
Тому, кто сей тайной владеет,

Бессмертье и власть обещает.

Как просто! Почему я раньше не догадался? Я был так зациклен на том, что Гвендолин должна умереть, а ответственность за ее смерть будет лежать на мне, что я просто не увидел истину! Хотя она все время была у меня перед глазами.

— Ну, — сказала Лесли и не смогла сдержать небольшую триумфальную улыбку, — я предполагаю, что ты силен в чем-то другом. Да, Гвенни? — И добавила примирительно: — И у тебя были другие дела.

Я схватила документы Гидеона.

— Но будь осторожен у края,
Пред самой последней чертою.
Судьбы путь Земля поменяет,
С Двенадцатой новой звездою.

То, что накоплено, смысл потеряет,
Канет в неант, как растаявший сон,
Сила рассыпется, юность растает,
На исчезновение Дуб обречен.

Только тогда Орел цели достигнет
И воцарится во власть навсегда,
Когда на темнеющем небе поникнет,
В пропасть скатившись осколками вспыхнет,
— Двенадцатая звезда, —

прочитала я запинаясь и попыталась проигнорировать поднявшиеся на руке волоски. — Окей, двенадцатая звезда — это я, но все остальное звучит для меня по-китайски.

— Здесь стоит на полях: «Как только я получу Эликсир, она должна умереть!», — пробормотала Лесли, прижав свою голову к моей. — Это ты понимаешь, или? — Она обняла меня крепко. — Ты не должна ни в коем случае оказаться вблизи этого убийцы, понимаешь? Этот чертов Круг не должен быть замкнут, любой ценой. — Она немного отстранилась. — Люси и Пол сделали все, что могли, удрав вместе с хронографом. Как неудачно, что нашелся второй хронограф. — Она отпустила меня и с упреком

посмотрела на Гидеона. — И что в этой комнате находится некто, кто добывал для него кровь всех путешественников во времени. Обещай мне здесь и сейчас, что у графа никогда не будет случая, задушить Гвендолин, или заколоть, или…

Ксемериус вскинулся, резко проснувшись.

— …отравить, застрелить, четвертовать, повесить, обезглавить, затоптать, утопить, сбросить с высотки, — вскричал он с воодушевлением. — О чем говорим?

— *Только тогда Орел цели достигнет… когда на темнеющем небе поникнет… двенадцатая звезда*, — произнес тихо Гидеон. — Но умереть она не может.

— *Не должна*, ты хотел сказать, — поправила его Лесли.

— Должна, может, обязана, хочет, — затараторил Ксемериус и снова опустил голову на лапы.

Гидеон присел на корточки перед нами. Его взгляд снова стал очень серьезным.

— Это как раз то, что я хотел тебе сказать, перед тем как нас… — он откашлялся. — Ты уже рассказала Лесли, что лорд Аластер ранил тебя?

Я кивнула, а Лесли сказала:

— Ей страшно повезло, что он не ударил сильнее.

— Лорд Аластер один из лучших фехтовальщиков, которых я знаю, — сказал Гидеон. — И он ударил Гвендолин сильно и точно. И ранил очень серьезно. — Он дотронулся кончиками пальцев моей руки. — Смертельно, если быть точным.

Лесли с шумом потянула воздух в себя.

— Но я себе это лишь внушила… — пролепетала я и подумала о полете под потолок и об эффектном взгляде оттуда на все, происходящее внизу.

— Нет. — Гидеон покачал головой. — Ты ничего себе не внушила. Я не знаю, как можно себе такое внушить. И я, между прочим, тоже присутствовал при этом! — Какое-то время он не мог произнести ни слова, но потом взял себя в руки. — Когда мы прыгнули назад, прошло уже полминуты с тех пор, как ты перестала дышать, и когда мы оказались в подвале, у тебя не было пульса, я абсолютно уверен. А через минуту ты уселась, как будто ничего и не было.

— Это означает?.. — спросила Лесли, и сейчас у нее был взгляд овцы.

— Это означает, что Гвендолин бессмертна, — сказал Гидеон и улыбнулся мне дрожащими губами.

Я была так ошеломлена, что могла только таращиться на него.

Ксемериус сел ровно и неуверенно чесал себе живот. Его рот открылся и тут же закрылся, вместо комментария из него вылилось только немного воды на мою подушку.

— Бессмертна? — Лесли широко раскрыла глаза. — Как… Как Горец?!

Гидеон кивнул.

— Только она не умрет, даже если ей отрубят голову. — Он снова встал на ноги и лицо его окаменело. — Гвендолин вообще не может умереть, если… если сама не покончит с собой. — И он продекламировал тихим голосом:

> Звезда от печали, тоски и страданья
> Сама свою гибель найдет.

Когда я открыла глаза, комнату заливал свет восходящего солнца, в воздухе кружились пылинки, и все было затоплено розоватым цветом. В противоположность всем предыдущим дням я тут же проснулась. Осторожно нащупала под ночнушкой рану и провела пальцами по образовавшейся корочке. Сначала я сопротивлялась, не желая верить заявлениям Гидеона, просто потому, что они были абсурдными, а моя жизнь и так грозила рухнуть от нахлынувших сложностей. Мои мозги отказывались верить в это. Но глубоко внутри я сразу поняла, что Гидеон прав: лорд Аластер убил меня. Я чувствовала боль и видела, как крохотные остатки моей жизни исчезли. Я сделала последний вдох — и я все-таки осталась живой.

Тема бессмертия занимала нас все оставшееся время. В первую очередь, Лесли и Ксемериус, придя в себя после первого шока, не могли остановиться.

— Так что, у тебя теперь никогда не будет морщин?

— А если на тебя упадет бетонная балка весом в восемь тонн? Ты тогда должна будешь жить плоской, как почтовая марка?

— А может, ты не бессмертная, может, у тебя просто семь жизней, как у кошки?

— А если тебе выколоть глаз, потом новый вырастет?

Им не мешало, что Гидеон не знал ответов на их вопросы. Они могли всю ночь продолжать в том же духе, если бы мама не пришла и не отправила Лесли и Гидеона по домам. Она была непреклонна.

— Не забывай, что ты вчера еще была больна, Гвендолин, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты хорошо выспалась.

«Хорошо выспалась» — как будто после такого дня можно было вообще думать о сне! И нам надо было еще так много обсудить!

Я спустилась вместе в Лесли и Гидеоном вниз, чтобы попрощаться с ними у двери. При этом Лесли, как настоящая подруга, сразу сообразила и тут же сообщив, что должна срочно позвонить, двинулась к автобусной остановке. (Я услышала, как она сказала: «Эй, Берти, я скоро буду дома».) Ксемериус, к сожалению, тактичным не был. Он повис вниз головой на балдахине над дверью и пел каркающим голосом: *Гидеон и Гвендолин, спрятались под балдахин, балдахин свалился, Ксемериус не убился.*

Наконец я неохотно оторвалась от Гидеона и вернулась в свою комнату, твердо решив посвятить ночь раздумьям, телефонным звонкам и разработке планов. Но едва я — ненадолго! — прилегла на кровать, я тут же крепко заснула. Похоже, что и остальные тоже спали — на дисплее моего мобильника не было ни одного пропущенного звонка.

Я увидела Ксемериуса, свернувшегося у меня в ногах. Он потянулся, зевнул, и я тут же упрекнула его:

— Мог бы меня и разбудить!

— Я что, твой будильник, о бессмертная госпожа?

— Я думала, что призракам… э-э-э… демонам не нужен сон.

— Может, и не нужен, — сказал Ксемериус. — Но после сытного ужина немного поспать очень полезно. — Он сморщил нос. — Точно так же, как тебе будет полезно немедленно принять душ.

Тут он был прав. Все остальные еще спали (была же суббота!), а значит, я могла оккупировать ванную на маленькую вечность, потратив при этом огромное количество шампуня, геля для душа, зубной пасты, лосьона и маминого крема от морщин.

— Дай-ка я угадаю: жизнь прекрасна и ты чувствуешь себя — ха-ха! — как заново рожденная, — комментировал Ксемериус сухо чуть позже, когда я сидела и любовалась собой в зеркале.

— Точно! Знаешь, я теперь смотрю на жизнь другими глазами…

Ксемериус фыркнул.

— Ты, наверное, думаешь, что получила некое откровение, но на самом деле — это просто гормоны. Сегодня прыгаешь до небес, завтра — раздавлена в лепешку, — сказал он. — *Девочка!* Это будет продолжаться следующие двадцать, тридцать лет. А потом — плавный переход в климакс. Хотя… у тебя, наверное, нет. Бессмертная и кризис среднего возраста — как-то не очень подходят друг к другу.

Я лишь мягко улыбнулась в ответ.

— Знаешь, маленький ворчун, ты вообще ничего…

Звонок мобильника прервал мою речь. Лесли спрашивала, когда мы встречаемся, чтобы смастерить костюмы для вечеринки у Синтии. Вечеринка! Я не могла поверить, что Лесли могла еще об этом думать.

— Знаешь, Лес, я раздумываю, стоит ли вообще туда идти. Так много всего произошло и…

— Ты *должна* пойти. И ты пойдешь. — Тон Лесли не допускал никаких возражений. — Потому что вчера вечером я организовала для нас сопровождающих, и мне было бы неловко, если они не понадобятся.

Я застонала.

— Я надеюсь, ты не пригласила снова твоего кузена-идиота и его дружка-пердуна, Лесли? — На какой-то ужасный момент у меня перед глазами возникла картинка раздувающегося от газов мусорного мешка. — Ты в прошлый раз обещала, что никогда больше этого не сделаешь. Надеюсь, я не должна напоминать историю с…

— За кого ты меня держишь? Я не совершаю одну и ту же ошибку дважды, ты же знаешь! — Лесли сделала небольшую паузу, а потом продолжила подчеркнуто равнодушно: — Вчера по дороге к автобусу я рассказала Гидеону о вечеринке. Он просто навязал себя в качестве сопровождающего. — Еще одна короткая пауза. — Себя и своего младшего брата. И поэтому ты не можешь сейчас отказаться.

— Лес!

Я могла себе представить в деталях, как прошел этот разговор. Лесли была мастером манипуляции. Скорее всего, Гидеон и не понял, что произошло.

— Ты позже меня поблагодаришь, — сказала Лесли и хихикнула. — Сейчас нам нужно подумать, как поступить с костюмами. Я уже натыкала шариковые ручки в зеленый дуршлаг, в виде шляпы смотрится изумительно! Если хочешь, могу отдать тебе.

Я застонала.

— О господи! Ты действительно ожидаешь от меня, что я на первое официальное свидания с Гидеоном надену мусорный мешок и дуршлаг в виде шляпы?

Лесли колебалась очень коротко.

— Это искусство! И смешно. И не стоит ни копейки, — объяснила она. — Кроме того, он так влюблен в тебя, что ему абсолютно все равно.

Я уже поняла, что мне придется несколько схитрить.

— Ну хорошо, — сказала я, якобы сдавшись. — Если ты настаиваешь, пойдем в роли марсиан. Ты по-настоящему крута. И я даже завидую, потому что тебе совершенно безразлично, что думает Рафаэль по поводу

сексапильности девочек с надетым на голову дуршлагом, утыканным ручками. И что ты, танцуя с ним, будешь хрустеть, а на ощупь будешь как… ну, как мусорный мешок. И что от тебя будет исходить легкий химический душок. И что Шарлотта в своем костюме феи отпустит парочку особо мерзких замечаний…

Лесли молчала ровно три секунды. Потом медленно сказала:

— Да, мне все это абсолютно безразлично…

— Я знаю. Иначе я предложила бы, что можем попросить мадам Россини одеть нас на вечеринку. Она бы нам одолжила что-нибудь в зеленых тонах: платья из фильмов с Грейс Келли и Одри Хепберн. Или платья, в которых танцевали чарльстон в «золотых» двадцатых. Или бальные платья из…

— Ну хорошо, хорошо, — перебила меня Лесли громко. — Я уже при имени Грейс Келли была согласна. Забудем о дурацких мусорных мешках. Как ты думаешь, мадам Россини уже проснулась?

— Как я выгляжу?

Мама повернулась еще раз вокруг себя. С того момента, как утром позвонила миссис Дженкинс, секретарша Хранителей, которая попросила ее сопровождать меня к сегодняшней элапсации, она переодевалась три раза.

— Очень хорошо, — сказала я, даже не глядя в ее сторону.

Лимузин должен был прибыть с минуты на минуту. Приедет ли за мной Гидеон? Или он будет ждать меня в штаб-квартире? Вчерашний вечер закончился слишком неожиданно. Нам так много надо было еще друг другу сказать.

— Я — с вашего позволения — считаю, что голубой наряд смотрелся лучше, — заметил мистер Бернхард, смахивающий огромной метелкой пыль с рам портретов в холле.

Мама тут же помчалась наверх.

— Вы правы, мистер Бернхард. Этот костюм смотрится слишком нарочито. Слишком элегантно для субботнего полдня. Он еще подумает не то. Как будто я специально для него так нарядилась.

Я послала мистеру Бернхарду укоризненную улыбку.

— Обязательно нужно было?

— Она спросила. — Карие глаза за «совиной» оправой подмигнули мне, потом он посмотрел в окно: — О, вот и лимузин. Должен ли я сообщить, что сборы немного продлятся? К голубому наряду она не сумеет найти подходящую обувь.

— Я сама скажу. — Я забросила школьную сумку на плечо. — До свидания, мистер Бернхард. И, будьте добры, приглядывайте за *вы-знаете-за-кем*.

— Разумеется, мисс Гвендолин. *Вы-знаете-кто* не сумеет даже приблизиться *вы-знаете-к-чему*.

С едва заметной улыбкой он продолжил свое занятие.

В лимузине Гидеона не было. Зато был мистер Марли, открывший дверь машины, как только я вышла наружу. На его круглом лице было раздражение, как и все предыдущие дни. Может, даже немного больше. И на мою восторженную фразу «Сегодня замечательный весенний день!» он вообще ничего не ответил.

— Где миссис Грейс Шеферд? — спросил он вместо этого. — У меня приказ, незамедлительно доставить в Темпл ее тоже.

— Это звучит так, как будто вы собираетесь отдать ее под суд, — сказала я.

Если бы я знала, как близки к правде были эти слова, вряд ли бы я сохранила свое хорошее настроение.

После того как мама, наконец, была готова, мы добрались до Темпла довольно быстро по лондонским меркам. Нам пришлось стоять всего в трех пробках, и уже через пятьдесят минут мы были у цели, и я спрашивала себя, почему мы не можем просто ехать на метро.

У входа в штаб-квартиру нас ждал мистер Джордж. Я заметила, что он выглядел серьезнее, чем обычно, а его улыбка — несколько принужденно.

— Гвендолин, мистер Марли проводит тебя вниз для элапсирования. Грейс, вас ожидают в Зале Дракона.

Я вопросительно посмотрела на маму.

— Что они от тебя хотят?

Мама пожала плечами, но явно напряглась.

Мистер Марли вынул черный шарф.

— Идемте, мисс, — сказал он. Он схватил мой локоть, но тут же отпустил его, увидев мой взгляд. С плотно сжатыми губами и горящими ушами он резко произнес: — Следуйте за мной. Сегодня у нас очень плотный график. Я уже выставил хронограф.

Я еще раз ободряюще улыбнулась маме и поплелась за мистером Марли вниз. Он взял сумасшедший темп и, как обычно, вел разговоры сам с собой. На ближайшем повороте он едва не врезался в Гидеона, но тот хладнокровно увернулся.

— Доброе утро, Марли, — сказал он небрежно.

Мистер Марли, пусть и слишком поздно, смешно подпрыгнул. Как и

мое сердце, когда я увидела, как на лице Гидеона распускалась улыбка, размер которой можно было сравнить с восточной частью дельты Ганга. (Как минимум!)

— Привет, Гвенни, как спалось? — спросил он ласково.

— Что вы здесь делаете? Вы давно уже должны были быть у мадам Россини и быть одетым, — начал ругаться мистер Марли. — У нас сегодня очень-очень плотный график, и операция Черный турмалин тире Са…

— Идите просто вперед, Марли, — сказал Гидеон дружелюбно. — Мы с Гвенни придем через пару минут. И потом я моментально переоденусь.

— Вы не оде… — начал мистер Марли, но внезапно дружелюбие исчезло из взгляда Гидеона, и он стал настолько холоден, что мистер Марли втянул голову в плечи. — Но вы не забудьте завязать ей глаза, — сказал он еще и, передав Гидеону черный шарф, поспешил вниз.

Гидеон не стал ждать, пока он исчезнет с глаз, притянул меня к себе и поцеловал в губы.

— Я скучал по тебе.

Я была рада, что здесь не было Ксемериуса, который тут же бы начал кривляться «Я по тебе то-о-о-оже», обвила руками шею Гидеона и страстно поцеловала его в ответ. Гидеон прижал меня к стене, и мы оторвались друг от друга лишь тогда, когда со стены свалилась картина. Четырехмачтовик в бурном море маслом. Дыша с трудом, я попыталась повесить картину обратно на гвоздь. Гидеон помогал.

— Я хотел вчера еще позвонить тебе, но потом подумал, что твоя мама права — тебе нужно срочно выспаться.

— Да, мне это действительно было нужно. — Я снова прижалась спиной к стене и ухмыльнулась. — Я слышала, что сегодня вечером мы идем на вечеринку.

Гидеон улыбнулся.

— Да, свидание вчетвером, с моим младшим братом Рафаэлем. Он был в восторге, особенно, когда узнал, что это была идея Лесли. — Он погладил меня по щеке кончиками пальцев. — Честно говоря, я представлял себе наше первое свидание иначе. Но твоя подруга умеет быть очень убедительной.

— Она тебе рассказала, что это костюмированная вечеринка?

Гидеон пожал плечами.

— Меня уже ничего не может шокировать. — Его пальцы спустились по моей щеке к шее. — Вчера вечером мы еще так много не… успели обговорить. — От откашлялся. — Я бы хотел узнать все о твоем дедушке и как, черт возьми, ты умудрилась встретиться с ним. Или, вернее, когда. И

что там за история с книгой, которой размахивала Лесли, как священным Граалем?

— О, «Анна Каренина»! Я принесла ее для тебя, хотя Лесли считает, что надо было бы немного подождать, пока мы не убедимся, что ты действительно на нашей стороне. — Я потянулась за сумкой, но ее не было. Я раздраженно прищелкнула языком. — Черт! Когда мы выходили из автомобиля, мама взяла мою сумку.

Откуда-то послышалась мелодия *Nice guy finish last*.[37] Я рассмеялась.

— Это случайно не?..

— Э-э-э… да. Не подходит? — Гидеон выудил свой мобильник из кармана. — Если это Марли, я… О! Мама. — Он вздохнул. — Она нашла интернат для Рафаэля и хочет, чтобы я его уговорил там учиться. Я ей позже перезвоню.

Мобильник не переставал звонить.

— Ответь на звонок, — сказала я. — А я пока заберу книгу.

Я побежала, не дожидаясь ответа. Мистер Марли в подвале, наверное, выходит из себя, но мне было все равно.

Дверь в Зал Дракона была приоткрыта, и я уже издали услышала нервный голос мамы.

— Что это вы устроили? Допрос? Я уже рассказала о своих причинах. Я хотела защитить свою дочь и надеялась, что Шарлотта наследовала ген. Мне нечего больше добавить.

— Вернитесь на свое место, сядьте. — Это определенно был мистер Уитмен, таким тоном он разговаривал с непослушными учениками.

Задвигались стулья. Я замедлила шаг.

— Мы тебя предупреждали, Грейс. — Тон Фалька де Вилльера был ледяным. Наверное, мама сейчас смотрела вниз, на свои туфли, и задавалась вопросом, какого черта она так старалась с нарядом. Я прислонилась к стене возле двери, чтобы лучше слышать.

— Как глупо было думать, что мы не узнаем правду. — Это был угрюмый голос доктора Уайта.

От мамы не было слышно ни звука.

— Мы вчера совершили небольшую поездку в Котсуолдс и нанесли визит некоей миссис Доун Хеллер, — сказал Фальк. — Это имя тебе о чем-то говорит, не так ли? — Когда мама ничего не ответила, он продолжил: — Речь идет об акушерке, которая помогла появиться Гвендолин на свет. Поскольку ты совсем недавно перевела арендную плату за ее домик со своей кредитной карты, я предполагал, что ты должна ее помнить.

— Господи, что вы сделали с бедной женщиной? — вырвалось у мамы.

— Разумеется, ничего. Что вы себе придумываете? — Это был мистер Джордж.

А мистер Уитмен добавил саркастически:

— Но она думала, что мы собираемся провести с ней какой-то сатанистский ритуал. У нее случилась истерика, она крестилась не переставая. А когда увидела Джейка, почти потеряла сознание.

— Я всего лишь хотел сделать ей успокаивающий укол, — прогудел доктор Уайт.

— В конечном итоге, она все же успокоилась настолько, что с ней можно было относительно здраво поговорить. — Это снова был Фальк де Вилльер. — И она поведала нам весьма интересную историю о ночи, в которую родилась Гвендолин. Немного было похоже на страшную сказку. Честную, доверчивую акушерку вызывают к молодой роженице, которую прячут в одном из домов в Дареме от какой-то секты сатанистов. Это ужасная секта — любящая нумерологические ритуалы — гоняется не только за девушкой, но и за ее младенцем. Акушерка не знает точно, что собирались делать с крохой, но ее фантазия, очевидно, безгранична. Поскольку у нее доброе сердце, да еще ей сверху дали колоссальную взятку — при случае можешь мне поведать, откуда у тебя были такие деньги, Грейс, — она подделывает дату на свидетельстве о рождении, после того как приняла домашние роды. И она клянется, что никогда никому не сказала об этом ни слова.

Какое-то время не было слышно ни звука. Потом мама упрямо произнесла:

— Ну и что? Я как раз это вам и рассказала.

— Да, мы тоже так думали, — сказал мистер Уитмен. — Но потом мы споткнулись о парочку деталей в рассказе.

— Тебе в 1994 году было двадцать восемь, хотя ладно — в глазах акушерки ты могла еще сойти за *юную девушку*, — продолжил Фальк. — Но кто тогда была сильно переживающая рыжеволосая сестра роженицы, о которой говорила миссис Хеллер?

— Она уже тогда была пожилая, — сказала мама тихо. — Наверное, сейчас она вообще ничего не соображает.

— Может быть. Но она легко узнала на фотографии юную девушку из тех времен, — сказал мистер Уитмен. — Ту самую юную девушку, которая в ту ночь родила дочь.

— Это было фото Люси.

Слова Фалька были как удар в солнечное сплетение. Пока в Зале Дракона царило ледяное молчание, мои колени подогнулись и я по стене

сползла на пол.

— Это… ошибка, — услышала я наконец мамин шепот.

В коридоре послышались шаги, но я была не в силах даже просто повернуть голову. Только когда он склонился надо мной, я узнала Гидеона.

— Что случилось? — прошептал он и присел на корточки передо мной.

Я была не в силах ответить и только молча мотала головой.

— Ошибка, Грейс? — Фалька де Вилльера было слышно без труда. — Акушерка узнала тебя на фотографии, ту самую старшую сестру, которая передала ей конверт с немыслимой суммой денег. И она узнала мужчину, который держал Люси во время родов за руку. Это был мой брат! — И будто этого было недостаточно, чтобы я все поняла, добавил: — Гвендолин — ребенок Люси и Пола!

Я издала странный жалобный звук. Гидеон побледнел и взял меня за руку. Внутри, в зале, заплакала мама. Только она не была моей мамой.

— Ничего этого не понадобилось бы, если б ее оставили в покое, — всхлипывала она. — Если бы вы не преследовали ее так безжалостно.

— Никто не знал, что Люси и Пол ожидают ребенка, — резко сказал Фальк.

— Они совершили кражу, — фыркнул доктор Уайт. — Они украли самое важное и дорогое для ложи и собирались уничтожить всё, что столетия…

— Ах, замолчите уже! — крикнула мама. — Вы вынудили этих молодых людей покинуть любимую дочку через два дня после ее рождения!

Это был момент, когда мне удалось — непонятно каким образом — вскочить на ноги. Я ни секунды не могла слушать больше.

— Гвенни! — сказал Гидеон настойчиво, но я стряхнула его руку и побежала. — Куда ты?

Он догнал меня за пару шагов.

— Самое главное — прочь отсюда! — Я побежала еще быстрее.

Фарфор в витринах, мимо которых мы проносились, звенел.

Гидеон схватил меня за руку.

— Я с тобой, — сказал он. — Я не оставлю тебя сейчас одну.

Где-то позади нас кто-то звал меня по имени.

— Я не хочу. — Я с трудом переводила дыхание. — Я не хочу ни с кем разговаривать.

Гидеон крепче сжал мою руку.

— Я знаю, где нас никто не найдет в ближайшие пару часов. Сюда!

~~~

Из инквизиционных протоколов доминиканского патера Жан-Петро Бариби

Библиотека университета в Падуе

(расшифровал, перевел и обработал доктор М. Джордано)

27 июня 1542 года

Без моего ведома М. уговорил патера Доминикуса из третьего Ордена, человека с весьма сомнительной репутацией, провести особый акт экзорцизма, чтобы излечить ее от одержимости. Когда до меня дошла весть об этом кощунственном плане, было уже поздно. Хотя мне удалось проникнуть в капеллу, в которой происходило это позорное действо, я не смог помешать тому, чтобы девушке влили сомнительные субстанции, которые пенились во рту, заставили закатиться глаза и бредить, в то время как патер Доминикус окроплял ее святой водой. В результате этих манипуляций, которые я без неловкости могу называть пытками, Элизабетта в ту же ночь потеряла плод. Перед отъездом ее отец не продемонстрировал ни капли раскаяния, лишь триумф по поводу изгнания демона. Признания Элизабетты, полученные под воздействием субстанции и боли, он тщательно запротоколировал и записал в виде доказательств ее помешательства.

Я отказался от копии — мой доклад Главе Конгрегации и без того вызовет непонимание, так будет надежнее. Я бы хотел, чтобы мой доклад послужил дополнительным основанием для того, чтобы М. впал в немилость у своих покровителей, но не имею больших надежда по этому поводу.
~~~

Глава двенадцатая

Мистер Марли нахмурился, когда мы ворвались в комнату, где хранился хронограф.

— Вы что, не завязали ей?.. — начала он, но Гидеон не дал ему договорить.

— Я элапсирую сегодня с Гвендолин в 1953 год, — сказал он.

Мистер Марли упер руки в боки.

— Вы не имеете права, — сказал он. — Ваша квота потребуется для выполнения операции Черный турмалин тире Сапфир. И если вы забыли, она пройдет в это же время.

Хронограф стоял перед мистером Марли, и его драгоценные камни сверкали в искусственном свете.

— Изменение плана, — коротко сказал Гидеон и сжал мою руку.

— Я ничего об этом не знаю! И я вам не верю! — Мистер Марли скривил недовольно губы. — Мое последнее полученное приказание гласит однозначно…

— Так позвоните наверх и спросите, — перебил его Гидеон и показал на телефон на стене.

— Я именно так и поступлю!

Мистер Марли неуклюже двинулся к телефону. Гидеон отпустил мою руку, склонился над хронографом, а я осталась стоять у двери, как манекен. Теперь, когда нам больше не нужно было бежать, я стала безучастной, замерла, как часы, в которых кончился завод. Я даже не чувствовала биение своего сердца. Мне казалось, я превращаюсь в камень. Вообще-то, в голове у меня должны были безостановочно крутиться мысли, но они этого не делали. В голове не было ничего, кроме тупой боли.

— Гвенни, все выставлено для тебя. Иди сюда. — Гидеон не ждал, пока я послушаюсь, он не обращал внимания на протесты мистера Марли («Прекратите! Это моя задача!»), он притянул меня к себе, взял мою вялую руку и осторожно положил палец в отверстие под рубином. — Я тут же буду рядом.

— У вас нет разрешения самостоятельно пользоваться хронографом, — стал ругаться мистер Марли и снял трубку. — Я незамедлительно пожалуюсь вашему дяде, что вы нарушаете правила.

Я еще видела, как он набирал номер, но в следующее мгновение унеслась в спирали рубинового цвета. Приземлилась я в полной темноте и

механически стала двигаться наощупь вперед, где, как мне думалось, должен был быть выключатель.

— Давай я включу, — услышала я голос Гидеона, который беззвучно приземлился у меня за спиной.

Через две секунды на потолке замерцала лампочка.

— Быстро, — пробормотала я.

Гидеон повернулся ко мне.

— Ах, Гвенни, — сказал он мягко. — Мне ужасно жаль.

Я не ответила и даже не шелохнулась. Тогда он за два шага оказался возле меня и обнял. Он притянул мою голову к своему плечу, прижался подбородком к моим волосам и прошептал:

— Все будет хорошо. Я обещаю. Все опять будет хорошо.

Не знаю, как долго мы так стояли. Может быть, причина была в его словах, которые он снова и снова повторял, а может, в тепле его тела, которое постепенно растапливало мое оцепенение. В какой-то момент я сумела беспомощно прошептать: «Моя мама… не моя мама».

Гидеон направился со мной к зеленому дивану в центре комнаты и усадил рядом.

— Я бы хотел знать об этом раньше, — сказал он огорченно. — Тогда я сумел бы тебя предупредить. Тебе холодно? У тебя стучат зубы.

Я покачала головой, прислонилась к нему и закрыла глаза. На какой-то момент мне захотелось, чтобы время остановилось, здесь, в 1953 году, на зеленом диване, где не было ни проблем, ни вопросов, ни лжи, — только Гидеон и его утешительная близость, которая окутывала меня. Но, к сожалению, мои желания не имели обыкновения сбываться, что показал мой горький опыт. Я открыла глаза и посмотрела искоса на Гидеона.

— Ты был прав, — сказала я жалобно. — Это, пожалуй, единственное место, где они не могут нам помешать. Но у тебя будут неприятности.

— Наверняка, — улыбнулся слегка Гидеон. — Прежде всего потому, что я Марли… ну… скажем, не слишком мягко помешал вырвать у меня из рук хронограф. — Его улыбка на короткое мгновение стала жесткой. — Операция Черный Турмалин и Сапфир должна будет пройти в другое время. Хотя сейчас у меня еще больше вопросов к Люси и Полу, и встреча с ними была бы самым правильным поступком в настоящий момент.

Я подумала о нашей последней встрече с Люси и Полом у леди Тилни, и мои зубы громко застучали, когда я вспомнила, как Люси на меня смотрела и шептала мое имя. Господи, я же ни о чем не догадывалась!

— Если Люси и Пол — мои родители, значит мы… мы с тобой родственники? — спросила я.

Гидеон опять улыбнулся.

— Я тоже в первую очередь об этом подумал, — сказал он. — Но Фальк и Пол для меня кузены третьей или даже четвертой степени. Они происходят от одного, а я от другого близнеца из пары Карнеолов.

У меня в мозгах снова закрутились шестеренки, цепляясь одна за другую. Внезапно в горле у меня возник комок.

— Перед тем как он заболел, папа вечерами всегда пел для нас и играл на гитаре. Мы очень это любили, Ник и я, — сказала я тихо. — Он всегда говорил, что я наследовала его музыкальные способности. При этом он не был даже моим родственником. Темные волосы у меня — от Пола.

Я сглотнула. Гидеон молчал, на его лице было сочувствие.

— Если Люси мне вовсе не кузина, а мать, тогда моя мама — моя двоюродная бабушка, — продолжила я. — А моя бабушка в действительности — моя прабабушка. И дедушка — вовсе не мой дедушка, а дядя Гарри! — Последнее было уже слишком. Я стала безудержно плакать. — Я терпеть не могу дядю Гарри! Я не хочу, чтобы он был моим дедушкой! И я не хочу, чтобы Каролина и Ник перестали быть моими сестрой и братом. Я их так люблю!

Гидеон позволил мне какое-то время поплакать, а потом стал гладить мои волосы и успокаивающе бормотать:

— Ну, хорошо, хорошо, Гвенни. Сейчас это не имеет значения. Они ведь остались теми же людьми, неважно, какие родственные связи между вами.

Но я безутешно всхлипывала, не замечая, что Гидеон мягко тянет меня к себе. Он обнял меня обеими руками и крепко прижал.

— Они должны были мне сказать, — с трудом выговорила я. Футболка Гидеона стала мокрой от моих слез. — Мама… должна была мне рассказать.

— Может быть, она когда-нибудь и рассказала бы. Но стань на ее место. Она любит тебя — и поэтому точно знала, что правда причинит тебе боль. Она, скорее всего, просто не решилась. — Гидеон гладил меня по спине. — Это должно было быть ужасным для всех, а для Люси и Пола особенно.

У меня опять потекли слезы.

— Но почему они меня оставили? Хранители никогда бы меня не обидели. Почему они просто не поговорили с ними?

Гидеон ответил не сразу.

— Я знаю, что они пытались, — сказал он медленно. — Наверное, тогда, когда Люси поняла, что беременна, и им стало ясно, что ты станешь

Рубином. — Он откашлялся. — Но тогда у них не было еще доказательств их теории о планах графа. Их рассказы были сочтены детскими фантазиями, которые должны были оправдать неразрешенные путешествия во времени. Об этом можно прочитать в Хрониках. Особенно дед Марли возмущался по поводу их обвинений. Он писал, что Люси и Пол запачкали светлую память о графе.

— Но мой… дедушка! — Мой разум отказывался думать о Лукасе иначе, кроме как о моем дедушке. — Он-то все знал и точно верил Люси и Полу! Почему он не помешал их побегу?

— Не знаю, — Гидеон пожал мокрыми от наплаканных слез плечами. — Без доказательств даже он не мог что-то серьезное предпринять. Он не мог рисковать своим положением во Внутреннем Круге. И кто знает, мог ли он доверять всем Хранителям. Мы не можем исключить вероятность того, что и в настоящем мог быть кто-то, кто был в курсе настоящих планов графа.

Кто-то, кто, в конечном итоге, даже убил моего дедушку. Я покачала головой. Для меня все это было слишком много, но Гидеон еще не закончил.

— Какова бы ни была причина — может, твой дедушка даже поддержал идею послать Люси и Пола в прошлое с хронографом.

Я шмыгнула носом.

— Они могли взять меня с собой, — сказала я. — Еще до моего рождения!

— Чтобы родить тебя в 1912 году и растить под вымышленным именем? Незадолго до первой мировой? — Он покачал головой. — Кто бы взял тебя, если бы с ними что-нибудь случилось? Кто бы заботился о тебе? — Он погладил меня по волосам. — Я даже приблизительно не могу себе представить, как должно быть больно узнать такое о себе, Гвен. Но я могу понять Люси и Пола. Они могли положиться на твою маму, в ее лице у них был тот человек, который будет тебя любить, как собственную дочь, и воспитает в безопасных условиях.

Я кусала нижнюю губу.

— Не знаю. — Я села, совершенно обессилев. — Я вообще уже ничего не знаю. Я хотела бы повернуть время назад — пару недель пусть я не была самой счастливой девушкой в мире, но была… нормальной. Не путешественницей во времени. Не бессмертной! И уж точно — не дочерью двух *подростков*, живущих в 1912 году.

Гидеон улыбнулся мне.

— Да, но посмотри — есть парочка и положительных изменений. —

Он провел бережно большим пальцем у меня под глазами, наверное, для того чтобы вытереть огромные лужи, полные туши для ресниц. — Я считаю, ты очень смелая. И… и я люблю тебя!

Его слова растворили тупую боль у меня в груди. Я обняла его за шею.

— Можешь повторить? А потом поцеловать меня? Так, чтобы я забыла обо всем остальном?

Гидеон опустил взгляд от моих глаз до губ.

— Я попытаюсь, — пробормотал он.

Его попытки были успешны. Если можно так сказать. Я, например, не возражала бы против того, чтобы провести так весь остаток дня и, может даже, всю мою жизнь — в его объятиях на зеленом диване в 1953 году. Но в какой-то момент он немного отстранился от меня, оперся на локти и посмотрел сверху вниз.

— Я думаю, нам лучше остановиться, иначе я за себя не ручаюсь, — сказал он, с трудом дыша.

Я ничего не сказала. Почему он должен чувствовать себя иначе, чем я? Разве что я вряд ли бы сумела остановиться. Я подумала, не стоит ли мне по этому поводу обидеться. Но долго размышлять на эту тему я не смогла, потому что Гидеон глянул на часы и подскочил как ужаленный.

— Э-э-э… Гвен, — сказал он торопливо. — Время почти вышло. Тебе нужно что-то сделать с прической — скорее всего, они уже собрались в кружок вокруг хронографа, чтобы встретить нас, когда мы вернемся.

Я вздохнула.

— О боже, — сказала я несчастным голосом. — Но нам еще нужно обсудить, что будет дальше.

Гидеон нахмурил лоб.

— Им придется отложить операцию, а может, мне удастся их уговорить отправить меня на оставшиеся два часа в 1912 год. Нам необходимо поговорить с Люси и Полом, причем срочно!

— Мы можем сегодня вечером вместе отправиться к ним, — сказала я, хотя мысль об этом вызывала у меня тошноту. *Приятно с вами познакомиться, мама и папа*.

— Забудь об этом, Гвен. Они никогда не пустят тебя со мной в 1912 год, разве что граф даст недвусмысленное распоряжение.

Гидеон протянул мне руку, помог подняться на ноги и неловко попытался разгладить волосы, которые он сам же и спутал.

— Как хорошо, что у меня дома случайно есть собственный хронограф, — сказала я, так небрежно, как только могла. — Который, кстати, прекрасно работает.

Гидеон уставился на меня.

— *Что?!*

— Да перестань. Ты знал — иначе как я могла встречаться с Лукасом?

Я положила руку на живот, где как раз возникло чувство, будто я катаюсь на карусели.

— Я думал, ты нашла какой-то способ встречаться с ним во время элапсации…

Гидеон растворился в воздухе. Я последовала за ним через несколько секунд, успев пару раз пригладить волосы.

Я была уверена, что когда мы вернемся, в комнате будет полно Хранителей, рассерженных самодеятельностью Гидеона (тайно я надеялась увидеть мистера Марли с синяком под глазом, стоящего в углу и настаивающего, чтобы на Гидеона надели наручники), но на самом деле меня встретила тишина. В комнате были только Фальк де Вилльер и мама. Она сидела на стуле и мяла руки. Это была жалкая картина. Она посмотрела на меня заплаканными глазами. На щеках были размытые пятна от туши для ресниц и теней для век.

— А вот и вы, — сказал Фальк. Его голос и выражение лица были нейтральными, но я не исключала, что под этим спокойным фасадом клокотал гнев. Его волчьи янтарные глаза странно блестели.

Гидеон, стоявший рядом со мной, непроизвольно выпрямился и поднял подбородок, готовясь получить головомойку. Я быстро схватила его за руку.

— Он не виноват, это я не хотела одна элапсировать, — зачастила я. — Гидеон не специально нарушил план…

— Всё хорошо, Гвендолин. — Фальк устало улыбнулся. — Сейчас многое идет не по плану. — Он потер лоб и искоса бросил взгляд на маму. — Нам очень жаль, что ты услышала наш разговор сегодня днем… что ты таким образом узнала… Мы совершенно не хотели такого… — Он опять посмотрел на маму. — Такую важную информацию следовало бы преподнести намного бережнее.

Мама молчала и изо всех сил старалась сдержать слезы. Гидеон сжал мою руку.

Фальк вздохнул.

— Я думаю, Грейс и тебе — вам есть, что сказать друг другу. Мы оставим вас одних, — сказал он. — Перед дверью стоит адепт, он отведет вас наверх, когда вы закончите. Ты идешь, Гидеон?

Неохотно Гидеон отпустил мою руку и поцеловал в щеку. При этом он шепнул: «Ты сможешь, Гвен. А потом мы поговорим о том, что ты прячешь

у себя дома». Мне понадобилось все самообладание, чтобы не вцепиться в него и не закричать: «Прошу тебя, останься здесь». Я молча подождала, пока он и Фальк вышли из комнаты и закрыли за собой дверь. Потом повернулась к маме и попыталась улыбнуться.

— Меня удивляет, что они тебя допустили в святая святых.

Мама встала, шатаясь, как старуха, и криво улыбнулась в ответ.

— Они завязали мне глаза. То есть, он — с лицом, как луна. У него была разбита губа, и я думаю, что он поэтому затянул узел изо всех сил. Было ужасно больно, но я не рискнула пожаловаться.

— Знакомо. — Разбитая губа мистера Марли волновала меня весьма умеренно. — Мам…

— Я знаю, ты ненавидишь меня сейчас. — Мама не дала мне ничего сказать. — И я это понимаю. Абсолютно.

— Мам, я…

— Мне ужасно, ужасно жаль! Я не должна была позволить всему этому случиться. — Она сделала шаг ко мне и вытянула руки, чтобы тут же уронить их бессильно. — Я всегда так боялась этого дня! Я знала, что когда-нибудь он придет, и чем старше ты становилась, тем больше я боялась. Твой дедушка… — Она запнулась, но потом набрала побольше воздуха и продолжила: — «Твой отец и я собирались вместе тебе обо всем рассказать, когда ты подрастешь и сумеешь понять и принять правду».

— Значит, Лукас тоже знал?

— Конечно! Он спрятал Люси и Пола у нас в Дареме, и это была его идея, что я должна сделать вид, будто я беременна, чтобы выдать младенца — тебя — за нашего собственного. Люси под моим именем ходила на обследования во время беременности, она и Пол жили у нас четыре месяца, пока твой папа оставлял по всей Европе фальшивые следы. Это было превосходное убежище. Моей беременностью никто не интересовался. Ты должна была родиться в декабре, а значит для Хранителей и семьи не представляла никакого интереса. — Мама посмотрела мимо меня на ковер, и ее взгляд стал стеклянным. — Мы до последнего момента надеялись, что Люси и Полу не нужно будет прыгать в прошлое с хронографом. Но один из частных детективов Хранителей заинтересовался нашим жилищем… — Ее передернуло от воспоминаний. — Мой папа еще успел нас вовремя предупредить. У Люси и Пола не было выбора — им нужно было бежать, оставив тебя у нас. Ты была крошечным младенцем со смешным хохолком темных волос и огромными голубыми глазами. — У нее по щекам текли слезы. — Мы поклялись защищать тебя, Николас и я, и мы с самой первой секунды любили тебя, как собственное дитя.

Я сама не заметила, как начала плакать.

— Мам…

— Знаешь, мы никогда не хотели иметь детей. В роду Николаса было так много болезней, а я всегда думала, что из меня не получится хорошей матери. Но все изменилось, когда Люси и Пол доверили нам тебя. — Слезы текли по маминым щекам не переставая. — Ты… ты сделала нас *счастливыми*. Ты полностью переменила нашу жизнь и показала, какими чудесными бывают дети. Если бы не было тебя, Ник и Каролина наверняка не появились бы на свет.

Из-за рыданий она не могла дальше говорить. Я не выдержала и рванулась к ней, чтобы обнять.

— Все хорошо, мама! — пыталась я сказать, но из моего рта выходили только булькающие звуки.

Но мама, казалось, все поняла, она крепко обхватила меня руками, и мы довольно долго не могли ни разговаривать, ни прекратить плакать.

Пока Ксемериус не просунул голову сквозь стену и не сказал: «А, вот ты где!». Он протиснул остальное тело в комнату и перелетел на стол, откуда с любопытством уставился на нас.

— О господи! Уже два комнатных фонтана! Похоже, что снятая с производства модель «Ниагарский водопад» продавалась со скидкой.

Я мягко освободилась от мамы.

— Нам нужно идти, мам. У тебя случайно нет носовых платков?

— Если нам повезет! — Она порылась в сумке и протянула мне платок. — Почему у тебя тушь для ресниц не размазалась? — спросила она со слабой ухмылкой.

Я громко высморкалась.

— Боюсь, она вся осталась на футболке у Гидеона.

— Похоже, он действительно очень милый юноша. Хотя я должна тебя предупредить… эти парни де Вилльер всегда приносят проблемы девушкам Монтроуз. — Мама открыла пудреницу, посмотрела на себя в зеркальце и вздохнула. — Ой-ой-ой. Я выгляжу как мать Франкенштейна.

— Точно. Поможет только мочалка, — сказал Ксемериус. Он прыгнул со стола на сундук в углу и склонил набок голову. — Кажется, я много пропустил! Там наверху, между прочим, все всполошились. Везде торчат важные персоны в черных костюмах, а Марли, этот дуралей, выглядит так, как будто получил по морде. И, Гвендолин, все ругают твоего *милого юношу* — очевидно, он порушил все их планы. Кроме того, он доводит всех до белого каления, беспрерывно идиотски счастливо улыбаясь.

И хотя у меня абсолютно не было повода, я должна была внезапно

сделать то же самое — идиотски счастливо улыбнуться. Мама посмотрела на меня поверх пудреницы.

— Ты меня прощаешь? — спросила она тихо.

— Ах, мама. — Я крепко обняла ее, и она уронила все, что было у нее в руках. — Я тебя так сильно люблю!

— О, я умоляю, — застонал Ксемериус. — Сейчас опять начнется. Тут и так достаточно сырости!

— Так я себе представляю небеса, — сказала Лесли и повернулась еще раз вокруг себя, чтобы прочувствовать атмосферу костюмерной. Ее взгляд скользил по полкам с туфлями и сапожками из всех эпох, дальше к шляпам, оттуда к казавшимся бесконечными стойкам для одежды и в конце — назад к мадам Россини, которая открыла нам двери в этот рай. — А вы — добрый боженька.

— Какая ты миленькая. — Мадам Россини улыбнулась ей и из «миленькая» получилось «мьильенькая».

— Да, я тоже так считаю, — сказал Рафаэль.

Гидеон весело посмотрел на него. Я понятия не имела, как ему удалось после неприятностей сегодняшнего дня получить у Фалька согласие (может, дядя Гидеона был скорее овечкой в волчьей шкуре, чем наоборот?), но мы действительно получили официальное разрешение — включая Лесли и Рафаэля — взять напрокат одежду в костюмерной под надзором мадам Россини. Мы встретились ранним вечером перед входом, и Лесли была так возбуждена от мысли, что сейчас зайдет в штаб-квартиру Хранителей, что едва могла стоять на месте. Она была в восторге, хотя и не увидела ничего из тех комнат и залов, которые я ей описывала, а только прошлась по обычному коридору до ателье.

— Ты замечаешь? — шептала она. — Тут пахнет загадками и тайнами. О боже, как я это люблю!

В костюмерной она была близка к гипервентиляции. В других обстоятельствах я себя чувствовала точно так же. Я и ателье мадам Россини считала райским садом, но здесь… здесь все было во много раз круче. Но, во-первых, я получила за прошедшее время закалку в отношение одежды, а во-вторых, мои голова и сердце были заняты другим.

— Конечно, не только я пошила все эти костюмы, это коллекция Хранителей, которую начали собирать двести лет тому назад, и с тех пор она постоянно растет. — Мадам Россини сняла со стойки чуть пожелтевшее кружевное платье, и Лесли восторженно вздохнула. — Многие исторические экземпляры годятся только для рассматривания, но

не для современных путешествий во времени. — Она осторожно повесила платье обратно. — И даже костюмы, изготовленные дли предыдущего поколения, не отвечают требуемым стандартам.

— Другими словами, все эти изумительные платья просто висят здесь и портятся? — Лесли сочувственно погладила кружевное платье.

Мадам Россини пожала круглыми плечами.

— Это бесценный материал для любования, даже для меня. Но ты права, очень жаль, что их так редко используют. Тем лучше, что вы сегодня вечером сюда пришли. Вы будете самыми прекрасными на этом балу, *mes petite!*

— Это не бал, мадам Россини, это просто скучная вечеринка, — сказала Лесли.

— Вечеринка настолько скучна, насколько скучны ее гости, — энергично ответила мадам Россини.

— Совершенно верно, я тоже придерживаюсь этого девиза, — сказал Рафаэль и посмотрел сбоку на Лесли. — Что ты скажешь, если мы оденемся как Робин Гуд и леди Мэриен? Они всегда носили зеленое. — Он напялил на себя женскую шляпку. — И каждый будет видеть, что мы — пара.

— Хм-м-м, — произнесла Лесли.

Мадам Россини в хорошем настроении шла вдоль стоек, что-то напевая.

— О, как замечательно! Я так рада! Четыре молодые персоны — что может быть лучше?

— Ну, у меня есть пара идей, — прошептал Гидеон, прижав губы к моему уху. — Слушай, вы должны ее немного отвлечь, чтобы я мог стянуть пару тряпок для нашего путешествия в 1912 год. — И произнес громко: — Если можно, я надену зеленый костюм, который я вчера надевал, мадам Россини.

Мадам Россини быстро обернулась к нам.

— Зеленый костюм, который вчера?.. — Она подняла одну бровь.

— Он… он имеет в виду камзол цвета морской волны с изумрудной застежкой, — сказала я быстро.

— Да, и всю ту ерунду, что идет к нему. — Гидеон признательно улыбнулся. — Зеленее уже не может быть.

— *Ерунду!* Бисер перед свиньями! — Мадам Россини вскинула руки как бы от возмущения, но при этом улыбалась. — Значит, для юного бунтаря — конец восемнадцатого века. Тогда нужно подходяще одеть и мою лебьёдушку. Но, боюсь, у меня нет бального платья из той эпохи.

— Эпоха не имеет значения, мадам Россини. Невежды на вечеринке все равно ничего в этом не понимают.

— Самое главное — выглядит старинным, длинное и пышное, — добавила Лесли.

— Ну если так, — сказала мадам Россини с неохотой.

Лесли и я последовали за ней через весь зал, как маленькие собачонки, которых приманивают косточкой. Гидеон исчез между стойками с одеждой, а Рафаэль продолжал примерять дамские шляпки.

— Есть одно платье, не платье — мечта из переливающейся зеленой шелковой тафты и кружев, Вена, 1865 год, — сказала мадам Россини и посмотрела на нас. Маленькие глаза и отсутствие шеи делали ее похожей на черепаху. — По цвету оно замечательно подходит к ткани цвета морской волны юного бунтаря, правда, что касается стиля, то сочетание этих костюмов — просто катастрофа. Как если бы Казанова танцевал с императрицей Сиси на балу, если вы понимаете, что я имею в виду…

— Как я уже говорила, такие тонкости сегодня никто не понимает, — сказала я и задержала дыхание, когда мадам Россини сняла платье Сиси с вешалки. Это была действительно мечта.

— Ну, пышное оно в любом случае! — Лесли засмеялась. — Если ты в нем повернешься, ты одним движением можешь смести все закуски.

— Померяй, лебьёдушка. К нему есть подходящая диадема. А теперь ты. — Мадам Россини взяла Лесли за руку и повела в следующий ряд. — Тут у нас французские и итальянские платья *Haute couture*[38] из прошлого столетия. Хотя зеленый был не слишком модным цветом, но мы обязательно что-нибудь найдем для тебя.

Лесли хотела что-то сказать, но поперхнулась от волнения при словах *«Haute couture»* и закашлялась.

— Можно мне померить эти смешные шаровары? — крикнул Рафаэль откуда-то сзади.

— Конечно! Но осторожно с пуговицами.

Я незаметно поискала глазами Гидеона. Он держал под мышкой пару вещей и улыбался мне поверх стоек. Мадам Россини ничего не заметила. Она с удовольствием шла по разделу *Haute couture*, а за ней, ни на шаг не отставая, шла едва дышащая Лесли.

— Для *la petite* Веснушки, может…

— …это! — перебила ее Лесли. — О, пожалуйста. Это прекрасно!

— *Excuses-moi, ma cherie*.[39] Но это не зеленое, — сказала мадам Россини.

— Но оно *почти* зеленое. — Казалось Лесли сейчас от разочарования расплачется.

— Нет, это снежно-голубой цвет, — сказала твердо мадам Россини. — Грейс Келли была в нем на банкете, когда получала награду за «Деревенскую девушку». Конечно, не в этом платье, но в точно таком.

— Это самое красивое платье, какое я когда-либо видела, — прошептала Лесли.

— Ну в нем есть что-то зеленоватое, — попробовала я поддержать ее. — Минимум бирюза с оттенком в зеленое. Практически зеленое, если бы свет был желтоват.

— Хм-м-м, — произнесла мадам Россини нерешительно.

Я посмотрела на Гидеона, который крался к двери.

— Но оно мне все равно не подошло бы, — пробормотала Лесли.

— О, я так не думаю! — Мадам Россини скользнула взглядом по фигуре Лесли — вниз, вверх, потом посмотрела вдаль. — У вас, юных девушек, у всех замечательные фигуры. *Zut alors!*[40] — Ее взгляд внезапно посуровел. — Молодой человек! Куда это ты собрался с моими вещами? — крикнула она.

— Я… э-э-э… — начал заикаться Гидеон испуганно. Он почти добрался до двери.

Черепаха превратилась в яростного слона, ломящегося через подлесок. Намного быстрее, чем можно было предположить, мадам Россини оказалась возле Гидеона.

— Что это значит? — Она выхватила вещи из его рук и ее французский акцент усилился. — Ты хотьел обкрадать менья?

— Нет, конечно, нет, мадам Россини. Я только хотел… э-э-э… одолжить. — Гидеон принял подчеркнуто сокрушенный вид, но на мадам Россини это не произвело впечатления.

Она подняла вещи над собой и рассматривала их.

— Чьто ты хотьел с нимьи делать, ньевозможьный малчик? Оньи даже не зельёные!

Я поспешила на помощь Гидеону.

— Пожалуйста, не сердитесь на нас. Нам нужны вещи для… для прыжка в 1912 год. — Я сделала короткую паузу, а потом решила поставить все на одну карту. — Секретного прыжка, мадам Россини.

— Сьекрьетно? В 1912 год? — повторила мадам Россини. Она прижимала к себе вещи, как Каролина своего вязаного поросенка. — В этьих вьещах? Это шютка? — Я никогда не видела ее такой разозленной. — Это. Есть. Одьин. Мужский. Костьюм. Из. Года. 1932! — крикнула она

угрожающим тоном, хватая возмущенно воздух после каждого слова. — А этот платье било у девушки, который продавала сьигари! Если вы пойдете в этьих вьещах по ульице в 1912 годе, всье сбьегутся посмотрьеть на вас! — Она уперла руки в боки. — Ты ничьего не выучил, молодой чьеловек? Чьто я всьегда говорью? Чьто самое важьное в костьюмах? Это…

— …аутентичность, — договорил Гидеон смущенно.

— *Precisement!*[41] — Мадам Россини оскалилась. — Если хотите секретно прыгнуть в 1912 год, то точно не в этих платьях. Тогда можно прыгать в космических скафандрах — с тем же результатом, так же «незаметно».

Ее глаза все еще сверкали гневом, когда она переводила взгляд с Гидеона на меня и обратно, но потом она куда-то пошла и стала перебирать различные вешалки. Скоро она вернулась, неся кучу вещей и странных головных уборов.

— *Bien*,[42] — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Это будет вам уроком, что мадам Россини нельзя обманывать. — Она протянула нам платья, ее лицо вдруг изменилось — как будто сквозь темные тучи пробился солнечный луч. — И если я на этот раз узнаю, что юный секрьетчик не надел свою шльяпу, — она погрозила Гидеону пальцем, — то мадам Россини расскажет вашему дядье о секрьетной прогулке.

Я облегченно рассмеялась и крепко обняла ее.

— Ах, вы — самая лучшая, мадам Россини.

Каролина и Ник сидели в комнате для шитья на диване и удивились, увидев, как мы с Гидеоном тихонько зашли в комнату. Но в то время, как на лице Каролины появилась улыбка, Ник явно чувствовал себя неловко.

— Я думал, вы уже ушли на вечеринку, — сказал мой младший брат.

Я не знала точно, что ему было неприятнее: что он с маленькой сестренкой смотрел детский фильм или что они оба уже были в пижамах, причем в светло-голубых, которые бабушка Мэдди им подарила на Рождество. У них были капюшоны с заячьими ушками. Мне — как и бабушке Мэдди — они нравились больше всего, но, наверное, если тебе двенадцать лет, ты воспринимаешь это иначе. И особенно, если кто-то приходит неожиданно, а парень твоей старшей сестры одет в супер-крутую кожаную куртку.

— Шарлотта ушла полчаса назад, — объяснил Ник. — Тетя Гленда прыгала вокруг нее, как курица, которая только что снесла яйцо. Фу-у-у-у, перестань целоваться, Гвенни, ты ведешь себя точно, как мама немного

раньше. Почему вы еще здесь?

— Мы чуть позже пойдем на вечеринку, — сказал Гидеон и уселся рядом с ним на диван.

— Ясен пень, — сказал Ксемериус, лениво лежавший на стопке журналов «Дом и сад». — По-настоящему крутые парни приходят последними.[43]

Каролина смотрела на Гидеона обожающим взглядом.

— Ты уже знаком с Маргрет? — Она протянула ему вязаного поросенка, которого держала на коленях. — Ты можешь ее погладить.

Гидеон послушно погладил Маргрет по спине.

— Такая мягкая. — Он с интересом посмотрел на экран. — О, вы уже дошли до момента, когда взорвется пушка с красками? Это мой любимый момент!

Ник посмотрел на него недоверчиво.

— Ты знаешь *«Tinker Bell»?*[44]

— У нее крутые изобретения, — заявил Гидеон.

— Согласен, — сказал Ксемериус. — Вот только прическа немного… подкачала.

Каролина влюбленно вздохнула.

— Ты такой милый! Ты теперь чаще будешь приходить?

— Боюсь, что да, — сказал Ксемериус.

— Надеюсь, что да, — сказал Гидеон и наши взгляды ненадолго встретились.

Я тоже не смогла подавить влюбленный вздох. После нашего плодотворного визита в костюмерную Хранителей мы заглянули еще в кабинет доктора Уайта, и, пока Гидеон набирал там всякой полезной всячины, мне пришла в голову идея.

— Если мы уже воруем, можешь взять с собой вакцину против оспы?

— Не волнуйся, у тебя есть прививки от всех болезней, которые могут встретиться во время путешествий во времени, — ответил Гидеон. — Разумеется, и против оспенных вирусов.

— Это не для меня, а для одного друга, — сказала я. — Пожалуйста. Я потом тебе все объясню.

Гидеон хоть и поднял удивленно бровь, но без возражений открыл шкаф с лекарствами доктора Уайта и после коротких поисков нашел красную коробочку, которую и спрятал. За то, что он не задавал никаких вопросов, я любила его еще больше.

— У тебя такой вид, как будто ты вот-вот пустишь слюни, — вернул

меня к реальности Ксемериус.

Я выудила ключ от чердака из сахарницы в шкафу.

— Как долго мама в ванной комнате? — спросила я Ника и Каролину.

— Максимум четверть часа. — Ник явно расслабился. — Она была сегодня какая-то странная. Постоянно целовала нас и вздыхала. Перестала, только после того как мистер Бернхард принес ей виски.

— Всего четверть часа? Тогда у нас еще достаточно времени. Но если она придет раньше, чем я думаю, не рассказывайте, пожалуйста, что мы пошли на чердак.

— Окей, — сказал Ник.

Ксемериус опять затянул свою дурацкую песню *«Гидеон и Гвендолин спрятались под балдахин»*. Я бросила насмешливый взгляд на Гидеона.

— Если ты сумеешь оторваться от *Tinker Bell*, мы можем начать.

— К счастью, я знаю конец фильма.

Гидеон взял мой рюкзак и поднялся.

— До скорого, — прошептала Каролина нам вслед.

— Да, до скорого. Чем смотреть, как вы обжимаетесь, я лучше посмотрю фильм с феей-трудягой, — сказал Ксемериус. — У меня есть собственная гордость демона, и я не хочу, чтобы обо мне говорили как о вуайеристе.

Я не обратила на него внимания и полезла наверх по узкой лестнице для трубочистов, чтобы открыть люк.

Снаружи была теплая весенняя ночь — отличное время, чтобы посидеть на крыше и поцеловаться. С этого места открывался шикарный вид на соседние дома, а на востоке над крышами сияла луна.

— Где ты там? — крикнула я вниз.

Из люка показалась голова Гидеона, а потом и он весь.

— Понимаю, почему ты так любишь это место, — сказал он, снял с плеч рюкзак и осторожно присел.

Я раньше не замечала, что здесь, особенно ночью, было очень романтично: море городских огней, бесконечно разливающееся за украшенными завитушками коньками крыш. Можно когда-нибудь устроить здесь пикник, с подушками, свечами… Гидеон может принести скрипку… а Ксемериус, надеюсь, возьмет выходной.

— Чему ты улыбаешься? — спросил Гидеон.

— А, просто так. Немного помечтала.

Гидеон скорчил смешную рожицу.

— Вот оно что!

Потом внимательно осмотрелся.

— Окей. Я думаю, мы можем начинать.

Я кивнула и осторожно перебралась к каминным трубам. Здесь крыша была плоской, но всего в полуметре от труб начинался скос, его отделяла лишь железная решетка высотой до колена. (Бессмертная или нет — упасть четыре этажа вниз не входило в мои представления о развлечениях в выходные дни.) Я открыла заслонку в первой трубе.

— Почему обязательно здесь наверху, Гвендолин? — услышала я голос Гидеона позади.

— Шарлотта боится высоты, — объяснила я. — Она никогда в жизни не решится забраться на крышу.

Я подняла тяжелый сверток из трубы и, балансируя, стала его вытаскивать. Гидеон вскочил.

— Только не урони! — сказал он нервно. — Прошу тебя!

— Не волнуйся. — Я рассмеялась, увидев, как он испугался. — Смотри, я могу стоять даже на одной ноге…

У Гидеона вырвалось что-то похожее на жалобный стон.

— С этим не шутят, Гвенни, — сказал он, тяжело дышал.

Похоже, мистические занятия наложили больший отпечаток на него, чем я предполагала. Он взял сверток из моих рук и держал его, как младенца.

— Это действительно… — начал он.

Я почувствовала сзади холодное дуновение.

— Не-е-ет, придурок, — каркнул Ксемериус и просунул голову в люк. — Это головка старого сыра, который Гвендолин хранит на крыше на тот случай, если ночью проголодается.

Я закатила глаза и сделала жест, чтобы он проваливал отсюда, что он, к моему удивлению, и сделал. Наверное, в *Tinker Bell* был сейчас интересный момент.

Гидеон за это время установил хронограф на крыше и начал осторожно разворачивать многочисленные слои ткани.

— А ты знаешь, что Шарлотта названивала нам каждые десять минут, чтобы убедить всех, что у тебя таки есть хронограф? Даже Марли был в конце раздражен этими звонками.

— Как жаль, — сказала я. — Они же созданы друг для друга.

Гидеон кивнул. Потом снял последний слой ткани и шумно втянул в себя воздух. Я осторожно погладила отполированное дерево.

— Вот он, перед нами.

Гидеон помолчал какое-то время. Довольно длительное время, если честно.

— Гидеон? — В конце концов позвала я его нерешительно.

Лесли умоляла меня подождать еще пару дней, чтобы убедиться, что ему действительно можно доверять, но я просто отмахнулась.

— Я ей не поверил, — прошептал Гидеон наконец. — Я ни секунды не верил Шарлотте. — Он посмотрел на меня, его глаза при этом освещении были совершенно темными. — Ты понимаешь, что случится, если кто-нибудь об этом узнает?

Я не стала говорить ему, что об этом знает довольно много людей. Но, может быть, потому что Гидеон в одну секунду стал выглядеть таким растерянным, я внезапно тоже испугалась.

— Должны ли мы сделать это? — спросила я, и в животе у меня возникло странное чувство, которое на этот раз не имело ничего общего с прыжком во времени.

То, что дедушка внес мою кровь в хронограф, было одно дело. Но то, что мы собирались сделать сейчас, было совершенно другое. Мы замкнем Круг Крови, и последствия этого нельзя предсказать. Мягко говоря…

Я быстро прошлась в памяти по всем ужасно зарифмованным предсказаниям, которые заканчивались на «терзанья» и «страданья», добавила еще пару деталей о «смысл потеряет» и «юность растает». И факт моего бессмертия меня при этом совершенно не утешил. Странным образом именно моя неуверенность вывела Гидеона из оцепенения.

— Должны ли мы это сделать? — Он наклонился и поцеловал меня в кончик носа. — Ты серьезно спрашиваешь? — Он снял куртку и вытащил из рюкзака нашу добычу из кабинета доктора Уайта. — Окей, начнем.

Сначала он наложил резиновый жгут на левое предплечье и затянул его. Потом взял шприц из стерильной упаковки и ухмыльнулся мне.

— Сестра? — сказал он приказным тоном. — Фонарик!

Я сделала гримаску.

— Так тоже можно, — ответила я и посветила в локтевую впадину. — Типичный студент медицины.

— Я слышу налет неодобрения в твоем голосе? — Гидеон весело глянул на меня. — А ты как делала?

— Я взяла японский нож для овощей, — хвастливо объяснила я. — А дедушка собрал кровь в чашку.

— Понятно. Рана на твоей руке, — сказал он, потеряв всю веселость, и ввел себе иглу.

Кровь потекла в шприц.

— И ты точно знаешь, что нужно делать? — спросила я и кивнула на хронограф. — В этой штуке так много клапанов и ящичков, легко можно

повернуть не то колесико…

— Теория хронографа — один из экзаменационных предметов при приеме в адепты, и я его учил совсем недавно. — Гидеон передал мне шприц с кровью и снял жгут.

— Я только спрашиваю себя, когда ты находил еще время, чтобы посмотреть такие гениальные фильмы как *Tinker Bell*.

Гидеон покачал головой.

— Мне кажется, я заслужил чуть больше уважения. Дай мне шприц. А теперь посвети на хронограф. Да, так хорошо.

— Ты спокойно можешь сказать мне «пожалуйста» и «спасибо», — заметила я, когда Гидеон стал капать кровь в хронограф.

В отличие от Лукаса его руки совсем не дрожали. Может, он когда-нибудь станет хорошим хирургом. Я нервно кусала губы.

— И три капли сюда под голову Льва, — бормотал Гидеон, полностью сконцентрированный. — Потом повернуть колесико и перекинуть рычаг. Так. Всё.

Он опустил шприц, а я автоматически выключила фонарик.

Во внутренностях хронографа закрутилось несколько шестеренок, послышались щелчки, стук и жужжание, точно как в прошлый раз. Потом звуки стали громче и жужжание нарастало, становясь похожим на какую-то мелодию. В лицо пыхнуло жаром, и я схватилась за Гидеона, как будто ожидая, что в следующий момент сильный порыв ветра сметет нас с крыши. Но вместо этого одна за одной загорелись звезды в хронографе, воздух замерцал, и если сначала казалось, что внутри хронографа полыхает пламя, то теперь воздух стал ледяным. Мерцание исчезло и шестеренки остановились. Все вместе длилось не дольше чем полминуты.

Я отпустила Гидеона и потерла вставшие дыбом волоски на руках.

— Это всё?

Гидеон набрал воздуха и протянул руку. На этот раз она немного дрожала.

— Сейчас увидим, — сказал он.

Я вытащила из кармана одну из маленьких бутылочек, прихваченных из лаборатории доктора Уайта, и передала ему.

— Будь осторожен. Если это порошок, его может сдуть ветром.

— Может, это и не самый плохой вариант, — пробормотал Гидеон. Он повернулся ко мне. Его глаза блестели. — Ты видишь? *Под двенадцатью звездами исполняется обещание*.

Мне было плевать на двенадцать звезд. Я больше полагалась на свой фонарик.

— Давай уже, — сказала я, нетерпеливо, наклонилась вперед, и тогда Гидеон вытащил крохотный ящичек.

Должна признаться, я была разочарована. После всей таинственности и мистической болтовни — ужасно разочарована. В ящичке не было ни жидкости, как предсказывала Лесли («Она наверняка красная, как кровь», — говорила она с распахнутыми глазами), ни порошка, ни какого бы то ни было камня. Там лежало вещество, похожее на соль. Причем не особенно красивая соль, если присмотреться, — с множеством мелких опалесцирующих кристаллов.

— С ума сойти, — прошептала я. — Нельзя представить, что ради этих крошек было приложено столько усилий в течение столетий.

Гидеон держал ладонь над ящичком.

— Самое главное, чтобы никто не узнал, что эти крошки у нас, — сказал он, переводя дыхание.

Я кивнула. За исключением тех, кто это уже знал. Я откупорила бутылочку.

— Поспеши, — поторопила я его.

Внезапно мне привиделось, как леди Ариста, которая, насколько я знаю, не боялась никого и ничего и совершенно точно — высоты, появляется из люка и забирает у нас бутылочку. Похоже, Гидеон тоже подумал о чем-то таком, потому что быстро пересыпал крошки в бутылочку и снова закупорил ее. Только после того как она исчезла у него в кармане, он перевел дыхание. Но в этот момент у меня возникла другая мысль.

— Сейчас, когда хронограф выполнил свое предназначение, может, он вообще уже не работает, — сказала я.

— Сейчас увидим, — ответил Гидеон и улыбнулся мне. — Я считаю, нам пора отправиться в 1912 год.

Глава тринадцатая

— Черт, кажется, я уселся на эту проклятую шляпу, — пробормотал Гидеон рядом со мной.

— Прекрати ругаться, а то еще потолок свалится нам на голову, — прошипела я. — Если ты не наденешь *шльяпу*, я пожалуюсь на *тьебя* мадам Россини.

Ксемериус закудахтал от смеха. В этот раз он не отказал себе в удовольствии поприсутствовать.

— Шляпа не поможет! С этой прической в 1912 году его будут принимать за искателя золота! Мог хотя бы сделать аккуратный пробор сбоку.

Я слышала, как Гидеон опять тихо проклинал всё и вся, на этот раз он ударился локтем. Переодеваться в исповедальной кабинке было совсем не просто, и я была уверена, что использовать это место для переодевания было страшным кощунством. Не говоря уже о том, что и в гражданском смысле взлом церкви, даже если не собираешься ничего украсть, а просто хочешь быстренько прыгнуть в 1912 год, был преступлением. Гидеон открыл боковую дверь при помощи металлического крючка, причем так быстро, что я не успела даже занервничать.

— Елки-палки! — Ксемериус уважительно свистнул. — Он должен этому тебя научить. Вдвоем вы бы стали непобедимой парочкой взломщиков. Безумно хорошей.[45]

Кстати, это была та же церковь, где я познакомилась с Ксемериусом и в которой Гидеон меня впервые поцеловал. Хоть и не было времени предаваться ностальгическим воспоминаниям, но мне показалось, что все это было давным-давно, особенно, если вспомнить, сколько всего произошло с тех пор. В действительности прошло всего несколько дней.

Гидеон постучал в дверь снаружи.

— Готова?

— Нет. К сожалению, в моем платье «молния» еще не была предусмотрена, — сказала я, отчаявшись из-за многочисленных пуговиц на спине, до которых даже при самых рискованных изгибах, нельзя было дотянуться.

Я выскользнула из исповедальной кабинки. Интересно, мое сердце когда-нибудь перестанет биться сильнее при виде Гидеона? Исчезнет ли когда-нибудь при всяком взгляде на него ощущение, что я ослепла от чего-

то невероятно красивого? Наверное, нет. При этом сейчас на нем был самый обыкновенный темно-серый костюм, под ним — белая рубашка и жилетка. Но он ему был так к лицу, широкие…

Ксемериус, висевший вниз головой на хорах, откашлялся:

— Жила-была одна овца, она любила молодца…

— Очень мило, — быстро сказала я. — Вечно модный наряд «Крестного отца». — Вздохнув, я вернулась к застегиванию пуговиц. — О боже, изобретателя застежки-молнии надо было причислить к лику святых.

Гидеон ухмыльнулся.

— Поворачивайся и разреши мне помочь тебе, — сказал он. — Ух! — тут же вырвалось у него. — Тут их сотня!

Застегивание многочисленных пуговиц продлилось довольно долго, хотя причиной тому могло быть и то обстоятельство, что после каждой второй он целовал мой затылок. Я бы наверняка насладилась этим в полной мере, если бы не комментарии Ксемериуса при каждом поцелуе.

— Цём-цём, чмок-чмок, — орал он.

Наконец-то мы закончили. Мадам Россини выбрала для меня закрытое до горла светло-серое платье с кружевным воротничком. Юбка была чуточку длинновата, так что я тут же споткнулась и наверняка бы растянулась во весь рост, если бы Гидеон не поймал меня.

— В следующий раз *я* надену костюм, — сказала я.

Гидеон улыбнулся и потянулся, чтобы поцеловать меня, но из-за очередного вопля Ксемериуса «Не-е-е! Опять?!» я мягко отстранила его.

— У нас нет времени, — сказала я.

И, кроме того, в двух метрах над нашими головами висит существо с крыльями летучей мыши и корчит ужасные гримасы. Я сердито посмотрела на Ксемериуса.

— Что? — сказал он. — Я думал, вы тут выполняете важную миссию, а не устроили свиданку. Ты должна быть мне благодарной.

— Вряд ли, — прорычала я.

Гидеон за это время перешел к месту для хора и присел перед хронографом. После длительных раздумий мы расположили его под алтарем, потому что там, можно надеяться, никто его не найдет во время нашего отсутствия, разве что появится уборщица, работающая по субботам.

— Я прослежу, — пообещал Ксемериус. — Если кто-то придет и захочет украсть эту штуку, я безжалостно его… э-э-э… заплюю… замочу…

Гидеон взял меня за руку.

— Готова, Гвенни?

Я посмотрела ему прямо в глаза и мое сердце пропустило удар.

— Готова, если ты готов, — произнесла я тихо.

Комментарий (несомненной очень ехидный) Ксемериуса я уже не услышала, иголка впилась мне в палец и рубиновый свет унес меня в другое время.

Мгновение спустя я выпрямилась. Церковь была пуста и так же тиха, как в наше время. Я наполовину надеялась, наполовину опасалась увидеть на хорах Ксемериуса. В 1912 году он тут уже обитал. Гидеон приземлился рядом и тут же схватил меня за руку.

— Идем, нам нужно поспешить. У нас всего два часа, и я могу поспорить, что их не хватит на то, чтобы задать даже одну десятую наших вопросов.

— А что, если мы не встретим Люси и Пола у леди Тилни? — сказала я, и при этих словах от волнения у меня тут же застучали зубы. Я все еще не могла думать о них как о своих родителях. И если уже разговор с мамой был очень непростым, то как будет с ними — совершенно незнакомыми?

Когда мы вышли из церкви, дождь лил как из ведра.

— Ну, замечательно, — сказала я и тут же подумала, что отдала бы все на свете за невозможные *шльяпки* мадам Россини.

— Да перестань. Это лишь теплый летний дождь, — заверил меня Гидеон и потащил вперед.

К моменту, когда мы добрались до Итон-плэйс, этот теплый летний дождь промочил нас насквозь. Можно смело сказать, что мы обратили на себя внимание, потому что все остальные пешеходы были с зонтами и смотрели на нас с сочувствием.

— Хорошо, что мы не потратили время на аутентичные прически, — сказала я, когда мы остановились перед дверью леди Тилни. Я нервно пригладила волосы, прилипшие к голове. Мои зубы все еще стучали.

Гидеон позвонил в колокольчик и крепче сжал мою руку.

— У меня почему-то плохое предчувствие, — прошептала я. — Мы еще успеем уйти. Может, лучше всего было бы спокойно обдумать, в каком порядке мы должны задавать вопросы…

— Ш-ш-ш, — произнес Гидеон. — Все в порядке, Гвенни. Я с тобой.

— Да, ты со мной, — сказала я и повторила еще раз, как успокаивающую мантру.

Как и в прошлый раз, дверь открыл дворецкий в белых перчатках. Взгляд его был враждебным.

— Мистер Миллхауз, не так ли? — Гидеон вежливо улыбнулся. — Если вы будете так любезны сообщить леди Тилни о нашем визите. Мисс

Гвендолин Шеферд и Гидеон де Вилльер.

Дворецкий коротко поколебался.

— Подождите здесь, — сказал он и закрыл у нас перед носом дверь.

— Ну и ну! Мистер Бернхард никогда бы так не поступил, — сказала я возмущенно. — Но, наверное, он думает, что ты опять взял с собой пистолет и хочешь взять кровь у его хозяйки. Он же не может знать, что леди Лавиния украла у тебя пистолет, между прочим, я до сих пор не понимаю, как она это сделала. Я имею в виду, что она должна была вытворять, что тебя так сильно отвлекло, если мы когда-нибудь с ней встретимся, это будет первым вопросом, который я ей задам, хотя, если честно, я не уверена, что хочу это знать. О, я опять тараторю без умолку, со мной всегда так, когда я нервничаю, я не верю, что когда-нибудь смогу встретиться с ними лицом к лицу, Гидеон. И мне не хватает воздуха, но причиной этого может быть тот факт, что я не дышу, что нестрашно, потому что бессмертна. — В этом месте мой голос истерически сорвался, но я продолжила без паузы. — Давай сделаем шаг назад, потому что когда дверь в следующий раз откроется, этот Миллхауз может просто дать тебе в…

Дверь открылась.

— …морду, — пробормотала я все-таки поспешно.

Здоровенный дворецкий жестом пригласил нас зайти.

— Леди Тилни ожидает вас наверху в малом салоне, — сказал он без выражения. — Как только я обыщу вас на предмет ношения оружия.

— Если нужно… — Гидеон послушно развел руки и позволил Миллхаузу обхлопать себя.

— Все в порядке, вы можете идти наверх, — сказал в конечном итоге дворецкий.

— А меня? — спросила я озадаченно.

— Ты — дама, дамы не носят оружия. — Гидеон улыбнулся, взял мою руку и потянул по лестнице наверх.

— Какое легкомыслие! — Я бросила быстрый взгляд на Миллхауза, который шел за нами, отставая на пару шагов. — Только потому, что я женщина, он меня не боится? Ему надо посмотреть *Tomb Raider!* У меня под одеждой может быть атомная бомба, а в каждой чашечке лифчика по гранате. Я считаю такое отношение неуважением к женщине.

Я бы и дальше болтала без точек и запятых до самого захода солнца, но вверху на лестнице нас ждала леди Тилни, прямая и худощавая, как свечка. Она была очень красивой, и даже ее ледяной взгляд не мог это изменить. Я, не раздумывая, хотела ей улыбнуться, но на полдороге

остановила уголки моих губ и вернула их обратно. В 1912 году леди Тилни умела внушать страх, в отличие от того времени, когда она сделала своим хобби вязание поросят, и я осознала, что не только наши прически были непрезентабельны, но и платье висело на мне, как мокрый мешок. Непроизвольно у меня в голове возник вопрос, изобрели ли уже фен?

— Опять вы, — сказала леди Тилни, и голос ее был таким же холодным, как взгляд. Только леди Ариста могла бы соперничать с ней. — Вы действительно упорный. В последний визит вы должны были понять, что я не дам вам свою кровь.

— Мы здесь не из-за вашей крови, леди Тилни, — ответил Гидеон. — Я давно уже… — Он откашлялся. — Мы бы хотели поговорить еще раз с Люси и Полом. На этот раз без… недоразумений.

— Недоразумений! — Леди Тилни скрестила руки на груди, украшенной кружевами. — В последний раз нельзя сказать, чтобы вы себя достойно вели, молодой человек, к тому же продемонстрировали пугающую готовность к насилию. Кроме того, мне неизвестно, где находятся Люси и Пол в настоящий момент, так что я не могу вам ничем помочь. — Она сделала небольшую паузу, остановив свой взгляд на мне. — Но я думаю, что могу устроить вам встречу. — Голос чуточку потеплел. — Может быть, только с Гвендолин и, разумеется, в другое время…

— Я не хочу показаться невежливым, но вы наверняка понимаете, что наше время ограничено, — прервал ее Гидеон и потащил меня дальше по лестнице наверх, где я и мое платье полностью залили водой дорогой ковер. — Я знаю, что Люси и Пол в настоящий момент живут у вас, так что просто позовите их. Я обещаю, что буду вести себя достойно на этот раз.

— Это не… — начала леди Тилни, но где-то сзади хлопнула дверь и вскоре рядом с ней появилась тоненькая молодая девушка.

Люси.

Моя мама.

Я сжала руку Гидеона сильнее, глядя на Люси и запоминая каждую деталь ее внешности. Рыжие волосы, бледная фарфоровая кожа и большие голубые глаза — все это было общим для женщин из рода Монтроуз, так что схожесть нельзя было отрицать, но я, прежде всего, искала что-то общее со мной. У нее мои уши? А у меня такой же маленький нос? И изгиб бровей — разве он не похож на мой? Я, если я морщусь, на моем лбу возникают такие же смешные морщины?

— Он прав, нам нельзя терять времени, Маргрет, — сказала Люси тихо. Ее голос еле заметно дрожал, и у меня сжалось сердце. — Не будете ли вы так любезны, мистер Миллхауз, привести Пола?

Леди Тилни вздохнула, но кивнула Миллхаузу, который вопросительно смотрел на нее. Пока дворецкий направлялся мимо нас еще на этаж выше, леди Тилни сказала:

— Я хочу напомнить тебе, Люси, что в прошлый раз он приставил к твоей голове пистолет.

— Я от всей души прошу прощения, — сказал Гидеон. — С другой стороны… меня вынудили обстоятельства. — Он многозначительно посмотрел на Люси. — Но за прошедшее время мы получили информацию, которая изменила наше мнение.

Красиво сказано. У меня было чувство, что мне тоже пора добавить что-нибудь высокопарное в этот разговор. Но что?

Мама, я знаю, кто ты — припади к моей груди?

Люси, я прощаю тебе, что ты меня бросила. Теперь нас никто и никогда не разлучит?

Наверное, я издала какой-то смешной звук, который Гидеон правильно оценил как начало истерики. Он обнял меня за плечи и поддержал, что было как раз вовремя, так как вдруг оказалось, что мои ноги не могут удержать вес моего тела.

— Может быть, пойдем в салон напротив? — предложила Люси.

Хорошая идея. Если я правильно помню, там можно сесть.

В маленькой круглой комнате на этот раз не было накрыто к чаю, но все остальное выглядело так же, как в прошлый раз, за исключением композиции из цветов, в которой белые розы сменились шпорником и левкоями. В эркере, откуда окна выходили на улицу, стояла группа изящных стульев и кресел.

— Присаживайтесь, — сказала леди Тилни.

Я опустилась на один из стульев с атласной обивкой, все остальные остались стоять. Люси улыбалась мне. Она подошла на шаг ближе, казалось, она хочет погладить меня по голове. Я нервно вскочила на ноги.

— Извините, что мы тут накапали. У нас, к сожалению, не было с собой зонта, — затараторила я.

Улыбка Люси стала шире.

— Как всегда говорит леди Ариста?

Я ухмыльнулась.

— Детка, не смей мочить хорошую обивку! — сказали мы в один голос.

Внезапно выражение лица Люси изменилось. Сейчас казалось, что она вот-вот заплачет.

— Я прикажу принести чаю, — сказала леди Тилни энергично и

схватила маленький колокольчик. — Мятный чай, много сахара и горячий лимонный сок.

— Нет, прошу вас. — Гидеон, отчаявшись, покачал головой. — Мы не можем терять на это время. Я не знаю, выбрал ли правильный момент, но я очень надеюсь, моя встреча с Полом в 1782 году уже произошла, если смотреть из этого момента.

Люси, к которой вернулось самообладание, медленно кивнула, и Гидеон облегченно вздохнул.

— Тогда вы понимаете, что передали мне документы с тайными планами графа. Нам понадобилось время, чтобы все понять, но сейчас мы знаем, что Камень Мудрости — это вовсе не панацея для всего человечества, он должен сделать одного только графа бессмертным.

— И что его бессмертие закончится в момент рождения Гвендолин? — прошептала Люси. — В связи с чем он попытается ее убить, как только замкнется Круг?

Гидеон кивнул, но я была совершенно сбита с толку. Эту подробность мы почти не обсуждали. Но и сейчас вряд ли был подходящий момент для этого, потому что он уже продолжал:

— Вашей целью всегда было — только спасти Гвендолин.

— Видишь, Люси, я же говорил тебе.

В дверях стоял Пол. Его рука покоилась в повязке, висевшей на шее, и пока он подходил ближе, взгляд его золотистых глаз перемещался между Гидеоном, Люси и мной. Я задержала дыхание. Он был всего на пару лет старше меня, и в нормальной жизни я бы подумала, как замечательно он выглядит — с волосами цвета воронова крыла, необычными глазами де Вилльеров и маленькой ямочкой на подбородке. Бакенбарды были, надеюсь, не его виной, скорее всего, так было принято в это время. Но бакенбарды или не бакенбарды, как мой отец — или чей бы то ни было отец, неважно — он ни в коем случае не выглядел.

— Иногда имеет смысл предоставить человеку аванс доверия, — сказал он и оглядел Гидеона с головы до ног. — Даже такому негодяю, как этот.

— Иногда кому-то просто немыслимо везет, — напустилась на него Люси. Она повернулась к Гидеону. — Я признательна тебе за то, что ты спас Полу жизнь, Гидеон, — сказала она с достоинством. — Если бы ты случайно не оказался там, он бы сейчас был мертв.

— Ты всегда преувеличиваешь, Люси. — Пол скорчил гримасу. — Как-нибудь я бы выбрался из той переделки.

— О, конечно, — сказал Гидеон с ухмылкой.

Пол наморщил лоб, но потом тоже ухмыльнулся.

— Ну ладно, может, и нет. Этот Аластер — вероломный пес и к тому же чертовски хорошо владеет шпагой. К тому же их было трое! Если я когда-нибудь еще встречусь с ним…

— Это маловероятно, — пробормотала я, а когда Пол вопросительно посмотрел на меня, объяснила: — Гидеон пришпилил его саблей к стене в 1782 году. И если Ракоци вовремя его нашел, то скорее всего он не дожил до конца вечера.

Леди Тилни упала на стул.

— Саблей пришпилил к стене! — повторила она. — Какое варварство!

— Этот психопат не заслужил другого.

Пол положил руку Люси на плечо.

— Действительно не заслужил, — добавил Гидеон тихо.

— Мне стало легче, — произнесла Люси, не отводя глаз от моего лица. — Теперь, когда вы знаете, что граф собирается убить Гвендолин, как только замкнется Круг, у него ничего не получится! — Пол хотел что-то добавить, но она не дала сбить себя с мысли. — При помощи документов дедушке наконец-то удалось убедить Хранителей, что мы правы и что граф никогда не заботился о благополучии всего человечества, а только о своем. И эти идиоты Хранители, и прежде всего презренный Марли, не могли отмахнуться от доказательств. Ха! Черта с два мы осквернили память о графе Сен-Жермене! Он вообще никакой не граф, а мерзавец каких поискать, и — ах! — я уже говорила, что сейчас мне намного легче, намного, намного легче!

Она набрала воздуха, и показалось, что она может говорить безостановочно часами, но тут Пол прижал ее к себе.

— Видишь, принцесса? Все будет хорошо, — прошептал он нежно, и хотя слова были обращены не ко мне, они переполнили чашу. В буквальном смысле слова. Потому что никакие мои усилия не смогли удержать слез.

— Не будет, — вырвалось у меня, и мне плевать было на обивку. Я упала на ближайший стул. — Не будет все хорошо. Дедушка уже шесть лет как умер и он не может нам помочь.

Люси присела передо мной.

— Не плачь, — сказала она беспомощно. При этом сама плача. — Дорогая, не надо так ужасно плакать, это вредно для… — Она всхлипнула. — Он действительно умер? — спросила она и выглядела безутешной. — Сердце, наверное? Я всегда ему говорила, что ему нельзя тайком баловаться тортами с масляным кремом…

Пол склонился над нами, и казалось, он сейчас тоже расплачется.

Отлично! Если и Гидеон к нам присоединится, мы сумеем составить конкуренцию летнему дождю за окнами.

Леди Тилни положила этому конец. Она вытащила из кармана два носовых платка, дала Люси и мне и произнесла тоном, который можно было спутать с тоном леди Аристы:

— Отложим слезы на потом, дети. Сейчас возьмите себя в руки. Нам нужно сконцентрироваться. Кто знает, сколько у нас осталось времени.

Гидеон погладил меня по плечу.

— Она права, — прошептал он.

Я шмыгнула носом и не сдержала улыбку, услышав, как Люси трубит в носовой платок. О, надеюсь, я не переняла от нее эту привычку.

Пол подошел к окну и выглянул наружу. Когда он повернулся, выражение лица было совершенно нейтральным.

— Хорошо. Продолжим! — Он почесал за ухом. — Итак, Лукас не может нам помочь. Но и без него с помощью документов должно быть возможным убедить наконец Хранителей в эгоистичных планах графа. — Он вопросительно посмотрел на Гидеона. — И тогда Круг никогда не замкнется.

— Пока проверят подлинность документов, пройдет много времени, — ответил Гидеон. — В настоящее время Главный магистр ложи — Фальк, и, может быть, он даже поверит нам. Но полной уверенности у меня нет. До сих пор я не рискнул показать кому-нибудь из ложи эти документы.

Я кивнула. Он еще в 1953 году, когда мы сидели на зеленом диване, рассказал о своем подозрении, что среди Хранителей есть предатель.

— Знаете, — подала я голос, — есть вероятность, что среди Хранителей в нашем времени есть один или несколько членов ложи, которые знают правду о Камне Мудрости и поддерживают планы графа, который хочет стать бессмертным. — Я попыталась сконцентрироваться на фактах и, к моему удивлению, несмотря на эмоциональную неразбериху у меня в душе мне это удалось. А может, благодаря ей. — Что, если дедушка разоблачил предателя? Это объяснило бы, почему он был убит.

— Он был убит?! — повторила Люси растерянно.

— Это не доказано, — ответил Гидеон.

— Но очень похоже. — Я рассказывала ему о видении бабушки Мэдди и о взломе в день похорон.

— Это значит, что с обеих сторон будут форсировать события, чтобы замкнуть Круг, — сказала Леди Тилни задумчиво. — В прошлом все нити в руках у графа Сен-Жермена, в будущем есть один или несколько

сторонников, которые поддерживают его планы.

Пол стукнул кулаком по подлокотнику кресла.

— Проклятье! — прорычал он сквозь стиснутые зубы.

Люси подняла голову.

— Но вы можете сказать Хранителям, что вы нас не нашли! Если нашей крови не будет в хронографе, Круг не замкнется!

— Не все так просто, — сказал Гидеон. — У Хранителей…

— Я знаю, у них есть частные детективы, которых они пустили по нашему следу, — перебила его леди Тилни. — Господа де Вилльеры и этот чванливый Пинкертон-Смит… к счастью, они считают себя очень хитрыми, а меня — поскольку я женщина — очень глупой. То, что частный детектив может за добавку к скромному жалованию придержать кое-какую информацию, им даже не приходит на ум. — Она позволила себе триумфальную улыбку. — Теперешнее решение — временное, и очень скоро Люси и Пол заметут все свои следы. Они начнут новую жизнь под другими именами…

— …переедут в квартиру на Блэндфорд-стрит, — добавил Гидеон, и триумфальная улыбка исчезла с лица леди Тилни. — Мы все знаем. А Пинкертон-Смиту поручат задержать Люси и Пола в Темпле, пока я не возьму у них кровь. Точнее, завтра ему передадут письмо с соответствующими распоряжениями.

— Завтра? — спросил Пол, взгляд которого был полон замешательства, как и моя душа. — Но тогда еще не поздно!

— Поздно, — сказал Гидеон. — Потому что с точки зрения моего времени все это давно произошло. Пару дней назад я передал письмо дежурному Хранителю в Цербер-страже. Я тогда ничего не знал.

— Тогда мы спрячемся, — сказала Люси.

— Завтра утром? — Леди Тилни нахмурилась. — Посмотрим, что я могу сделать.

— Я тоже, — сказал Гидеон и посмотрел на напольные часы напротив. — Но я не знаю, будет ли этого достаточно. Потому что, даже если нам удастся помешать тому, что Хранители задержат Люси и Пола, я уверен, что граф найдет пути и средства, чтобы достичь своей цели.

— Мою кровь он не получит в любом случае, — сказала леди Тилни.

Гидеон вздохнул.

— Вашу кровь мы давно получили, леди Тилни. Я посетил вас в 1916 году, когда во время Первой мировой войны вы должны были элапсировать вместе с де Вилльерами в подвале. И вы без возражений дали мне взять у вас кровь — я сам был удивлен. Я очень надеюсь, что нам еще раз

представится возможность обсудить этот случай.

— Интересно, только у меня такое ощущение, что в голове у меня строят метро, или у вас тоже? — спросил Пол.

Я рассмеялась.

— У меня тоже, — заверила я его. — Просто слишком много информации, чтобы переварить ее за один раз. За каждой мыслью следует еще десять.

— И это еще далеко не все, — сказал Гидеон. — Очень многое надо обсудить. К сожалению, мы скоро прыгнем назад. Но мы вернемся — через полчаса. То есть, для меня и Гвендолин это будет завтра утром — если все будет хорошо.

— Я не понимаю, — бормотал Пол, но Люси выглядела так, как будто она только что что-то сообразила.

— Если вы не выполняете официальное задание Хранителей, как вы вообще сюда попали? — спросила она медленно и побледнела. — Или вернее — с помощью чего?

— У нас есть… — начала я, но Гидеон коротко взглянул на меня и едва заметно качнул головой.

— Мы можем это объяснить, — сказал он.

Я бросила взгляд на напольные часы.

— Нет, — сказала я.

Гидеон поднял брови.

— Нет? — спросил он.

Я набрала полную грудь воздуха. Внезапно я поняла, что не могу ни секунды больше ждать. Я скажу Люси и Полу правду — здесь и сейчас. Куда-то исчезла моя нервозность, я чувствовала только бесконечную усталость. Как будто я пробежала пятьдесят километров и сто лет не спала. И я бы все отдала за то, чтобы Гидеон чуть раньше не отговорил леди Тилни приказать принести мятный чай с сахаром и горячим лимонным соком. Но сейчас приходилось обойтись без него.

Я твердо посмотрела на Люси и Пола.

— Перед тем как мы прыгнем назад, я должна вам что-то рассказать, — начала я тихо. — На это должно хватить времени.

Когда брат Синтии — одетый как садовый гном — открыл дверь, показалось, что открылись ворота в ад. Музыка орала вовсю, и это была не та музыка, под которую с удовольствием танцевали родители Синтии, что-то среднее между хаусом[46] и дабстепом.[47] Какая-то девочка с короной на голове протиснулась мимо гнома, и ее вырвало в клумбу с гортензиями

возле входа в дом. У нее было совершенно зеленое лицо, но это мог быть макияж.

— Тачдаун! — закричала она, выпрямившись. — А я уже боялась, что не добегу досюда.

— О, *школьная вечеринка*, — сказал тихо Гидеон. — Как мило.

Я стояла ошалевшая. Что-то было не так здесь, совсем не так. Перед нами был большой дом Дейлов посреди аристократичного Челси. Место, где обычно разговаривали только шепотом. Почему гости танцевали уже в холле? Почему их вообще было так много? И откуда доносится смех? На вечеринках Синтии обычно не смеялись, разве что прикрывая рот рукой. Если бы слово «скука» уже не существовало, его бы наверняка придумали на вечеринках Синтии.

— Вы зеленые, так что добро пожаловать, — заорал брат Синтии и сунул мне в руку стакан. — Держи! Зеленый монстр-крюшон. Очень полезный. Только фруктовый сок, свежие фрукты, зеленая пищевая краска — но биологически чистая! — и немножко белого вина. Конечно, тоже биологически чистого.

— Ваши родители уехали на выходные? — спросила я и попыталась пройти в дверь в своем объемном платье Сиси.

— Что?

Я повторила вопрос, усилив голос на десять децибел.

— Не-е-е, они где-то здесь вертятся. — Садовый гном произносил слова не очень четко. — Они поссорились, потому что папа обязательно хотел продемонстрировать, как он жонглирует зелеными соевыми шариками, а потом потребовал, чтобы все повторили. Тот, кому удастся попасть шариком по маминой шляпе, получил бы приз. Эй, Мэриел, что тебе надо в шкафу? Туалет напротив!

— Окей, здесь что-то неправильно, — сказала я Гидеону. Мне пришлось кричать, чтобы он меня услышал. — Обычно, гостям приходится стоять группками и ждать полночи. И пытаться не попасться родителям Синтии, которые заставят их играть в игры, доставляющие удовольствие только им.

Гидеон взял у меня из рук стакан и попробовал.

— Можно сказать, здесь — объяснение происходящему, — ответил он, ухмыляясь. — Немножко белого вина? Я бы сказал, что это водка. Как минимум, наполовину.

О да, это многое объясняло. Я высматривала, что происходит на танцевальной площадке в гостиной, где мама Синтии, наряженная в костюм Статуи Свободы, очень раскованно танцевала.

— Давай найдем Лесли и Рафаэля и исчезнем отсюда, — сказала я.

В Гидеона врезался стручок сладкого перца.

— …звини, — пробормотала Сара, зашитая в костюм паприки, но потом глаза ее расширились. — О-мой-бог! Ты *настоящий?*

Она ткнула указательным пальцем в камзол Гидеона.

— Сара, ты не видела Лесли? — спросила я раздраженно. — Или ты слишком пьяная, чтобы соображать?

— Я абсолютно трезвая, — воскликнула Сара. Она шаталась, так что наверняка упала бы, если бы Гидеон ее не поддержал. — Я докажу тебе. На дворе трава, на траве дрова. Ну-ка повтори! Такое нельзя выговорить, если ты пьян. Правда? — Она бросила томный взгляд на Гидеона, который явно развлекался происходящим. — Если ты вампир, можешь меня укусить, я не против.

На короткий момент мне захотелось выхватить у Гидеона стакан с монстер-крюшоном и опустошить одним духом. Этот шумный бурлящий зеленый ад был ядом для моих потрепанных нервов.

Мы вообще-то не собирались идти на вечеринку, даже если меня ждало платье Сиси. Когда мы освободились от костюмов начала века и покинули церковь, меня все еще трясло после разговора с Люси и Полом. Мне хотелось только одного — залезть в постель и вылезти только тогда, когда все будет позади. Или хотя бы (вариант с постелью я сразу отбросила как нереальный) дать моим мозгам в спокойной обстановке поразмышлять о произошедшем. Причем структурировано — с записочками, квадратиками и стрелочками, желательно разноцветными. Сравнение Пола с метро, которое кто-то строит в наших головах, показалось мне очень верным. Не хватало только плана линий.

Но Лесли прислала мне четыре смс, в которых настаивала на нашем присутствии на вечеринке. Особенно последняя звучала очень настоятельно. *«Вы должны как можно скорее оказаться здесь, иначе я ни за что не отвечаю»*.

— О! Гвенни! — Это был Гордон Гельдерман, в комбинезоне из искусственной травы. Он таращился в мое Сиси-декольте и тихонько присвистнул. — Я всегда знал, что под твоей блузкой есть еще что-то, кроме доброго сердца.

Я закатила глаза. Гордон не умел вести себя иначе, чем неловко, но разве Гидеон должен при этом так глупо ухмыляться?

— Эй, Гордон! Скажи четыре раза подряд: «На дворе трава, на траве дрова», — закричала Сара.

— На творе драва, на драве трова! На драве драва, на тваре драва, —

сказал уверенно Гордон. — Без проблем! Эй, Гвенни, ты уже пробовала крюшон? — Он доверительно нагнулся ко мне и заорал прямо в ухо: — Боюсь, не у меня одного появилась идея немного… э-э-э… оживить рецепт.

У меня перед глазами возникла картинка, как гости, один за другим, крадутся мимо буфета, оглядываются тайком и выливают бутылки водки в крюшон.

— Корабли лавировали-лавировали, да не вылавировали! Попробуй повторить это четыре раза подряд! — скандировала Сара, ласково похлопывая Гидеона ниже спины. — Лесли в зимнем саду. Там караоке. Я сейчас тоже туда пойду, только возьму еще бокальчик крюшона. — Зеленая кисточка на ее голове смешно раскачивалась. — Это действительно самая лучшая вечеринка, на которой я когда-либо была.

Гидеон захихикал.

— Да, Синтия должна быть нам по-настоящему благодарной. После сегодняшней ночи никто не сможет называть ее вечеринки скучными. Ей просто повезло! К тому же кейтеринг привез слишком много зеленой еды. Нам разрешили позвать друзей. Некоторые из них даже без костюмов, я уже не говорю о зеленом цвете!

Я снова закатила глаза и энергично потянула Гидеона прочь, через всю танцующую толпу сумасшедших, вглубь, в зимний сад. Гордон шел за нами.

— Ты будешь петь сегодня караоке, Гвенни? В прошлый раз ты была лучше всех. Я бы проголосовал за тебя, если бы Кэти не вылила воду себе на футболку. Это выглядело так круто, поэтому…

— Закрой уже рот, Гордон!

Я хотела повернуться к нему, но в этот момент увидела Шарлотту. Или кого-то, кто мог быть Шарлоттой, если бы этот кто-то не стоял посредине зимнего сада на столе и не орал в микрофон *Paparazzi* Леди Гага.

— Боже мой, — пробормотал Гидеон и взялся за дверную раму.

— *Ready for those flashing light*, — пела Шарлотта.

Я лишилась дара речи. Вокруг стола стояла куча народу, все орали, подбадривали, так как Шарлотта пела совсем неплохо. Гордон бросился в толпу и заорал: «Раз-де-вай-ся! Раз-де-вай-ся!» Я увидела Рафаэля и Лесли, выглядевшую изумительно в почти зеленом Грейс-Келли-платье и с подходящей прической — уложенными волнами волосами, и протиснулась к ним. Гидеон остался стоять у двери.

— Ну наконец-то! — закричала Лесли и бросилась мне на шею. — Она пила крюшон и сейчас сама не своя. С полдесятого она пытается рассказать людям о тайном обществе графа Сен-Жермена и о

путешественниках во времени, которые живут среди нас. Мы всё испробовали, чтобы увести ее домой, но она, как угорь, ей постоянно удается ускользнуть от нас.

— Кроме того, она намного сильнее нас, — сказал Рафаэль, на котором была смешная зеленая шляпка, но в остальном — радостным он не выглядел. — Недавно мне удалось дотащить ее до входной двери, пока она мне не вывернула руку и не пригрозила, что сломает сустав.

— А сейчас она еще добралась до микрофона, — сказала Лесли мрачно.

Мы уставились на Шарлотту, как будто она была тикающей бомбой. Нужно признаться, красиво упакованной тикающей бомбой. Каролина не преувеличила: ее платье эльфа было потрясающим. Ни один настоящий эльф не мог быть красивее Шарлотты, чьи нежные плечи поднимались над облаком из зеленых кружев. У нее покраснели щеки, блестели глаза, а волосы завивались колечками, переливались локонами, опускаясь сзади до изумительно сделанных крыльев, которые выглядели так, как будто Шарлотта с ними родилась. Я бы не удивилась, если бы она в следующий момент взмыла вверх и порхала бы в зимнем саду.

Зато ее голос не имел ничего общего с эльфами. Он был немного похож на голос Леди Гага.

— *You know that I'll be your Papa-Paparazzi*, — орала она в микрофон, а когда Гордон опять завел свое «Раз-де-вай-ся!», начала развязно снимать длинную зеленую перчатку, помогая себе при этом зубами — палец за пальцем.

— Это из какого-то фильма, — сказала Лесли, вопреки желанию впечатленная увиденным. — Только я не могу вспомнить из какого.

Толпа заулюлюкала, когда Гордон поймал перчатку.

— Дальше! — заорали все, и Шарлотта занялась второй перчаткой.

Но внезапно она замерла. Она увидела у двери Гидеона, и ее глаза сузились.

— О, кто это у нас там? — сказала она в микрофон, водя взглядом по комнате поверх голов, пока не увидела меня. — И моя кузиночка тоже здесь — естественно! Эй, люди, а вы знаете, что Гвендолин на самом деле путешественница во времени? Вообще-то *я* должна была ею быть, но судьба распорядилась иначе. И внезапно я оказалась в роли одной из дур-сестер Золушки.

— Пой дальше! — орали вокруг нее, удивленные фанаты.

— Раз-де-вай-ся! — орал Гордон.

Шарлотта склонила голову набок и пристально смотрела на Гидеона

горящими глазами.

— *But I won't stop until that boy is mint?* Ха-ха, как бы не так! Так низко я не упаду. — Она вытянула указательный палец в сторону Гидеона и крикнула: — Он тоже может путешествовать во времени. И очень скоро он вылечит человечество от болезней.

— Черт, — пробормотала Лесли.

— Кто-то должен стащить ее оттуда, — сказала я.

— Да, но как? Она же боевая машина. Может, кинуть в нее чем-то тяжелым? — предложил Рафаэль.

Публика Шарлотты засомневалась. Становилось заметным, что Шарлотта вовсе не веселилась. Только Гордон продолжал орать «Раз-де-вай-ся!» Я попыталась поймать взгляд Гидеона, но он смотрел только на Шарлотту. Медленно он пробирался сквозь толпу к столу, на котором она стояла. Она набрала воздуха и микрофон донес ее вздох до самого укромного уголка зимнего сада.

— Он и я — мы все знаем про историю. Мы учились для наших совместных путешествий во времени. Вы бы видели, как он танцует ментуэт! Или скачет на лошади! Или фехтует! Или играет на пианино! — Гидеон почти добрался до нее. — Он необыкновенно хорош во всем, что делает. И он может признаться в любви на восьми языках, — произнесла Шарлотта мечтательно, и впервые в жизни я увидела слезы в ее глазах. — Не то чтобы он объяснялся мне в любви — нет! Он смотрит только на мою придурковатую кузину.

Я закусила губу. Эти слова выдавали разбитое сердце, и никто на свете не мог понять это лучше меня. Кто бы мог подумать, что у Шарлотты вообще есть сердце? Мне снова захотелось, чтобы теория Лесли о марципановом сердце была правдой. При этом мое сердце болезненно сжалось, и я напряженно старалась удержать в рамках ревность, которая грозила затопить мою душу.

Гидеон протянул руку вверх Шарлотте.

— Пора идти домой.

— Бу-у-у-у, — закричал Гордон, чуткий, как газонокосилка, но все остальные молча ждали.

— Пусти меня, — сказала Шарлотта Гидеону. Она немного шаталась. — Я еще не все сказала.

Одним прыжком Гидеон оказался с ней на столе и забрал у нее микрофон.

— Представление окончено, — сказал он. — Идем, Шарлотта, я отведу тебя домой.

Шарлотта зашипела на него, как разозленная кошка.

— Если ты только дотронешься до меня, я сломаю тебе шею. Я владею крав-магой, чтоб ты знал!

— Я тоже. Ты забыла?

Он снова протянул руку. Поколебавшись, Шарлотта взяла ее и даже позволила снять себя со стола, уставшего, пьяного эльфа, который едва мог стоять на ногах. Гидеон обнял ее за талию и повернулся к нам. Как это часто бывало, по его лицу невозможно было понять, о чем он сейчас думает.

— Я быстро разберусь с этой проблемой. Вы идите с Рафаэлем ко мне домой, — сказал он коротко. — Встретимся там.

Наши глаза встретились.

— До скорого, — сказал он.

Я кивнула.

— До скорого.

Шарлотта ничего не сказала. И я спросила себя, не было ли у Золушки небольших угрызений совести, когда она скакала прочь с принцем на белом коне.

~~~

«Навсегда» состоит из множества «сейчас».

Эмили Дикинсон.
~~~

Глава четырнадцатая

— Еще один повод держаться от алкоголя подальше, — простонала Лесли. — Можно выкручиваться как угодно, но в конце всегда выглядишь дураком, если напился и вел себя как дурак. Я бы не хотела быть на месте Шарлотты в понедельник утром в школе.

— И на месте Синтии, — сказала я.

Когда мы уходили, то увидели именинницу, целующуюся в прихожей с мальчиком на два года младше. (При этих обстоятельствах я решила не прощаться с Синтией, тем более что мы и не здоровались.)

— И на месте бедного парня, которого вырвало на прикольные тапки в виде лягушек мистера Дейла, — сказал Рафаэль.

Мы свернули в Мэйнор-стрит.

— Но Шарлотта превзошла всех. — Лесли остановилась перед витриной мебельного магазина, но не для того, чтобы посмотреть, что там выставлено, а чтобы полюбоваться собственным отражением. — Не хотелось бы признаваться, но мне ее было жаль.

— Мне тоже, — сказала я тихо. Я на собственной шкуре знала, как это — быть влюбленной в Гидеона. И, к сожалению, я знала, что чувствуешь, когда своим поведением позоришься перед людьми. — Если ей повезет, завтра она забудет обо всем случившемся.

Рафаэль отпер входную дверь в один из домов из красного кирпича, стоявших в ряд. От дома Дейлов в Флуд-стрит досюда было всего ничего, так что мы переодевались к вечеринке у Гидеона дома. Но я была так взволнована встречей с Люси и Полом в 1912 году, что только теперь обратила внимание на апартамент.

Вообще-то я всегда была уверена, что Гидеон живет в ультра-современном лофте, с пустой площадью в сотни квадратных метров и кучей хрома и стекла, и плоским телевизором с диагональю размером с футбольное поле. Но я ошибалась. От входной двери узкий коридор вел через маленькую лестницу в наполненную светом гостиную, где вместо одной стены было огромное окно. Полки до потолка закрывали все стены, на них стояли книги, DVD и пара скоросшивателей — все это всевозможных цветов. Перед окном стоял большой серый диван с кучей подушек. Но центральное место в комнате занимал открытый рояль, чье достоинство, правда, слегка страдало от доски для глажки, прислоненной к нему. И висящая на углу крышки рояля треуголка, которую мадам Россини

наверняка давно искала, не очень подходила по стилю. Но — возможно, Гидеон так представлял себе *Прекрасное жилье*.[48]

— Что будете пить? — спросил Рафаэль тоном опытного хозяина.

— А что у вас есть? — спросила Лесли и недоверчиво заглянула в кухню, где в мойке стояла груда немытой посуды со следами того, что раньше, наверное, было томатным соусом. А может, это Гидеон проводил какие-то медицинские эксперименты для учебы.

Рафаэль открыл холодильник.

— Э-э-э-м. Посмотрим. Тут у нас есть молоко, но срок употребления закончился в прошлую среду. Апельсиновый сок… О! Он может каким-либо образом затвердеть? Там в пакете что-то странно шуршит. Но вот это выглядит многообещающе, похоже на какой-то лимонад, смешанный с…

— Эй, для меня — просто воду, пожалуйста.

Лесли хотела упасть на серый диван, но в последнюю минуту вспомнила, что Грейс-Келли-платье не очень подходит для валяния на диване, и благовоспитанно уселась на краешек. Я, глубоко вздохнув, рухнула рядом с ней.

— Бедная Гвенни. — Она ласково потрепала меня по щеке. — Что за день! Ты, наверное, страшно устала, да? Если я скажу, что по тебе это совсем не заметно, тебя это немного утешит?

Я пожала плечами.

— Немного.

Рафаэль вернулся из кухни со стаканами и бутылкой воды и сбросил с журнального столика пару газет и книг, среди которых был альбом о мужчинах в стиле рококо.

— Можешь сдвинуть в сторону пару квадратных сантиметров рюшечек, чтобы я тоже поместился на диване? — Он улыбнулся мне.

— Ах, садись прямо на платье, — сказала я, откинула назад голову и закрыла глаза.

Лесли вскочила.

— Об этом не может быть и речи! Платье будет испорчено, и мы никогда больше не сумеем ничего одолжить у мадам Россини. Вставай, я помогу тебе расшнуровать корсаж. — Она потянула меня, чтобы поднять на ноги, и начала освобождать меня от Сиси-платья. — А ты смотри в другую сторону, Рафаэль!

Рафаэль упал на диван и уставился в потолок.

— Так годится?

Когда я снова оказалась в джинсах и футболке и выпила немного воды, я почувствовала себя лучше.

— Как это было, твоя… ну, когда ты встретилась с Люси и Полом? — спросила Лесли тихо, когда мы снова уселись на диван.

Рафаэль сочувственно смотрел на меня сбоку.

— Улет, если собственным родителям, на самом деле, столько же лет, сколько тебе.

Я кивнула.

— Это было довольно… странно и… волнующе.

И я рассказала им все, от приветствия дворецкого до нашего признания, что на украденном хронографе Круг уже замкнут.

— Тот факт, что у нас есть Камень Мудрости — или *соль с блестками*, как называет его Ксемериус, — шокировало их окончательно. Они страшно разволновались, а Люси, когда волнуется, говорит еще больше, чем, можешь себе такое представить? Они перестали нас упрекать и ругать, только когда я сообщила, что я в курсе… э-э-э… наших родственных отношений.

Лесли еще шире раскрыла глаза.

— И?

— На какой-то момент они стихли. А в следующий — опять все расплакались, — сказала я и устало потерла глаза. — Мне кажется, что теми слезами, которые я пролила за последние дни, можно полить поле в Африке в засушливое время.

— Ах, Гвенни. — Лесли беспомощно погладила меня по руке.

Я попыталась ухмыльнуться.

— Да, а потом мы порадовали их известием, что граф меня убить *не может*, и вообще никто не может, потому что я бессмертна. Они, конечно, не поверили, и поскольку времени было мало, мы не смогли им доказать на примере — например, Миллхауз мог бы меня быстренько придушить или что-то в этом духе. Так что мы оставили их сидеть с раскрытыми ртами и помчались назад, чтобы успеть в церковь до нашего обратного прыжка.

— И что теперь дальше будет?

— Завтра утром мы опять прыгнем к ним, и Гидеон хочет поделиться гениальным планом, — сказала я. — К сожалению, он должен его еще придумать сегодня ночью. А если он хотя бы наполовину так устал, как я, вряд ли у него будет ясная голова.

— Ну, для этого существует кофе. И я — гениальная Лесли Хей. — Лесли одарила меня ободряющей улыбкой. Потом вздохнула. — Но ты права, это совсем не просто. То, что у вас есть собственный хронограф для путешествий во времени, — замечательно, но вы не сможете его бесконечно использовать. В первую очередь, потому что вам завтра опять

нужно к графу, а значит, в вашем распоряжении останутся только два часа или меньше для элапсации.

— Э-э-э? — произнесла я.

Лесли вздохнула.

— Ты что, не читала *«Анну Каренину»?* Ежедневно можно элапсировать не более пяти с половиной часов, иначе наступают побочные явления. — Лесли сделала вид, что не заметила восхищенного взгляда Рафаэля. — И я не знаю, что я должна думать по поводу порошка, который вы заполучили. Это… опасно. Я надеюсь, вы хотя бы спрятали его так, чтобы никто не мог найти.

Если я не ошибалась, бутылочка до сих пор лежала в кармане кожаной куртки Гидеона. Но этого я Лесли не сказала.

— Пол минимум двадцать раз сказал, что мы должны уничтожить субстанцию.

— Он совсем не глуп!

— Нет! — Я покачала головой. — Гидеон считает, что она может стать нашим козырем в рукаве.

— Круто! — сказал Рафаэль. — Можно, в виде шутки, выставить ее на *eBay* и посмотреть, кто будет участвовать в аукционе. Порошок бессмертия для разового употребления. Минимальная ставка — один фунт.

— Я не знаю никого, кроме графа, кто хотел бы стать бессмертным, — сказала я с горечью. — Это же должно быть ужасным — продолжать жить, когда все вокруг тебя умирают. Я, например, не хочу это испытать! Прежде чем остаться совершенно одной, я брошусь со скалы! — Я подавила очередной вздох, который мне захотелось сделать при этой мысли. — Вы не думаете, что мое бессмертие — это в каком-то смысле дефект на генном уровне? В конечном итоге, у меня не одна линия путешественников в крови, а одновременно две.

— Очень может быть, — сказала Лесли. — Тобой замыкается Круг — в буквальном смысле слова.

Какое-то время мы просто пялились на стену напротив. На ней черными буквами была написана фраза на латыни.

— Что это, собственно, означает? — спросила Лесли наконец. — Не забыть заполнить холодильник?

— Нет, — сказал Рафаэль. — Это цитата из Леонардо да Винчи, и де Вилльеры украли ее у него и утверждали, что это девиз их рода.

— О, тогда в переводе это должно означать *«Мы не хвастуны, мы по-настоящему прекрасны»*. Или *«Мы знаем всё и всегда правы!»*

Я хихикнула.

— *Привязывай свою повозку к звезде*, — сказал Рафаэль. — Вот что это значит. — Он откашлялся. — Принести бумагу и карандаши? Чтобы было легче размышлять? — Он неловко улыбнулся. — Это, наверное, будет извращением, то, что я сейчас скажу, но мне очень нравится ваша мистическая игра.

Лесли села ровно. На ее лице медленно появилась улыбка, и веснушки на носу затанцевали.

— Мне тоже, — сказала она. — То есть, я хочу сказать, я знаю, что это не игра и что речь идет о жизни и смерти, но я давно не получала такого удовольствия, как в последние недели. — Она бросила на меня виноватый взгляд. — Извини, Гвенни, но это мегакруто, когда у тебя лучшая подруга — бессмертная путешественница во времени, я думаю, что это круче, чем самой ею быть.

Я не могла иначе, я должна была рассмеяться.

— Тут ты права. Я бы тоже получила больше удовольствия, если бы мы поменялись ролями.

Когда Рафаэль вернулся с бумагой и карандашами, Лесли тут же начала рисовать квадратики со стрелками.

— Прежде всего меня волнует вопрос о соратниках графа среди Хранителей. — Она пожевала карандаш. — Хотя это всего лишь предположение, ну да ладно. По сути, им может быть любой, или? Министр здравоохранения, смешной доктор, дружелюбный мистер Джордж, мистер Уитмен, Фальк… — и рыжий придурок, как его там зовут?

— Марли, — сказала я. — Но я думаю, что ему это не под силу.

— Но он потомок Ракоци. И всегда те, о ком меньше всего можно такое подумать, в конце концов оказываются… Ну, ты знаешь!

— Это правда, — сказал Рафаэль. — Невинные всегда оказываются злодеями. Нужно всегда быть осторожным с заиками и придурками.

— Этот соратник графа, назовем его мистер X, может быть убийцей дедушки Гвенни. — Лесли лихорадочно черкала по бумаге. — И, возможно, он будет тем, кто должен будет убить Гвенни, когда граф получит свой Эликсир. — Она любяще посмотрела на меня. — С тех пор как я узнала, что ты бессмертна, я волнуюсь чуть-чуть меньше.

— Бессмертна, но не неуязвима, — сказал Гидеон.

Мы подскочили и испуганно уставились на него. Он незаметно зашел в квартиру и стоял в дверях, скрестив руки на груди. На нем все еще был наряд из восемнадцатого века, и, как всегда, при виде его у меня кольнуло сердце.

— Как там Шарлотта? — спросила я и надеялась, что вопрос

прозвучит настолько нейтрально, как мне этого хотелось.

Гидеон устало пожал плечами.

— Думаю, завтра утром ей понадобятся пара таблеток аспирина. — Он подошел поближе. — Чем это вы занимаетесь?

— Планами. — Лесли высунула кончик языка, быстро двигая карандашом по бумаге. — Мы должны не забыть о магии Ворона, — сказала она сама себе.

— Гид, а что *ты* думаешь, кто может быть тайным соратником графа среди Хранителей? — Рафаэль нервно грыз ногти. — Я подозреваю дядю Фалька. Я всегда его боялся, с самого раннего детства.

— Глупости. — Гидеон подошел ко мне и поцеловал в макушку, потом опустился в потертое кресло напротив, оперся локтями о колени и убрал прядь волос со лба. — У меня постоянно крутится в голове то, что сказала Люси: что бессмертие графа прекратилось в момент рождения Гвен.

Лесли оторвалась от своих диаграмм и кивнула.

— *Как только взойдет Двенадцатая звезда, начнется Смертного обычная судьба,* — процитировала она, и я снова разозлилась, что эти глупые рифмы опять вызвали дрожь в спине. — *Сила рассыпется, юность растает, на исчезновение Дуб обречен.*

— Ты что, знаешь их все наизусть? — спросил Рафаэль.

— Не все. Но некоторые из них врезаются в память, — ответила немного смущенно Лесли. Потом она обратилась к Гидеону: — Я так это интерпретирую: когда граф примет порошок в прошлом, он станет бессмертным. Но только до того момента, когда взойдет Двенадцатая звезда, ну, в смысле, когда родится Гвендолин. В момент ее рождения с бессмертием покончено. *На исчезновение Дуб обречен* означает, что граф опять станет смертным. Но он может убить Гвендолин, чтобы остановить этот процесс. Но до этого она должна сделать возможным получение Эликсира. И если он Эликсир не получит, он не сможет стать бессмертным. Я понятно объяснила?

— Да, в каком-то смысле, — сказала я и подумала о Поле и строительстве метро в наших мозгах.

Гидеон медленно покачал головой.

— А если мы с самого начала допустили ошибку в наших рассуждениях? — спросил он, растягивая слова. — Если у графа уже давным-давно есть этот порошок?

Я почти уже произнесла очередное «Э-э-э?», но в последний момент удержалась.

— Этого не может быть, поскольку Круг крови в одном из

хронографов не замкнут, а Эликсир из второго хронографа, надеюсь, спрятан в надежном месте, — сказала нетерпеливо Лесли.

— Да, — сказал Гидеон медленно. — В данный момент. Но так не должно быть всегда. — Он вздохнул, заметив наши непонимающие взгляды. — Подумайте сами: может быть так, что граф когда-нибудь в восемнадцатом столетии — каким бы то ни было способом — принял Эликсир и стал бессмертным.

Мы втроем уставились на него. Непонятно по какой причине, но я вся покрылась гусиной кожей.

— Что, в свою очередь, означает, что в настоящий момент он может быть жив, — продолжил Гидеон, глядя при этом мне в глаза. — Что он сейчас где-то ходит по улицам и ждет, пока мы принесем ему Эликсир в восемнадцатый век. А потом — пока не представится возможность убить тебя.

Пару секунд царило молчание. Потом Лесли сказала:

— Я не хочу сказать, что целиком поняла твою мысль, но если даже вы передумаете и действительно принесете графу Эликсир… у него все равно возникнет небольшая проблема, — в этом месте она довольно ухмыльнулась, — он *не может* убить Гвенни.

Рафаэль крутанул карандаш на столе, и он закрутился волчком.

— Кроме того, почему вы должны передумать, если знаете, что граф собирается делать?

Гидеон ответил не сразу. На его лице не было никакого выражения, когда он наконец произнес:

— Потому что нас можно шантажировать.

Я проснулась, почувствовав на лице что-то влажное и холодное и услышав слова Ксемериуса:

— Через десять минут зазвонит будильник!

Я со стоном натянула одеяло на голову.

— Ты всегда недовольна. Вчера ты жаловалась, что я тебя не разбудил. — Ксемериус обиделся.

— Вчера я не завела будильник. А сейчас действительно чертовски рано, — прорычала я.

— Нужно приносить жертвы, если хочешь спасти мир от бессмертного с манией величия, — сказал Ксемериус. Я услышала, как он с жужжанием сделал круг по комнате. — С которым, между прочим, ты встречаешься сегодня во второй половине дня, если ты вдруг забыла. Давай уже вставай!

Я притворилась мертвой. Что было нетрудно, потому что я и

чувствовала себя такой — несмотря на бессмертие. Но на Ксемериуса мои старания не произвели впечатления. Он в хорошем настроении завис над моей кроватью и каркал прописные истины одну за другой прямо мне в ухо. Начиная с *«Кто рано встает, тому бог подает»* и до *«Ранняя пташка ест червяка»*.

— Ранняя пташка может катиться к черту! — сказала я, но Ксемериус достиг своей цели.

Раздраженная, я вылезла из постели и поэтому ровно в семь утра стояла на станции метро перед Темплом. Ну ладно, если быть точной, было семь часов шестнадцать минут, но часы на моем мобильнике немного спешили.

— Ты выглядишь так же устало, как я себя чувствую, — простонала Лесли, которая уже ждала меня на условленной платформе.

В это время, тем более в воскресенье утром, на станции было спокойно, но я все-таки задавала себе вопрос, как Гидеон собирается незаметно проникнуть в один из туннелей. Платформы были ярко освещены, к тому же на станции было множество камер видеонаблюдения. Я поставила на пол тяжелую сумку и хмуро глянула на Ксемериуса, устроившего рискованный слалом между колоннами.

— Ксемериус во всем виноват. Он не позволил мне использовать мамин консилер — якобы мы уже опаздывали. Не говоря уже о заходе в «Старбакс».

Лесли с любопытством склонила голову на бок:

— Ты ночевала дома?

— Конечно, а где же? — спросила я несколько несдержанно.

— Ну, я не знаю, я думала, вы прервались ненадолго от составления планов, когда я и Рафаэль ушли. — Она почесала нос. — Тем более, что я специально прощалась с Рафаэлем особенно долго, чтобы у вас было время перебраться с дивана в спальню.

Я с прищуром посмотрела на нее.

— Особенно долго? — спросила я, растягивая слова. — Как самоотверженно!

Лесли ухмыльнулась.

— Представь себе, — сказала она. Она даже ни капли не покраснела. — Но не уводи от темы. Ты бы могла спокойно сказать маме, что ночуешь у меня.

Я скривила рот.

— Ну, если честно, то я так и сказала. Но Гидеон настоял на том, чтобы вызвать для меня такси. — И расстроенно добавила: — Очевидно, я

не такая соблазнительная, как думала.

— Он просто… э-э-э… очень ответственный, — сказал Лесли в утешение.

— Да, можно и так сказать, — сказал Ксемериус, закончив свой слаломный полет. Тяжело дыша, он сел на пол рядом со мной. — Или зануда, тряпка, трус. — Он набрал воздуха. — Боягуз, дезертир, слабак…

Лесли посмотрела на часы. Ей пришлось кричать, чтобы ее можно было услышать за звуком подъезжающего с Центральной линии поезда:

— Но, видимо, не слишком пунктуальный. Уже двадцать минут… — Она скользила взглядом по немногим пассажирам, выходящим из поезда. И вдруг — совсем неожиданно — ее глаза загорелись. — О, вон они.

— Оба с нетерпением ожидаемых сказочных принца этим утром в виде исключения оставили своих белых коней на конюшне и приехали на метро, — продекламировал Ксемериус елейным голосом. — Когда обе принцессы увидели их, у них заблестели глаза, а когда мощные заряды гормонов, присущие юности, встретились друг с другом в виде приветственных поцелуев и дурацких улыбок, умного и непостижимо красивого демона стошнило в урну.

Он бессовестно преувеличивал — никто из нас не улыбался по-дурацки. В крайнем случае — блаженно. И никто не смущался. Ну, в крайнем случае — только я. Потому что снова вспомнила, как Гидеон сегодня ночью убрал мои руки со своей шеи и сказал: «Будет лучше, если я сейчас вызову такси для тебя. Сегодня у нас будет напряженный день». Я показалась себе репейником, который нужно снять с пуловера. А самое страшное было, что я именно в этот момент собралась произнести «Я люблю тебя». Не то чтобы он этого не знал, но… я ему эти слова еще не говорила. А сейчас я вообще не была уверена, что он хочет их услышать.

Гидеон погладил меня по щеке.

— Гвенни, я могу все сделать сам. Мне нужно только выловить дежурного Хранителя по пути наверх и забрать у него письмо.

— *Только* — хорошо сказано, — заметила Лесли.

Мы были далеки от составления гениального плана, но все-таки разработали вчера вчетвером «план действий в общих чертах», как выразилась Лесли. В любом случае нам надо было еще раз встретиться с Люси и Полом, причем до того, как мы отправимся к графу во второй половине дня. Еще нам надо было позаботиться о письме, где указывалось местопребывание Люси и Пола, которое Гидеон на прошлой неделе доставил в 1912 год. Оно ни в коем случае не должно было попасть в руки тогдашнего Великого мастера и близнецов де Вилльеров. Поскольку время,

которым мы располагали для тайных путешествий с частным хронографом, если мы хотели избежать физического ущерба (то есть, вслед за Ксемериусом блевать в мусорную корзину), было ограничено максимум полутора часами, перед нами стояла непростая задача — использовать каждую минуту с максимальной пользой.

Рафаэль на полном серьезе предложил пронести хронограф контрабандой в штаб-квартиру Хранителей и совершать прыжки оттуда, но для этого его старшему брату недоставало хладнокровия. Тот в ответ вытащил пару свитков и наколдовал из них план подземных ходов под Темплом, закрепив его между *«Анатомией человека в 3D»* и *«Системой кровообращения человеческой руки»*. И этот план был причиной того, что мы сейчас стояли на платформе одной из станций метро.

— Ты хочешь сделать это без нас? — Я нахмурила брови. — Но мы же договорились, что теперь будем делать все вместе.

— Вот именно, — сказал Рафаэль. — Иначе, в конце концов, скажут, что ты один спас целый мир.

Он и Лесли должны были охранять хронограф, и даже если Ксемериус заявил обиженным тоном, что он тоже прекрасно справился бы с этим заданием, было отрадно знать, что они могут вместе с ним исчезнуть отсюда, если нам придется прыгать назад в другом месте.

— Кроме того, без нас наделаешь кучу ошибок! — Лесли сверкнула глазами на Гидеона.

Гидеон поднял руки.

— Ну ладно, ладно, я понял. — Он взял мою сумку и глянул на часы. — Подходит. В 7.33 приходит следующий поезд. После этого у нас будет ровно четыре минуты, чтобы найти первый проход до того, как появится следующий поезд. Фонарики включаем только по моей команде.

— Ты права, — шепнула мне Лесли. — К его командирскому тону надо еще привыкнуть.

— *Merde!*[49] — выругался Рафаэль от всей души. — Получилось в обрез.

Я могла с ним только согласиться. Лучи наших фонариков метались по кафельным плиткам на стенах и выхватывали наши бледные лица. Сзади нас грохотали вагоны проносящегося поезда метро. Четыре минуты, теперь мы уже знали, были в обрез, чтобы в конце платформы перелезть через заграждение, прыгнуть вниз и забежать в туннель. А потом бежать, задыхаясь, за Гидеоном еще пятьдесят метров, чтобы беспомощно остановиться у железной двери в правой стенке туннеля и наблюдать, как

Гидеон неторопливо достает из кармана что-то типа отмычки и пытается вскрыть замок. Это был тот самый момент, когда Лесли, Ксемериус и я начали хором кричать «Давай! Давай», а наши голоса перекрывал грохот приближающегося поезда.

— По карте должно было быть ближе, — сказал Гидеон и обвел всех извиняющимся взглядом.

Лесли первая взяла себя в руки. Она направила луч своего фонарика в темноту перед собой и осветила стену, перегораживающую проход в метрах четырех от места, где мы стояли, превращая проход в тупик.

— Окей, мы в правильном месте. — Она сверилась с картой. — В 1912 году этой стены еще не было. За ней проход идет дальше.

Пока Гидеон, присев на корточки, разворачивал хронограф и вводил данные, я вытащила из сумки нашу одежду для 1912 года и собралась снять джинсы.

— Что ты собираешься делать? — рассеянно спросил Гидеон. — Ты собираешься бежать по проходам в длинном платье?

— Э-э-э… я думала… аутентичность и все такое…

— Плевать на аутентичность, — сказал Гидеон.

Ксемериус захлопал когтистыми лапами.

— Да, плевать на нее! — закричал он восторженно. Потом повернулся ко мне. — Плохая компания дает о себе знать. Наконец-то.

— Сначала ты, Гвенни. — Гидеон кивнул мне.

Я присела перед хронографом. Было немного странно исчезнуть на глазах слегка напряженных Лесли и Рафаэля, но у меня уже выработалась некая привычка к происходящему. (Скоро я, наверное, буду прыгать в прошлое столетие, чтобы купить булочек.)

Гидеон приземлился рядом и посветил фонариком вперед. Здесь, в 1912 году, не было никакой стены, конус света терялся в длинном низком проходе.

— Готов? — спросила я с ухмылкой.

— Если ты готова, — ответил он и улыбнулся в ответ.

Я вовсе не была уверена, что готова. Если уже туннель в метро вызывал у меня стеснение в груди, то теперь у меня появился реальный шанс попасть на лечение к психотерапевту по поводу клаустрофобии. Чем дальше мы шли, тем ниже и разветвленней становились коридоры. Время от времени появлялись лестницы, ведущие еще ниже, один раз мы стояли перед обвалом, засыпавшим проход, и должны были вернуться. Слышны были только наше дыхание и шаги, и иногда шуршание бумаги, когда Гидеон останавливался и сверялся с планом. Мне казалось, что шорох и

звуки шагов доносились откуда-то еще. Наверное, в этом лабиринте жила целая армия крыс и — если пофантазировать — если бы я была гигантским пауком, то выбрала бы это место для проживания и охоты.

— Окей, здесь должен быть поворот направо, — пробормотал Гидеон сосредоточенно.

Мне казалось, что это был уже сороковой поворот. Коридоры были неотличимы один от другого. Не было вообще ничего для ориентации. И кто мог знать, что этот чертов план был правильный? Что, если его начертил какой-нибудь придурок типа Марли? Тогда нас в 2250 году откопают в виде держащихся за руки скелетов. Ах нет, я забыла. Только Гидеон станет скелетом. Меня, абсолютно живую, найдут цепляющейся за его кости, что не делало представление намного приятнее.

Гидеон остановился, со вздохом сложил план и спрятал его в карман.

— Мы заблудились? — Я старалась оставаться спокойной. — Может, эта карта никуда не годится. А что, если мы никогда…

— Гвендолин, — перебил он меня нетерпеливо. — С этого места я знаю дорогу. Мы уже близко. Идем.

— Да? — Мне стало стыдно. Сегодня утром я была слишком уж… э-э-э… *девочкой*.

Друг за другом мы поспешили дальше. Для меня осталось загадкой, как Гидеон ориентировался в этом лабиринте.

— Черт! — Я ступила в лужу. Рядом с лужей сидела темно-коричневая крыса, ее глаза горели красным в свете моего фонарика. Я громко пискнула. Наверное, по-крысиному, этот писк означал «Ты очень симпатичная», потому что крыса встала на задние лапы и склонила голову набок. — Ты совсем не симпатичная! — взвизгнула я. — Убирайся!

— Где ты там застряла? — Гидеон уже исчез за следующим поворотом.

Я сглотнула и собрала все свое мужество, чтобы пробежать мимо крысы. Они же не были похожи на собак, чтобы погнаться и укусить за икру, правда? На всякий случай, я слепила животное фонариком, пока почти не добежала до угла, где меня ждал Гидеон. Там я перевела луч вперед и еще раз взвизгнула. В конце коридора я увидела силуэт мужчины.

— Там кто-то есть, — зашипела я.

— Черт! — Молниеносно Гидеон схватил меня и утащил в тень. Но было уже поздно. Даже если бы я не взвизгнула, луч фонарика все равно выдал бы нас.

— Мне кажется, он меня увидел, — прошептала я.

— Да, увидел, — сказал Гидеон хмуро. — Вообще-то это *я*. Идиот!

Иди! Будь приветлива со мной.

С этими словами он подтолкнул меня, так что я снова оказалась в коридоре.

— Какого черта… — прошептала я, когда оказалась в луче чьего-то фонарика.

— Гвендолин? — услышала я голос Гидеона, звучащий недоверчиво. Но на этот раз он слышался впереди.

Мне понадобилось еще полсекунды, но потом я сообразила, что мы встретили прежнее «Я» Гидеона, которое как раз собиралось передать письмо Великому мастеру. Я направила на него свет своего фонарика. Боже, это действительно был он! Он остановился в паре метров от меня и выглядел совершенно ошеломленным. Две секунды мы светили друг другу в глаза, а потом он спросил:

— Как ты сюда попала?

Я не могла иначе, я должна была ему улыбнуться.

— Э-э-э… не очень просто объяснить, — сказала я, хотя больше всего мне хотелось сказать «Эй, ты совершенно не изменился!». Другой Гидеон, за выступом стены, размахивал руками.

— Объясни мне! — потребовало раннее «Я», приближаясь ко мне.

Опять другой Гидеон яростно махал руками. Я не понимала, что он хочет сказать.

— Минутку. — Я вежливо улыбнулась раннему «Я». — Мне нужно кое-что выяснить. Я сейчас вернусь.

Но, очевидно, ни более поздний, ни ранний Гидеон не собирались ничего выяснять. Пока прежний спешил за мной, чтобы схватить за руку, более поздний не стал ждать, пока тот сумеет заглянуть за угол, а прыгнул вперед и изо всей силы треснул свое «альтер эго» фонариком по лбу. Прежний Гидеон упал на землю, как мешок с картошкой.

— Ты сделал ему больно! — Я стала рядом на колени и с ужасом смотрела на кровоточащую рану.

— Он останется жить, — сказал другой Гидеон хладнокровно. — Идем, нам нужно дальше! Письмо уже передано, этот, — он пихнул сам себя легонько ногой, — шел уже назад, когда встретил тебя.

Я не слушала его, а нежно гладила по голове его лежащее без памяти «Я».

— Ты сам себе дал по голове! Может быть, ты вспомнишь, как ты на меня из-за этого был зол?

Гидеон слабо ухмыльнулся.

— Помню. И мне очень жаль. Но кто может себе представить что-то в

этом духе? Идем уже! Прежде, чем этот дуралей очнется. Он уже давно передал письмо. — И выдал парочку французских слов, в которых я подозревала сочные ругательства, потому что в них, как раньше у его брата, пару раз мелькнуло *Merde*.

— Ну-ну-ну, молодой человек, — сказал голос где-то рядом с нами. — Только потому, что мы находимся вблизи канализации, не дает повод обращаться к фекальной речи.

Гидеон резко развернулся, но не предпринял попытку вырубить незнакомца. Может, потому что его голос звучал так добродушно и весело. Я подняла фонарик и посветила мужчине среднего возраста в лицо, а потом опустила конус света вниз — на тот случай, если бы он целился в нас из пистолета. Но он не целился.

— Меня зовут доктор Харрисон, — сказал он с легким поклоном, при этом его взгляд недоуменно перешел несколько раз с лица стоящего Гидеона на лицо лежащего. — И я как раз принял ваше письмо от дежурного адепта Цербер-стражи. — Он вытащил конверт из своего жакета, на нем красовалась большая красная печать. — Леди Тилни заверила меня, что он ни в коем случае не должен попасть в руки Великого мастера или других членов Внутреннего круга. Не считая меня.

Гидеон вздохнул и потер лоб тыльной стороной ладони.

— Мы хотели помешать передаче, но потеряли кучу времени в этих коридорах… а потом я, идиот, умудрился встретить самого себя. — Он взял письмо и спрятал в карман. — Спасибо.

— Де Вилльер, который признаёт свою ошибку? — Доктор Харрисон тихо засмеялся. — Что-то новенькое. Но, к счастью, леди Тилни взялась за дело, а я еще ни разу не видел, чтобы ее планы не удавались. Противоречить ей, кстати, тоже совершенно бесполезно. — Он показал на лежащего на земле Гидеона. — Ему нужна помощь?

— Было бы неплохо дезинфицировать рану и, может, положить что-нибудь мягкое под го… — сказала я, но Гидеон перебил:

— Ерунда! С ним все в порядке. — Он не обратил внимание на мои протесты и поднял меня на ноги. — Нам нужно возвращаться. Передавайте от нас привет леди Тилни, доктор Харрисон. И мою глубокую благодарность.

— Было приятно познакомиться, — сказал доктор Харрисон.

Он уже хотел повернуться, чтобы уйти, но мне пришло кое-что в голову.

— Ах, доктор Харрисон, — сказала я. — Не могли бы вы передать леди Тилни, что она не должна испугаться, когда я в будущем приду ее

навестить при элапсации?

Доктор Харрисон кивнул.

— С удовольствием. — Он помахал нам. — Удачи! — И поспешил скрыться.

Я еще произносила «До свидания», когда Гидеон потащил меня в другую сторону. Его лежащее без сознания «Я» осталось лежать в одиночестве на земле.

— Сейчас наверняка набегут крысы, — пробормотала я, охваченная сочувствием. — Их привлечет кровь.

— Ты путаешь их с акулами, — сказал Гидеон. Но вдруг резко остановился, повернулся ко мне и обнял. — Прости меня, — пробормотал он, зарывшись лицом в мои волосы. — Я был просто идиотом! Если какая-нибудь крыса покусает меня, так мне и надо!

Я тут же забыла о том, что нас окружает (и все остальное тоже), обвила руками его шею и начала целовать его, сначала туда, куда попадала — в шею, ухо, висок, — а потом в губы. Он прижал меня к себе сильнее, чтобы через три секунды отстранить.

— На это действительно нет времени, Гвендолин, — сказал он, сердясь, и потянул меня за руку дальше.

Я вздохнула. Несколько раз. И очень глубоко. Но Гидеон молчал. Через два коридора, когда он остановился и достал карту, я не выдержала и спросила:

— Это потому, что я так смешно целуюсь, да?

— Что? — Гидеон недоуменно смотрел на меня поверх карты.

— Это просто катастрофа, как я целуюсь, правда? — Я старалась не дать прорваться истеричному тону в своем голосе, но мне это не совсем удалось. — Я до сих пор… я имею в виду, чтобы это уметь, нужно время и опыт. Из фильмов не всё можно узнать, понимаешь? И мне обидно, когда ты меня отталкиваешь.

Гидеон опустил карту и свет от его фонарика опустился на землю.

— Гвенни, послушай…

— Да, я знаю, мы очень спешим, — перебила я его. — Но я должна выговориться. Всё было бы лучше, чем оттолкнуть или… вызвать такси. Я очень хорошо умею принимать критику. Во всяком случае, если ее правильно красиво формулируют.

— Иногда ты действительно… — Гидеон покачал головой, потом набрал воздуха и серьезно сказал: — Когда ты, Гвендолин Шеферд, меня целуешь, то у меня возникает чувство, что земля исчезла под ногами. Я не имею понятия, как ты это делаешь и где ты этому научилась. Если из

какого-то фильма, то мы обязательно должны посмотреть его вместе. — Он на мгновение замолчал. — Что я хочу на самом деле сказать: когда ты меня целуешь, я не хочу ничего другого, как прикасаться к тебе и чувствовать, как смешиваются наши дыхания. Черт возьми, я так ужасно влюблен в тебя, что у меня такое чувство, как будто внутри меня разлили канистру с бензином и подожгли! Но в настоящий момент мы не можем… мы должны сохранять ясность ума. Хотя бы один из нас. — Брошенный на меня взгляд развеял последние сомнения. — Гвенни, все происходящее очень пугает меня. Без тебя моя жизнь потеряет смысл, без тебя… я захочу умереть на месте, если с тобой что-нибудь случится.

Я хотела улыбнуться ему, но у меня в горле возник огромный комок.

— Гидеон, я… — начала я, но он не дал мне продолжить.

— Я не хочу, чтобы… ты не должна чувствовать то же самое, Гвенни. Потому что граф может использовать наши чувства против нас. И сделает это.

— Но для этого уже слишком поздно, — прошептала я. — Я люблю тебя. И без тебя не захочу жить.

Гидеон выглядел так, как будто в следующий миг расплачется. Он схватил меня за руку и чуть не раздавил ее.

— Тогда нам остается лишь надеяться, что граф никогда, никогда, никогда об этом не узнает.

— И что нам в голову придет гениальный план, — сказала я. — А сейчас, будь добр, не копайся здесь. У нас мало времени!

— Четверть часа и ни минуты больше, — сказал Гидеон.

Он присел перед хронографом, стоящим на пледе для пикника, который мы расстелили на лужайке посредине Гайд-Парка, недалеко от галереи «Серпентайн», так, чтобы видны были озеро и мост. Хотя день обещал быть таким же чудесным весенним днем, как вчерашний, было еще очень холодно, а трава была мокрой от росы. Бегуны трусцой и хозяева собак шли мимо нас и некоторые с любопытством поглядывали в сторону нашего небольшого отряда.

— Но четверть часа слишком мало! — сказала я, пристегивая каркас со смешными накладками по бокам, который должен был удерживать мое платье, чтобы оно не волочилось по земле. Этот предмет был причиной того, что я сегодня утром вместо рюкзака должна была взять огромную сумку. — А если он опоздает? — Или вообще не придет. В глубине души я боялась этого больше всего. — В восемнадцатом веке наверняка не было точных часов.

— Тогда ему не повезло, — прорычал Гидеон. — Это вообще безумная идея. Именно сегодня!

— Тут он, в виде исключения, прав, — сказал Ксемериус лениво. Он запрыгнул в сумку, положил голову на лапы и от всей души зевнул. — Разбудите меня, когда вернетесь. Сегодня утром я совершенно определенно встал слишком рано. — Через минуту из сумки послышался храп.

Лесли осторожно натянула на меня платье через голову. Это было голубое платье в цветочек, в котором я была при первой встрече с графом и которое с тех пор висело у меня в шкафу.

— Для этого дела с Джеймсом нашлось бы время и позже. Для него это всегда будет тот же день и то же время, неважно, когда ты соберешься его навестить. — Она стала застегивать мелкие крючки у меня на спине.

— То же самое можно сказать об истории с письмом, передаче которого надо было помешать, — возразила я. — Это тоже не должно было произойти сегодня. Гидеон, например, мог бы во вторник или в августе следующего года стукнуть себя по голове, результат был бы тем же. Если отвлечься от того факта, что леди Тилни взяла на себя эту проблему.

— У меня начинает кружиться голова, когда вы начинаете так рассуждать, — пожаловался Рафаэль.

— Я просто хотел бы знать, что этот вопрос решен, перед тем как встретиться следующий раз с Люси и Полом, — сказал Гидеон. — Неужели это так сложно понять?

— А я хочу, чтобы был решен вопрос с Джеймсом, — сказала я и добавила драматическим тоном: — Если с нами что-нибудь случится, то мы спасем хотя бы одну жизнь!

— И вы хотите на глазах у всех этих людей исчезнуть и снова появиться? — спросил Рафаэль. — Не думаете ли вы, что завтра все газеты и телевидение захотят взять у вас интервью?

Лесли покачала головой.

— Да ерунда! — сказала она уверенно. — Мы достаточно далеко от дорожек, и вас не будет очень недолго. Единственными, кто заметит, будут собаки.

Храп Ксемериуса изменил тон.

— Но помните, что для обратного прыжка вы должны оказаться точно на том же месте, куда вы приземлитесь, — продолжила Лесли. — Отметьте место этой симпатичной туфлей. — Она сунула мне в руку одну из туфель Рафаэля и улыбнулась. — Как здорово! Давай будем каждый день это делать, пожалуйста!

— Я не хочу, — сказал Рафаэль, посмотрел на свои ноги в носках,

уныло пошевелил пальцами и уставился вдаль. — У меня нервы натянуты до предела. Раньше, в метро, я был уверен, что кто-то нас преследует. Было бы логично, если бы Хранители поручили кому-нибудь следить за нами. И если кто-то явится, чтобы отобрать у нас хронограф, я даже не смогу его нормально пнуть, потому что у меня на ногах только носки!

— Он слегка параноик, — шепнула мне Лесли.

— Я это услышал, — сказал Рафаэль. — И это неправда, я только… осторожный.

— А я не могу поверить, что делаю это, — сказал Гидеон и надел рюкзак Лесли, в котором был спрятан набор для прививки. — Это нарушает все двенадцать Золотых правил одновременно. Давай, Гвенни, ты первая.

Я стала на колени перед хронографом и улыбнулась Гидеону. Он отказался надеть на себя зеленый костюм, хотя я пыталась его убедить в том, что в обычной одежде он напугает Джеймса. Или еще хуже — он не примет нас всерьез.

— Спасибо, что ты делаешь это для меня, — сказала я все же и вложила палец в отверстие под рубином.

— Ладно уж, — проворчал Гидеон, а потом его лицо исчезло.

Когда я снова могла видеть, то обнаружила себя стоящей на коленях в мокрой опавшей листве среди огромного количества каштанов. Я быстро встала и положила туфлю Рафаэля на то место, где приземлилась. Шел проливной дождь, в парке никого не было. Только белка взлетела на верхушку дерева и рассматривала нас с любопытством. Гидеон приземлился рядом со мной и огляделся.

— Ну что ж, — сказал он и вытер мокрое лицо. — Оптимальная погода для выезда на лошадях и прививок, можно сказать.

— Давай спрячемся в этих кустах и там будем ждать, — предложила я.

На этот раз, для разнообразия, я взяла Гидеона за руку и потащила вперед. Он заупрямился.

— Но только десять минут, — строго сказал он. — И если он за это время не появится, мы возвращаемся к рафаэлевой туфле.

— Да-да, — ответила я.

Действительно, в это время уже существовал мостик через узкую часть озера, даже если внешне он выглядел иначе, чем знакомый мне. Мимо прогромыхала карета. А с другой стороны быстрым темпом приближался одинокий всадник. На чалом коне!

— Вон он! — закричала я и изо всех стала махать ему. — Джеймс! Я здесь!

— А можно еще более заметно? — спросил Гидеон.

Джеймс был в пальто с несколькими пелеринами и какой-то треуголке, с полей которой капала вода. Он остановил коня в нескольких метрах от нас и рассмотрел меня, начиная с намокших волос и до подола платья, потом перевел взгляд на Гидеона и также подверг осмотру.

— Вы торговцы лошадьми? — спросил он недоверчиво, пока Гидеон рылся в рюкзаке Лесли.

— Нет, он врач! — объяснила я. — Ну или почти уже врач. — Я увидела, что взгляд Джеймса остановился на надписи на рюкзаке. *Hello Kitty must die*.[50] — Ах, Джеймс, я так рада, что ты пришел, — затараторила я. — В такую погоду, и вообще — я не слишком внятно выразилась вчера на балу. Дело в том, что я хочу защитить тебя от одной болезни, которой ты заразишься в следующем году и от которой ты, к сожалению, умрешь. Оспа — или, как ты называешь, черная оспа. Я забыла, как зовут типа, от которого ты заразишься, но это неважно. Хорошая новость — у нас есть кое-что, что спасет тебя от болезни. — Я улыбалась ему во весь рот. — Тебе только нужно спешиться и завернуть рукав, чтобы мы могли тебе это дать.

Глаза Джеймса во время моего монолога становились все больше и больше. Гектор (действительно шикарный чалый) нервно сделал шаг назад.

— Неслыханно, — сказал Джеймс. — Вы вызываете меня в парк, чтобы всучить мне сомнительный медикамент и еще более сомнительную историю? А ваш сопровождающий похож на бандита и грабителя с большой дороги! — Он отбросил полу пальто, чтобы мы увидели его шпагу, болтавшуюся сбоку. — Предупреждаю вас! Я вооружен и смогу себя защитить!

Гидеон вздохнул.

— Ах, Джеймс, прекрати уже! — Я подошла ближе и взяла Гектора под уздцы. — Я хочу помочь тебе, но у меня, к сожалению, мало времени. Так что, пожалуйста, сойди с коня и сними пальто.

— Я абсолютно точно не стану этого делать, — сказал Джеймс возмущенно. — Наше общение на этом закончено. С дороги, странная девочка! Я надеюсь, это была наша последняя встреча. Но!

Он действительно размахнулся, чтобы ударить меня хлыстом. Но не успел, потому что Гидеон схватил его и стащил с коня.

— У нас нет времени на эти игрушки, — прорычал он и заломил Джеймсу руки за спину.

— Помогите! — пискнул Джеймс, пытаясь вывернуться. — Бродяги! Разбойники!

— Джеймс, это все для твоей же пользы, — заверила я его, но он кидал на меня взоры, как будто я была дьяволом во плоти. — Ты не знаешь, но… мы друзья, там, откуда я пришла. Очень хорошие друзья даже!

— На помощь! Сумасшедшие! Разбой! — кричал Джеймс и отчаянно смотрел на Гектора. Но чалому, похоже, не хотелось играть роль Черного Красавца.[51] Вместо того чтобы героически броситься на нас, он опустил голову и стал мирно щипать траву.

— Я не сумасшедшая, — пыталась я объяснить Джеймсу. — Я…

— Замолчи и забери у него шпагу, Гвенни-бродяжка, — нетерпеливо перебил меня Гидеон. — И дай мне ланцет и ампулу из рюкзака.

Вздохнув, я сделала все, что он сказал. Он был прав — нельзя было ожидать, что Джеймс нас поймет.

— Так, — рычал Гидеон, открывая ампулу зубами. — Она перережет вам глотку, если в следующие две минуты вы хотя бы пошевелитесь, ясно? И попробуйте только позвать еще раз на помощь!

Я направила острие шпаги на горло Джеймса.

— Э-э-эм, правда, Джеймс, я представляла себе всё иначе, поверь мне! Если бы я решала, то с удовольствием позволила бы тебе навсегда остаться призраком в моей школе, я буду скучать по тебе! Если я все рассчитала правильно, то сегодня у нас последняя встреча.

У меня к глазам подступили слезы. Джеймс выглядел так, как будто вот-вот потеряет сознание.

— Если вам нужны деньги, возьмите мой кошелек, но сохраните мне жизнь! Пожалуйста, — прошептал он.

— Да-да, хорошо, — сказал Гидеон.

Он отвернул высокий ворот пальто и приставил ланцет прямо к горлу. Когда Джеймс почувствовал царапину на горле, он тихонько заскулил.

— Разве это делается обычно не на предплечье? — спросила я.

— Обычно я никому не выкручиваю руки при этом, — сказал Гидеон ворчливо, и Джеймс заскулил во второй раз.

— Получилось довольно глупое прощание, — сказала я и не смогла сдержать всхлип. — Я бы хотела обнять тебя, вместо того чтобы держать шпагу у горла! Ты всегда был моим лучшим другом в школе, сразу после Лесли. — Первая слеза скатилась у меня по щеке. — И без тебя я бы никогда не постигал разницу между Вашей светлостью, Вашим сиятельством и Вашим высочеством и…

— Готово, — сказал Гидеон и отпустил Джеймса, который, шатаясь, сделал пару шагов назад и схватился за горло. — Вообще-то нужно было бы заклеить пластырем, но и без него сойдет! Проследите, чтобы туда не

попала грязь. — Гидеон вынул шпагу из моих рук. — Вы сейчас сядете на своего коня и ускачете отсюда, ни разу не обернувшись, понятно?

Джеймс кивнул. В его глазах еще был страх, как будто он не мог поверить, что все уже кончилось.

— До свидания, — всхлипнула я. — До свидания, Джеймс Аугуст Перегрин Пимплботтом! Ты был самым лучшим призраком, которого я когда-либо знала!

С подгибающимися ногами и тяжело дыша Джеймс забрался на коня.

— Шпага лежит под каштаном, если вы захотите ее вернуть, — сказал еще Гидеон, но Джеймс уже пришпорил бедного Гектора.

Я смотрела им вслед, пока они окончательно не исчезли за деревьями.

— Довольна? — спросил Гидеон, собирая наши вещи.

Я вытерла щеки от слез и улыбнулась ему.

— Спасибо! Круто иметь друга, изучающего медицину.

Гидеон ухмыльнулся.

— Но я клянусь, что это была моя последняя прививка от оспы! Пациенты так неблагодарны.

~~~

Те, кого любят, не могут умереть, ибо любовь означает бессмертие.

Эмили Дикинсон.
~~~

Глава пятнадцатая

— Больше газа, старик! — кричал Ксемериус. — Пора уже дать последний бой злодею!

Он сидел у меня на коленях, а я сидела на месте пассажира в «Mini» Гидеона, который пытался пробиться сквозь послеобеденное движение на Стрэнде.

— Заткнись, — прошипела я Ксемериусу. — Как по мне, граф может набраться терпения на целую вечность.

— Что ты сказала? — Гидеон вопросительно глянул в мою сторону.

— Ах, ничего. — Я смотрела из окна. — Скажи, Гидеон, ты действительно веришь, что будет достаточно того, что мы придумали?

Мое утреннее приподнятое настроение улетучилось и уступило место ногтегрызущему беспокойству, которое заставляло меня дрожать всем телом. Гидеон пожал плечами.

— В любом случае наш план лучше, чем — как ты это назвала? — план действия в общих чертах.

— Это не я его так назвала, а Лесли, — поправила я его.

Несколько минут мы были погружены в мысли. Наша встреча с Люси и Полом все еще сидела у нас в костях, в буквальном смысле слова. То, что прыжки во времени могут требовать так много сил, мне стало понятным, когда мы при обратном прыжке оказались прямо посередине репетиции церковного хора и должны были убегать, преследуемые группой семидесятилетних орущих сопранисток. Но зато мы сейчас готовы к встрече с графом Сен-Жерменом. Решающая идея пришла в голову Люси, и эта идея была причиной упомянутому ногтегрызущему беспокойству.

— Мальчик! Веди себя за рулем прилично! — заорал Ксемериус и закрыл глаза лапами. — Светофор был уже темно-красного цвета!

Гидеон добавил газа и подрезал такси, у которого было преимущество на дороге, и повернул направо в сторону штаб-квартиры Хранителей. Вскоре взвизгнули тормоза, и мы остановились на парковке. Гидеон повернулся ко мне и положил руки мне на плечи.

— Гвендолин, — начал он серьезно. — Что бы ни случилось…

Продолжить он не успел. С моей стороны кто-то распахнул дверь машины. Я уже хотела обернуться и высказать всё, что думаю, идиоту мистеру Марли, но это был мистер Джордж, который нервно гладил себя по блестящей лысине.

— Гидеон, Гвендолин, наконец-то! — сказал он с упреком. — Вы опоздали на целый час.

— Чем позднее вечер, тем красивее гости, — гаркнул Ксемериус и спрыгнул с моих колен.

Я бросила Гидеону последний взгляд, вздохнула и вышла из машины.

— Идемте, дети, — торопил нас мистер Джордж и взял меня за руку. — Всё уже готово.

«Всё» было мечтой из кремового цвета вышивки и кружев, комбинированных с бархатом и парчой холодного золотого тона для меня и разноцветного расшитого камзола для Гидеона.

— Это что, *обезьяны?* — Гидеон смотрел на одежду, как будто она была облита синильной кислотой.

— Если быть точными, капуцины. — Мадам Россини просияла и заверила Гидеона, что экзотические вышивки в виде животных в 1782 году были последним писком моды.

Она собиралась рассказать подробно, сколько времени ей пришлось потратить, чтобы создать на основе оригинальных образцов файл вышивки для своей швейной машинки, но вмешался мистер Джордж, ждавший за дверью и не отрывающий взгляд от золотых часов. Я понятия не имела, почему вдруг такая спешка. В конечном итоге, для графа было безразлично, который сейчас у нас час.

— Вы элапсируете сегодня в архиве, — объявил мистер Джордж и пошел вперед.

До сих пор мы не видели ни Фалька, ни других Хранителей, скорее всего, они сидели в Зале Дракона и обновляли клятву Хранителей, или поднимали тост за Золотые правила, или занимались тем, чем Хранители обычно занимаются. Только миссис Дженкинс с толстой папкой куда-то спешила и помахала нам. (И сегодня было воскресенье!)

— Мистер Джордж, какие на сегодня распоряжения? — спросил Гидеон. — Есть какие-то подробности, которые нам следует знать?

— Ну, для графа Сен-Жермена с момента бала прошло столько же времени, как и для вас, то есть, два дня, — охотно объяснил мистер Джордж. — Его письменные указания и для нас несколько запутанны. Согласно им твое пребывание, Гидеон, должно продлиться всего пятнадцать минут, тогда как Гвендолин должна провести с графом три с половиной часа. Мы предполагаем, что ты получишь другие задания, для выполнения которых понадобится твой запас времени, потому что он отдельно подчеркнул, что до визита к нему вы не должны элапсировать. — Он немного помолчал и посмотрел через окно на Церковь Темпла, которая

отсюда была хорошо видна. — Мы ничего не поняли из намеков, но… очевидно граф уверен, что мы находимся накануне замыкания Круга крови. Он написал, что мы должны быть наготове.

— Ой-ой! — сказал Ксемериус.

Ой-ой, подумала и я и бросила короткий взгляд на Гидеона. Можно было предположить, что граф предусмотрел, что назначенная на вчера операция Сапфир и Черный турмалин будет провалена. И что у него с самого начала был другой план. Возможно, гениальнее нашего. Мое ногтегрызущее беспокойство перешло в страх. От мысли о том, что я буду с графом один на один, мои руки покрылись гусиной кожей. Гидеон будто прочитал мои мысли. Он остановился и притянул меня к себе, не обращая внимания на мистера Джорджа.

— Все будет хорошо, — прошептал он мне на ухо. — Не забудь, что тебе он не может ничего сделать. До тех пор, пока он этого не знает, ты в безопасности.

Я вцепилась в него крепко, как обезьянка-капуцин.

Мистер Джордж откашлялся.

— Я, кстати, очень рад, что вы помирились, — сказал он. Лукавая улыбка промелькнула на его лице. — Но нам все равно нужно идти.

— Присматривай за ней, ты, дурачина! — успела я услышать рык Ксемериуса и тут же оказалась в 1782 году.

Первое, что я увидела после приземления, было лицо Ракоци, всего в полуметре от меня. Я тихонько вскрикнула и отскочила в сторону, но и Ракоци испуганно отшатнулся. Раздался смех, и хотя он был приятным и мелодичным, волосы на затылке у меня встали дыбом.

— Я же сказал, что тебе лучше отойти в сторону, Миро.

Гидеон приземлился рядом, и я медленно обернулась. Там стоял он, граф Сен-Жермен, в простом темно-сером бархатном камзоле и, как всегда, в белом парике. Он опирался на трость и на какой-то момент показался мне немощным и старым, очень старым. Но тут он выпрямился, и в свете свечей я увидела, как его губы скривились в насмешливую улыбку.

— Добро пожаловать, мои дорогие. Я очень рад, видеть вас в добром здравии. И что довольные речи Аластера о смерти Гидеона оказались обыкновенной фантазией умирающего.

Он подошел на шаг ближе и посмотрел на меня с ожиданием. Понадобилась секунда, чтобы я сообразила, что он, наверное, ждет от меня реверанса. Я присела в глубоком книксене. Когда я поднялась, граф уже общался с Гидеоном.

— Мы не можем сегодня тратить время на формальности. Сообщение от твоего Великого мастера? — спросил он, и Гидеон передал ему запечатанный конверт, который мистер Джордж дал нам с собой.

Пока граф ломал печать и читал, я коротко огляделась в комнате. В ней стояли письменный стол и несколько стульев и кресел. Открытые шкафы были забиты книгами, свитками и стопками, а над камином, как и в наше время, висела картина. Но это был не портрет графа Сен-Жермена, а приятный натюрморт с книгами, пергаментом, гусиным пером и чернильницей.

Ракоци, не дожидаясь приглашения, уселся на стул и положил ноги в сапогах на письменный стол. Обнаженную шпагу он держал в руках, как игрушку, с которой не хочется расставаться. Взгляд его жутких лишенных блеска глаз скользнул по мне, и он презрительно скривил рот. Если он даже помнит о нашей последней встрече, то совершенно очевидно, что он и не собирается извиняться за свое поведение.

Граф закончил чтение, посмотрел на меня испытующе и кивнул.

— *Рубин, одаренный Ворона магией, Замкнет в соль-мажоре Круг двенадцати.* Как тебе удалось избежать шпаги разъяренного лорда Аластера? Неужели он себе только все внушил?

— Он действительно ранил Гвендолин, — сказал Гидеон, и я удивилась, как спокойно и дружелюбно звучал его голос. — Но это была легкая царапина, ей действительно повезло.

— Мне очень жаль, что вы оказались в той ситуации, — сказал граф. — Я обещал, что вы не пострадаете, и, как правило, я держу свое слово. Но мой друг Ракоци в тот вечер был несколько забывчив, что касалось его обязанностей, не так ли, Миро? В связи с чем я лишь повторю, что иногда полагаешься на других слишком сильно. Если бы прелестная леди Лавиния не пришла ко мне, Первый секретарь мог бы очнуться и исчезнуть без следа… а лорд Аластер истек бы кровью в одиночестве.

— Прелестная леди Лавиния сначала нас предала, — вырвалось у меня. — Она…

Граф поднял руку.

— Я все знаю, дитя. У Алеотта была возможность признаться во всех своих грехах. — Ракоци хрипло засмеялся. — И у Аластера было что нам рассказать, даже если под конец он говорил не слишком внятно, не так ли, Миро? — Граф неприятно улыбнулся. — Но мы можем поговорить об этом позже, сегодня у нас очень мало времени. — Он показал письмо. — Сейчас, когда выяснилось истинное происхождение Гвендолин, должно быть совсем не сложно уговорить ее родителей дать немного крови. Я надеюсь,

вы в точности исполнили мои распоряжения?

Гидеон кивнул. Его лицо было бледным и напряженным, он избегал смотреть в мою сторону. При этом все пока шло так, как мы предполагали.

— Операция Черный Турмалин и Сапфир будет проведена сегодня. Если настенные часы идут правильно, через несколько минут я прыгну обратно в 2011 году. Там все подготовлено для встречи с Люси и Полом.

— Совершенно верно, — сказал граф довольно, достал из кармана конверт и передал его Гидеону. — Здесь я объяснил свой план в общих чертах. Никто из моих Хранителей в будущем не должен допустить даже мысли о том, чтобы тебе помешать.

Он подошел к камину и какое-то время смотрел на огонь в раздумье. Потом повернулся. Его глаза над орлиным носом сверкали. Вся комната казалась наполненной его присутствием. Он поднял руки.

— Еще сегодня сбудутся все предсказания. Сегодня человечеству станет доступным доселе еще не виданного воздействия лекарство, — воскликнул он.

Он сделал небольшую паузу и посмотрел на нас, в ожидании аплодисментов. Я коротко подумала, не стоил ли выкрикнуть восторженное «Вау! Круто!», но оценила свой актерский талант в данным момент не слишком высоко. Гидеон тоже смотрел на него молча. А Ракоци был настолько наглым, что позволил себе именно в этот момент отрыжку. Граф рассержено прищелкнул языком.

— Ну что ж, — сказал он медленно. — Я бы сказал, что всё уже произнесено. — Он подошел ко мне и положил руку на плечо. Я должна была собрать все свои силы, чтобы не стряхнуть ее, как тарантула. — Мы вдвоем, милое дитя, найдем чем заняться в это время, не так ли? — произнес он масляным голосом. — Ты наверняка понимаешь, что должна составить мне компанию немного дольше, чем Гидеон.

Я кивнула и задалась вопросом, не собирается ли граф откорректировать свое представление о женщинах. Если он предполагает, что я всё понимаю, значит, я не могу быть такой уж дурочкой, или? Но он уже продолжал самовлюбленно:

— В конце концов, Гидеон должен убедительно объяснить Черному Турмалину и его Сапфиру, что их дочь умрет, если они ему тут же не дадут свою кровь. — Он тихо засмеялся и повернулся к Гидеону. — Ты можешь спокойно приукрасить ситуацию, рассказав, что Ракоци любит кровь девственниц, и о транссильванском ритуале вырывать сердце у живого человека, но я уверен, что этого не понадобится. Насколько я могу оценить этих безрассудных юнцов, они тут же дадут тебе кровь.

Ракоци издал лающий смех, и граф присоединился к нему:

— Людьми так легко манипулировать, не так ли?

— Но вы же на самом деле не сделаете ничего Гвендолин? — сказал Гидеон и на миг его взгляд вспыхнул. На меня он так и не смотрел.

Граф усмехнулся.

— Как ты можешь такое подумать, мой мальчик? Никто и пальцем к ней не притронется. Она всего лишь на время побудет моей заложницей. А именно — до того момента, как ты вернешься из 1912 года в 2011 год с кровью. — Он повысил голос. — И эти святые залы содрогнутся, когда братство соберется и Круг крови в хронографе будет замкнут. — Он вздохнул. — Ах, я бы хотел присутствовать в этот магический миг. Ты должен будешь мне все подробно рассказать!

Да-да-да. Бла-бла-бла. Я заметила, что непроизвольно сжала зубы, мои челюсти уже болели. Граф между тем подошел к Гидеону так близко, что их кончики носов почти соприкоснулись. Гидеон и глазом не моргнул. Граф поднял указательный палец.

— Твоя задача состоит в том, чтобы незамедлительно принести мне Эликсир, который вы найдете под Созвездием двенадцати. — Он взял Гидеона за плечи и посмотрел ему в глаза. — *Незамедлительно*.

Гидеон кивнул.

— Я только не понимаю, почему вы хотите, чтобы я принес Эликсир в этот год, — сказал он. — Разве в нашем времени нельзя принести пользу человечеству?

— Очень умный философский вопрос, — ответил граф с улыбкой и отпустил его. — И я рад, что ты его задал. Но сейчас на такие разговоры нет времени. Я с удовольствием разъясню тебе мои непростые планы, когда задача будет решена. Но до того момента, ты просто должен мне доверять!

Я чуть не рассмеялась вслух. Но только чуть. Я попыталась поймать взгляд Гидеона, но, хотя я была уверена, что он это заметил, он упорно смотрел мимо меня, на часы, чьи стрелки немилосердно двигались вперед.

— Еще один момент: в распоряжении Люси и Пола есть хронограф, — сказал Гидеон. — Они могут попробовать прыгнуть к вам, сегодня или раньше… и помешать всему, включая передачу Эликсира.

— Ну, такие вещи о законах континуитета ты уже должен знать, чтобы понять, что им до теперешнего момента не удалось помешать моим планам, иначе мы бы не находились здесь, не так ли? — Граф улыбнулся. — А для предстоящих часов, пока Эликсир не окажется в моем распоряжении, я, разумеется, предпринял особые меры предосторожности. Ракоци и его люди убьют каждого, кто без разрешения к нам приблизится.

Гидеон кивнул и положил руку на живот.

— Начинается, — сказал он, и наконец-то наши взгляды встретились. — Я скоро вернусь с Эликсиром.

— Я уверен, что ты отлично справишься с этим заданием, мой мальчик, — сказал граф радостно. — Счастливого пути. Гвендолин и я проведем время ожидания за бокалом красного вина.

Я поймала взглядом взгляд Гидеона и попыталась вложить в него всю свою любовь. И тут Гидеон исчез. Я была готова расплакаться, но только еще крепче стиснула зубы и заставила себя думать о Люси.

В салоне леди Тилни за бутербродами и чаем мы много раз проходили план от начала до конца. Я знала, что мы можем победить графа только его же оружием, если хотим избавиться от него раз и навсегда. И все казалось довольно простым, во всяком случае, если Люси была права. Она просто произнесла вслух свою идею, и мы сначала отмахнулись, но потом Гидеон кивнул первым.

— Да, — сказал он. — Может быть, ты права.

Он снова носился по комнате, как тигр в клетке.

— Предположим, мы сделаем то, что хочет граф, и дадим Гидеону нашу кровь, — продолжила Люси. — Тогда он сумеет замкнуть Круг второго хронографа и передать Эликсир графу, который станет бессмертным.

— И именно его бессмертие является причиной, почему мы долгие годы пытаемся этому помешать, не так ли? — сказал Пол.

Люси подняла руку.

— Минуточку. Давай додумаем до конца.

Я кивнула. Хотя я не знала, к чему она ведет, но где-то на задворках моего сознания возник маленький вопросительный знак, перерастающий в восклицательный.

— Граф будет бессмертным до момента моего рождения.

— Правильно, — сказал Гидеон. Он остановился. — Что означает не что иное, как то, что он, полный жизни, гуляет по мировой истории. Включая наши дни.

Пол сдвинул брови.

— Вы имеете в виду…

Люси кивнула.

— Мы имеем в виду, что граф наблюдает за всей этой драмой в прямом эфире и цвете. — Она сделала небольшую паузу. — И я предполагаю, что он занял место в первом ряду.

— Внутренний круг, — предположила я.

Остальные кивнули.

— Внутренний круг. Граф — один из Хранителей.

Я посмотрела графу прямо в лицо. *Кем он был?*

Часы над камином громко тикали. До моего обратного прыжка было бесконечно далеко.

Граф показал мне жестом сесть на одно из кресел, налил в два бокала темно-красное вино и передал мне один из них. Потом сел в кресло напротив и поднял бокал.

— За наше благополучие, Гвендолин! Сегодня ровно две недели, как мы познакомились, ну, во всяком случае, если смотреть с моей точки зрения. К сожалению, мое первое впечатление о тебе не было самым лучшим. Но за это время мы подружились, не так ли?

О, конечно! Я пригубила вино и сказала:

— При первой встрече вы едва меня не задушили. — Я сделала еще глоток. — Тогда я думала, что вы можете читать мысли, — вырвалось вдруг у меня. — Но, видимо, я ошиблась.

Граф самодовольно рассмеялся.

— Вообще-то я в состоянии уловить основное направление мысли. Но мои способности не имеют отношения к колдовству. Я уже рассказывал о своих путешествиях по Азии и как я там перенял мудрость и умения тибетских монахов.

Да, все верно. Но я и в прошлый раз не очень прислушивалась. Мне и сейчас было трудно прислушаться к его словам. Внезапно они стали звучать искаженно, иногда растянуто, иногда так, как будто он их пел.

— Какого черта… — пробормотала я. Перед моими глазами возникла розовая пелена, которая не расходилась, сколько бы я ни моргала.

Граф прервал свой рассказ.

— У тебя кружится голова, не так ли? А сейчас пересохло во рту, правильно?

Да! Откуда он это знал? И почему его голос вдруг стал жестяным? Я уставилась на него сквозь странную розовую пелену.

— Не бойся, моя маленькая, — сказал он. — Сейчас это пройдет, Ракоци обещал, что тебе не будет больно. Ты просто заснешь, прежде чем начнутся судороги. И — если повезет — не проснешься, пока все не закончится.

Я услышала смех Ракоци. Он звучал, как звуки, которые запускают на пленке в аттракционе ужасов.

— Почему…

Я попыталась что-то сказать, но мои губы вдруг онемели.

— Не думай, что это личное, — сказал холодно граф. — Но для осуществления моих планов я, к сожалению, должен тебя убить. Так предусмотрено провидением.

Я хотела держать глаза открытыми, но мне не удалось. Подбородок упал на грудь, голова скатилась набок и глаза закрылись. Меня поглотила темнота.

Может быть, в этот раз я действительно умерла, мелькнуло у меня в голове, когда я снова пришла в себя. Но вообще-то я представляла ангелов не в виде маленьких голых мальчиков, у которых помимо толстых животов есть только идиотская улыбка, как у этих экземпляров с арфами в руках. Которые, вообще-то, были лишь нарисованы на потолке. Я опять закрыла глаза. Мое горло так пересохло, что я не могла глотать. Я лежала на чем-то твердом и чувствовала себя бесконечно усталой, как будто я никогда больше не смогу шевельнуться. Где-то за правым ухом я услышала жужжание. Это была мелодия похоронного марша из «Гибели богов», любимой оперы леди Аристы. Я не могла узнать голос, так фривольно интерпретировавший музыкальную тему. И посмотреть, кому он принадлежал, я тоже не могла, потому что была не в состоянии открыть глаза.

— Джейк, Джейк, — сказал голос. — Я не думал, что именно ты разоблачишь меня. Но сейчас тебе не поможет вся твоя медицинская латынь. — Голос тихо засмеялся. — Потому что, когда ты проснешься, я буду уже очень далеко. В Бразилии в это время года очень хорошо, должен тебе сказать. Я жил там с 1940 года. Аргентина и Чили тоже могут предложить много приятного. — Голос снова сделал паузу, чтобы просвистеть пару тактов из вагнеровской темы. — Меня всегда тянет в Южную Америку. Кстати, в Бразилии самые лучшие пластические хирурги во всем мире. Они освободили меня от нависших век, крючковатого носа и выступающего подбородка. В связи с чем я, к счастью, совершенно не похож на собственный портрет.

В моих онемевших руках и ногах появилось покалывание. Но я сдерживалась. Я решила, что получу преимущество, если не буду двигаться.

Голос рассмеялся.

— Но даже если кто-нибудь и узнал бы меня здесь, в ложе, — продолжил он, — я уверен, что ни у кого не хватило бы ума, чтобы сделать

правильные выводы. За исключением назойливого Лукаса Монтроуза. Еще чуть-чуть и он бы меня разоблачил… Ах, Джейк, даже ты не сообразил, что он умер не от инфаркта, а от коварных методов мистера Марли-старшего. Вы, люди, видите только то, что хотите видеть.

— Ты плохой, ужасный дядя, — пискнул кто-то позади меня голосом, полным страха. Маленький Роберт! — Ты сделал больно моему папе!

Я почувствовала холодное дуновение.

— А что ты сделал с Гвендолин?

Да, что? Хороший вопрос. И почему я не слышу Гидеона?

Откуда-то послышалось лязганье и щелчок чемоданных защелок.

— Всегда готов к делу Хранителей! Спасти человечество от всех болезней, кино да и только! — Презрительное фырканье. — Как будто человечество этого заслуживает! В любом случае, Гвендолин ты уже помочь не сумеешь.

Голос двигался по комнате, и мне постепенно становилось ясным, с кем я имею дело, даже если я не могла поверить. — Она мертва, как лабораторная крыса, которым ты обычно делаешь вскрытие. — Голос тихо засмеялся. — Что, между прочим, является сравнением, а не метафорой.

Я открыла глаза и подняла голову.

— Но можно использовать и в качестве символа, мистер Уитмен, или нет? — спросила я и тут же пожалела, что раскрыла себя.

Гидеона нигде не было видно! Только доктор Уайт лежал недалеко от меня на полу, он был без сознания, его лицо было серым, как костюм на нем. Расстроенный маленький Роберт сидел возле его головы.

— Гвендолин.

Как бы то ни было, нужно признать, что мистер Уитмен не заорал от ужаса. И вообще никак не проявил свои чувства. Он просто стоял под портретом графа Сен-Жермена, держа руку на ручке чемодана на колесиках с сумкой для ноутбука, и смотрел на меня. На нем было элегантное серое пальто с шелковым шарфом, он поднял на волосы солнцезащитные очки, как будто он был Брэд Питт в отпуске на пляже. Он ни капли не был похож на графа на портрете.

Я постаралась сесть с максимальным достоинством (пышное платье несколько усложняло задачу) и заметила, что лежала на письменном столе. Мистер Уитмен прищелкнул языком, посмотрел на часы и выпустил из рук чемодан.

— Надо же, как досадно! — сказал он.

Я не смогла сдержать ухмылки.

— Не так ли? — спросила я.

Он подошел ближе, и в руке у него появился пистолет, который он достал из кармана пальто.

— Как такое могло произойти? Ракоци сварил напиток недостаточно крепким?

Я покачала головой. Мистер Уитмен нахмурил лоб и направил дуло пистолета на мою грудь. Я хотела засмеяться, но только испуганно засопела.

— Вы хотите еще раз попробовать? — все же удалось мне произнести, и я попыталась смело взглянуть ему в глаза. — Или вы наконец сообразите, что вы не можете мне ничего сделать?

Ха! Наш план сработал и как сработал! Если бы еще наконец-то появился Гидеон, я бы себя чувствовала намного лучше.

Мистер Уитмен погладил свой бритый подбородок и внимательно посмотрел на меня. Потом спрятал пистолет.

— Нет, — сказал он мягким голосом учителя-наставника, и я внезапно узнала в нем что-то от старого графа. — Это наверняка не имеет смысла. — Он опять прищелкнул языком. — Тут у меня какая-то ошибка в рассуждениях. Магия Ворона… Как несправедливо, что тебе бессмертие дано с рождения! Именно тебе. Но в этом есть логика — в тебе объединяются обе линии…

Доктор Уайт тихонько застонал. Я посмотрела на него, но его лицо все еще было пепельным. Маленький Роберт вскочил.

— Будь осторожна, Гвендолин, — сказал он испуганно. — Злой дядька точно задумал что-то плохое!

Я тоже так думала. Но что?

— *Звезда от печали, тоски и страданья сама свою гибель найдет*, — процитировал мистер Уитмен тихо. — Почему я сразу не понял? Ну что ж, еще не поздно.

Он подошел ко мне ближе на пару шагов, достал серебряный футляр из кармана и положил рядом со мной.

— Это нюхательный табак? — спросила я удивленно.

Постепенно мне казалось что, касательно нашего плана, дело дрянь.

— Конечно, ты в очередной раз плохо соображаешь, — сказал граф Сен-Жермен *formerly known as*[52] мистер Уитмен и вздохнул. — В этой маленькой дозе три капсулы с цианистым калием, и я мог бы тебе объяснить, почему я ношу ее с собой, но мой самолет улетает через два с половиной часа, поэтому время немного поджимает. При других обстоятельствах ты могла бы броситься под поезд метро или спрыгнуть с высотного дома. Но, по сути, цианистый калий — самое гуманное

средство. Ты просто берешь капсулу и раздавливаешь ее зубами. Действие наступает тут же. Открой футляр!

Мое сердце потяжелело.

— Вы хотите, чтобы я… чтобы я покончила с собой?

— Совершенно верно. — Он ласково погладил пистолет. — Потому что иначе тебя не убить. И чтобы… ну скажем так — поддержать твое отношение к происходящему, я застрелю твоего друга Гидеона, как только он здесь появится. — Он посмотрел на часы. — Это должно произойти приблизительно через пять минут. Поэтому если хочешь спасти его жизнь, ты должна сейчас принять капсулу. Но ты можешь подождать, пока он свалится мертвым на пол. Мой опыт говорит, что это очень сильная мотивация, вспомни Ромео и Джульетту…

— Ты злой! — закричал маленький Роберт и заплакал.

Я попыталась ему ободряюще улыбнуться, но у меня ничего не получилось. Больше всего мне хотелось сесть рядом с ним и тоже расплакаться.

— Мистер Уитмен… — начала я.

— О, я предпочитаю графский титул, — сказал он радостно.

— Пожалуйста… вы не должны…

Мой голос сорвался.

— Почему же ты не понимаешь, глупое дитя? — Он вздохнул. — Я ждал этого дня с нетерпением. Я хочу наконец-то вернуться к своей настоящей жизни. Учитель в школе Сент-Леннокс! Из всех занятий, которым я себя посвятил за последние 230 лет, это было самым паршивым. Столетия я держал руку на пульсе власти. Я мог бы обедать с президентами, с нефтяными магнатами, с королями. Пусть даже сегодня они уже не те, что были когда-то. Но нет, я должен был преподавать глупым детишкам, да еще в собственной ложе пройти путь от послушника до члена Внутреннего круга. Все годы после твоего рождения были ужасны для меня. Не потому, что мое тело снова начало стареть и постепенно появлялись признаки дряхления, — на этом месте он самовлюбленно улыбнулся, — а только потому, что я был таким *уязвимым*. Столетия я жил без страха. Я ходил по полю боя под градом пушечных ядер, подвергал себя любому риску, всегда будучи уверенным, что со мной ничего не случится. А теперь? Любой вирус может прикончить меня, любой чертов автобус может меня задавить, любой кирпич может свалиться мне на голову!

В этот момент я услышала шум, и через стену на сумасшедшей скорости пролетел Ксемериус. Он приземлился рядом на письменном столе.

— Где эти проклятые Хранители? — закричала я, обращаясь к нему, не обращая внимания на графа, который все слышал. Но оказалось, он решил, что я спрашиваю у него.

— Они не могут сейчас помочь тебе, — сказал он.

— Он, к сожалению, прав. — Ксемериус возбужденно размахивал крыльями. — Эти идиоты замкнули вместе с Гидеоном Круг крови. Потом этот мистер Модник взял придурка Марли заложником и заставил всех уйти в комнату с хронографом. Теперь они там заперты, сидят и причитают во весь голос.

Граф покачал головой.

— Нет, это была для меня не жизнь. И это должно прекратиться. Что может предложить такая маленькая девочка, как ты, миру? А у меня много планов! Великих планов…

— Отвлеки его, — крикнул Ксемериус. — Просто отвлеки его, как угодно.

— А как вы все это время элапсировали? — быстро спросила я. — Неконтролируемые прыжки должны быть очень неприятны.

Он засмеялся.

— Элапсировать? Пф-ф-ф. Время моей естественной жизни истекло. С того момента, когда я должен был умереть, утомительные прыжки во времени прекратились.

— А мой дедушка? Вы его тоже убили? И украли его дневники?

У меня тут же глаза налились слезами. Бедный дедушка. Ему не хватило совсем немного, чтобы раскрыть заговор. Граф кивнул.

— Мы должны были успокоить умника Лукаса Монтроуза. Это задание взял на себя Марли-старший. Потомки барона Ракоци верно служили мне на протяжение веков, только последний в этом ряду разочаровал меня. — Он снова посмотрел на часы, а потом с ожиданием на кресла напротив. — В любой момент это может уже произойти, Джульетта. Очевидно, тебе придется увидеть своего Ромео в луже крови. — Он снял пистолет с предохранителя. — Очень жаль. Мне нравился этот парень. У него был хороший потенциал!

— Прошу вас, — прошептала я последний раз, но в этот момент Гидеон приземлился перед дверью, слегка согнувшись. У него даже не было времени разогнуться, мистер Уитмен выстрелил в тот же миг. И еще раз. И еще. Не останавливаясь, пока магазин не опустел.

Выстрелы оглушительно разносились по комнате, пули попадали в грудь Гидеону и в живот. Взгляд его широко распахнутых зеленых глаз блуждал по комнате, пока он не нашел меня. Я выкрикнула его имя. Как

при замедленной съемке он съехал по двери, оставляя широкий кровавый след. Странно изогнувшись, он остался лежать на полу.

— Гидеон! Нет! — Я с криком кинулась к нему и обняла безжизненное тело.

— Божемойбожемойбожемой! — кричал Ксемериус, изо рта которого лилась вода. — Пожалуйста, скажи, что это часть вашего плана. Во всяком случае, бронежилета на нем нет. Боже мой! Столько крови!

Он был прав. Кровь Гидеона была везде, и подол моего платья пропитался ею, как губка. Маленький Роберт, дрожа, забился в угол и закрыл лицо руками.

— Что вы сделали? — прошептала я.

— То, что должен был сделать! И что ты, очевидно, не захотела предотвратить! — Мистер Уитмен положил пистолет на письменный стол и протянул мне футляр с капсулами цианистого калия. Его лицо слегка покраснело, он дышал быстрее чем обычно. — Но сейчас ты не должна колебаться. Ты хочешь жить дальше с таким чувством вины? Хочешь ли ты вообще жить без него дальше?

— Не делай этого! — закричал Ксемериус на меня и выплеснул воду на лицо доктора Уайта.

Я медленно покачала головой.

— Тогда будь добра и не испытывай больше мое терпение! — сказал мистер Уитмен, и я впервые услышала, что его голос ему не подчинился. Сейчас он звучал не мягко и не иронично, а почти истерично. — Потому что если ты меня заставишь ждать дольше, я предоставлю тебе еще больше причин покончить с жизнью! Я убью всех, одного за другим: твою маму, твою докучливую подружку Лесли, твоего брата, твои миленькую младшую сестру… поверь мне! Я никого не пощажу!

Дрожащими руками я взяла протянутый футляр. Боковым зрением я заметила, что доктор Уайт с большим трудом подтягивается, держась за письменный стол. Он был насквозь мокрый. К счастью, мистер Уитмен смотрел только на меня.

— Вот и хорошо, — сказал он. — Я, может, еще успею на самолет. В Бразилии я…

Но он не успел рассказать, что он собирается делать в Бразилии, потому что доктор Уайт ударил его рукояткой пистолета по голове. Раздался ужасный тупой звук, и мистер Уитмен свалился на пол, как срубленный дуб.

— Да! — закричал Ксемериус. — Так ему и надо! Покажи негодяю, что в старом докторе еще полно сил.

Но для доктора Уайта эти усилия оказались слишком сильными. С ужасом глядя на кровь, он с легким вздохом снова потерял сознание и остался лежать рядом с мистером Уитменом.

И таким образом, только Ксемериус, маленький Роберт и я стали свидетелями того, как Гидеон внезапно закашлялся и сел. Его лицо все еще было мертвенно-бледным, но глаза были полны живого блеска. Медленно на его лице показалась улыбка.

— Все кончено? — спросил он.

— Елки-палки! — сказал потрясенный Ксемериус внезапно очень тихо. — Как он это сделал?

— Да, Гидеон, все кончено! — Я кинулась к нему, не обращая внимания на его раны. — Это был мистер Уитмен, и я не могу поверить, что мы его не разгадали.

— Мистер Уитмен?

Я кивнула и еще теснее прижалась к нему.

— Я так боялась, что ты мог этого не сделать. Потому что мистер Уитмен все правильно сказал: без тебя я не хочу жить. Ни одного дня!

— Я люблю тебя, Гвенни. — Гидеон так стиснул меня, что я не могла дышать. — И, конечно, я это сделал. Под надзором Пола и Люси мне ничего больше не оставалось. Они растворили субстанцию в стакане воды и заставили меня выпить всё, до последней капли.

— Теперь я всё понял! — заорал Ксемериус. — Так вот какой у вас был гениальный план! Гидеон схрумкал Камень Мудрости и тоже стал бессмертным. Неплохо, неплохо. Особенно, если подумать, что иначе Гвендолин когда-нибудь почувствовала бы себя очень одиноко.

Маленький Роберт убрал от лица руки и смотрел на нас огромными глазами.

— Все будет хорошо, золотко, — сказала я ему.

Как жаль, что нет психотерапевтов для травмированных призраков — это ниша на рынке, о которой стоит поразмыслить.

— Твой папа выздоровеет. И он у тебя — герой.

— С кем ты разговариваешь?

— С одним очень смелым другом, — сказала я и улыбнулась Роберту. Он нерешительно улыбнулся в ответ.

— О! Мне кажется, он приходит в себя, — сказал Ксемериус.

Гидеон отпустил меня, встал и посмотрел на мистера Уитмена сверху вниз.

— Мне надо будет его связать, — сказал он со вздохом. — И надо перевязать рану мистеру Уайту.

— Да, а потом надо освободить остальных из комнаты с хронографом, — сказала я. — Но сначала мы должны хорошо подумать, что мы им скажем.

— Но перед этим я обязательно должен тебя поцеловать, — сказал Гидеон и обнял меня.

Ксемериус застонал.

— О, не может быть! У вас с этого момента впереди целая вечность для этого!

В понедельник в школе все было как обычно. Ну… почти всё.

Синтия несмотря на весеннюю температуру явилась с толстым шарфом, завязанным узлом на шее, и пересекла школьный двор, не глядя по сторонам. Гордон шел за ней следом.

— Ах, Синтия, ну хватит! — ворчал он. — Ну извини! Но ты же не можешь вечно злиться на меня. Кроме того, я не был единственным, кто захотел немного… э-э-э… расшевелить твою вечеринку. Я точно видел, что твой друг из «Мэдисон Гарденер» тоже вылил бутылку водки в крюшон. И Сара потом призналась, что ее зеленое фруктовое желе на девяносто процентов состояло из крыжовниковой настойки ее бабушки.

— Уйди, — сказала Синтия, пытаясь при этом изо всех сил игнорировать группку хихикающих восьмиклассников, которые показывали на нее пальцами. — Ты… ты выставил меня на посмешище всей школе! Я никогда тебе этого не прощу!

— А я, дурак, пропустил такую вечеринку! — сказал Ксемериус. Он сидел на бюсте Шекспира, который после «небольшого прискорбного несчастного случая» (как выразился директор Гиллс, после того как отец Гордона сделал щедрое пожертвование для ремонта спортивного зала, до этого он говорил о злонамеренном разрушении ценного культурного наследия) лишился кусочка носа.

— Син, но это же глупо! — пискнул Гордон. У него, наверное, никогда не закончится ломка голоса. — Никому не интересно, что ты с этим четырнадцатилеткой зажималась, а засосы через неделю исчезнут, и в принципе это очень… ай! — Ладонь Синтии с громким хлопком приземлилась на щеку Гордона. — Больно!

— Бедная Синтия, — прошептала я. — Если она еще сейчас узнает, что боготворимый ею мистер Уитмен уволился, она этого не переживет.

— Да, без Бельчонка будет странно. Может даже случиться такое, что теперь английский и история нам понравятся. — Лесли взяла меня под руку и потянула в сторону лестницы. — Но будем справедливы. Я его всегда

терпеть не могла — здоровый инстинкт, можно сказать, но его уроки были очень даже не плохи.

— Ничего удивительного — он же везде побывал вживую.

Ксемериус летел за нами. По дороге наверх я загрустила.

— Дьявол — это белка,[53] — сказала Лесли. — Теперь мы хотя бы знаем, откуда пошло это выражение. Я желаю ему сгнить в подвалах Хранителей. О, сейчас Синтия, рыдая, бежит прятаться в туалет. — Она засмеялась. — Кто-нибудь должен рассказать Синтии о Шарлотте, могу поспорить, она сразу почувствует себя лучше. Кстати, где твоя кузина? — Лесли обернулась, ища ее взглядом.

— У онколога! — объяснила я. — Мы осторожно попытались намекнуть тете Гленде, что для тошноты, зеленого цвета лица, плохого настроения и ужасной головной боли у Шарлотты могут быть другие объяснения, но феномен *похмелье*, очевидно, не знаком моей тете, тем более у непогрешимой дочери. Она твердо убеждена, что у Шарлотты лейкемия. Или опухоль мозга. Сегодня утром она не хотела верить в чудесное исцеление, несмотря на то что бабушка Мэдди тихонько подсунула брошюру о проблемах подростков с алкоголем.

Лесли хихикнула.

— Я знаю, это гадко, но немножко злорадства можно себе разрешить, не портя себе карму, или? Совсем чуть-чуть. И только сегодня. С завтрашнего дня мы будем очень милы с Шарлоттой, да? Может быть, мы сумеем свести ее с моим кузеном…

— Да, если хочешь попасть в ад, можешь продолжать.

Я вытянула шею, чтобы через головы посмотреть на нишу Джеймса. Она была пуста. И хотя я не ожидала ничего другого, что-то меня кольнуло внутри. Лесли сжала мне руку.

— Его там нет, правда?

Я покачала головой.

— Ну, значит, твой план сработал. Гидеон когда-нибудь станет очень хорошим врачом, — сказал Лесли.

— Я надеюсь, ты не станешь рыдать из-за этого дурака-сноба? — Ксемериус кувыркнулся у меня над головой. — Только благодаря тебе он получил долгую полноценную жизнь, в которой он несомненно доведет до безумия кучу народа.

— Да, я знаю, — сказала я и украдкой вытерла нос.

Лесли протянула мне носовой платок. Потом она увидела Рафаэля и помахала ему.

— И у тебя же есть я. На всю твою оставшуюся бессмертную

жизнь. — Ксемериус мазнул меня подобием поцелуя. — Я намного круче. И опаснее. И полезнее. И я буду с тобой, даже когда твой бессмертный друг через двести-триста лет решит иначе и начнет улыбаться другой. Я самый верный, красивый и умный спутник, которого только можно пожелать.

— Да, я знаю, — сказала я опять, проходя мимо Рафаэля и Лесли и наблюдая, как они приветствуют друг друга — тремя обязательными поцелуями в щеку, которые Рафаэль выдал за типично французские. Им постоянно удавалось стукаться головами.

Ксемериус нахально улыбнулся.

— Но если ты чувствуешь себя одиноко, то что ты скажешь по поводу идеи завести кошку?

— Может быть, позже, — сказала я. — Когда я буду жить уже не дома и если ты себя будешь хорошо ве… — Я запнулась. Прямо передо мной, из стены классной комнаты миссис Каунтер материализовалась темная фигура. Над потрепанной бархатной накидкой вытягивалась тощая шея, а сверху на меня смотрели черным, наполненные ненавистью глаза виконта ди Мадрона — Дарта Вейдера.

Он тут же начал браниться.

— Вот где я нашел вас, демон с сапфировыми глазами! Без отдыха я исколесил столетия в поиске вас и вам подобных, ибо я поклялся уничтожить вас, а каждый Мадрон никогда не нарушает клятву.

— Твой друг? — спросил Ксемериус, в то время как я от ужаса замерла на месте.

— А-а-агрррр! — прорычал призрак, вытащил меч из-за пояса и стал приближаться. — Ваша кровь пропитает землю, демон! Мечи Флорентийского Альянса пронзят вас…

Он размахнулся для удара, который должен был отрубить мне руку, если бы это не был призрачный меч. Но я все равно вздрогнула.

— Эй-эй-эй, дружок, не надо устраивать тут никому стресс, — сказал Ксемериус и приземлился перед моими ногами. — Ты, видно, не имеешь ни малейшего понятия о демонах. Она — человек, пусть даже очень своеобразный, и твой дурацкий призрачный меч не может ей ничего сделать. Если хочешь убить демона, можешь испытать свою удачу со мной.

Дарт Вейдер на какое-то мгновение был сбит с толку. Но потом засопел решительно:

— Я никогда не уйду от дьявольского отродья, пока не исполню свою задачу. Я прокляну каждый сделанный ею вдох.

Я вздохнула. Какой ужас! Я уже видела Дарта Вейдера, шатающегося всю мою оставшуюся жизнь вблизи от меня и изрыгающего кровожадные

проклятия. Я завалю все экзамены, потому что он будет беспрестанно сопеть мне на ухо, он испортит мой выпускной вечер, и мою свадьбу, и… Похоже, Ксемериус подумал о том же. Он доверчиво посмотрел на меня снизу вверх.

— Можно я его сожру?

Я улыбнулась.

— Как я могу отказать, если ты так мило спрашиваешь?

~~~

Выдержка из Лондонской общественной газеты

Журнал леди Денбэри

24 апреля 1785 года

Лорд и леди Пимплботтом объявили на этой неделе о помолвке их старшего сына Джеймса Пимплботтома с мисс Амелией, младшей дочерью виконта Маунтбэттона, что никого не удивило, поскольку наблюдатели уже несколько месяцев назад сообщали о сердечной связи этих двоих, по слухам, не так давно их видели на балу у Клэриджей (мы писали), когда они сидели в саду и держались за руки.

Джеймс Пимплботтом, который не только своей привлекательной внешностью и безукоризненными манерами приятно выделяется из, к сожалению, слишком немногочисленной группы состоятельных джентльменов в брачном возрасте, кроме того является прекрасным наездником и фехтовальщиком, тогда как его будущая супруга отличается изысканным вкусом в одежде и похвальным стремлением к благотворительности.

Свадьба состоится в июле в загородной резиденции Пимплботтомов.
~~~

Эпилог

14 января 1919 года

— Очень симпатично, дорогая. Эти мягкие оттенки выглядят элегантно и тем не менее очень уютно. Имело смысл заказать ткань для портьер в Италии, не правда ли?

Леди Тилни полностью обошла салон и все обследовала. Теперь она подошла к широкому камину и поправила фотографии, выставленные на нем в серебряных рамах. Люси втайне опасалась, что она может провести указательным пальцем в перчатке по карнизу и упрекнуть ее в том, что она недостаточно строга со служанкой. Что определенно было правдой.

— Да, должна сказать, вся обстановка сделана в хорошем стиле, — продолжила леди Тилни. — Салон — это визитная карточка дома. И здесь сразу видно: у хозяйки дома есть вкус.

Пол обменялся с Люси веселым взглядом и одарил леди Тилни своим медвежьим объятием.

— Ах, Маргрет, — сказал он, улыбаясь. — Только не делай вид, что это дело рук Люси. Ты же сама выбрала каждую лампу и каждую подушку. Не говоря уже о том, как ты обошлась с обивщиком мебели. И мы даже не можем отблагодарить тебя, помогая при сборке полок из Икеи.

Леди Тилни наморщила лоб.

— О, прости, небольшой промах.

Пол наклонился и положил еще одно полено в горящий огонь.

— Только эта ужасная перекошенная картина уничтожает все впечатление от моей композиции. — Леди Тилни показала на картину, висящую на противоположной стене. — Не могли бы вы хотя перевесить ее в другую комнату?..

— Маргрет, это подлинный Модильяни, — сказал Пол терпеливо. — Через сто лет он будет стоить целое состояние. Люси полчаса визжала, когда обнаружила его в Париже.

— Неправда. Максимум минуту, — возразила Люси. — Будущее наших детей и внуков зато полностью обеспечено. Этой картиной и Шагалом, картина которого висит в коридоре.

— Как будто вам это нужно, — сказал леди Тилни. — Твоя книга наверняка станет бестселлером, Пол, и я знаю, что «Secret Service» вам очень прилично платит. Что вполне заслуженно, если представить, что вы

для них делаете. — Она покачала головой. — Хотя я не могу одобрить, что Люси занимается этой опасной профессией. Я жду не дождусь, чтобы она стала более домашней. Что, слава богу, скоро осуществится.

— Я, в свою очередь, жду не дождусь, когда изобретут центральное отопление. — Люси, явно озябшая, упала в кресло возле камина. — Не говоря уже о других вещах. — Она посмотрела на каминные часы. — Они прибудут через десять минут, — сказала она, нервничая. — Луиза может начинать накрывать к чаю. — Она посмотрела на Пола. — Как ты думаешь, как среагирует Гвендолин, когда узнает, что у нее будет брат или сестра? Мне кажется, это должно быть странное чувство. — Она погладила себя по слегка выпуклому животу. — Когда у нашего ребенка появятся дети, они уже состарятся до того, как Гвендолин появится на свет. И может быть, она станет ревновать. В конце концов, мы ее оставили младенцем, и если она сейчас увидит…

— Она наверняка обрадуется, — перебил Пол ее поток речи. Он положил ей руку на плечо и нежно поцеловал в щеку. — Гвендолин так же великодушна и добра, как ты. И как Грейс. — От прочистил горло, чтобы скрыть растроганность, охватившую его. — Я уже ничего не боюсь с того момента, как Гведолин и этот юный негодяй сообщили, что я когда-то стану *дедушкой*, — сказал он чуть погодя. — Я надеюсь, они не будут спешить с этим еще пару лет.

— Извините! — В комнату вошла служанка. — Я забыла! Я должна накрывать здесь или в столовой, миссис Бернхард?

Прежде чем Люси успела что-то ответить, леди Тилни возмущенно втянула в себя воздух.

— Во-первых, вы должны стучаться, — сказала она строго. — Во-вторых, вы должны подождать, пока вам скажут «Войдите». В-третьих, вы не должны появляться на глаза хозяев с растрепанными волосами. И в-четвертых, нужно говорить не мистер и миссис Бернхард, а *мэм* и *сэр*.

— Да, мэм, — сказала испуганная служанка. — Тогда я пойду за пирогом.

Люси со вздохом посмотрела ей вслед.

— Мне кажется, я никогда не привыкну к этому имени.

Благодарности

Да, я знаю, я задержалась с благодарностями, слишком задержалась. Но сейчас уделю этому все необходимое время. Так много людей удержали меня в последние месяцы от прыжка с моста, что невозможно перечислить их поодиночке.

Моя особая благодарность:

— Кристиане Дюринг, которая родила эту книгу вместе со мной, испытав те же боли (и недостаток сна), что и я. Лучшую акушерку для книги *абсолюмон* нельзя найти. Спасибо, что в этот раз при написании книги я не чувствовала себя одинокой;

— Петре Херманнс, моей скале в прибое;

— Еве Фёллер, моей второй скале в прибое;

— Даниэле Керн, которая заслужила орден за распространение хорошего настроения;

— Лина и Мелисса с сайта www.die-edelstein-trilogie.blogspot.com, которые ведут этот блог с шармом, юмором и стилем, так что я бы даже позавидовала, если бы речь шла не о моих книгах;

— Леони, которая сняла с моих плеч большой груз работ;

— Леони, Лотта и особенно Хайди за креативный мозговой штурм, в первую очередь по поводу чертовой сцены бала;

— Харальду, который лишил меня иллюзий по поводу бурлящей крови при ранениях шпагой и подробно объяснил, где проходит аорта и как Гвендолин теряет последние искры жизни;

— моей маме, на которую мы всегда могли рассчитывать;

— и, конечно, Франку. За всё;

— самой лучшей Мони Кремер из книжного магазина «Кремер» в Харене;

— непревзойденным Клаудии, Сильвии и Диане Форрайер; Косси, Камелин, Юлиане, Тине, Ричи, Энрике и всем остальным друзьям; прекрасным коллегам; очаровательным «книжным» блоггерам, дорогим книгочеям с сайта http://www.buechereule.de; и совершенно чужим людям —

СПАСИБО!

За многочисленные «не-прыгай-с-моста»-мэйлы и поддерживающие слова, открытки и письма — они всегда приходили в самый нужный момент.

Я никогда в жизни не получала еще так много подарков — начиная с собственноручно изготовленных книжных подушечек,[54] чашек с надписями, поднимающими настроение, инспирирующих меня книг, музыки, шоколада, творожных пирогов и шампанского до замечательных рисунков — открывая каждый пакет я была растрогана до слез. И шампанское сразу выпивала.

В заключение я хочу поблагодарить всех девочек (и Ника) за то, что они так долго ждали «Изумрудную книгу». Ваши восторги, интерес, нетерпение и любовь к Гвендолин и Гидеону — выше всяких похвал. Мне очень жаль, что Гидеон так и не получил пощечину, хотя я вам обещала, но когда наступил подходящий момент, Гвендолин так и не смогла переступить через себя, а я не сумела ее заставить.

Список главных действующих лиц

Указаны родственные связи, которые не полностью соответствуют действительности

В настоящее время:

В доме Монтроуз:

Гвендолин Шеферд, путешественница во времени, Рубин в Кругу Двенадцати.

Грейс Шеферд, мама Гвендолин.

Ник и Каролина Шеферд, младшие брат и сестра Гвендолин.

Шарлотта Монтроуз, кузина Гвендолин.

Гленда Монтроуз, мама Шарлотты, старшая сестра Грейс.

Леди Ариста Монтроуз, бабушка Гвендолин и Шарлотты, мама Грейс и Гленды.

Маделайн (Мэдди) Монтроуз, двоюродная бабушка Гвендолин, сестра умершего лорда Монтроуза.

Мистер Бернхард, дворецкий у Монтроузов.

Ксемериус, демон-горгулья.

В школе Сент-Леннокс:

Лесли Хей, лучшая подруга Гвендолин.

Джеймс Август Перегрин Пимплботтом, школьное привидение.

Синтия Дейл, одноклассница.

Гордон Гельдерман, одноклассник.

Мистер Уитмен, учитель английского языка и истории.

Директор Гиллс, директор школы.

В штаб-квартире Хранителей в Темпле:

Гидеон де Вилльер, умеет путешествовать во времени, как Гвендолин.

Фальк де Вилльер, его двоюродный дядя, Главный Магистр ложи графа Сен-Жермена, так называемой ложи хранителей.

Мистер Марли, адепт первого уровня.

Томас Джордж, член Внутреннего Круга ложи.

Доктор Джейк Уайт, врач и член Внутреннего Круга ложи.
Маленький Роберт, его умерший сын.
Мадам Россини, портниха Хранителей.
Миссис Дженкинс, секретарь.

В прошлом:

Граф Сен-Жермен, путешественник во времени, основатель ложи Хранителей, Изумруд в Круге Двенадцати.

Миро Ракоци, его брат по духу и друг, также известный как Черный Леопард.

Лорд Аластер, потомок виконта ди Мадроне, представитель Флорентийского Альянса.

Сэр Альберт Алеотт, Первый секретарь Хранителей.

Лукас Монтроуз, дедушка Гвендолин.

Лорд Бромптон, знакомый и меценат графа.

Леди Лавиния, вдова с сомнительными представлениями о морали.

Маргарет Тилни, путешественница во времени, прапрабабушка Гвендолин, бабушка леди Аристы, Нефрит в Круге Двенадцати.

Мистер Миллхауз, ее дворецкий.

Доктор Харрисон, ее личный врач, член Внутреннего круга ложи Хранителей.

Пол де Виллер, путешественник во времени, младший брат Фалька де Виллера, Черный Турмалин в Кругу Двенадцати.

Люси Монтроуз, путешественница во времени, дочь старшего брата Грейс и Гленды Гарри, Сапфир в Кругу Двенадцати.

---

notes

Примечания

1

Надежда — птичка малая.
На жердочке души,
Ее простые песенки.
Без слов, но хороши.

Эмили Дикинсон (пер. Елены Брюс)

2

Самый известный универмаг Лондона.

3

Праэлемент, существовавший во время формирования элементов.

4

Литературный перевод С. Андерсон.

5

«Полицейским часом» называется время, когда пабы прекращают продавать спиртные напитки и закрываются.

6

Стрэнд (*англ.* Strand) центральная улица Лондона, которая соединяет районы Вестминстер (центр политической жизни) и Сити (центр деловой активности). Начинается на Трафальгарской площади и ведёт на восток параллельно течению Темзы в сторону Флит-стрит. С южной стороны на улицу выходят многие аристократические резиденции, южные окна которых до постройки в XIX веке набережной смотрели прямо на Темзу.

7

В оригинале — игра слов.

Backfisch — *устар.* «девочка-подросток» и одновременно название рыбы, зажаренной в панировочных сухарях. Вообще, так называют мелкую рыбешку, которую рыбаки выбрасывали обратно в море (за корму, бакборт, по-немецки Back), чтобы она еще подросла.

8

Прециозы — от фр. *précieux* — прециозный, первоначально — драгоценный, от лат. *pretiosus*, а затем также изысканный, жеманный.

9

Якобиты (англ. *Jacobites*) — приверженцы изгнанного в 1688 «Славной революцией» английского короля Якова II и его потомков, сторонники восстановления на английском престоле дома Стюартов.

10

Карл Эдуард Стюарт (31 декабря 1720 — 31 января 1788), известный также как *Красавчик принц Чарли* (англ. *Bonnie Prince Charlie*) или *Молодой Претендент* (англ. *The Young Pretender*), — предпоследний представитель дома Стюартов и якобитский претендент на английский и шотландский престолы как Карл III в 1766–1788. Предводитель восстания против дома Ганноверов (воспринимаемого народом как восстание против власти англичан) в Шотландии.

11

Голый землекоп — небольшой роющий грызун семейства землекоповых. Волосяной покров у него почти отсутствует. Кожа голая и морщинистая, розовая или желтоватая.

12

Питер Кролик (англ. *Peter Rabbit*) — вымышленный персонаж, появляющийся в ряде сказок английской детской писательницы Беатрис Поттер.

13

Речь идет о стихотворении Райнера Марии Рильке «Песня карлика».

14

Корректор, маскирующее средство для скрытия мелких недостатков кожи лица.

15

Персонажи книг из серии о Питере Кролике (см. прим. 10).

16

Лланвайрпуллгвингиллгогерыхверндробулллантысилйогогог***о***х — неофициальное название деревни *Лланвайр Пуллгвингилл* в Уэльсе. Оно переводится с валлийского языка как «Церковь святой Марии в ложбине белого орешника возле бурного водоворота и церкви святого Тисилио возле красной пещеры».

17

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник.

18

Типи (на языке сиу — *thípi*, обозначает любое жилище) — повсеместно принятое название для традиционного переносного жилища кочевых индейцев Великих равнин с очагом, расположенным внутри (в центре).

19

Не правда ли? (*фр.*)

20

Как бы это сказать? (*фр.*)

21

Конечно! (*фр.*)

22

Городские легенды (*англ.*).

23

Абсолютная мечта (*фр.*).

24

Шикарно! (*фр.*)

25

Кристобаль Баленсиага — испанский модельер, блиставший в период 40-х — 60-х годов 20-го века.

26

Разбойник Хотценплотц — герой детских книг Отфрида Пройслера, немецкого писателя.

27

Так называемый «дымчатый макияж» — особый способ подкрашивать глаза.

28

В моде (*фр.*).

29

Прекрасно! (*фр.*)

30

Oystercard — проездная карта для оплаты проезда в общественном транспорте Лондона.

31

Дуэйн Энтони Чемберс — британский спринтер.

32

Перевод М. Зенкевича.

33

Лекарство или яд — зависит от дозировки. (Парацельсиус)

34

Идиоматическое выражение *Bad Hair Day* подразумевает ситуацию, когда волосы ни за что не хотят укладываться в прическу.

35

Знаменитая пекарня-кондитерская в Лондоне.

36

Игра слов: на немецком языке фильм называется «Сыграй мне мелодию смерти».

37

Песня американской панк-рок-группы *Green Day.* Идиоматическое выражение, близкое по смыслу к «Женщины любят плохих ребят».

38

Высокая мода (*фр.*).

39

Прости, дорогая (*фр.*).

40

Черт побери! (*фр.*)

41

Точно! (*фр.*)

42

Хорошо (*фр.*).

43

Намек на рингтон, звучавший раньше на мобильном Гидеона: *Nice guy finish last.*

44

Диснеевский полнометражный компьютерный фильм, шедший в России под названием «Феи».

45

В оригинале в этом месте игра слов: «безумно» перекликается с «бессмертно».

46

Хаус (англ. *House — дом*) — стиль и движение в электронной музыке, созданные танцевальными диск-джокеями в начале 1980-х годов в Чикаго и Детройте.

47

Дабстеп (англ. *dubstep*) — музыкальный жанр, возникший в начале 2000-х годов в южном Лондоне. По звучанию дабстеп характеризуется темпом порядка 140 ударов в минуту, доминирующим низкочастотным басом и разреженным брейкбитом на заднем плане.

48

Слоган многих мебельных магазинов и стиля жизни.

49

Дерьмо! (*фр.*)

50

Hello Kitty (персонаж японской поп-культуры, используется как маскот для детских товаров) должна умереть (*англ.*).

51

«Чёрный Красавец» (англ. *Black Beauty*), также «Вороной Красавчик», — дебютный фильм американского режиссёра Кэролайн Томпсон по одноимённому роману знаменитой английской романистки Анны Сьюэлл.

52

Ранее известный как (*англ.*). Намек на Принса, американского певца, использовавшего также множество псевдонимов, среди которых особенно известен не имеющий фонетического эквивалента символ, содержащий сокращение от *formerly known as.*

53

Идиома, означающая, что никогда нельзя быть уверенным в том, не появится ли неожиданно что-то злое из чего-то внешне безобидного.

54

Очень распространены в Германии. Выглядят так: